

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

15

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1947

В. И. ЛЕНИН

ТОМ
15

Март 1908—август 1909

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятнадцатый том содержит произведения, написанные В. И. Лениным в период с марта 1908 года по август 1909 года.

В том входят статьи и заметки Ленина, опубликованные в газетах «Пролетарий» и «Социал-Демократ», документы Пятой (общероссийской) конференции РСДРП и совещания расширенной редакции «Пролетария».

В произведениях: «На прямую дорогу», «К оценке русской революции», «О «природе» русской революции», «Об оценке текущего момента», «На дорогу» — Ленин дает характеристику третьейиюньского государственного переворота, намечает задачи и разрабатывает тактику партии в период столыпинской реакции, разоблачает ликвидаторство меньшевиков.

Статьи «По поводу двух писем», «По поводу статьи «К очередным вопросам», «Карикатура на большевизм», «Ликвидация ликвидаторства» и документы совещания расширенной редакции «Пролетария» направлены против «ликвидаторства слева» — отзовизма, ультиматизма и богостроительства.

В произведениях: «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», «Аграрная программа социал-демократии в русской революции. Автореферат», «П. Маслов в истерике», «Несколько замечаний по поводу «Ответа» П. Маслова», «От редакции» и «Как Плеханов и К^о защищают ревизионизм» — Ленин отстаивает и развивает марксистскую теорию по аграрному вопросу.

В статьях «Горючий материал в мировой политике», «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская

тактика социал-демократии», «События на Балканах и в Персии», «Заседание Международного социалистического бюро» Ленин освещает важнейшие международные события и определяет тактику революционной социал-демократии в борьбе с милитаризмом.

В томе печатаются шесть документов, впервые включаемых в Сочинения В. И. Ленина. В статье «Мирная демонстрация английских и немецких рабочих» Ленин вскрыл захватнические стремления капиталистов, подготовку их к войне и показал нарастание революционного рабочего движения. Документы «Заявление большевиков» и «В Правление германской социал-демократической рабочей партии» посвящены борьбе большевиков против меньшевиков-ликвидаторов на Пятой (общероссийской) конференции РСДРП. Две речи на совещании расширенной редакции «Пролетария» и «Проект письма Большевицкого Центра Совету школы на Капри» направлены против отзовистов, ультиматистов и богостроителей.

НА ПРЯМУЮ ДОРОГУ¹

Разгон второй Думы и государственный переворот 3-го июня 1907 года² явились поворотным пунктом в истории нашей революции, началом некоторого особого периода или зигзага в ее развитии. Мы говорили уже не раз о значении этого зигзага с точки зрения общего соотношения классовых сил в России и задач незавершенной буржуазной революции. Мы хотим остановиться теперь на состоянии нашей партийной работы в связи с этим поворотом революции.

Больше полугода прошло со времени реакционного переворота 3-го июня, и несомненно, что первое полугодие после него характеризуется значительным упадком и ослаблением всех революционных организаций, в том числе и социал-демократической. Шатания, разброд и распад — такова общая характеристика этого полугодия. Иначе и не могло быть, конечно, ибо крайнее усиление реакции и временное торжество ее при заминке непосредственной классовой борьбы не может не сопровождаться кризисом революционных партий.

Теперь замечается совершенно уже явственно целый ряд признаков, свидетельствующих о прекращении этого кризиса, о том, что худшее уже пережито, что правильный путь уже намечился, что партия вступает снова на прямую дорогу — последовательного и выдержанного руководства революционной борьбой социалистического пролетариата.

Возьмите одно из очень характерных, далеко не самых глубоких, конечно, но пожалуй из самых видных внешних проявлений партийного кризиса. Это — бегство интеллигенции от партии. Вышедший в феврале текущего года первый номер Центрального Органа нашей партии³,

дающий очень много материала для оценки ее внутренней жизни и в большей части перепечатаваемый нами, характеризует это бегство чрезвычайно рельефно. «В последнее время *за отсутствием* интеллигентных работников окружная организация умерла», пишут в корреспонденции с Кулебацкого завода (Владимирская окружная организация Центрального промышленного района). «Наши идейные силы тают, как снег», пишут с Урала. «Элементы, избегающие вообще нелегальных организаций... и примкнувшие к партии лишь в момент подъема и существовавшей в это время во многих местах фактической свободы, покинули наши партийные организации». И статья Центр. Органа «К организационным вопросам» подводит итог этим (и другим непечатаемым) сообщениям, говоря: «Интеллигенты, как известно, дезертируют за последнее время массами».

Но освобождение партии от полупролетарской, помещанской интеллигенции начинает пробуждать к *новой жизни* накопленные за период героической борьбы пролетарских масс новые, *чисто пролетарские* силы. Та самая Кулебацкая организация, которая находилась, по приведенной нами сейчас выдержке из корреспонденции, в отчаянном состоянии, даже совсем «умерла», оказывается воскресшей. «Рабочие партийные гнезда, — читаем мы в ней, — рассеянные в изобилии по округе, в большинстве случаев без интеллигентных сил, без литературы, даже без всякой связи с партийными центрами, не желают умирать... Число организованных не уменьшается, а увеличивается... Интеллигентных сил нет, приходится вести пропагандистскую работу самим же рабочим, наиболее сознательным». Получается, как общий вывод, что «в целом ряде мест («С.-Д.» № 1, стр. 28) ввиду бегства интеллигенции ответственная работа переходит в руки передовых рабочих».

Эта перестройка партийных организаций на ином, так сказать классовом фундаменте, конечно, трудное дело, и не без колебаний суждено ему развиваться. Но — труден только первый шаг, и он уже сделан. На прямую дорогу руководства рабочих масс передовыми «интеллигентами» из самих же рабочих партия уже вступила.

Работа в профессиональных союзах и кооперативах, ва которую брались сначала ошупью, вполне оформли-

вается и отливаётся в устойчивые формы. Две резолюции Ц. К-та, о проф. союзах и о кооперативах, принятые *обе единогласно*, уже подсказаны растущей местной работой. Партийные ячейки во всех беспартийных организациях; руководство ими в духе боевых задач пролетариата, в духе революционной классовой борьбы; «от беспартийности к партийности» («С.-Д.» № 1, стр. 28), — вот тот путь, на который и здесь вступило уже рабочее движение. Корреспондент одной партийной организации в глухом провинциальном городке, Минске, сообщает: «более революционно настроенные рабочие от них (от коверкаемых администрацией легальных союзов) отстраняются и все более сочувствуют образованию нелегальных союзов».

В том же направлении, «от беспартийности к партийности», развивается работа в совершенно иной области, работа думской с.-д. фракции. Это звучит, конечно, странно, но это факт: сразу поставить на партийную высоту работу наших парламентских представителей мы не можем, — как не сразу заработали мы «по-партийному» и в кооперативах. Выбранные по избирательному закону, фальсифицирующему волю народа, — выбранные из круга сохранивших легальность социал-демократов, поредевшего необыкновенно сильно после преследований за обе первые Думы, — наши думские с.-д. *на деле* неизбежно являлись сначала скорее беспартийными социал-демократами, чем настоящими членами партии.

Это печально, но это факт, и едва ли может быть иначе в капиталистической стране, опутанной тысячами крепостнических нитей, при существовании открытой рабочей партии всего каких-нибудь два года. И на этом факте хотели построить свою тактику создания неревolutionной социал-демократии те не только беспартийные, но и «безголовые» социал-демократствующие интеллигенты, которые облепили думскую фракцию, как мухи тарелку с медом. Но как будто бы усилия этих почтенных бернштейншанцев проваливаются! Как будто бы начинает выпрямляться работа с.-д. и здесь. Не станем пророчествовать, не будем закрывать глаза на то, каких еще громадных трудов стоит сколько-нибудь сносная постановка парламентской с.-д. работы в наших условиях, — но отметим то, что в первом номере ЦО имеется партийная критика фракции и *прямая резолюция ЦК* о более правильном

направлении ее работ. Мы ни в каком случае не считаем данной в ЦО критики исчерпывающею все пробелы, мы думаем, например, что с.-д. не следовало голосовать ни за передачу в первую очередь земствам поступающих поземельных сборов, ни за *выкуп* по невысокой цене городской земли, арендуемой беднотой (см. стр. 36, № 1 ЦО). Но это уже все вопросы, сравнительно говоря, второго порядка. Основное и самое главное — то, что превращение фракции в действительно партийную организацию вполне намечилось уже во всей нашей работе и что, следовательно, партия этого достигнет, каких бы трудов это ни стоило, какими бы испытаниями, колебаниями, частными кризисами, личными столкновениями и т. п. путь этот ни оказался еще усеянным.

В ряду тех же признаков выпрямления настоящей социал-демократической, действительно-партийной работы стоит явственно выступающий факт усиления нелегального издательства. «Урал издает восемь газет, — читаем в ЦО — Крым — 2, Одесса — одну газету, в Екатеринославе скоро выходит газета; значительна издательская деятельность Петербурга, Кавказа и национальных организаций». Помимо двух заграничных с.-д. органов, выпущен в России, несмотря на выходящие из ряду вон полицейские препятствия, Центральный Орган. Готовится областной орган «Рабочее Знамя»⁴ в Центр.-промыш. районе.

Тот путь, на который твердою ногою вступает с.-д. партия, вырисовывается из всего сказанного выше вполне определено. Крепкая нелегальная организация партийных центров, систематическое нелегальное издательство, а главное: местные и в особенности заводские партийные ячейки, руководимые передовиками из самих рабочих, живущими в непосредственной связи с массой, — такова основа, на которой мы строили и построили непоколебимо-прочное ядро революционного и социал-демократического рабочего движения. И это нелегальное ядро будет несравненно шире, чем в прежние времена, простирать *свои* щупальцы, распространять *свое* влияние и через посредство Думы, и в проф. союзах, и в кооперативах, и в культурно-просветительных обществах.

На первый взгляд, есть замечательное сходство в этой системе партийной работы и той, которая установилась у немцев во времена исключительного закона (1878—

1890 г.)⁵. Тот путь, который германское рабочее движение прошло в тридцать лет после буржуазной революции (1848—1878), — русское рабочее движение проходит в три года (конец 1905-го года — 1908 г.). Но за этим внешним сходством скрывается глубокое внутреннее различие. Тридцатилетие, протекшее после буржуазно-демократической революции в Германии, вполне выполнило объективно-необходимые задачи *этой* революции. Она изжила себя и в конституционном парламенте начала 60-х годов, и в династических войнах, объединивших большую часть немецких стран, и в создании империи при помощи всеобщего избирательного права. В России не истекшие еще три года после первой великой победы и первого великого поражения буржуазно-демократической революции не только не выполнили ее задач, а, напротив, впервые внесли сознание этих задач в *широкие* массы пролетариата и крестьянства. Изжили себя за эти два с небольшим года конституционные иллюзии и вера в демократичность либеральных лакеев черносотенного царизма.

Кризис на основе неосуществленных объективных задач буржуазной революции в России неминуем. Чисто-экономические, специально-финансовые, внутренне-политические и внешние события, обстоятельства и перипетии могут сделать его острым. И партия пролетариата, — вступив на прямую дорогу создания крепкой нелегальной с.-д. организации, обладающей более многочисленными и более разнообразными орудиями легального и полуполигального влияния, чем прежде, — сумеет встретить этот кризис более подготовленной к решительной борьбе, чем в октябре и декабре 1905 года.

О «ПРИРОДЕ» РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Гони природу в дверь, она влетит в окно, — восклицает кадетская «Речь»⁶ в одной своей недавней передовице. Это ценное признание официального органа наших контрреволюционных либералов необходимо особенно подчеркнуть, ибо дело идет о *природе* русской революции. И нельзя достаточно настаивать на том, с какой силой подтверждают события основной взгляд большевизма на эту «природу» *крестьянской буржуазной революции*, которая может победить лишь *против* колеблющегося, шаткого, контрреволюционного буржуазного либерализма.

Перед первой Думой, в начале 1906-го года, г. Струве писал: «крестьянин в Думе будет кадетом». Это было тогда *смелым* утверждением либерала, *еще думавшего* о перевоспитании мужика из наивного монархиста в сторонника оппозиции. Это было тогда, когда орган бюрократии, газета лакеев г-на Витте, «Русское Государство» уверяло, что «серячок выручит», т. е. что широкое представительство от крестьян окажется благоприятным для самодержавия. Мнения подобного рода были в те времена (далекие времена! целых два года отделяют их от нас!) настолько распространены, что даже в меньшевистских речах на Стокгольмском съезде⁷ явственно звучат родственные ноты.

Но уже первая Дума развеяла эти иллюзии монархистов и *иллюзии либералов* бесповоротно. Самый темный, неразвитый, политически-девственный, партийно-неорганизованный мужик оказался *неизмеримо левее* кадетов. Борьба кадетов с «трудовицким духом» и трудовицкой политикой⁸ составляет основное содержание либеральной

«деятельности» в течение обеих первых Дум. И когда, после разгона второй Думы, г. Струве — передовой человек среди либеральных контрреволюционеров — бросал свои гневные отзывы о трудовиках, провозглашал крестовый поход против «радикальничаящих интеллигентских» вождей крестьянства, он выражал этим *полный крах* либерализма.

Либерализм после опыта двух Дум потерпел полное фиаско: ему *не удалось* «приручить мужика». Ему не удалось сделать его скромным, уступчивым, согласным на компромисс с помещичьим самодержавием. Либерализм буржуазных адвокатов, профессоров и прочей интеллигентской дребедени не смог «приспособиться» к «трудовицкому» мужичью. Он оказался политически и экономически *позади* его. И все историческое значение первого периода русской революции можно резюмировать словами: либерализм *уже* окончательно доказал свою контрреволюционность, свою неспособность руководить крестьянской революцией; крестьянство *еще* не вполне поняло, что только на революционно-республиканском пути, под руководством социалистического пролетариата может быть завоевана настоящая победа.

Крах либерализма означал торжество помещичьей реакции. Теперь, запуганный этой реакцией, униженный и оплеванный ею, превращенный в крепостного пособника столыпинской конституционной комедии, либерализм нет-нет, да и всплакнет о прошлом. Конечно тяжела, невыносимо тяжела была борьба с трудовицким духом. Но... все же... не выиграем ли мы второй раз, если опять усилится этот дух? Не сыграем ли мы тогда удачнее роль маклеров? Не писал ли наш маститый, наш знаменитый П. Струве еще до революции, что средние партии всегда выигрывают от обострения борьбы между крайними?

И вот изнемогшие в борьбе с трудовиками либералы козыряют против реакции возрождением трудовицкого духа! «Только что поданные в Государственную думу земельные проекты правых крестьян и священников обнаруживают — пишет та же передовица «Речи» — старый трудовицкий дух. Именно трудовицкий, а не кадетский». «Один проект принадлежит крестьянам и подписан 41 членом Г. думы. Другой принадлежит священникам. Первый радикальнее второго, но и второй в некоторых отношениях

(слушайте кадетскую «Речь»!) далеко оставляет за собой кадетский проект аграрной реформы». Либералы вынуждены признать, что после всех просевок избирателя, предпринятых и осуществленных по знаменитому закону 3-го июня, этот факт свидетельствует (как мы уже отмечали раньше: см. номер 22 «Пролетария») не о случайности, а о *природе* русской революции*.

У крестьян есть — пишет «Речь» — земельный фонд не в смысле передаточной инстанции, «а в смысле постоянного учреждения». Признавая это, кадеты скромно умалчивают о том, как они сами, подделываясь к реакции и подслуживаясь ей, выкидывали при переходе от первой к второй Думе земельный фонд (т. е. так или иначе, в той или иной степени, признание национализации земли) из своей программы, становились на гурковскую⁹ точку зрения полной частной собственности на землю.

У крестьян — пишет «Речь» — земля приобретается по справедливой оценке (значит, по-кадетски), но — знаменательное «но!» — оценка производится местными земельными учреждениями, «выбираемыми всем населением данной местности».

И опять приходится кое о чем умалчивать господам кадетам. Приходится умалчивать о том, что этот выбор всем населением явно напоминает известный «трудовицкий» проект и первой и второй Думы, проект местных земельных комитетов, выбираемых всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Приходится умалчивать о том, какую подлую борьбу вели с этим, единственно возможным с демократической точки зрения, проектом либералы обеих первых Дум, как они жалко виляли и вертелись, желая на думской трибуне *не сказать* полностью того, что они сказали в своей печати, в передовице «Речи», перепечатанной потом у Милюкова («Год борьбы»), в проекте Кутлера и в статье Чупрова (кадетский «Аграрный вопрос», том второй). Именно: они признали в своей печати, что по их замыслу местные земельные комитеты должны состоять поровну из представителей от крестьян и от помещиков с *представителем от правительства* в качестве третьего лица. Другими словами: кадеты головой выдавали мужика помещику, обеспечивая повсюду большинство за

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 418—421. *Ред.*

последним (помещики плюс представитель помещичьего самодержавия всегда в большинстве против крестьян).

Мы вполне понимаем, почему жуликам парламентского буржуазного либерализма *приходится* умалчивать об этом. Напрасно только думают они, что рабочие и крестьяне способны забыть эти крупнейшие вехи на дороге русской революции.

Даже священники, эти ультра-реакционеры, нарочито содержимые правительством черносотенные мракобесы, пошли дальше кадетов в своем аграрном проекте. Даже они заговорили о понижении «искусственно повышенных цен» на землю, о прогрессивном налоге на землю с освобождением от всякого налога участков, не превышающих потребительной нормы. Почему деревенский священник, этот урядник казенного православия, оказался *больше* на стороне мужика, чем буржуазный либерал? Потому что деревенскому священнику приходится жить бок о бок с мужиком, зависеть от него в тысяче случаев, даже иногда — при мелком крестьянском земледелии попов на церковной земле — бывать в настоящей шкуре крестьянина. Деревенскому священнику из самой что ни на есть зубатовской Думы придется вернуться в деревню, а в деревню, как бы ее ни чистили карательные экспедиции и хронические военные постой Столыпина, *нельзя вернуться* тому, кто встал на сторону помещиков. Таким образом оказывается, что реакционнейшему попу труднее, чем просвещенному адвокату и профессору предать мужика помещику.

Да, да! Гояи природу в дверь, — она влетит в окно. Природа великой буржуазной революции в крестьянской России такова, что только победа крестьянского восстания, немислимая без руководящей роли пролетариата, способна привести эту революцию к победе вопреки имманентной контрреволюционности буржуазного либерализма.

Либералам остается только либо не верить в силу трудо-вицкого духа — это невозможно, когда факты налицо, — либо надеяться на новое политическое жульничество. Вот программа этого жульничества в заключительных словах *«Речи»*: «Только серьезная практическая постановка этого рода реформы (именно: аграрной реформы «на самом широком демократическом базисе») может излечить население от утопических попыток». **Читай: ваше**

превосходительство, г. Столыпин, даже со всеми своими виселицами и третьеиюньскими законами вы не «излечили» население от «утопического трудовицкого духа». Дозвольте нам еще разок попробовать: мы пообещаем народу самую широкую демократическую реформу, а на деле «излечим» его посредством помещичьего выкупа и помещичьего преобладания в местных земельных учреждениях!

Мы, с своей стороны, от глубины сердца поблагодарим гг. Милюкова, Струве и К^о за то усердие, с которым они «излечивают» население от «утопической» веры в мирные конституционные пути. Излечивают и, по всей вероятности, излечат.

*«Пролетарий» № 27,
26 марта (8 апреля) 1908 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

МАРКСИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ

*Написано не позднее 3 (16) апреля
1903 г.*

*Напечатано в 1903 г. в сборнике
«Карл Маркс (1818—1883)»
Подпись: В. л. И л ь и н*

Печатается по тексту сборника

Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную — в силу экономического развития — замену современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути.

Нечего говорить о буржуазной науке и философии, по-казенному преподаваемых казенными профессорами для оглушения подрастающей молодежи из имущих классов и для «натаскивания» ее на врагов внешних и внутренних. Эта наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным; и молодые ученые, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых «систем», с одинаковым усердием нападают на Маркса. Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленное и жизненнее.

Но и среди учений, связанных с борьбой рабочего класса, распространенных преимущественно среди пролетариата, марксизм далеко и далеко не сразу укрепил свое

положение. Первые полвека своего существования (с 40-х годов XIX века) марксизм боролся с теориями, которые были в корне враждебны ему. В первой половине 40-х годов Маркс и Энгельс свели счеты с радикальными младогегельядцами, стоявшими на точке зрения философского идеализма. В конце 40-х годов выступает борьба в области экономических учений — против прудонизма. Пятидесятые годы завершают эту борьбу: критика партий и учений, проявивших себя в бурный 1848-ой год. В 60-х годах борьба переносится из области общей теории в более близкую непосредственному рабочему движению область: изгнание бакунизма из Интернационала. В начале 70-х годов в Германии на короткое время выдвигается прудонист Мюльбергер; — в конце 70-х годов позитивист Дюринг. Но влияние того и другого на пролетариат уже совершенно ничтожно. Марксизм уже побеждает безусловно все прочие идеологии рабочего движения.

К 90-м годам прошлого века эта победа была в основных своих чертах завершена. Даже в романских странах, где всего дольше держались традиции прудонизма, рабочие партии фактически построили свои программы и тактику на марксистской основе. Возобновившаяся международная организация рабочего движения — в виде периодических интернациональных съездов — сразу и почти без борьбы стала во всем существенном на почву марксизма. Но когда марксизм вытеснил все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения, — те тенденции, которые выражались в этих учениях, стали искать себе иных путей. Изменились формы и поводы борьбы, но борьба продолжалась. И вторые полвека существования марксизма начались (90-ые годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма.

Бывший ортодоксальный марксист Бернштейн дал имя этому течению, выступив с наибольшим шумом и с наиболее цельным выражением поправок к Марксу, пересмотра Маркса, ревизионизма. Даже в России, где немарксистский социализм естественно, — в силу экономической отсталости страны и преобладания крестьянского населения, придавленного остатками крепостничества, — держался всего более долго, даже в России он явственно перерастает у нас на глазах в ревизионизм. И в аграрном вопросе (программа муниципализации всей земли), и

в общих вопросах программы и тактики наши социал-народники все больше и больше заменяют «поправками» к Марксу отмирающие, отпадающие остатки старой, по-своему цельной и враждебной в корне марксизму системы.

Домарксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм. Посмотрим же, каково идейное содержание ревизионизма.

В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту», — и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма, — и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху*), что материализм давно «опровергнут»; профессора третировали Гегеля, как «мертвую собаку»¹⁰, и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики, — и ревизионисты лезли за ними в болото философского опшления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отработывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т. е. к теологии), — и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса.

Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить — дело ясно само собой. Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошпбочные попытки провести старый и реакционный философский

* — руководству. Ред.

хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова*.

Переходя к политической экономии, надо отметить, прежде всего, что в этой области «поправки» ревизионистов были гораздо более разносторонни и обстоятельны; на публику старались подействовать «новыми данными хозяйственного развития». Говорили, что концентрации и вытеснения крупным производством мелкого не происходит в области сельского хозяйства вовсе, а в области торговли и промышленности происходит она крайне медленно. Говорили, что кризисы теперь стали реже, слабее, вероятно, картели и тресты дадут возможность капиталу совсем устранить кризисы. Говорили, что «теория краха», к которому идет капитализм, несостоятельна ввиду тенденции к притуплению и смягчению классовых противоречий. Говорили, наконец, что и теорию стоимости Маркса не мешает исправить по Бем-Баверку¹¹.

Борьба с ревизионистами по этим вопросам дала такое же плодотворное оживление теоретической мысли международного социализма, как полемика Энгельса с Дюрингом за двадцать лет перед тем. Доводы ревизионистов разбирались с фактами и цифрами в руках. Было доказано, что ревизионисты систематически подкрашивают современное мелкое производство. Факт технического и коммерческого превосходства крупного *производства* над мелким не только в промышленности, но и в земледелии доказывают неопровержимые данные. Но в земледелии гораздо слабее развито товарное производство, и современные статистики и экономисты плохо умеют обыкновенно выделять те специальные отрасли (иногда даже операции) земледелия, которые выражают прогрессивное вовлечение земледелия в *обмен* мирового хозяйства. На развалинах натурального хозяйства мелкое производство держится бесконечным ухудшением питания, хронической голодовкой, удлинением рабочего дня, ухудшением качества скота и ухода за ним, одним словом, теми же средствами, которыми

* См. книгу «Очерки философии марксизма» Богданова, Базарова и др. Здесь не место разбирать эту книгу и я должен ограничиться пока заявлением, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в особой брошюре, что все сказанное в тексте про неонантинских ревизионистов относится по существу дела и к этим «нолым» неомистским и необерклеашским ревизионистам. (См. Сочинения, 4 изд., том 14. *Ред.*)

держалось и кустарное производство против капиталистической мануфактуры. Каждый шаг вперед науки и техники подрывает неизбежно и неумолимо основы мелкого производства в капиталистическом обществе, и задача социалистической экономии — исследовать этот процесс во всех его, нередко сложных и запутанных, формах, — доказывать мелкому производителю невозможность удержаться при капитализме, безвыходность крестьянского хозяйства при капитализме, необходимость перехода крестьянина на точку зрения пролетария. Ревизионисты в данном вопросе грешили в научном отношении поверхностным обобщением односторонне-выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма, — в политическом же отношении они грешили тем, что неизбежно, вольно или невольно, звали крестьянина, или толкали крестьянина на точку зрения хозяина (т. е. точку зрения буржуазии) вместо того, чтобы толкать его на точку зрения революционного пролетария.

С теорией кризисов и теорией краха дела ревизионизма обстояли еще хуже. Только самое короткое время и только самые близорукие люди могли думать о переделке основ учения Маркса под влиянием нескольких лет промышленного подъема и процветания. Что кризисы не отжили свое время, это показала ревизионистам очень быстро действительность: кризис наступил после процветания. Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя. Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху — и в смысле отдельных политических и экономических кризисов и в смысле полного крушения всего капиталистического строя, — это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты. Недавний финансовый кризис в Америке, страшное обострение безработицы во всей Европе, не говоря уже о близком промышленном кризисе, на который указывают многие признаки, — все это привело к тому, что недавние «теории» ревизионистов забыты всеми, кажется, многими и из них самих.

Не следует только забывать тех уроков, которые эта интеллигентская неустойчивость дала рабочему классу.

О теории стоимости надо только сказать, что, кроме намеков и вздыханий, весьма туманных, по Бем-Баверку, ревизионисты не дали тут решительно ничего и не оставили поэтому никаких следов в развитии научной мысли.

В области политики ревизионизм попытался пересмотреть действительно основу марксизма, именно: учение о классовой борьбе. Политическая свобода, демократия, всеобщее избирательное право уничтожают почву для классовой борьбы, — говорили нам, — и делают неверным старое положение «Коммунистического манифеста»: рабочие не имеют отечества. В демократии, раз господствует «воля большинства», нельзя дескать ни смотреть на государство, как на орган классового господства, ни отказываться от союзов с прогрессивной, социал-реформаторской буржуазией против реакционеров.

Неоспоримо, что эти возражения ревизионистов сводились к довольно стройной системе взглядов, — именно: давно известных либерально-буржуазных взглядов. Либералы всегда говорили, что буржуазный парламентаризм уничтожает классы и классовые деления, раз право голоса, право участия в государственных делах имеют все граждане без различия. Вся история Европы во 2-й половине XIX века, вся история русской революции в начале XX века показывает воочию, как нелепы подобные взгляды. Экономические различия не ослабляются, а усиливаются и обостряются при свободе «демократического» капитализма. Парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения. Помогая просветить и организовать неизмеримо более широкие массы населения, чем те, которые прежде участвовали активно в политических событиях, парламентаризм подготавливает этим не устранение кризисов и политических революций, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революций. Парижские события весной 1871 года и русские зимой 1905 года показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не колеблясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужестранным войском, разорившим ее отечество. для подавления пролетарского движения. Кто не понимает

неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена, решению спора массовым насилием, — тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно готовящей рабочие массы к победоносному участию в таких «спорах». Опыт союзов, соглашений, блоков с социал-реформаторским либерализмом на Западе, с либеральным реформизмом (кадеты) в русской революции показал убедительно, что эти соглашения только притупляют сознание масс, не усиливая, а ослабляя действительное значение их борьбы, связывая борющихся с элементами, наименее способными бороться, наиболее шаткими и предательскими. Французский милитаризм — самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно национальном масштабе, — дал такую практическую оценку ревизионизма, которую никогда не забудет пролетариат всего мира.

Естественным дополнением экономических и политических тенденций ревизионизма явилось отношение его к конечной цели социалистического движения. «Конечная цель — ничто, движение — все», это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений. От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты, — такова ревизионистская политика. И из самого существа этой политики вытекает с очевидностью, что она может принимать бесконечно разнообразные формы и что каждый сколько-нибудь «новый» вопрос, сколько-нибудь неожиданный и непредвиденный поворот событий, хотя бы этот поворот только в миниатюрной степени и на самый недолгий срок изменял основную линию развития, — неизбежно будут вызывать всегда те или иные разновидности ревизионизма.

Неизбежность ревизионизма обуславливается его классовыми корнями в современном обществе. Ревизионизм

есть интернациональное явление. Для всякого сколько-нибудь сведущего и думающего социалиста не может быть ни малейших сомнений в том, что отношение ортодоксов и бернштейнцев в Германии, гедистов и жоресистов (теперь в особенности бруссистов) во Франции, социал-демократической федерации и Независимой рабочей партии в Англии, Брукера и Вандервельда в Бельгии, интеграллистов и реформистов в Италии, большевиков и меньшевиков в России повсюду в существе своем однородно, несмотря на гигантское разнообразие национальных условий и исторических моментов в современном состоянии всех этих стран. «Разделение» внутри современного международного социализма идет, в сущности, уже теперь по одной линии в разных странах мира, документируя этим громадный шаг вперед по сравнению с тем, что было лет 30—40 тому назад, когда в разных странах боролись не однородные тенденции внутри единого международного социализма. И тот «ревизионизм слева», который обрисовался теперь в романских странах, как «революционный синдикализм»¹², тоже приспособляется к марксизму, «исправляя» его: Лабриола в Италии, Лагардель во Франции сплошь да рядом апеллируют от Маркса, неверно понятого, к Марксу, верно понимаемому.

Мы не можем здесь останавливаться на разборе идейного содержания *этого* ревизионизма, который далеко не так еще развился, как ревизионизм оппортунистический, не интернационализировался, не выдержал ни одной крупной практической схватки с социалистической партией хотя бы одной страны. Мы ограничиваемся потому тем «ревизионизмом справа», который был обрисован выше.

В чем заключается его неизбежность в капиталистическом обществе? Почему он глубже, чем различия национальных особенностей и степеней развития капитализма? Потому, что во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придасток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например, велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.). Эти новые мелкие производители так же неминуемо опять

выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима «полная» пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции. То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства.

ПО ТОРНОЙ ДОРОЖКЕ!

Оценка русской революции, т. е. трех первых лет ее, стоит на очереди дня. Без выяснения классовой природы наших политических партий, без учета интересов и взаимного положения классов в нашей революции нельзя сделать ни шагу вперед в деле определения ближайших задач и тактики пролетариата. На одной из попыток такого учета мы и намерены в данной статье остановить внимание наших читателей.

В номере 3 «Голоса Социал-Демократа»¹³ Ф. Дан и Г. Плеханов выступают — один с систематической оценкой итогов революции, другой — с итоговыми выводами о тактике рабочей партии. Оценка Дана сводится к тому, что надежды на диктатуру пролетариата и крестьянства не могли не оказаться иллюзией. «Возможность нового широкого революционного выступления пролетариата... обусловлена в значительной степени позицией буржуазии». «На первых этапах его (нового подъема), — пока подъем революционного рабочего движения не всколыхнет городское мещанство, а развитие городской революции не зажжет пожара в деревне — в качестве главных политических сил очутятся лицом к лицу пролетариат и буржуазия».

Тактические выводы из такого рода «истин» явно недоговорены Ф. Даном. Он посовестился, очевидно, дописать то, что из его слов само собой вытекает: рекомендовать рабочему классу знаменитую тактику меньшевиков — поддерживать буржуазию (припомните блоки с кадетами; поддержку лозунга кадетское министерство; полновластную Думу Плеханова и т. д.). Но зато Плеханов дополнил

Дана, закончив свой фельетон в номере 3 «Г. С.-Д.» словами: «Хорошо было бы для России, если бы этих ошибок, сделанных Марксом и Энгельсом в Германии более полувека тому назад» (именно: недооценки способности тогдашнего капитализма к развитию и переоценки способности пролетариата к революционному действию), «сумели избежать русские марксисты в 1905—1906 годах!».

Это яснее ясного. Дан и Плеханов пытаются осторожно, не называя прямо вещи их именами, оправдать меньшевистскую политику зависимости пролетариата от кадетов. Присмотримся же к их «теоретическому обоснованию» этого предприятия.

Дан рассуждает так, что «крестьянское движение» зависит от «роста и развития городской революции в ее буржуазном и пролетарском русле». Поэтому за подъемом «городской революции» следовал подъем крестьянского движения, за упадком же ее «придавленные подъемом революции внутренние антагонизмы деревни стали снова обостряться» и «правительственная аграрная политика, политика разъединения крестьянства и т. д. стала пользоваться относительным успехом». Отсюда приведенное нами заключение, что на первых этапах нового подъема главными политическими силами будут пролетариат и буржуазия. «Положение это — по мнению Ф. Дана — должно и может быть использовано пролетариатом для такого развития революции, которое оставит далеко за собой *исходную точку* нового подъема ее и приведет к полной демократизации общества под знаком (sic!*) радикального (!!) решения аграрного вопроса».

Нетрудно видеть, что построено это рассуждение целиком на *радикальном непонимании* аграрного вопроса в нашей революции и что непонимание это прикрыто совсем плохо дешевенькими и пустыми фразами о «полной демократизации» «под знаком» «решения» вопроса.

Ф. Дан думает, что «надежды на диктатуру пролетариата и крестьянства» зависят и зависели от народнических предрассудков, от забвения внутренних антагонизмов деревни и индивидуалистического характера крестьянского движения. Это — обычные и давно всем известные меньшевистские взгляды. Но едва ли кто так рельефно выставлял до сих пор напоказ всю их нелепость, как Ф. Дан в разбираемой

* — так! Ред.

нами статье. Почтеннейший публицист ухитрился *не заметить*, что *оба* противопоставляемые им «решения» аграрного вопроса соответствуют «индивидуалистическому характеру крестьянского движения»! В самом деле, столыпинское решение, пользующееся, по мнению Дана, «относительным успехом», покоится на индивидуализме крестьян. Это несомненно. Ну, а другое решение, которое Ф. Дан назвал «радикальным» и связанным с «полной демократизацией общества»? Не думает ли почтеннейший Дан, что оно *не покоится* на индивидуализме крестьян?

В том-то и беда, что пустой фразой о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса» прикрыто у Дана радикальное недомыслие. Он бессознательно, как слепой, *натывается* на два, объективно возможных и не выбранных еще окончательно историей «решения» аграрного вопроса, не умея ясно и точно представить себе характера *обоих* решений и условий того и другого решения.

Почему столыпинская аграрная политика может пользоваться «относительным успехом»? Потому что в крестьянстве нашем уже давно созданы капиталистическим развитием враждебные классы крестьянской буржуазии и крестьянского пролетариата. Возможен ли полный успех столыпинской аграрной политики и что таковой означает? Он возможен, если обстоятельства сложатся исключительно благоприятно для Столыпина, а означает он «решение» аграрного вопроса в буржуазной России в смысле *окончательного* (до пролетарской революции) укрепления частной собственности на *всю* землю, и помещичью и крестьянскую. Это будет «решение» *прусского* типа, действительно обеспечивающее капиталистическое развитие России, но невероятно медленное, надолго отдающее власть юнкеру, в тысячу раз более мучительное для пролетариата и крестьянства, чем другое *возможное* объективно, тоже капиталистическое «решение аграрного вопроса».

Это другое решение Дан, не вдумавшись в дело, назвал «радикальным». Словечко дешевое, и мысли в нем ни капли нет. Столыпинское решение тоже очень радикально, ибо оно радикально ломает старую общину и старый аграрный строй России. Действительное отличие *крестьянского* решения аграрного вопроса в русской буржуазной революции от *столыпински-кадетского* его решения состоит в том,

что первое уничтожает помещичью частную собственность на землю безусловно, а крестьянскую — весьма вероятно (этого частного вопроса о крестьянской наделной земле мы пока не будем касаться, ибо все рассуждение Дана неверно даже с точки зрения теперешней нашей, «муниципализаторской», аграрной программы).

Спрашивается теперь, действительно ли это второе решение объективно возможно? Несомненно. На этот счет согласны все думающие марксисты, ибо *иначе* поддержка пролетариатом стремления мелких собственников конфисковать крупную собственность была бы реакционным шарлатанством. Ни в одной другой капиталистической стране ни один марксист не напишет программы с поддержкой *крестьянского* стремления конфисковать крупную земельную собственность. В России и большевики и меньшевики согласны насчет необходимости такой поддержки. Почему? Потому, что *объективно* возможен для России *иной* путь капиталистического аграрного развития, не «прусский», а «американский», не помещичьи-буржуазный (или юнкерский), а крестьянски-буржуазный.

Столыпин и кадеты, самодержавие и буржуазия, Николай второй и Петр Струве сходятся в том, что надо капиталистически «очистить» обветшалый аграрный строй России посредством сохранения помещичьей земельной собственности. Они расходятся лишь в том, как лучше сохранить ее и насколько сохранить.

Рабочие и крестьяне, социал-демократы и народники (трудовики, н.-с., эсеры в том числе) сходятся в том, что надо *капиталистически* «очистить» обветшалый аграрный строй России посредством насильственного уничтожения помещичьей земельной собственности. Они расходятся в том, что социал-демократы понимают капиталистический характер в современном обществе всякой, хотя бы наирадикальнейшей аграрной революции, и муниципализации, и национализации, и социализации, и раздела, а народники не понимают этого, облакая мещански-утопическими фразами об уравнительности свою борьбу за крестьянски-буржуазную аграрную эволюцию против помещичьи-буржуазной эволюции.

Вся путаница и все недомыслие Ф. Дана зависит от того, что он радикально не понял экономической основы русской буржуазной революции. За разногласиями

марксистского и мещанского социализма в России по вопросу об экономическом содержании и значении борьбы крестьян за землю в данной революции он *«не заметил»* борьбы реальных общественных сил за тот или иной путь объективно-возможной капиталистической аграрной эволюции. И это свое полное непонимание он прикрыл фразами об «относительном успехе» Столыпина и о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса».

На самом деле аграрный вопрос стоит теперь в России так: для успеха столыпинской политики нужны долгие годы насильственного подавления и истребления массы крестьян, не желающих умирать с голоду и быть выселяемыми из своих деревень. В истории бывали примеры *успеха* подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики «невозможен». Возможен! Но наше дело — ясно показать народу, какой ценой покупается такой успех, и всеми силами бороться за иной, более краткий и более быстрый путь капиталистического аграрного развития *через* крестьянскую революцию. Трудна крестьянская революция под руководством пролетариата в капиталистической стране, очень трудна, но она возможна, и за нее надо бороться. Три года революции научили нас и весь народ не только тому, что за нее надо бороться, но и тому, как бороться. Никакие меньшевистские «подходы» к политике поддержки кадетов не вытравят этих уроков революции из сознания рабочих.

Далее. Что, если, несмотря на борьбу масс, столыпинская политика продержится достаточно долго для успеха «прусского» пути? тогда аграрный строй России станет вполне буржуазным, крупные крестьяне заберут себе почти всю надельную землю, земледелие станет капиталистическим и никакое, ни радикальное, ни не-радикальное, «решение» аграрного вопроса при *капитализме* станет невозможным. Тогда добросовестные марксисты прямо и открыто выкинут вовсе всякую «аграрную программу» и скажут массам: рабочие сделали все, что могли, для обеспечения России не юнкерского, а американского капитализма. Рабочие зовут вас теперь к социальной революции пролетариата, ибо *после* «решения» аграрного вопроса в столыпинском духе *никакой иной* революции,

способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, *быть не может*.

Вот в каком соотношении стоит вопрос о соотношении буржуазной и социалистической революции в России, вопрос, особенно запутанный Даном в его немецком пересказе его русской статьи («*Neue Zeit*»¹⁴ № 27).

Буржуазные революции возможны, даже неизбежны, в России и на почве столыпински-кадетского аграрного пути. Но в *таких* революциях, как и в французских революциях 1830 и 1848 годов, нельзя будет и говорить о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса». Или вернее: в таких революциях только *мещанские quasi**-социалисты будут еще болтать о «решении» (особенно «радикальном») решенного уже для капиталистически-сложившейся страны аграрного вопроса.

Но в России далеко, далеко еще не сложились капиталистические аграрные порядки. Это ясно не только для нас, и меньшевиков и большевиков, не только для людей, сочувствующих революции и желающих ее нового подъема, — это ясно даже для таких последовательных, сознательных и откровенно-смелых врагов революции и друзей черносотенного самодержавия, как г. Петр Струве. Если он «голосом голосит», что нам нужен Бисмарк, нужно превращение реакции в революцию сверху, то это именно потому, что Струве *не* видит у нас ни Бисмарка, ни революции сверху. Струве видит, что на одной столыпинской реакции и тысяче виселиц не создашь помещичьи-буржуазной, прочной России кнехта. Нужно что-то иное, что-то вроде решения (хотя бы по-бисмарковски) национальных исторических задач, объединения Германии, введения всеобщего избирательного права. А Столыпину объединять приходится только Думбадзе с героями рижского музея!¹⁵ Отменять *приходится* даже виттевское избирательное право по закону 11 декабря 1905 года!¹⁶ Вместо крестьян, довольных дановским «относительным успехом» аграрной политики, Столыпину приходится даже от третьедумских крестьян выслушивать «трудовицкие» требования!

Как же не «голосить», не стонать и не плакать Петру Струве, когда он ясно видит, что *не выходит*, все еще

* — много. Ред.

не выходит у нас упорядоченной, скромной, умеренной и аккуратной, куцей и прочной «конституции»?

Струве хорошо знает, куда он идет. А Ф. Дан ничему не научился и ничего не забыл за три года революции. Он все еще, как слепой, тащит пролетариат под крылышко господ Струве. Он все еще бормочет те же реакционные меньшевистские речи, будто могут у нас пролетариат и буржуазия оказаться в качестве «главных политических сил»... против кого, почтеннейший? против Гучкова? против монархии?

До какого невероятного подкрашивания либералов доходит при этом Ф. Дан, показывает его немецкая статья. Немецкой публике он не стыдится даже рассказывать, что в III Думу мещанство городов выбирало «прогрессивных выборщиков» (сиречь кадетов), а крестьяне-де дали 40% реакционных выборщиков! Да здравствуют «прогрессивные» Милюковы и Струве, аплодирующие Столыпину! Да здравствует союз Данов с Милюковыми против «реакционных» крестьян, проявляющих трудовицкий дух в третьей Думе!

И Плеханов фальсифицирует Энгельса в угоду все тех же реакционных меньшевистских теорий. Энгельс говорил, что тактика Маркса в 1848 году была *верна*, что она и только она действительно дала верные, прочные, незабвенные уроки пролетариату. Энгельс говорил, что эта тактика не удалась *несмотря* на то, что она была единственно верная, не удалась в силу недостаточной подготовленности пролетариата и недостаточной развитости капитализма¹⁷. А Плеханов, точно в издевку над Энгельсом, точно для вящей потехи Бернштейнов и Стрельцовых¹⁸, — толкует Энгельса так, будто он «каялся» в тактике Маркса! будто он потом признавал ее ошибочной и отдавал предпочтение тактике поддержки немецких кадетов!

Не скажет ли нам завтра Г. Плеханов, что Энгельс по поводу восстаний в 1849 году находил, что «не следовало браться за оружие»?

Маркс и Энгельс учили пролетариат революционной тактике, тактике развития борьбы до самых высоких форм, тактике, ведущей крестьянство за пролетариатом, а не пролетариат за либеральными предателями.

БЛОК КАДЕТОВ С ОКТЯБРИСТАМИ?

Частная телеграмма из Петербурга в газету «Frankfurter Zeitung»¹⁹ от 1 (14) апреля сообщает: «С конца марта ведутся тайные переговоры между октябристами, умеренными правыми, кадетами и партией мирного обновления²⁰ о том, нельзя ли им образовать *блок*. План исходит от октябристов, которые не могут уже рассчитывать на поддержку крайних правых. Эти последние, особенно недовольные октябристами из-за запроса насчет Думбадзе, намереваются голосовать вместе с оппозицией против центра. Такой прием затруднил бы работы Думы, ибо соединение крайней правой с оппозицией дает 217 голосов против 223 голосов центра и умеренных правых. Первое совещание (о блоке) состоялось 12-го апреля (30 марта ст. ст.). На нем присутствовало 30 избранных на основе пропорциональности доверенных людей. Ни к каким результатам это совещание не пришло, и постановлено было в течение ближайшей недели собрать новое совещание».

Насколько достоверно это известие, мы не знаем. Во всяком случае молчание русских газет не является доказательством против, и мы считаем необходимым осведомить наших читателей об информации заграничной прессы.

Принципиально нет ничего невероятного в том, что тайные переговоры ведутся. Кадеты всей своей политической историей, начиная с визита Струве к Витте в ноябре 1905 года, продолжая закулисными переговорами с Треповым и К^о летом 1906 года²¹ и так далее и так далее, доказали, что суть их тактики — забеганье с заднего крыльца ко власть имущим. Но, если бы даже это

известие о переговорах оказалось неверным, — остается несомненным, что *на деле* в III Думе *существует* молчаливый блок кадетов с октябристами на основе поворота кадетов вправо. Целый ряд кадетских голосований в III Думе доказывает это неопровержимо, не говоря уже о содержании кадетских речей и характере их политических выступлений.

В III Думе *два* большинства, говорили мы еще до ее созыва (см. «Пролетарий» и резолюцию ноябрьской Всероссийской конференции РСДРП 1907 года)*. И мы доказывали уже тогда, что уклоняться от признания этого факта (как делали меньшевики), а главное — *от классовой* характеристики *кадетски-октябристского* большинства значит давать тащить себя на поводу буржуазного либерализма.

Классовая природа кадетов обнаруживает себя все яснее: кто не хотел видеть этого в 1906-ом году, того заставят факты *признать* это теперь, или скатиться целиком к оппортунизму.

«Пролетарий» № 29,
16 (29) апреля 1908 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 106—115 и 126—127. Ред.

К ОЦЕНКЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ²³

Никто не станет думать уже теперь в России о том, чтобы делать революцию по Марксу. Так, или приблизительно так, провозгласила недавно одна либеральная, — даже почти демократическая, — даже почти социал-демократическая, — (меньшевистская) газета, «Столичная Почта»²³. И надо отдать справедливость авторам этого изречения, что им удалось верно схватить *суть* того настроения в современной политике и того отношения к урокам нашей революции, которое безусловно господствует в самых широких кругах интеллигенции, полуобразованного мещанства, а пожалуй, и во многих слоях совсем необразованной мелкой буржуазии.

В этом изречении выражена ненависть не только к марксизму вообще с его непреклонным убеждением в революционной миссии пролетариата, с его беззаветной готовностью поддерживать всякое революционное движение широких масс, обострять борьбу и доводить ее до конца. Нет. Кроме того в этом изречении выражена ненависть к тем приемам борьбы, к тем методам действия, к той тактике, которые *на деле* испытаны *совсем недавно* в *практике* русской революции. Все те победы, — или полупобеды, четверть-победы, вернее сказать, — которые одержала наша революция, одержаны всецело и исключительно благодаря непосредственно-революционному натиску пролетариата, шедшего во главе непролетарских элементов трудящегося населения. Все поражения вызваны ослаблением такого натиска, связаны с тактикой, сторонящейся от него, рассчитанной на его отсутствие, а иногда (у кадетов) даже прямо на его устранение.

И теперь, в период разгула контрреволюционных репрессий, мещанство трусливо приспособляется к новым владыкам жизни, пристраивается к новым калифам на час, отрекается от старого, старается забыть его, уверяет себя и других, что никто не думает уже теперь в России делать революцию по Марксу, никто не помышляет о «диктатуре пролетариата» и так далее.

В других революциях буржуазии физическая победа старой власти над восставшим народом тоже вызывала всегда уныние и распад среди широких кругов «образованного» общества. Но среди буржуазных партий, боровшихся на деле за свободу, игравших сколько-нибудь заметную роль в действительно революционных событиях, всегда замечались иллюзии, обратные тем, которые царят сейчас среди интеллигентского мещанства в России. То были иллюзии неизбежной, немедленной и полной победы «свободы, равенства и братства», иллюзии насчет не буржуазной, а общечеловеческой республики, республики, водворявшей мир на земле и в человеке благоволение. То были иллюзии насчет отсутствия классовой розни внутри угнетенного монархией и средневековым порядком народа, насчет невозможности методами насилия победить «идею», насчет абсолютной противоположности отжившего феодализма и нового свободного, демократического, республиканского порядка, буржуазность которого не сознавалась вовсе или сознавалась до последней степени смутно.

Поэтому в контрреволюционные периоды представителям пролетариата, доработавшимся до точки зрения научного социализма, приходилось бороться (как, напр., Марксу и Энгельсу в 1850 году) против иллюзий буржуазных республиканцев, против идеалистического понимания традиций революции и ее сущности, против поверхностных фраз, заменявших выдержанную и серьезную работу в среде определенного класса²⁴. У нас наоборот. Мы не видим иллюзий примитивного республиканизма, которые бы тормозили насущное дело продолжения революционной работы при новых, изменившихся условиях. Мы не видим *преувеличения* значения республики, превращения этого необходимого лозунга борьбы с феодализмом и монархией в лозунг всей и всяческой освободительной борьбы всех трудящихся и эксплуатируемых вообще. Социалисты-революционеры и родственные им группы, которые вскар-

вливали *подобные* этим идеи, остались горстками, и период трехлетней революционной бури (1905—1907) принес им вместо широкого увлечения республиканизмом новую партию *оппортунистического* мещанства, энесов, новое усиление антиполитического бунтарства и анархизма.

В мещанской Германии на другой день после первого натиска революции в 1848 году ярко сказались иллюзии мелкобуржуазной республиканской демократии. В мещанской России на другой день после натиска революции в 1905 году ярко сказались и все сказываются иллюзии мелкобуржуазного оппортунизма, который надеялся добиться компромисса без борьбы, боялся борьбы и после первого поражения торопился отречься от своего прошлого, заражал общественную атмосферу унынием, малодушием и ренегатством.

Очевидно, что это различие происходит от различия в социальном строе и в исторической обстановке обеих революций. Но дело не в том, чтобы масса мелкобуржуазного населения России находилась в менее остром противоречии со старым порядком. Как раз наоборот. Наше крестьянство создало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX века. Дело в том, что тот слой, который составлял ядро революционной демократии в Европе, — цеховое городское ремесло, городская буржуазия и мелкая буржуазия, — в России *должны были* повернуть к контрреволюционному либерализму. Сознательность социалистического пролетариата, идущего рука об руку с международной армией социалистического переворота в Европе, — крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискации помещичьих земель, — вот какие обстоятельства бросили русский либерализм гораздо сильнее, чем европейский, в объятии контрреволюции. На русский рабочий класс поэтому с особенной силой легла задача: сохранить традиции революционной борьбы, от которой спешат отречься интеллигенция и мещанство, развить и укрепить эти традиции, внедрить их в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного демократического движения.

Сами рабочие стихийно ведут именно такую линию. Они слишком страстно переживали великую октябрьскую и декабрьскую борьбу. Они слишком явно видели изменение своего положения *только* в зависимости от этой непосредственно революционной борьбы. Они говорят теперь или, по крайней мере, чувствуют все, как тот ткач, который заявил в письме в свой проф. орган: фабриканты отобрали наши завоевания, подмастерья опять попрежнему издеваются над нами, *погодите, придет опять 1905 год.*

Погодите, придет опять 1905-ый год. Вот как смотрят рабочие. Для них этот год борьбы дал образец того, *что делать*. Для интеллигенции и ренегатствующего мещанства, это — «сумасшедший год», это образец того, *чего не делать*. Для пролетариата переработка и критическое усвоение опыта революции должны состоять в том, чтобы научиться применять *тогдашние* методы борьбы *более успешно*, чтобы ту же октябрьскую стачечную и декабрьскую вооруженную борьбу сделать более широкой, более сосредоточенной, более сознательной. Для контрреволюционного либерализма, ведущего за собой на поводу ренегатствующую интеллигенцию, усвоение опыта революции должно состоять в том, чтобы навсегда отделаться от «наивной» порывистости «дикой» массовой борьбы, заменив ее «культурной, цивилизованной» *конституционной* работой на почве столыпинского «конституционализма».

Теперь все и каждый говорит об усвоении и критической проверке опыта революции. Говорят об этом социалисты и либералы. Говорят оппортунисты и революционные социал-демократы. Но не все понимают, что именно между двумя *указанными* противоположностями колеблются все многообразные рецепты усвоения революционного опыта. Не все ясно ставят вопрос, — опыт революционной ли борьбы должны мы усвоить и помочь массам усвоить для более выдержанной, упорной и более решительной борьбы, — или «опыт» кадетского предательства революции должны мы усваивать и передавать массам?

Карл Каутский подошел к этому вопросу в его основной теоретической постановке. Во втором издании своей известной, переведенной на все главные европейские языки, работы «Социальная революция» он сделал ряд

дополнений и изменений, касающихся опыта русской революции. Предисловие ко второму изданию помечено октябром 1906 года, значит, перед автором был уже материал для суждения не только о «буре и натиске» 1905-го года, но и о главных событиях «кадетского периода» нашей революции, об эпохе всеобщего (почти всеобщего) увлечения избирательными победами кадетов и первой Думой.

Какие же вопросы из опыта русской революции счел Каутский достаточно крупными и основными, — или настолько важными, по крайней мере, чтобы дать *новый* материал марксисту, изучающему *вообще* «формы и оружия социальной революции» (как гласит заголовок параграфа седьмого в работе Каутского, т. е. именно дополненного по указаниям опыта 1905—1906 годов параграфа)?

Автор взял два вопроса.

Во-первых, вопрос о классовом составе тех сил, которые *способны* одержать победу в русской революции, сделать ее действительно победоносной революцией.

Во-вторых, вопрос о значении тех высших по направлению революционной энергии и по их наступательному характеру форм борьбы масс, которые выдвинула русская революция, именно: декабрьской борьбы, т. е. вооруженного восстания.

Всякий, сколько-нибудь вдумчиво относящийся к событиям русской революции социалист (в особенности же марксист) должен будет признать, что это действительно коренные, краеугольные вопросы в оценке русской революции, а также в оценке той тактической линии, которая предписывается рабочей партии теперешним положением вещей. Если мы не дадим себе полного, ясного отчета в том, какие классы *способны*, в силу объективно-экономических условий, сделать победоносной русскую буржуазную революцию, то наши слова о стремлении сделать эту революцию победоносной будут пустыми фразами, одной только демократической декламацией, наша тактика в буржуазной революции будет неизбежно беспринципной и колеблющейся.

С другой стороны, для конкретного определения тактики революционной партии в самые бурные времена переживаемого страной общенационального кризиса явно недостаточно одного указания на те классы, которые способны

действовать в духе победоносного завершения революции. Революционные периоды тем и отличаются от периодов так называемого мирного развития, от периодов, когда экономические условия не вызывают глубоких кризисов, не порождают мощных массовых движений, что *формы* борьбы в периоды первого вида неизбежно бывают *гораздо разнообразнее* с преобладанием непосредственно-революционной борьбы масс над пропагандистско-агитационной деятельностью вожаков в парламенте, прессе и т. п. Поэтому, если при оценке революционных периодов мы ограничимся определением *линии* действия разных классов, не анализируя *форм* их борьбы, то наше рассуждение с научной стороны будет неполно, недиалектично, а с практически-политической стороны оно выродится в *мертвое резонанство* (каким, в скобках сказать, и пробавляется на девять десятых тов. Плеханов в своих писаниях о тактике с.-д. в русской революции).

Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы. На почве такого анализа и, разумеется, лишь на этой почве вполне уместна, мало того, необходима для марксиста и оценка *технической* стороны борьбы, технических вопросов ее. Признавать определенную форму борьбы и не признавать необходимость учиться ее технике, — это все равно, как если бы мы признали нужным участвовать в *данных* выборах, не считаясь с законом, предписывающим технику *этих* выборов.

Перейдем теперь к ответу Каутского на оба поставленные выше вопроса, возбуждавшие, как известно, очень длинные и горячие споры среди русских с.-д. в течение *всего* периода революции, начиная с весны 1905 года, когда большевистский третий съезд РСДРП в Лондоне²⁵ и одновременная меньшевистская конференция в Женеве установили в точных резолюциях принципиальные основы своей тактики, и кончая Лондонским съездом объединенной РСДРП весной 1907 г.²⁶

На первый вопрос Каутский дает следующий ответ. В Западной Европе, говорит он, пролетариат вмещает

в себя большую массу населения. Поэтому победа демократии в теперешней Европе означает политическое господство пролетариата. «В России, при ее преобладающем крестьянском населении, этого нельзя ожидать. Конечно, победа социал-демократии в близком (по-немецки: *absehbar*, т. е. таком, которое можно обозреть, охватить взором) будущем не исключена и в России, но эта победа могла бы быть лишь делом союза (Koalition) пролетариата и крестьянства». И Каутский высказывает даже, что такая победа неизбежно дала бы могучий толчок пролетарской революции в Западной Европе.

Таким образом мы видим, что понятие буржуазной революции недостаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции. Возможны и бывали такие буржуазные революции, в которых торговая или торговопромышленная буржуазия играла роль главной движущей силы. Победа подобных революций была возможна, как победа соответствующего слоя буржуазии над ее противниками (вроде привилегированного дворянства или неограниченной монархии). Иначе обстоит дело в России. Победа буржуазной революции у нас невозможна, *как победа буржуазии*. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата, — все эти обстоятельства придают *нашей* буржуазной революции *особый* характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов и Плеханов в своих более чем неудачных замечаниях о позиции Каутского). Эта особенность обуславливает лишь контрреволюционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы *в такой* революции. Ибо «коалиция пролетариата и крестьянства», одерживающая *победу* в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Это положение есть исходный пункт тактических разногласий внутри с.-д. во время революции. Только приняв его во внимание, можно понять все частные споры (по вопросу о поддержке кадетов вообще, о левом блоке и его

характере и т. д.) и столкновения по отдельным случаям. Только в этом основном тактическом разногласии, отнюдь не в «боевизме» или «бойкотизме», как думают иногда несведущие люди, заключается *источник* расхождения большевиков и меньшевиков в первый период революции (1905—1907 годы).

И нельзя достаточно настаивать на необходимости последовать этот источник разногласия со всем вниманием, разобрать с *указанной точки зрения* опыт обеих Дум и непосредственной крестьянской борьбы. Если мы не сделаем такой работы *теперь*, — мы не в состоянии будем ни одного шага сделать в области тактики при следующем подъеме движения, без того, чтобы возбуждать старые споры или плодить фракционные конфликты и разлад внутри партии. Отношение социал-демократии к либерализму и к крестьянской буржуазной демократии должно быть установлено на основании опыта русской революции. Иначе принципиально-выдержанной тактики пролетариата у нас не будет. «Союз пролетариата и крестьянства», заметим кстати, ни в каком случае нельзя понимать в смысле слияния различных классов или партий пролетариата и крестьянства. Не только слияние, но и всякое длительное соглашение было бы губительно для социалистической партии рабочего класса и *ослабило* бы революционно-демократическую борьбу. Что крестьянство неизбежно колеблется между либеральной буржуазией и пролетариатом, это вытекает из его классового положения, а наша революция дала массу примеров тому в самых различных областях борьбы (бойкот виттевской Думы; выборы; трудовики в I и II Думах и т. д.). Только ведя безусловно самостоятельную политику авангарда революции, пролетариат в состоянии будет откалывать крестьянство от либералов, высвобождать его из-под их влияния, вести за собой в ходе борьбы и осуществлять таким образом «союз» *на деле*, союз тогда и постольку, когда и поскольку крестьянство революционно борется. Не заигрыванья с трудовиками, а беспощадная критика их слабостей и шатаний, пропаганда идеи республиканской и революционной крестьянской партии могут осуществить «союз» пролетариата и крестьянства для *победы* над общими врагами, а не для игры в блоки и в соглашения.

Указанный нами особый характер русской буржуазной революции выделяет ее из числа других буржуазных революций нового времени, но сближает ее с великими буржуазными революциями старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль. В этом отношении в высшей степени заслуживает внимания то, что писал Фридрих Энгельс в своей замечательно глубокой и богатой мыслями статье «Об историческом материализме» (английское предисловие к «Развитию социализма от утопии к науке», переведенное самим Энгельсом на немецкий язык в «Neue Zeit»*, 1892—1893, год XI, том 1). «Оригинальное явление, — говорит Энгельс, — во всех трех великих буржуазных революциях» (реформация в Германии и крестьянская война XVI века; английская революция XVII века; французская XVIII века) «боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы разоряется неизбежно вследствие экономических последствий этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля английское йоманри (jeomanry — крестьянство) почти совершенно исчезло. А между тем исключительно благодаря вмешательству этого йоманри и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот. Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы те только плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, — для этого было необходимо довести революцию значительно дальше такой цели. Совершенно то же самое было в 1793 году во Франции, в 1848 г. в Германии. Повидимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества». И в другом месте той же статьи Энгельс указывает, что французская революция была «первым восстанием, в котором борьба была доведена до конца, до полного уничтожения одной из борющихся сторон, именно аристократии, и до полной победы другой, именно буржуазии»²⁷.

Оба исторические наблюдения или обобщения Энгельса замечательно подтвердились ходом русской революции. Подтвердилось и то, что только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов»,

* — «Новое Время». Ред.

способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию (если для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план, то в России XX века безусловно необходимо перевернуть отношение, ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто). Подтвердилось и то, что революцию надо довести *значительно дальше* ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей, для того, чтобы действительно осуществить *эти* цели, чтобы бесповоротно закрепить минимальные буржуазные завоевания. Можно судить поэтому, с каким презрением отнесся бы Энгельс к мещанским рецептам заранее втиснуть революцию только в непосредственно-буржуазные, узко-буржуазные рамки, «чтобы не отшатнулась буржуазия», как говорили кавказские меньшевики в своей резолюции 1905-го года, или чтобы была «гарантия от реставрации», как говорил в Стокгольме Плеханов!

Другой вопрос, об оценке декабрьского восстания 1905 года, Каутский разбирает в предисловии ко второму изданию своей брошюры. «Я не могу уже теперь, пишет он — с той определенностью, как в 1902 году, утверждать, что вооруженные восстания и баррикадные битвы не будут играть в грядущих революциях решающей роли. Против этого свидетельствует слишком явно опыт московской уличной борьбы, когда горстка людей в течение недели держалась против целой армии в баррикадной борьбе и почти одержала бы победу, если бы неудача революционного движения в других городах не дала возможности послать такие подкрепления армии, что, в конце концов, против инсургентов сосредоточена была чудовищно перевешивавшая их сила. Конечно, этот относительный успех баррикадной борьбы был возможен лишь потому, что городское население энергично поддерживало революционеров, а войска были совершенно деморализованы. Но кто может с определенностью утверждать, что нечто подобное невозможно в Западной Европе?»

Итак, почти год спустя после восстания, когда нельзя было уже увлекаться целью непосредственной поддержки бодрости духа борцов, такой осторожный исследователь, как Каутский, решительно признает московское восстание «относительным успехом» баррикадной борьбы и считает необходимым исправить свой общий вывод о том, что

роль уличных сражений в революциях будущего не может быть велика.

Декабрьская борьба 1905 года *доказала*, что вооруженное восстание *может* победить при современных условиях военной техники и военной организации. Декабрьская борьба дала то, что все международное рабочее движение должно отныне считаться с вероятностью подобных же форм сражения в ближайших пролетарских революциях. Вот какие выводы действительно вытекают из опыта нашей революции, — вот какие уроки должны быть усвоены самыми широкими массами. Как далеки эти выводы и эти уроки от той *линии* рассуждений, которую дал Плеханов своим геростратовски-знаменитым отзывом о декабрьском восстании: «не надо было браться за оружие». Какое море ренегатских комментариев вызвано было подобной оценкой! какое бесконечное количество грязных либеральных рук хваталось за него, чтобы нести разврат и дух мещанского компромисса в рабочие массы!

В оценке Плеханова нет ни грана исторической правды. Если Маркс, за полгода до Коммуны сказавший, что восстание будет безумием, сумел дать тем не менее оценку этого «безумия» как величайшего массового движения пролетариата XIX века, то в тысячу раз с большим правом русские социал-демократы должны нести теперь в массы убеждение в том, что декабрьская борьба была самым необходимым, самым законным, самым великим пролетарским движением после Коммуны. Рабочий класс России будет воспитываться именно в таких взглядах, — что бы ни говорили, как бы ни плакались те или иные интеллигенты в социал-демократии.

Здесь, может быть, необходимо замечание, принимая во внимание то, что статья эта пишется для польских товарищей. Не зная, к сожалению, польского языка, я знаком с польскими условиями только понаслышке. И легко можно возразить мне, что именно в Польше целая партия свернула себе шею на бессильной партизанщине, терроре и фейерверочных вспышках, и именно во имя повстанческих традиций и совместной борьбы пролетариата и крестьянства (так называемая «правица» ППС²⁸). Очень может быть, что с этой точки зрения польские условия действительно радикально разнятся от условий остальной России. Не могу о том судить. Должен однако

заметить, что нигде кроме Польши не видели мы такого бессмысленного, вызывающего справедливый отпор и борьбу, уклонения от революционной тактики. И здесь сама собою приходит такая мысль: ведь именно в Польше не было той массовой вооруженной борьбы в декабре 1905 года! И разве не потому именно в Польше и только в Польше привилась извращенная и бессмысленная тактика анархизма, «делающего» революцию, не потому ли, что условия не позволили развиваться там, хотя бы на короткий момент, массовой вооруженной борьбе? Разве традиция *такой* именно борьбы, традиция декабрьского вооруженного восстания, не является порою единственным серьезным средством для преодоления анархических тенденций внутри рабочей партии не с помощью шаблонной, филистерской, мещанской морали, а путем обращения от насилия бесцельного, бессмысленного, распыленного к насилию целевому, массовому, связанному с широким движением и обострением непосредственно пролетарской борьбы?

Вопрос об оценке нашей революции имеет отнюдь не теоретическое только, а и самое непосредственное, практически-злободневное значение. Вся наша работа пропаганды, агитации и организации непрерывно связана в настоящий момент с процессом усвоения самыми широкими массами рабочего класса и полупролетарского населения уроков великих 3-х лет. Мы не можем ограничиться в настоящий момент голым заявлением (в духе резолюций X съезда «левицы» ППС), что данные не позволяют сейчас установить, путь ли революционного взрыва или путь долгих, медленных, мелких шагов вперед лежит сейчас перед нами. Конечно, установить этого не сможет сейчас никакая статистика в мире. Конечно, нашу работу мы должны вести так, чтобы она была вся проникнута общим *социалистическим* духом и содержанием, какие бы тяжелые испытания ни готовило нам будущее. Но это еще не все. Остановиться на этом, значит не уметь дать никакого фактического руководства пролетарской партии. Мы должны прямо поставить и твердо решить вопрос, в каком направлении будем мы вести теперь работу переработки опыта трех лет революции? Мы должны заявить открыто и во всеуслышание, в поучение колеблющихся и падающих духом, в посрамление ренегатствующих и отходящих

от социализма, что рабочая партия видит в непосредственно-революционной борьбе масс, в октябрьской и декабрьской борьбе 1905 года, величайшие движения пролетариата после Коммуны, что только в развитии таких форм борьбы лежит залог грядущих успехов революции, что эти образцы борьбы должны служить нам маяком в деле воспитания новых поколений борцов.

Ведя в таком направлении нашу повседневную работу и памятуя, что лишь многие годы серьезной и выдержанной подготовительной деятельности партии обеспечили ей полное влияние на пролетариат в 1905 году, — мы сумеем достигнуть того, что при любом развитии событий и темпе разложения самодержавия рабочий класс будет неуклонно крепнуть и вырастать в сознательную революционную социал-демократическую силу.

*Напечатано в апреле 1908 г.
в журнале «Przegląd Socjaldemokra-
tyczny» № 2
Подпись: Н. Ленин*

*На русском языке (перевод с польского)
напечатано 10 (23) мая 1908 г.
в газете «Пролетарий» № 30*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»,
сверенному с текстом
журнала*

КАДЕТЫ ВТОРОГО ПРИЗЫВА

Корреспонденция из России, помещаемая в этом номере под заглавием «Научная хроника», заслуживает особого внимания читателей. Мы получили — перед самым выходом нашей газеты — подтверждение тех фактов, о которых говорит корреспондент, и должны остановиться на них подробнее.

Зарождается новая политическая организация; наблюдается некоторый новый поворот общественного движения. Группируются элементы буржуазной демократии, желающие быть «левее кадетов» и привлекающие к себе меньшевиков и социалистов-революционеров. Пробивается как будто некоторое смутное сознание того, что кадетская оппозиция в третьей Думе есть разлагающийся труп и что необходимо «что-то делать» помимо ее.

Таковы факты. Они далеко, далеко не отличаются еще определенностью, но они уже намечают явления понятные и неизбежные с точки зрения тех уроков, которые дали первые три года революции.

Кадеты первого призыва появились на открытой сцене революции летом 1905 года. Они успели за три неполных года отцвести, — не успевши расцвести. На их смену появляются кадеты второго призыва. В чем смысл этой смены и какие задачи ставит она перед рабочей партией?

Кадеты первого призыва шумели на банкетах 1904 года, вели земскую кампанию, выражали начало общественного подъема при совершенно неопределившихся еще отношениях классов к самодержавию и между собою, т. е. до

того времени, когда открытая борьба масс и политика классов, а не группок, определила эти отношения. Кадеты группировали тогда все и всяческие элементы буржуазного, так называемого образованного общества, начиная с помещика, добывавшегося не столько конституции, сколько севрюжины с хреном, и кончая служащей, наемной интеллигенцией. Кадеты готовились *посредничать* между «исторической властью», т. е. царским самодержавием, и борющимися массами рабочего класса и крестьянства. Депутация к царю летом 1905 года была началом этого низкопоклонства, — ибо иного посредничества, кроме низкопоклонства, не понимают русские либералы. И с тех пор не было буквально ни одного сколько-нибудь крупного этапа русской революции, когда бы буржуазный либерализм не «посредничал» тем же методом поклонов самодержавию и слугам черносотенной помещичьей шайки. В августе 1905 года он боролся с революционной тактикой бойкота булыгинской Думы. В октябре 1905 года он выделил открыто контрреволюционную партию октябристов, посылая в то же время Петра Струве в переднюю к Витте и проповедуя умеренность и аккуратность. В ноябре 1905 года он осуждал почтово-телеграфную стачку и соблезновал по поводу «ужасов» солдатских восстаний. В декабре 1905 года он пугливо жался к Дубасову²⁹, с тем, чтобы на другой день громить (лягать — надо бы, пожалуй, сказать) «стихию безумия». В начале 1906 года он горячо защищался от «позорного» подозрения, будто либералы способны агитировать за границы против миллиардного вайма для укрепления самодержавия. В первой Думе либерализм фразерствовал о народной свободе, под сурдинку забегая с заднего крыльца к Трепову и борясь с трудовиками и рабочими депутатами. Выборгским манифестом³⁰ он старался убить двух зайцев, лавировать так, чтобы можно было истолковать его поведение — смотря по надобности — и в духе поддержки революции и в духе борьбы с революцией. Нечего и говорить о второй и третьей Думах, где либерализм кадетов показал во всем блеске свою октябристскую природу.

За три года кадеты «отхозяйничали» настолько, что попытки нового оживления с самого начала связываются с лозунгом «левее кадетов»! Кадеты первого призыва

сделали себя невозможными. Они похоронили себя своим сплошным предательством народной свободы.

Но не заражены ли тем же трупным ядом кадеты второго призыва, идущие на смену старых? Не намереваются ли «социал-кадеты», гг. народные социалисты, которые особенно шумят около новой организации, повторить старую, знакомую уже нам по опыту трех лет, эволюцию?

На этот вопрос надо ответить не гаданиями о будущем, а анализом прошлого. И этот анализ неопровержимо показывает, что «эсеровские меньшевики», гг. народные социалисты действительно играли роль кадетов в той среде трудовицкой, крестьянской политической организации или, вернее, политического движения, в которой они действовали в свои «лучшие дни», например, в эпоху первой Думы. Припомните главные факты из истории «партии» (группка?) народных социалистов в русской революции. В «Союзе освобождения»³¹ они получили свое крещение. На съезде партии эсеров в декабре 1905 года они — вечно колеблющиеся между кадетами и эсерами — защищали нелепую межеумочную позицию, желая быть и вместе и врозь с социалистами-революционерами. В период октябрьских свобод они вели политические газеты в блоке с с.-р. То же в эпоху первой Думы: «высшая» дипломатия, «хитрое» прикрывание разногласий от глаз света! После разгона первой Думы, после неудачи второй волны восстаний, после подавления Свеаборга сии джентльмены *решаются* — повернуть вправо. Они «легализируют» свою партию не для чего иного, разумеется, как для того, чтобы в печати легально разносить идею восстания и доказывать несвоевременность активной республиканской пропаганды. Перед крестьянскими депутатами в первой Думе они одерживают победу над эсерами, собирая 104 подписи под своим аграрным проектом против 33 эсеровских. «Трезвые» буржуазные стремления крестьянского хозяйчика к национализации земли берут верх над туманом «социализации». Вместо стремления к политически-революционной организации крестьян, организации для восстания, мы видим у социал-кадетов стремление к игре в легальность и в парламентаризм, к узкой интеллигентской кружковщине. Колебание русского крестьянина от кадета и от интеллигентского оппорту-

ниста знеса к интеллигентски невыдержанному революционеру эсеру знаменует собой двойственное положение мелкого земледельца, его неспособность без руководства со стороны пролетариата вести выдержанную классовую борьбу.

И если теперь господа знесы снова начинают «путаться» с левыми кадетами, таща за собой несмышленишей — меньшевиков и эсеров, то это значит, что вся компания ничему не научилась за три года революции. Они толкуют, что экономические требования разъединяют. Они хотят объединиться на более близких — политических. Они ровно ничего не поняли в ходе революции, показавшей в России, как и в других странах, что только массовая борьба сильна и что только во имя серьезных экономических преобразований может развернуться такая борьба.

Что меньшевики и эсеры паки и паки тянутся за левыми кадетами, это не новость. Так было на выборах в II Думу в Петербурге. Так было в вопросе о кадетском министерстве и о полномочной Думе у одних, — в тайном блоке с знесами у других. Есть, очевидно, глубокие причины, которые создают у мещанской интеллигенции «влечение род недуга», влечение под крылышко либеральной буржуазии.

Это влечение прикрывают, конечно, как водится, речами об использовании нового подъема или новой группировки сил и т. п.

О да, господа, мы тоже стоим за использование... трупа — только не для «оживления» его, а для удобрения им почвы, не для потакательства гнилым теориям и филистерским настроениям, а для роли «адвоката дьявола». Мы будем учить народ на этом новом, хорошем, превосходном примере знесов и левых кадетов, учить тому, чего не делать, также избегать кадетского предательства и мещанской дряблости. Мы будем следить внимательно за ростом и развитием этого нового уродика (если он не мертворожденный), — напоминая ежечасно, что всякий такой зародыш, *если он не мертворожденный*, неминуемо и неизбежно означает в современной России преддверие массовой борьбы рабочего класса и крестьянства. «Союз освобождения» возрождается. Если так, это значит, что верхи начинают что-то чувствовать. А если так,

это значит, что за началом грядет продолжение, за интеллигентской суетней пролетарская борьба.

И урокам борьбы, урокам революционного сближения только на борьбе и только с революционно борющимися крестьянскими массами, будем мы учить народ по поводу выхода на сцену кадетов второго призыва.

*«Пролетарий» № 30,
10 (23) мая 1908 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ К КОНЦУ XIX ВЕКА³²

*Впервые напечатано в 1918 г.
отдельной брошюрой
в изд. «Жизнь и Знание»*

Печатается по тексту брошюры

Задача настоящей статьи — дать краткий очерк всей совокупности общественно-экономических отношений в русском сельском хозяйстве. Такая работа не может носить характера специального исследования. Она должна подвести итоги марксистскому исследованию, указать место каждой сколько-нибудь крупной черты нашей сельскохозяйственной экономики в общем строе русского народного хозяйства, обрисовать общую линию развития аграрных отношений в России и вскрыть те классовые силы, которые определяют так или иначе это развитие. Мы рассмотрим поэтому с указанной точки зрения землевладение в России, затем помещичье и крестьянское хозяйство, а в заключение дадим общие выводы о том, к чему привела наша эволюция в течение XIX века и какие задачи завещала она XX веку.

I

Землевладение в Европейской России к концу XIX века мы можем обрисовать по данным новейшей поземельной статистики 1905 года (издание Центрального статистического комитета, Спб. 1907³³).

Всего земель в Евр. России было на учете по этому исследованию 395,2 миллиона десятин. Распределение их на три основные группы таково:

I группа — частные владения.....	101,7	млн. дес.
II » » наделън. земли.....	138,8	» »
III » » земли казны и пр.....	154,7	» »

Всего в Европ. России 395,2 млн. дес.

Надо сказать, что в число казенных земель наша статистика вводит свыше сотни миллионов десятин на дальнем севере, в губерниях Архангельской, Олонецкой и Вологодской. Громадную долю казенных земель надо выбрасывать, раз речь идет о действительном сельскохозяйственном фонде Евр. России. В своей работе об аграрной программе социал-демократов в русской революции (работа эта написана в конце 1907 г., но выход ее в свет задержался по независящим от автора обстоятельствам) я определяю действительный сельскохозяйственный фонд Европ. России приблизительно в 280 млн. дес.*. Из казенных земель сюда входит не полтораста миллионов, а всего 39,5 млн. десятин. Следовательно, вне собственности помещичьей и крестьянской остается в Евр. России *менее одной седьмой* доли земельной площади. Шесть седьмых находится в руках двух антагонистических классов.

Посмотрим на землевладение этих классов, различающихся между собою и как сословия, ибо большая часть частновладельческих земель дворянские земли, а наделенные земли — крестьянские. Из 101,7 млн. дес. частновладельческой земли 15,8 млн. принадлежат обществам и товариществам, а остальные 85,9 млн. дес. находятся в личной собственности. Вот распределение этой последней по сословиям за 1905 и, параллельно, за 1877 год:

Сословия владельцев	Принадлежит				В 1905 году	
	в 1905 г.		в 1877 г.		увеличилось + уменьшилось —	
	млн. дес.	%	млн. дес.	%	млн. дес.	во сколько ко раз
Дворянам	53,2	61,9	73,1	79,9	—19,9	—1,40
Духовным лицам	0,3	0,4	0,2	0,2	+ 0,1	+1,74
Купцам и поч. гр.	12,9	15,0	9,8	10,7	+ 3,1	+1,30
Мещанам	3,8	4,4	1,9	2,1	+ 1,9	+1,85
Крестьянам	13,2	15,4	5,8	6,3	+ 7,4	+2,21
Прочим сословиям	2,2	2,5	0,3	0,3	+ 1,9	+8,07
Иностранн. поддан.	0,3	0,4	0,4	0,5	— 0,1	—1,52
<i>Всего личным собственникам</i>	<i>85,9</i>	<i>100,0</i>	<i>91,5</i>	<i>100,0</i>	<i>— 5,6</i>	<i>—1,09</i>

Итак, главные личные собственники в России дворяне. Им принадлежит громадное количество земель. Но направление развития состоит в том, что дворянское землевладение уменьшается. Растет и чрезвычайно быстро растет

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 199. *Ред.*

бессословность землевладения. Всего быстрее за период 1877—1905 годов увеличилось землевладение «прочих сословий» (в восемь раз за 28 лет) и затем крестьян (более чем вдвое). Крестьяне все более и более выделяют, следовательно, такие социальные элементы, которые превращаются в частных поземельных собственников. Это факт общий. И мы должны будем, при анализе крестьянского хозяйства, вскрыть тот общественно-экономический механизм, который производит такое выделение. Пока необходимо точно установить, что развитие частной поземельной собственности в России состоит в переходе от сословности к бессословности. К концу XIX века феодальная или крепостническая земельная собственность дворянства продолжает обнимать громадное большинство всей частной поземельной собственности, но развитие идет явно к созданию буржуазной частной собственности на землю. Убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых людей и т. п. Возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег. Земля все больше и больше втягивается в торговый оборот; в дальнейшем изложении мы увидим, что размеры этого втягивания еще во много раз сильнее, чем показывают одни только данные о землевладении.

Но до какой степени сильна еще «власть земли», т. е. власть средневекового землевладения крепостников-помещиков в России к концу XIX века, это особенно наглядно видно из данных о распределении частной поземельной собственности по размерам владения. Источник, которым мы пользуемся, выделяет особенно подробно данные о крупнейшем частном землевладении. Вот общее распределение по размерам владения:

Группы владений	Владельцев	Земли десятиц	В сред. на 1 владение дес.
10 дес. и менее.....	409 864	1 625 226	3,9
10— 50 ».....	209 119	4 891 031	23,4
50— 500 ».....	106 065	17 326 495	163,3
500— 2 000 ».....	21 748	20 590 708	947
2 000— 10 000 ».....	5 386	20 602 109	3 825
Свыше 10 000 ».....	699	20 798 504	29 754
<hr/>			
<i>Всего свыше 500 дес.</i>	27 833	61 991 321	2 227
<hr/>			
<i>Итого в Европ. России</i>	752 881	85 834 073	114

Отсюда видно, что в частном личном землевладении мелкая собственность играет ничтожную роль. Шесть седьмых всего числа землевладельцев, 619 тысяч из 753 тыс., владеют всего $6\frac{1}{3}$ млн. десятин. Наоборот, латифундии имеются необъятные: *семьсот* собственников владеют в среднем по *тридцать тысяч десятин* каждый. У этих семисот человек втрое больше земли, чем у шестисот тысяч мелких землевладельцев. И латифундии вообще составляют отличительную черту русского частного землевладения. Выделяя все владения свыше 500 десятин, получаем двадцать восемь тысяч собственников, владеющих 62 миллионами десятин, т. е. в среднем по 2 227 дес. на каждого. В руках этих 28 тысяч три четверти всего частного землевладения*. По сословиям владельцев эти громадные латифундии преимущественно дворянские. Из 27 833 владений 18 102, т. е. почти две трети, принадлежат дворянам, и земли у них $44\frac{1}{2}$ млн. дес., т. е. свыше 70% всего количества земли под латифундиями. Ясно таким образом, что в России к концу XIX века громадное количество земель — и притом, как известно, лучших по качеству земель — сосредоточено попрежнему (по-средневековому) в руках привилегированного дворянского сословия, в руках вчерашних крепостников-помещиков. О том, какие формы хозяйства складываются на таких латифундиях, мы будем подробно говорить ниже. Теперь же добавим лишь краткое указание на тот общеизвестный факт, в литературе ярко обрисованный г. Рубакиным, что высшие сановники бюрократии фигурируют один за другим в числе этих владельцев дворянских латифундий³⁴.

Перейдем к надельному землевладению. За исключением 1,9 млн. дес., не распределенных по размерам землевладения, остальная масса, 136,9 млн. дес., находится во владении $12\frac{1}{4}$ миллиона крестьянских дворов. В среднем это дает по 11,1 дес. на двор. Но и надельная земля распределена неравномерно: почти половина ее, 64 млн. дес. из 137, находится в руках 2,1 миллиона богатых земель дворов, т. е. *одной шестой* общего числа.

* Чтобы не пестрить текста цитатами, отметим здесь сразу, что большинство данных взято из вышеуказанной работы и из «Развития капитализма в России», 2-ое изд. СПб., 1908. (См. Сочинения, 4 изд., том 3. Ред.)

Вот сводные данные о распределении наделной земли в Евр. России:

Группы дворов		Дворов	Десятин	В среднем на 1 двор дес.
До 5 дес.	2 857 650	9 030 333	3,1
5 — 8 »	3 317 601	21 706 550	6,5
<i>Всего до 8 дес.</i>		6 175 251	30 736 883	4,9
8 — 15 дес.	3 932 485	42 182 923	10,7
15 — 30 »	1 551 904	31 271 922	20,1
Свыше 30 »	617 715	32 695 510	52,9
<i>Итого в Евр. России</i>		12 277 355	136 887 238	11,1

Итак, больше половины наделных дворов — 6,2 млн. из 12,3 — имеют до 8 дес. на двор. В общем и среднем по всей России это — количество, безусловно недостаточное для содержания семьи. Чтобы судить о хозяйственном положении этих дворов, напомним общие данные военно-конских переписей (единственной статистики, охватывающей периодически и регулярно всю Россию). По 48 губерниям Евр. России, т. е. за исключением Донской области и Архангельской губернии, в 1896—1900 годах насчитано было 11 112 287 крестьянских дворов. Из них безлошадных оказалось 3 242 462, т. е. 29,2%. Однолошадных 3 361 778 дворов, т. е. 30,3%. Известно, что такое безлошадный крестьянин в России (разумеется, мы берем здесь валовые итоги, а не какие-нибудь исключительные районы молочного хозяйства в пригородах, табаководства и т. п.). Известна также нужда и нищета крестьянина однолошадного. Шестимиллионная масса дворов — это значит от 24 до 30 миллионов населения. И все это население — пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью. Если предположить, что для сведения концов с концами в земельном самостоятельном хозяйстве нужны не менее 15 дес., то получим 10 млн. крестьянских дворов, стоящих ниже этого уровня, и у них 72,9 миллиона десятин земли.

Далее. По отношению к наделному землевладению необходимо отметить одну, чрезвычайно важную черту его. Неравномерность распределения наделной земли между крестьянами неизмеримо меньше, чем неравномерность распределения частновладельческой земли. Но зато среди наделных крестьян есть масса другого рода различий,

делений, перегородок. Это — различия между разрядами крестьян, исторически сложившимися в течение долгих веков. Чтобы показать наглядно эти перегородки, возьмем сначала огульные данные по всей Евр. России. Статистика 1905 года дает такие основные разряды. Крестьяне бывшие владельческие — в среднем по 6,7 дес. наделной земли на двор. Бывшие государственные — 12,5 дес. Бывшие удельные — 9,5 дес. Колонисты — 20,2 дес. Чиншевики — 3,1 дес. Резеши — 5,3 дес. Башкиры и тептяри³⁵ — 28,3 дес. Прибалтийские крестьяне — 36,9 дес. Казаки — 52,7 дес. Уже отсюда видно, что наделное землевладение крестьян — чисто средневековое. Крепостное право до сих пор живет в той массе перегородок, которые остались между крестьянами. Разряды отличаются между собой не только количеством земли, но и размерами платежей, условиями выкупа, характером землевладения и т. д. Возьмем вместо огульных данных о всей России данные по одной губернии, и мы увидим тогда, что значат все эти перегородки. Вот земско-статистический сборник по Саратовской губернии³⁶. Кроме общерусских разрядов, т. е. упомянутых уже нами выше, мы видим здесь, что местные исследователи отличают разряды крестьян дарственников, полных собственников, государственных с общинным владением, государственных с четвертным владением, государственных из помещичьих, арендаторов казенных участков, поселян-собственников, переселенцев, вольноотпущенников, безбродных, свободных хлебопашцев, бывших фабричных и т. д. Эта сеть средневековых перегородок доходит до того, что иногда крестьяне одной и той же деревни делятся на две совершенно различные категории «бывших г-на N. N.» и «бывших г-жи M. M.». Наши писатели либерально-народнического лагеря, не умеющие смотреть на русские хозяйственные отношения с точки зрения развития, как на смену крепостнических порядков буржуазными, обыкновенно игнорируют этот факт. На самом же деле история России XIX века и особенно ее непосредственный результат — события начала XX века в России — совершенно не могут быть поняты, если не оценить всего значения этого факта. Страна, в которой происходит рост обмена и развитие капитализма, не может не переживать кризисов всякого рода, если в главной отрасли народного хозяйства средневековые отношения являются на каждом шагу тормозом и помехой. Пресловутая община,

о значении которой нам еще придется говорить, не оберегая крестьянина от пролетаризации, на деле играет роль средневековой перегородки, разобщающей крестьян, точно прикованных к мелким союзам и к потерявшим всякий «смысл существования» разрядам.

Прежде чем переходить к заключительным выводам о землевладении в Евр. России, надо указать еще на одну сторону дела. Ни данные о количестве земли у «верхних 30 тысяч» помещиков и у миллионов крестьянских дворов, ни данные о средневековых перегородках в крестьянском землевладении недостаточны еще для учета действительных размеров того, до какой степени «утеснен», прижат и задавлен наш крестьянин живыми остатками крепостничества. Во-первых, земли, оставленные в надел крестьянам после той экспроприации крестьян в пользу помещиков, которая называется великой реформой 1861 года, несравненно хуже качеством, чем земли помещичьи. Об этом свидетельствует вся громадная литература местных описаний и исследований земской статистики. Об этом имеются неопровержимые массовые данные, показывающие меньшую урожайность крестьянских земель по сравнению с помещичьими; общепризнано, что эта разница в первую голову зависит от худшего качества наделных земель и лишь затем от худшей обработки и от прорех нищенского крестьянского хозяйства. Во-вторых, в массе случаев земли крестьянам при «освобождении» их от земли помещиками в 1861 году отмежеваны таким образом, что крестьяне оказались в западне у «своего» помещика. Русская земско-статистическая литература обогатила науку политическую экономию описанием замечательно оригинального, самобытного, едва ли где-нибудь виданного еще на свете, способа ведения помещичьего хозяйства. Это — хозяйство *посредством отрезных земель*. Крестьяне «освобождены» в 1861 году от необходимых для их хозяйства водопоев, выгонов и т. п. Крестьянские земли вкroены клином между помещичьими, так чтобы господам помещикам был обеспечен чрезвычайно верный — и чрезвычайно благородный — доход от высканий за поправки и пр. «Куренка некуда выпустить», — эта горькая крестьянская правда, этот «юмор висельника» лучше всяких длинных цитат повествует о той особенности крестьянского землевладения, которая не поддается статистическому выражению. Нечего

и говорить, что эта особенность есть чистойшей воды крепостничество, как по своему происхождению, так и по влиянию на способ организации помещичьего хозяйства.

Теперь мы перейдем к заключениям относительно землевладения в Евр. России. Мы показали условия помещичьего и крестьянского землевладения, взятых в отдельности. Мы должны взглянуть теперь на них в их связи. Для этого возьмем приведенную выше приблизительную цифру о величине земельного фонда в Евр. России — 280 млн. дес. — и посмотрим, как вся эта масса распределяется между земельными владениями разного типа. Каковы эти типы, будет показано подробно в дальнейшем изложении, и теперь, забегаая несколько вперед, мы возьмем основные типы предположительно. Земельные владения размером до 15 дес. на двор мы отнесем к первой группе — разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией. Вторую группу составит среднее крестьянство — владение от 15 до 20 дес. Третью — зажиточное крестьянство (крестьянская буржуазия) и капиталистическое землевладение, от 20 до 500 дес. Четвертую — крепостнические латифундии, — свыше 500 дес. Соединяя по этим группам и крестьянское и помещичье землевладение вместе и производя небольшие округления* и примерные исчисления (подробно указываемые мною в названной выше работе), мы получим следующую картину русского землевладения к концу XIX века.

Землевладение в Европейской России к концу XIX века

	Число владений (в миллионах)		На 1 владение дес.
	десятин	дес.	
а) Разоренное крестьянство, придавленное крепостнической эксплуатацией	10,5	75,0	7,0
б) Среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
в) Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение	1,5	70,0	46,7
г) Крепостнические латифундии	0,03	70,0	2 333
Всего	13,03	230,0	17,6
Не распределено по размерам владений		50,0	
Итого	13,03	280,0	21,4

* Напр., к латифундиям добавлено сверх 62 млн. дес. помещичьих земель 5,1 млн. дес. удельных земель и 3,6 млн. дес. у 272 торгово-промышленных товариществ, имеющих каждое свыше 1000 десятин.

Повторяем: правильность экономической характеристики взятых здесь групп будет доказана в дальнейшем изложении. И если частности этой картины (которая по существу дела не может не быть приблизительной) вызовут критику, то мы попросим читателя внимательно следить за тем, чтобы за критикой частных нельзя было контрабандой провести отрицания *сути* дела. А эта суть дела состоит в том, что на одном полюсе русского землевладения мы имеем 10¹/₂ миллионов дворов (около 50 млн. населения) с 75 млн. десятин земли, а на другом полюсе *тридцать тысяч семей* (тысяч около полутораста населения) с 70 млн. десятин земли.

Нам остается теперь, чтобы покончить с вопросом о землевладении, выйти за пределы Европейской собственно России, и рассмотреть в общих чертах значение колонизации. Чтобы дать читателю некоторое представление о всем земельном фонде Российской империи (кроме Финляндии), воспользуемся данными г. Мертваго. Для наглядности мы приведем их в табличной форме и добавим цифры населения по переписи 1897 года.

	Всего земля		В том числе		В том числе угодья				Население 1897 г.	
	Кв. верст тысяч	Десятин млн.	Земля, о которой нет данных оф. данных, млн. дес.	Земля на учете млн дес.	Пашня	Повоса	Леса	Итого	Всего тыс.	На 1 кв. версту
10 губ. Царства Польского.....	111,6	11,6	—	11,6	7,4	0,9	2,5	10,8	9402,2	84,3
38 губ. на запад от Волги.....	1755,6	183,0	—	183,0	93,6	18,7	34,0	146,3	—	—
12 губ. на сев. и юго-вост. от Волги.....	2474,9	258,0	—	258,0	22,3	7,1	132,0	161,4	—	—
Итого 50 губ. Евр. России.....	4236,6	441,0	—	441,0	115,9	26,8	166,0	307,7	93442,9	22,1
Кавказ.....	411,7	49,9	22,1	20,8	6,6	2,2	2,5	11,3	9289,4	22,6
Сибирь.....	10966,1	1142,8	639,7	602,0	4,3	3,9	121,0	129,2	6768,8	0,6
Ср. Азия.....	3141,6	327,3	167,4	169,9	0,9	1,6	6,0	10,6	7746,7	2,6
Итого Азиатск. Россия.....	14610,4	1612,8	819,2	693,6	11,7	7,7	131,5	150,9	—	—
Всего Российской империи.....	18801,5	1963,4	619,2	1146,2	136,6	34,4	300,0	469,4	125640,0	6,7

Из этих цифр ясно видно, как мало мы еще знаем об окраинах России. Конечно, думать о «решении» земельного вопроса внутренней России посредством переселения на окраины было бы верхом нелепости. Не подлежит ни малейшему сомнению, что предлагать такое «решение» могут только шарлатаны, что те противоречия старых латифундий в Евр. России новым условиям жизни и хозяйства в той же Евр. России, которые мы показали выше, должны быть «разрешены» тем или иным переворотом в *Евр. России*, а не вне ее. Не в том дело, чтобы переселением избавлять крестьян от крепостничества. Дело в том, что наряду с аграрным вопросом центра стоит аграрный вопрос колонизации. Не в том дело, чтобы заслонять кризис в Евр. России вопросом о колонизации, а в том, чтобы показать губительные результаты крепостнических латифундий и на центр и на окраины. Русскую колонизацию *тормозят* остатки крепостничества в центре России. Иначе как аграрным переворотом в Евр. России, иначе как освобождением крестьян от гнета крепостнических латифундий *нельзя* освободить и урегулировать русской колонизации. Это урегулирование должно состоять не в бюрократических «заботах» о переселении и не в «организации переселений», о которой любят говорить писатели либерально-народнического лагеря, а в устранении тех условий, которые осуждают русского крестьянина на темноту, забитость и одичание в вечной кабале у владельцев латифундий.

Г. Мертваго в брошюре, написанной им вместе с г. Прокоповичем («Сколько в России земли, и как мы ею пользуемся?» М., 1907), справедливо указывает на то, что рост культуры превращает неудобные земли в удобные. Академики Бер и Гельмерсен, знатоки дела, писали в 1845 году, что таврические степи *«всегда будут принадлежать к беднейшим и неудобовозделываемым по климату и недостатку в воде!»*³⁷. Тогда население Таврической губ. производило 1,8 млн. четвертей хлеба. Через 60 лет население удвоилось и производит 17,6 млн. четвертей, т. е. почти вдесятеро больше.

Это очень верное и важное рассуждение, но только г. Мертваго забыл одно: главным условием, позволившим быструю колонизацию Новороссии, было *падение крепостного права* в центре России. Только переворот в центре

дал возможность быстро, широко, по-американски, заселить юг и индустриализировать его (про *американский* рост юга России после 1861 года говорено ведь очень и очень много). И теперь только переворот в Европейской России, только полное устранение в ней остатков крепостничества, избавление крестьян от средневековых латифундий в состоянии *действительно* открыть новую эру колонизации.

Колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны. Конец XIX века ставит перед нами альтернативу: либо решительная ликвидация крепостничества в «исконных» русских губерниях; тогда быстрое, широкое, американское развитие колонизации наших окраин обеспечено. Либо затяжка аграрного вопроса в центре; тогда неизбежна долгая задержка в развитии производительных сил, сохранение крепостнических традиций и в колонизационном деле. В первом случае земледельце будет вести свободный фермер, во втором кабальный мужик и «хозяйничающий» посредством отрезных земель барин.

II

Переходим к организации помещичьего хозяйства. Общеизвестно, что основной чертой этой организации является соединение капиталистической системы («вольный наем») с отработочной. Что же такое эта отработочная система?

Для ответа на этот вопрос необходимо взглянуть на организацию помещичьего хозяйства при крепостном праве. Всем известно, чем было крепостное право с точки зрения юридической, административной, бытовой. Но очень редко задаются вопросом о том, в чем была сущность экономических отношений помещиков и крестьян при крепостном праве. Крестьян наделяли тогда землей помещики. Иногда они ссужали крестьянам и другие средства производства, напр., лес, скот и т. п. Какое же значение имело это наделение крепостных крестьян помещичьей землей? Надел был тогда *формой заработной платы*, если говорить применительно к современным отношениям. В капиталистическом производстве заработная плата рабочему выплачивается деньгами. Прибыль капиталиста реализуется в виде денег. Необходимый и прибавочный труд (т. е. труд, оплачивающий содержание рабочего, и труд, дающий неоплаченную прибавочную стоимость капиталисту)

соединены вместе в один процесс труда на фабрике, в один фабричный рабочий день и т. д. Иначе обстоит дело в барщинном хозяйстве. Необходимый и прибавочный труд есть и здесь, как есть он и в рабском хозяйстве. Но эти оба вида труда разделены во времени и в пространстве. Крепостной крестьянин три дня работает на барина, три дня на себя. На барина он работает на помещичьей земле или над помещичьим хлебом. На себя он работает на наделной земле, добывая сам для себя и для своей семьи тот хлеб, который необходим на содержание рабочей силы для помещика.

Следовательно, крепостная или барщинная система хозяйства одинакова с капиталистической в том отношении, что в обеих работник получает лишь продукт необходимого труда, отдавая продукт прибавочного труда без оплаты собственнику средств производства. Отличается же система крепостного хозяйства от капиталистической в трех следующих отношениях. Во-первых, крепостное хозяйство есть натуральное хозяйство, капиталистическое же — денежное. Во-вторых, в крепостном хозяйстве орудием эксплуатации является *прикрепление* работника к земле, наделение его землей, в капиталистическом же — освобождение работника от земли. Для получения дохода (т. е. прибавочного продукта) крепостник-помещик должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом. Безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации. Для получения дохода (прибыли) капиталист должен иметь перед собой именно безземельного, бесхозяйного работника, вынужденного продавать свою рабочую силу на свободном рынке труда. В-третьих, наделенный землей крестьянин должен быть *лично зависим* от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как *под принуждением*. Система хозяйства порождает здесь «внеэкономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д. Напротив, «идеальный» капитализм есть полнейшая свобода договора на свободном рынке — между собственником и пролетарием.

Только отчетливо уяснив себе эту экономическую сущность крепостного или, что то же, барщинного хозяйства, мы можем понять историческое место и значение отработ-

ков. Отработки, это — прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки, это — переход от барщины к капитализму. Сущность отработков в том, что помещичьи земли обрабатывают крестьяне *своим инвентарем* за плату частью денежную, частью натурой (за землю, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду и т. п.). Известная под именем исполщины форма хозяйства есть одна из разновидностей отработков. Для отработочного помещичьего хозяйства *необходим* наделенный землей крестьянин, имеющий хоть самый плохенький живой и мертвый инвентарь; необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу. Кабала вместо свободного найма есть необходимый спутник отработков. Помещик выступает здесь не как предприниматель-капиталист, владеющий деньгами и всей совокупностью орудий труда. Помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешева.

Чтобы нагляднее показать это, возьмем данные департамента земледелия, — источник, стоящий выше всяких подозрений в недоброжелательстве к господам землевладельцам. Известное издание «Вольнонаемный труд в хозяйстве» и т. д. (вып. V «С.-х. и стат. свед., получ. от хозяев». Спб., 1892)³⁸ дает сведения о средней черноземной полосе за 8 лет (1883—1891): средней платой за полную обработку крестьянским инвентарем одной десятины озимого хлеба надо считать 6 руб. Если же рассчитать стоимость тех же работ по вольному найму, то получаем — говорит то же издание — 6 р. 19 коп. только за пеший труд, *не считая* работы лошади; эту работу нельзя считать меньше 4 р. 50 к. (цит. изд., стр. 45; «Развитие капитализма в России», стр. 141*). Следовательно, вольнонаемная цена равняется 10 р. 69 к., отработочная же — 6 р. Как объяснить это явление, если оно представляет из себя не случайное, не единичное что-либо, а нормальное и обычное? Такие слова, как «кабала», «ростовщичество», «лихоимство» и т. п., описывают форму сделки и характер ее, но не объясняют ее хозяйственной сущности. Как может крестьянин в течение ряда лет исполнять за 6 р. работу, которая стоит 10 р. 69 к.? Крестьянин *может*

* См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 167. Ред.

это делать потому, что его надел покрывает часть расходов крестьянской семьи и *позволяет* понижать заработную плату ниже «вольнораемной» нормы. Крестьянин вынужден это делать именно потому, что убогий надел привязывает его к соседнему помещику, не давая возможности жить со своего хозяйства. И понятно, что «нормальным» такое явление может быть лишь как одно из звеньев процесса вытеснения барщины капитализмом. Ибо крестьянин неминуемо разоряется в силу таких условий и медленно, но верно превращается в пролетария.

Вот еще однородные, но несколько более полные данные по Саратовскому уезду. Средняя цена за обработку одной десятины с уборкой, возкой хлеба и молотью составляет 9,6 рублей при зимнем заподряде с выдачей вперед 80—100% заработной платы. При отработках за аренду пашни цена — 9,4 рубля. При вольном найме — 17½ рублей! Жатва и возка при отработках стоит 3,8 рубля за десятину, при вольном найме — 8½ рублей и т. д. Каждая из этих цифр содержит в себе длинную повесть бесконечной крестьянской нужды, кабалы и разорения. Каждая из этих цифр свидетельствует о том, как *живы* к концу XIX века в России крепостническая эксплуатация и пережитки барщины.

Распространенность отработочной системы очень трудно поддается учету. Дело обстоит обыкновенно так, что в помещичьем хозяйстве соединяются отработочная и капиталистическая система, применяемые по отношению к различным операциям земледелия. Незначительная часть земли обрабатывается помещичьим инвентарем и наемными рабочими. Большая часть земли сдается в аренду крестьянам, исполно, под отработки. Вот несколько иллюстраций, заимствуемых нами из обстоятельной работы г. Кауфмана, который свел ряд новейших данных о частновладельческом хозяйстве*. Тульская губ. (сведения относятся к 1897—1898 гг.) — «помещики остались при старом трехполье... дальняя земля разбирается крестьянами»; обработка владельческих земель в высшей степени неудовлетворительная. Курская губерния: ...«поддесятичная раздача земли крестьянам, выгодная вследствие высо-

* «Аграрный вопрос». Изд. Долгорукова и Петрушевнича, т. II, М., 1907, стр. 442—628: «К вопросу о культурно-хозяйственном значении частного землевладения».

жих цен..., привела к истощению почвы». Воронежская губ.: ... средние и мелкие владельцы «в большинстве ведут хозяйство исключительно при помощи крестьянского инвентаря или же сдают свои имения в аренду... в большинстве хозяйств практикуются приемы, отличающиеся отсутствием каких бы то ни было улучшений».

Подобные отзывы показывают нам, что к концу XIX века вполне применима та общая характеристика различных губерний Европ. России по преобладанию отработочной или капиталистической системы, которую дал г. Анненский в книге «Влияние урожаев и т. д.». Приводим эту характеристику в виде таблички:

	Число губерний			Всего посевов у частновла- дельцев (тыс. дес.)
	В черно- земной	В нечерно- земной	Всего	
I. Губернии с преобла- данием капиталисти- ческой системы.....	9	10	19	7 407
II. Губ. с преобл. сме- шан. системы.....	8	4	7	2 222
III. Губ. с преобл. отра- боточной системы.....	12	5	17	6 281
<i>Всего</i>	24	19	43	15 910

В черноземной полосе, следовательно, отработки безусловно преобладают, отступая на задний план во всех 43 губерниях, включенных в данную таблицу. Важно отметить при этом, что в I группе (капиталистическая система) числятся как раз не характерные для земледельческого центра местности: прибалтийские губернии, юго-западные (свекловичный район), южные, обе столичные.

Какое влияние оказывают отработки на развитие производительных сил земледелия, об этом красноречиво говорят материалы, сведенные в работе г. Кауфмана. «Не может подлежать сомнению, — читаем там, — что мелкая крестьянская аренда и исполщина является одним из условий, наиболее тормозящих прогресс сельского хозяйства»... в обзорах сельского хозяйства по Полтавской губернии постоянно указывается на то, что «съемщики плохо обрабатывают землю, засевают плохими семенами, засоряют ее».

В Могилевской губ. (1898 г.) «всякое улучшение в хозяйстве тормозится неудобствами испольного хозяйства». Скопщина³⁹ является одной из главных причин того, что «сельское хозяйство в Днеспровском уезде находится в таком положении, что нечего и думать о каких-либо нововведениях и улучшениях». «Наши материалы, — пишет г. Кауфман (стр. 517), — дают нам ряд определенных указаний на то, что даже в пределах одного и того же имения на землях, сдаваемых в аренду, старые, отжившие свой век способы хозяйства продолжают держаться в то время, когда на землях собственной запашки уже введены новые, более совершенные системы полеводства». Напр., на арендуемых землях держится трехполье иногда даже без навозного удобрения, — на землях экономической запашки многопольные севообороты. Исполщина тормозит травосеяние, мешает распространению удобрения, задерживает применение лучших с.-х. орудий. Результат всего этого наглядно сказывается на данных об урожаях. Вот, напр., одна латифундия Симбирской губернии: урожай ржи на экономической запашке 90 пуд. с дес., пшеницы 60 пуд., овса 74 пуд., а на испольных землях 58—28—50 пудов. Вот общие данные по целому уезду (Горбатовский, Нижегородской губернии):

Урожайность ржи в пудах с десятины

Почвенные разряды	Надельные земли	Частновладельческие земли			
		Эконом. посевы	Исполщ.	Аренд.	
I	62	74	—	44	
II	55	63	49	—	
III	51	60	50	42	
IV	48	69	51	51	
<i>Для всех разряд.....</i>		54*	66	50	45*

Итак, помещичьи земли, обрабатываемые крепостнически (испольщина и мелкая аренда), дают *меньшие* урожаи, чем надельные земли! Это — громадной важности факт, ибо он неопровержимо доказывает, что главная и основная причина сельскохозяйственной отсталости России, застоя всего народного хозяйства и невиданного на свете при-

* У г. Кауфмана, стр. 521, видимо, опечатка в этих двух цифрах.

нижения земледельца есть *отработочная система*, т. е. прямой пережиток крепостничества. Никакие кредиты, никакие мелиорации, никакая «помощь» крестьянину, никакие излюбленные бюрократами и либералами меры «содействия» не дадут никаких серьезных результатов, пока остается гнет крепостнических латифундий, традиций, систем хозяйства. И наоборот, аграрный переворот, уничтожающий помещичье землевладение и разрывающий старую средневековую общину (национализация земли, например, разрывает ее не полицейским, не чиновничьим путем), непременно послужил бы основой замечательно быстрого и действительно широкого прогресса. Невероятно низкий урожай испольных и арендных земель обязан системе работ: «на барина». Не только урожай с этих земель поднялись бы, если бы тот же, теперешний земледелец освободился от работы «на барина», но и урожай надельных земель поднялся бы неизбежно просто в силу устранения крепостнических помех хозяйству.

При данном же положении вещей капиталистический прогресс частновладельческого хозяйства имеется, конечно, налицо, но он чрезвычайно медленен и неизбежно обременяет Россию на долгие времена политическим и социальным господством «дикого помещика». Мы рассмотрим теперь, в чем проявляется этот прогресс, и попытаемся определить некоторые общие результаты его.

Что урожайность «экономических» посевов, т. е. обрабатываемых капиталистически помещичьих земель, выше крестьянских, это указывает на технический прогресс капитализма в земледелии. Прогресс этот связан с переходом от отработочной системы к вольнонаемной. Разорение крестьянства, обезлошадение, потеря инвентаря, пролетаризация земледельца *заставляют* помещиков переходить к работе своим инвентарем. Растет употребление машин в сельском хозяйстве, повышающих производительность труда и неизбежно ведущих к развитию чисто капиталистических производственных отношений. Сельскохозяйственных машин ввозилось в Россию из-за границы на 788 тыс. руб. в 1869—1872 годах, на 2,9 млн. руб. в 1873—1880 годах, на 4,2 млн. руб. в 1881—1888 годах, на 3,7 млн. руб. в 1889—1896 годах, на 15,2—20,6 млн. руб. в 1902—1903 годах. Производство с.-х. машин в России определялось (приблизительно, по довольно грубой

статистике фабрик и заводов) в 2,3 млн. руб. в 1876 году, в 9,4 млн. руб. в 1894 году, в 12,1 млн. руб. в 1900—1903 годах. Неоспоримо, что эти цифры свидетельствуют о прогрессе земледелия и именно капиталистическом прогрессе, конечно. Но так же неоспоримо, что прогресс этот чрезвычайно медленен по сравнению с тем, что возможно в современном капиталистическом государстве: пример — Америка. По переписи 1 июня 1900 года в Соед. Штатах было земли под фермами 838,6 млн. акров, т. е. около 324 млн. дес. Число ферм — 5,7 млн., так что среднее на 1 ферму — 146,2 акра (ок. 60 дес.). И вот, производство сельскохозяйственных орудий для этих фермеров равнялось 157,7 миллионам долларов в 1900 году (в 1890 г. — 145,3 млн. долл.; в 1880 г. — 62,1 млн. долл.)*. Русские цифры до смешного малы по сравнению с этими, и малы они потому, что велики у нас и сильны крепостнические латифундии.

Сравнительное распространение улучшенных сельскохозяйственных орудий у владельцев и крестьян было предметом специальной анкеты, произведенной министерством земледелия в середине 90-х годов прошлого века. Сводку данных этой анкеты, изложенных подробно у г. Кауфмана, мы можем привести в следующей таблице:

Районы	Процент показаний о широкой распространенности улучшенных с.-х. орудий	
	У владельцев	У крестьян
Центр. земледельч.	20 — 51	8 — 20
Средневолжский	18 — 66	14
Новороссийский	50 — 91	33 — 65
Белорусский	54 — 86	17 — 41
Приозерный	24 — 47	1 — 21
Подмосковный	22 — 51	10 — 26
Промышленный	4 — 8	2

В среднем по всем этим районам получаем 42% у помещиков и 21% у крестьян.

Относительно распространения навозного удобрения все данные статистики равным образом неопровержимо

* «Abstract of the Twelfth Census». 1900, Third Edition, Washington, 1904, pages 217 and 302 — agricultural implements («Обзор двенадцатой переписи». 1900, 3-е изд., Вашингтон, 1904, стр. 217 и 302 — сельскохозяйственные орудия. Ред.).

свидетельствуют, «что в этом деле владельческое хозяйство все время шло и до сих пор стоит далеко впереди крестьянского» (Кауфман, стр. 544). Мало того: довольно широко распространено было в пореформенной России такое явление, как покупка навоза помещиками у крестьян. Это уже — результат самой крайней крестьянской нужды. В последнее время явление это идет на убыль.

Наконец, точные и массовые статистические данные по вопросу о высоте земледельческой техники в помещичьем и крестьянском хозяйстве имеются относительно распространения травосеяния (Кауфман, стр. 561). Вот главные выводы:

Годы	Посев кормовых трав в Европ. России	
	У крестьян	У владельцев
1881	49,8 тыс. дес.	491,6 тыс. дес.
1901	499,0 »	1046,0 »

Каков результат всех этих различий между помещичьим и крестьянским хозяйством? Для суждения об этом есть только данные об урожайности. По всей Евр. России в среднем за 18 лет (1883—1900) урожайность была следующая (в четвертях):

	Пшеница			
	Рожь	овинная	яровая	Овес
У владельцев	6,0	5,75	5,0	8,5
У крестьян	5,0	5,0	4,25	7,0
Разница	16,7%	13,0%	15,0%	17,6%

Г. Кауфман совершенно прав, когда говорит, что разница эта «очень не велика» (стр. 592). Надо принять при этом во внимание не только то, что крестьянам оставлены были в 1861 г. худшие земли, но и то, что общие средние относительно всего крестьянства скрадывают (как мы сейчас увидим) крупные различия.

Общий вывод, который мы должны сделать из рассмотрения помещичьего хозяйства, следующий. Капитализм совершенно явственно пролагает себе дорогу в этой области. Смена идет от барщинного к вольнонаемному хозяйству. Технический прогресс капиталистического земледелия по сравнению с отработочным и мелким крестьянским намечается во всех направлениях вполне определенно. Но прогресс этот необыкновенно медленен

для современной капиталистической страны. И конец XIX века застаёт в России самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий, в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни.

III

Крестьянское хозяйство составляет центральный пункт современного аграрного вопроса в России. Мы показали выше, каковы условия крестьянского землевладения, и теперь должны обратиться к организации крестьянского хозяйства — не в техническом, а в политико-экономическом смысле слова.

На первом месте мы встречаем здесь вопрос о крестьянской общине. Ему посвящена чрезвычайно обширная литература, и народническое направление нашей общественной мысли связывает основные пункты своего мирозерцания с национальными особенностями этого «уравнительного» учреждения. Надо прежде всего заметить по этому поводу, что в литературе о русской поземельной общине постоянно переплетаются и сплошь да рядом смешиваются две различные стороны вопроса: агрикультурная и бытовая, с одной стороны, и политико-экономическая, с другой. В большинстве сочинений по общине (В. Орлов, Трирогов, Кейслер, В. В.)⁴⁰ первой стороне вопроса уделяется так много места и внимания, что вторую сторону совершенно оставляют в тени. Между тем подобный прием глубоко неправилен. Своеобразие русских поземельных отношений по сравнению с отношениями любой иной страны не подлежит сомнению, но не найдется двух чисто капиталистических, общепризнанных капиталистических стран, которые не различались между собой столь же значительно аграрным бытом, историей земельных отношений, формами землевладения и землепользования и т. д. То, что придало вопросу о русской поземельной общине его значение и его остроту, то, что разделило, начиная со второй половины XIX века, два основных направления нашей общественной мысли — народническое и марксистское, — это вовсе не агрикультурная и не бытовая сторона вопроса. Воз-

можно, что ей должны были уделять много внимания местные исследователи как для того, чтобы всесторонне учесть именно местные особенности земледельческого быта, так и для того, чтобы отразить невежественные, чисто наглые, покушения бюрократии на мелочную, проникнутую полицейским духом, регламентацию. Но для экономиста во всяком случае совершенно непозволительно заслонять изучением разновидностей переделов, техники их и т. п. вопрос о том, какие *типы хозяйств* складываются *внутри* общины, как развиваются эти типы, как складываются отношения между нанимающими рабочих и нанимающимися на черную работу, между зажиточными и бедной, между улучшающими хозяйство и вводящими усовершенствования в технике и разоряющимися, забрасывающими хозяйство, бегущими из деревни. Несомненно, что сознание этой истины и побудило наших земских статистиков — давших неоценимый материал для изучения народного хозяйства России — перейти в 80-х годах прошлого века от *казенной* группировки крестьян по общинам, по наделу, по числу ревизских или наличных душ мужского пола, к единственно-научной группировке по *хозяйственной состоятельности* дворов. Напомним, что в те времена, когда интерес к экономическому изучению России был особенно велик, даже такой «партийный» в этом вопросе писатель, как г. В. В., от всей души приветствовал «новый тип местно-статистического издания» (заглавие статьи г. В. В. в «Северном Вестнике»⁴¹ за 1885 г., № 3) и заявлял: «необходимо цифровые данные приурочивать не к такому аггломерату разнообразнейших экономических групп крестьянства, как село или община, а к самим этим группам».

Основная черта нашей общины, придавшая ей особое значение в глазах народников, есть уравнительность землепользования. Мы оставим совершенно в стороне вопрос о том, как достигает община этой уравнительности, а обратимся прямо к экономическим фактам, к результатам этой уравнительности. Распределение всей наделной земли в Евр. России, как мы показали выше на точных данных, далеко не уравнительное. Между разрядами крестьян, между крестьянами разных деревень, даже между крестьянами разных помещиков («бывших») в одной деревне распределение тоже не имеет ничего общего

с уравнительным. Только внутри мелких общин аппарат переделов создает уравнительность этих небольших замкнутых союзов. Посмотрим же на данные земской статистики относительно распределения наделной земли между дворами. При этом, разумеется, мы должны взять группировку дворов не по величине семьи, не по числу работников, а непременно по *хозяйственной состоятельности* отдельных дворов (посев, число штук рабочего скота, количество коров и т. п.), ибо вся сущность капиталистической эволюции мелкого земледелия состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения. Мы затушевали бы, следовательно, все особенности новой хозяйственной эволюции, если бы не задались целью изучить специально различия в хозяйственной состоятельности внутри крестьянства.

Возьмем сначала один типичный уезд (подворные исследования земской статистики с детальными комбинационными таблицами приурочены к отдельным уездам) и ватем приведем основания, которые заставляют распространить интересующие нас выводы на крестьянство всей России. Материал заимствуем из «Развития капитализма», глава II*.

В Красноуфимском уезде, Пермской губернии, в которой имеется исключительно общинное крестьянское землевладение, наделная земля распределяется следующим образом:

	На один двор	
	Душ об. п.	Надельн. земли дес.
Не обрабатыв. земли	3,5	9,8
Обраб. до 5 дес.	4,5	12,9
» 5 — 10 »	5,4	17,4
» 10 — 20 »	6,7	21,8
» 20 — 50 »	7,9	28,8
» бол. 50 »	8,2	44,6
<i>Всего</i>	5,5	17,4

Мы видим, что с повышением хозяйственной состоятельности дворов безусловно правильно повышается размер

* См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 48—154. Ред.

семьи. Ясно, что многосемейность является одним из факторов крестьянского благосостояния. Это бесспорно. Вопрос только в том, к каким общественно-экономическим отношениям приводит это благосостояние в данной обстановке всего народного хозяйства. Что касается до наделной земли, то мы видим неравномерность ее распределения, хотя и не слишком значительную. Чем состоятельнее крестьянский двор, тем больше наделной земли приходится на 1 душу населения. В низшей группе меньше 3 дес. наделной земли на 1 душу об. п.; в дальнейших группах около 3 десятин — три дес. — около 4-х — четыре — и, наконец, в последней высшей группе свыше 5 дес. наделной земли на 1 душу об. п. Следовательно, многосемейность и наибольшая обеспеченность наделной землей служат основой зажиточности *небольшого меньшинства* крестьян. Ибо две высшие группы охватывают всего *одну десятую* долю общего числа дворов. Вот процентные соотношения между числом дворов, количеством населения и распределением наделной земли:

Группы дворов	Проценты к итогу		
	Дворов	Населения об. п.	Наделной земли
Не обработ. земли.....	10,2	6,5	5,7
Обработ. до 5 дес.	30,3	24,8	22,6
» 5 — 10 »	27,0	26,7	26,0
» 10 — 20 »	22,4	27,3	28,3
» 20 — 50 »	9,4	13,5	15,5
» более 50 »	0,7	1,2	1,9
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0

Из этих цифр видно ясно, что пропорциональность распределения наделной земли есть налицо, что результат общинной уравнительности учитывается нами. Процентные доли населения по группам и наделной земли по группам довольно близки одна к другой. Но и тут уже начинает сказываться влияние хозяйственной состоятельности отдельных дворов: у низших групп доля земли *меньше* доли населения, у высших групп — *больше*. И это явление не единичное, не одного только уезда касающееся, а общее для всей России. В вышеуказанной работе мною сведены однородные данные по 21 уезду 7 губерний самых различных местностей России. Эти данные, охватывающие

полмиллиона крестьянских дворов, показывают везде одинаковые отношения. У 20% зажиточных дворов 26,1% — 30,3% населения и 29,0% — 36,7% надельной земли. У 50% беднейших дворов 36,6% — 44,7% населения и 33,0% — 37,7% надельной земли. Пропорциональность распределения надельной земли есть везде, и в то же время везде сказывается то, что община *подается* в сторону крестьянской буржуазии; отступления от пропорциональности идут повсюду в пользу высших групп крестьянства.

Таким образом, было бы глубокой ошибкой думать, что, изучая группировку крестьянства по хозяйственной состоятельности, мы игнорируем «уравнительное» влияние общины. Как раз напротив, мы именно учитываем посредством точных данных действительное хозяйственное значение этой уравнительности. Мы именно показываем, насколько простирается эта уравнительность, к чему приводит, *в конце концов*, вся система переделов. Пусть эта система дает наилучшее распределение земель разного качества и разных угодий, но неоспорим факт, что перевес зажиточных групп крестьянства над беднейшими сказывается и в распределении надельной земли. Распределение других, не надельных, земель, как мы сейчас увидим, неизмеримо более неравномерно.

Известно значение аренды в крестьянском хозяйстве. Нужда в земле вызывает необыкновенно разнообразные формы кабальных отношений на этой почве. Сплошь да рядом, как мы уже говорили выше, аренда земли крестьянами является по сути дела отработочной системой помещичьего хозяйства, — является крепостническим способом приобретения рабочих рук для барина. Таким образом, крепостническое значение нашей крестьянской аренды не подлежит сомнению. Но, раз мы имеем перед собой капиталистическую эволюцию данной страны, мы должны специально исследовать, как проявляются и проявляются ли *буржуазные* отношения в крестьянской аренде. Для этого опять-таки необходимы данные о различных хозяйственных группах крестьянства, а не о целых общинах и деревнях. Напр., в «Итогах земской статистики» г. Карышев должен был признать, что натуральные аренды (т. е. аренды не за деньги, а исполу или за отработки) по общему правилу *везде* дороже денежных, и притом значительно дороже, иногда вдвое; далее, что натуральные

аренды развиты *всего сильнее в беднейших группах крестьянства*. Сколько-нибудь состоятельные крестьяне стараются снимать землю за деньги. «Наниматель пользуется малейшей возможностью вносить арендную сумму деньгами и тем удешевить стоимость пользования чужой землей» (Карышев в цит. соч., стр. 265)⁴².

Значит, крепостнические черты нашей аренды всей тяжестью ложатся на беднейших крестьян. Зажиточные стараются высвободиться из средневекового ярма, и это удается им лишь в той мере, в какой они располагают достаточными денежными суммами. Есть деньги — можешь снять землю за наличные по обыкновенным рыночным ценам. Нет денег — идешь в кабалу, платишь втридорога за землю в виде ли испольщины или в виде отработков. Мы видели выше, во сколько раз отработочные цены за труд ниже вольнонаемных цен. А если условия аренды различны для крестьян разной состоятельности, то ясно, что мы не можем ограничиться (как это постоянно делает Карышев) группировкой крестьян по наделу, ибо такая группировка *искусственно* сливает дворы разной состоятельности, смешивает сельский пролетариат с крестьянской буржуазией.

Возьмем для иллюстрации данные по Камышинскому уезду, Саратовской губернии, почти сплошь общинной (из 2 455 общин этой губернии 2 436 имеют землю в общинном владении). Вот каковы здесь отношения между разными группами дворов по аренде земли:

Группы домохозяев	% Дворов	Приходится на 1 надельный двор десятины	
		Надельной пашни	Арендованной земли
Без рабоч. скота	26,4	5,4	0,3
С 1 гол. рабочего скота	20,3	6,5	1,6
» 2 » »	14,6	8,5	3,5
» 3 » »	9,3	10,1	5,6
» 4 » »	8,3	12,5	7,4
» 5 и более »	21,1	16,1	16,6
<i>Всего</i> 100,0		9,3	5,4

Распределение надельной земли уже знакомо нам: состоятельные дворы лучше обеспечены ею по расчету на единицу населения, чем бедные. Распределение аренды оказывается *в десятки раз* более неравномерное. В высшей группе втрое больше надельной земли, чем в низшей (16,1 против

5,4). Арендванной же земли в высшей группе *в пятьдесят раз* больше, чем в низшей (16,6 против 0,3). Аренда, следовательно, не выравнивает различия между крестьянами по хозяйственной состоятельности, а в десятки раз усиливает, обостряет их. Обратный вывод, который неоднократно встречается у экономистов-народников (В. В., Ник. — он⁴³, Маресс, Карышев, Вихляев и др.), основан на следующей ошибке. Берут обыкновенно группировку крестьян по наделу и показывают, что малонадельные больше арендуют, чем многонадельные. На этом и останавливаются, не указывая, что арендуют землю преимущественно зажиточные двory малонадельных общин, и что поэтому кажущаяся уравнительность общин только прикрывает величайшую неравномерность распределения внутри общин. Карышев, напр., сам признает, что «большими арендами пользуются а) менее обеспеченные землей разряды, но б) более обеспеченные в них группы» (стр. 139 указ. соч.), но, тем не менее, не исследует систематически распределения аренды по группам.

Чтобы яснее была эта ошибка экономистов-народников, приведем один пример — г. Маресса (в книге «Влияние урожая и хлебных цен», т. I, стр. 34). Он выводит из данных по Мелитопольскому уезду «приблизительно равномерное подушное распределение аренды». В чем дело? В том, что если распределить двory по числу работников муж. пола, то окажется, что двory без работников арендуют «в среднем» по 1,6 дес. на арендуемый двор, двory с 1 работником по 4,4 дес.; с двумя — по 8,3 дес., с тремя — по 14,0 дес. В том-то и соль, что эти «средние» объединяют двory совершенно различной хозяйственной состоятельности, что среди, напр., двory с работником есть двory, арендуемые по 4 дес. и сеющие 5—10 дес. при 2—3 головах рабочего скота, и двory, арендуемые по 38 дес., сеющие более 50 дес. при 4 и более головах рабочего скота. Таким образом выведенная г. Марессом уравнительность *фиктивна*. На деле в Мелитопольском уезде 20% богатейших двory, несмотря на наибольшую обеспеченность их и надельной и купчей землей, концентрируют 66,3%, т. е. две трети всей арендованной земли, оставляя всего 5,6% ее на долю *половины* беднейших двory.

Далее. Если мы видим, с одной стороны, аренду одной десятины или даже части ее в дворах безлошадных и одно-

лошадных, а с другой стороны, аренду 7—16 десятин у дворов четырех- и более лошадных, то ясно, что здесь количество переходит в качество. Первая аренда есть аренда из нужды, аренда кабальная. «Арендатор», стоящий в подобных условиях, не может не превращаться в орудие эксплуатации посредством отработков, зимней наемки, ссуды денег и т. п. Наоборот, двор, имеющий 12—16 десятин надельной земли, и арендующий *сверх того* по 7—16 десятин, явно арендует не от нужды, а от богатства, не для «продовольствия», а для обогащения, для того, чтобы «заработать деньги». Мы видим здесь воочию превращение аренды в капиталистическое фермерство, варождение предпринимательства в земледелии. Подобные дворы, как увидим ниже, не обходятся без найма земледельческих рабочих.

Спрашивается теперь, насколько общее явление — эта явно предпринимательская аренда? Мы приведем ниже указание на то, что в различных районах торгового земледелия рост предпринимательского хозяйства проявляется различно. Теперь же приведем еще несколько примеров и сделаем общие выводы об аренде.

В Днепровском уезде, Таврической губернии дворы, сеющие 25 и более дес., составляют 18,2% общего числа. Они имеют надельной земли по 16—17 дес. на двор и арендуют по 17—44 десятины. В Новоузенском уезде, Самарской губ. дворы, имеющие 5 и более голов раб. скота, составляют 24,7% общего числа. Они сеют по 25—53—149 дес. на двор, арендуя вненадельной земли по 14—54—304 дес. на двор (первая цифра относится к группе с 5—10 голов раб. скота, 17,1% дворов; вторая — 10—20 гол., 5,8% дворов; третья — 20 и более голов, 1,8% дворов). Надельной земли они арендуют в других обществах по 12—29—67 дес., и в своем обществе по 9—21—74 дес. В Красноуфимском уезде, Пермской губернии обрабатывают 20 дес. и более 10,1% всего числа дворов. Они имеют по 28—44 дес. надельной земли на двор и арендуют по 14—40 дес. пашни и 118—261 дес. покоса. В двух уездах Орловской губ. (Елецкий и Трубчевский) дворы с 4 и более лошадьми составляют 7,2% общего числа. Имея по 15,2 дес. надельной земли, они посредством купчей земли и аренды доводят свое землепользование до 23,4 дес. В Задонском уезде, Воронежской губ.

соответственные цифры: 3,2% дворов по 17,1 дес. наделной земли и по 33,2% дес. всего землепользования. В трех уездах Нижегородской губернии (Княгининский, Макарьевский и Васильский) 9,5% дворов с 3 и более лошадьми. У них по 13—16 дес. наделной земли на двор, а всего землепользования по 21—34 дес.

Отсюда видно, что предпринимательская аренда в крестьянстве не единичное и не случайное явление, а общее и повсеместное. Везде и повсюду выделяются из общины зажиточные дворы, которые всегда составляют незначительное меньшинство и всегда организуют капиталистическое земледелие при помощи предпринимательской аренды. Поэтому общими фразами о продовольственной и капиталистической аренде нельзя ничего выяснить в вопросах нашего крестьянского хозяйства: необходимо изучать *конкретные данные* о развитии крепостнических черт в аренде и об образовании *в ней же* капиталистических отношений.

Мы привели выше данные о том, какую долю населения и наделной земли сконцентрировывают 20% наиболее зажиточных дворов. Мы можем добавить теперь, что они сосредоточивают от 50,8% до 83,7% всей арендуемой крестьянством земли, оставляя на долю 50% дворов низших групп от 5% до 16% всей арендуемой земли. Вывод отсюда ясен: если нас спросят, какая аренда преобладает в России, продовольственная или предпринимательская, аренда из нужды или аренда зажиточных крестьян, аренда крепостническая (отработочная, кабальная) или буржуазная, то ответ может быть лишь один. По числу арендуемых дворов, несомненно, большинство арендаторов арендует из нужды. Для громадного большинства крестьян аренда есть кабала. По количеству арендуемой земли, несомненно, не менее половины ее находится в руках зажиточного крестьянства, сельской буржуазии, организующей капиталистическое земледелие.

Данные о ценах на арендуемую землю обыкновенно приводятся только «в среднем» для всех арендаторов и за всю землю. До какой степени *прикрашивают* эти средние безмерную нужду и угнетение крестьян, видно из данных земской статистики по Днепровскому уезду, Таврической губернии, где даны в виде счастливого исключения цены аренды у разных групп крестьянства:

	Процент арендующих дворов	Дес. пашни на 1 аренд. двор	Цена 1 дес. в руб.
У сеющих до 5 дес.....	25	2,4	15,25
» » 5—10 »	42	3,9	12,00
» » 10—25 »	69	8,5	4,75
» » 25—50 »	88	20,0	3,75
» » свыше 50 »	91	48,6	3,55
<i>Всего</i>	56,2	12,4	4,23

Таким образом, «средняя» цена аренды — 4 руб. 23 коп. за десятину — прямо искажает действительность, погашая те противоречия, которые составляют самую суть дела. Беднота вынуждена арендовать за разорительную цену более чем втрое выше средней. Богачи выгодно покупают землю «оптом» и, конечно, передают ее при случае нуждающемуся соседу с барышом в 275%. Есть аренда и аренда. Есть крепостническая кабала, есть ирландская аренда, и есть торговля землей, капиталистическое фермерство.

Такое явление, как сдача крестьянами надельной земли, еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства на счет этой разоряющейся массы. Аренда и сдача земли, это — явления такого рода, которые не стоят ни в какой связи с общиной и ее уравнительностью. Какое значение в действительной жизни будет иметь эта уравнительность распределения надельной земли, если беднота вынуждена *сдавать* богатым уравнительно данную ей землю? И какое более наглядное опровержение «общинных» взглядов можно себе представить, чем этот факт *обхода* жизнью официальной, ревизской, казенной уравнительности наделов? Бессилие какой угодно уравнительности перед развивающимся капитализмом доказывается воочию фактом сдачи надельной земли беднотой и концентрации аренды богачами.

Как широко распространено это явление сдачи надельных земель? По тем, устаревшим уже теперь, земско-статистическим исследованиям 80-х годов прошлого века, которыми мы вынуждены пока ограничиваться, число сдающих землю дворов и процент сдаваемой надельной земли кажутся небольшими. Напр., в Днепровском уезде, Таврической губернии сдают надельную землю 25,7% домохозяев; процент сдаваемой надельной земли — 14,9%. В Повоузенском уезде, Самарской губернии сдают землю

12% дворов. В Камышинском уезде, Саратовской губ. процент сдаваемой земли = 16%. В Красноуфимском уезде, Пермской губ. сдают надельную пашню $8\frac{1}{2}$ тысяч хозяйств из $23\frac{1}{2}$ т. е. более трети. Сдается $50\frac{1}{2}$ тыс. дес. надельной земли из 410 тыс., т. е. около 12%. В Задонском уезде, Воронежской губ. сдается $6\frac{1}{2}$ тыс. дес. надельной земли из $135\frac{1}{2}$ тыс., т. е. менее 5%. В трех уездах Нижегородской губ. 19 тыс. дес. из 433 тыс., т. е. тоже менее 5%. Но все эти цифры только кажутся незначительными, ибо подобные процентные отношения включают молчаливое предположение, будто сдают землю более или менее равномерно хозяева всех групп. А такое предположение прямо противоположно действительности. Гораздо важнее, чем абсолютные цифры аренды и сдачи, чем средние проценты сдаваемой земли или сдающих землю хозяев, тот факт, что сдает землю главным образом беднота, а арендуют наибольшее количество земли зажиточные. На этот счет данные земско-статистических исследований не оставляют и тени сомнения. На 20% наиболее зажиточных дворов приходится от 0,3% до 12,5% всей сдаваемой земли. Наоборот, на 50% дворов низших групп падает из итога сдаваемой земли от 63,3% до 98,0%. И арендуют эти сдаваемые беднотой земли, конечно, те же зажиточные крестьяне. Тут опять-таки ясно, что в разных группах крестьянства сдача земли имеет различное значение: беднота сдает из нужды, не имея возможности обрабатывать землю, не имея семян, скота, инвентаря, нуждаясь дозарезу в деньгах. Богатые сдают мало, либо обменивая один кусок земли на другой в интересах хозяйства, либо прямо торгуя землей.

Вот конкретные данные по Днепровскому уезду, Таврической губернии:

	Проценты	
	Домохозяев, сдающих надельную землю	Сдаваемой надельной земли
Не сеюшие	80	97,1
Сеюшие до 5 дес.	30	38,4
» 5—10 »	23	17,2
» 10—25 »	16	8,1
» 25—50 »	7	2,9
» свыше 50 дес.	7	13,8
<i>По уезду</i>	25,7	14,9

Разве не ясно из этих данных, что забрасывание земли и пролетаризация в громадных размерах соединяется здесь с торговлей землею ничтожной кучки богачей? Разве не характерно, что процент сдаваемой надельной земли повышается как раз у тех крупных посевищиков, которые имеют по 17 дес. надельной земли на двор, по 30,0 дес. купчей и по 44,0 дес. арендованной земли? В общем и целом вся бедная группа в Днепровском уезде, т. е. 40% дворов, имея 56 тыс. дес. надельной земли, арендует 8 тыс., сдает 21½ тыс. дес. А зажиточная группа, имея 18,4% дворов, при 62 тыс. дес. надельной земли, сдает 3 тыс. дес. надельной земли и арендует 82 тыс. дес. В трех уездах Таврической губ. эта зажиточная группа арендует 150 тыс. дес. надельной земли, т. е. три пятых всей сдаваемой надельной земли! В Новоузенском уезде, Самарской губ. 47% безлошадных дворов и 13% однолошадных сдают надельную землю, а владельцы 10 и более голов рабочего скота, т. е. всего 7,6% общего числа дворов, арендуют надельной земли по 20—30—60—70 десятин.

Относительно купчей земли нам придется сказать почти то же, что и относительно аренды. Разница здесь та, что в аренде есть крепостнические черты, что аренда бывает в известных условиях отработочной и кабальной, т. е. бывает способом привязывания к помещицкому хозяйству рабочих рук из числа соседних обнищавших крестьян. Покупка же земли в частную собственность надельными крестьянами представляет из себя чисто буржуазное явление. На Западе иногда привязывают батраков и поденщиков к земле посредством продажи им мелких участков земли. У нас в России аналогичная операция давно уже произведена казенным образом в виде «великой реформы» 1861 года, и теперь покупка земли крестьянами выражает исключительно выделение из общины представителей сельской буржуазии. О том, как развивалась после 1861 года покупка земли крестьянами, мы сказали выше, разбирая данные о землевладении. Здесь же надо указать на громадную концентрацию купчей земли в руках меньшинства. У 20% зажиточных дворов сосредоточено от 59,7% до 99% купчей земли; у 50% беднейших дворов — от 0,4% до 15,4% всего количества купленной крестьянами земли. Мы смело можем утверждать поэтому, что из 7½ млн.

десятин земли, которую приобрели крестьяне в личную собственность с 1877 по 1905 год (см. выше), от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ находится в руках ничтожного меньшинства зажиточных дворов. То же самое относится, конечно, к покупке земель крестьянскими обществами и товариществами. В 1877 году крестьянские общества владели купчей землей в размере 765 тыс. дес., а в 1905 г. уже 3,7 млн. дес., а крестьянские товарищества в 1905 году имели 7,6 млн. десятин земли в частной собственности. Ошибочно было бы думать, что земля, покупаемая или арендуемая обществами, распределяется иначе, чем при индивидуальной покупке или аренде. Факты говорят обратное. Напр., по трем материковым уездам Таврической губернии были собраны данные о распределении земли, арендуемой у казны *обществами* крестьян, причем оказалось, что 76% арендованной земли находится в руках зажиточной группы (ок. 20% дворов), а 40% беднейших дворов имеют лишь 4% всей арендованной земли. Крестьяне делят арендуемые или покупаемые земли не иначе, как «по деньгам».

IV

Сумма приведенных выше данных о надельной, арендной, купчей и сдаваемой в аренду крестьянской земле приводит к тому выводу, что *действительное землепользование* крестьянства с каждым днем становится все менее и менее соответствующим официальному, казенному, надельному землевладению крестьянства. Конечно, если брать валовые цифры или «средние» величины, то сдача надельной земли погасится арендой, остальная аренда и купчая земля распределится между всей массой дворов как бы поровну, и получится впечатление, что действительное землепользование не очень существенно разнится от казенного, т. е. от надельного. Но такое впечатление будет фикцией, ибо действительное землепользование крестьян наиболее отстает от первоначальной уравнительности надельной земли *именно в крайних группах*, так что при пользовании «средними» дело неминуемо искажается.

На самом деле все землепользование крестьян для низших групп оказывается относительно, — а иногда и абсолютно, — меньшим по сравнению с надельным зем-

левладением (сдача земли; ничтожная доля аренды); для высших же групп все землепользование всегда оказывается и относительно и абсолютно более высоким по сравнению с наделным землевладением в силу концентрации купчей и арендованной земли. У 50% дворов беднейших групп находится в руках, мы видели, от 33 до 37% наделной земли; всего же землепользования только 18,6%—31,9%. Уменьшение оказывается в некоторых случаях почти вдвое: напр., в Красноуфимском уезде, Пермской губернии 37,4% наделной земли и 19,2% всего землепользования. У 20% зажиточных дворов 29—36% наделной земли, всего же землепользования 34—49%. Вот некоторые конкретные данные для иллюстрации этих отношений. В Днепровском уезде, Таврической губернии 40% беднейших дворов имеют 56 тыс. дес. наделной земли; все же землепользование их 45 тыс. дес., т. е. меньше на 11 тыс. дес. Зажиточная группа (18% дворов) имеет 62 тыс. дес. наделной земли; все же землепользование ее 167 тыс. дес., т. е. на 105 тыс. дес. больше. Вот данные по трем уездам Нижегородской губернии:

На 1 двор приходится десятии
земли наделн. всего землепольз.

Безлошадные.....	5,1	4,4
С 1 лош.	8,1	9,4
» 2 »	10,5	13,8
» 3 »	13,2	21,0
» 4 и бол.....	16,4	34,6
<hr/>		
Всего .	8,3	10,3

И здесь в самой низшей группе в результате аренды и сдачи получилось абсолютное уменьшение землепользования. А эта низшая группа, т. е. безлошадные, обнимает целых 30% дворов. Почти треть дворов *теряет* абсолютно от аренды и сдачи. Однолошадные (37% дворов) увеличили свое землепользование, но чрезвычайно незначительно, в меньшей пропорции, чем среднее увеличение крестьянского землепользования (от 8,3 дес. до 10,3 дес.). Поэтому *доля* этой группы в общем землепользовании уменьшилась: у нее было 36,6% наделной земли по всем трем уездам, а стало 34,1% общего землепользования. Наоборот, ничтожное меньшинство высших

групп увеличило свое землепользование гораздо выше среднего. Трехлошадные (7,3% дворов) увеличили земле-владение в полтора раза: с 13 дес. до 21 дес. Многолошадные (2,3% дворов) — более чем вдвое, с 16 дес. до 35 дес.

Мы видим, следовательно, как общее явление, *уменьшение роли наделной земли в крестьянском хозяйстве*. Уменьшение это идет на обоих полюсах деревни различными путями. У бедноты роль наделной земли падает, потому что растущая нужда и разорение заставляют сдавать ее, бросать землю, *уменьшать* земельное хозяйство в силу недостатка скота, инвентаря, семян, денежных средств, и переходить либо к какой-нибудь работишке по найму, либо... в царствие небесное. Низшие группы крестьянства вымирают, — голодовки, цынга, тиф делают свое дело. В высших группах крестьянства наделная земля падает в своем значении, ибо расширяющееся хозяйство вынуждено выходить далеко за ее пределы, вынуждено строиться на землевладении новом, не тягловом, а свободном, не исконно-родовом, а покупаемом на рынке: купля и аренда. Чем богаче землей крестьянство, чем слабее следы крепостного права, чем быстрее хозяйственное развитие, тем сильнее это высвобождение от наделной земли, втягивание всей земли в торговый оборот, построение коммерческого земледелия на арендованной земле. Пример — Новороссия. Мы видели сейчас, как зажиточное крестьянство хозяйничает там более на купчей и арендованной земле, чем на наделной. Это кажется парадоксом, но это факт: в самой многоземельной местности России самое обеспеченное наделной землей зажиточное крестьянство (16—17 дес. наделной земли на двор) переносит центр тяжести земельного хозяйства с наделной земли на *вненаделную*!

Факт уменьшения роли наделной земли в обоих быстро прогрессирующих полюсах крестьянства имеет, между прочим, громадное значение для оценки условий того аграрного переворота, который завещан XIX веком XX и который вызвал борьбу классов в нашей революции. Этот факт показывает наглядно, что *ломка* старого землевладения, и помещичьего и крестьянского, стала *безусловной экономической необходимостью*. Эта ломка абсолютно неизбежна, и никакие силы на земле не помешают ей.

Борьба идет из-за формы этой ломки, из-за способов ее: по-стольпински ли, с сохранением помещичьего землевладения и ограблением общины кулаками, по-крестьянски ли, с уничтожением помещичьего землевладения и устранением всех средневековых перегородок на земле посредством национализации земли. Но об этом мы будем говорить подробнее ниже. Здесь же необходимо указать на то важное явление, что уменьшение роли надельной земли ведет к чрезвычайно неравномерному распределению податей и повинностей.

Известно, что подати и повинности с русского крестьянина сохранили на себе громадные следы средневековья. Мы не можем входить здесь в подробности, которые относятся к финансовой истории России. Достаточно указать на выкуп — это прямое продолжение средневекового оброка, эту дань крепостникам-помещикам, взыскиваемую при помощи полицейского государства. Достаточно напомнить неравномерность обложения дворянских и крестьянских земель, натуральные повинности и т. д. Мы приводим только итоговую величину податей и повинностей по данным воронежской статистики *крестьянских бюджетов*⁴⁴. Средний валовой доход крестьянской семьи (по данным о 66 типичных бюджетах) определен в 491 р. 44 к., валовой расход 443 р. Чистый доход 48 р. 44 к. Сумма же податей и повинностей, падающих на «средний» двор, равняется 34 р. 35 коп. Таким образом, подати и повинности составляют 70% *чистого дохода*. Конечно, это только по форме подати, а на деле это — прежняя крепостническая эксплуатация *«тяглового сословия»*. Денежный чистый доход средней семьи равняется всего 17 р. 83 коп., т. е. «подати» с русского крестьянина *вдвое превышают* его денежный чистый доход, — это по данным 1889, а не 1849 года!

Но средние цифры и здесь прикрашивают крестьянскую нужду и изображают положение крестьянства во много раз лучше, чем оно есть в действительности. Данные о распределении податей и повинностей между группами крестьян различной хозяйственной состоятельности показывают, что у безлошадного и однолошадного крестьянина (т. е. у *трех пятых* всего числа крестьянских семей в России) подати и повинности во много раз превышают не только чистый денежный, но и чистый валовой доход. Вот эти данные:

Бюджетные данные (на 1 хозяйство руб.)

	Валовой доход	Расход	Подати и повинности	Тоже в % к расходу
а) Безлошадные....	118,10	109,08	15,47	14,19
б) С 1 лош.....	178,12	174,26	17,77	10,20
в) » 2 »	429,72	379,17	32,02	8,44
г) » 3 »	753,19	632,36	49,55	7,83
д) » 4 »	978,66	937,30	67,90	7,23
е) » 5 и бол.....	1766,79	1593,77	86,34	5,42
<i>В среднем</i>	491,44	443,00	34,35	7,75

Безлошадные и однолошадные крестьяне выплачивают под видом податей *седьмую и десятую* часть всего своего *валового* расхода. Едва ли крепостнические оброки были так высоки: помещику невыгодно было бы неизбежное разорение массы принадлежавших ему в собственность крестьян. Что касается до неравномерности податей, то она оказывается огромной: зажиточные платят втрое — вдвое меньше пропорционально своему доходу. От чего зависит эта неравномерность? От того, что главную массу податей крестьяне делают по земле. Доля податей и доля наделной земли сливаются для крестьянина в одно понятие: «душа». И если мы в нашем примере вычислим сумму податей и повинностей, приходящихся в разных группах на 1 десятину наделной земли, то получим такие цифры: а) 2,6 руб.; б) 2,4; в) 2,5; г) 2,6; д) 2,9 и е) 3,7 руб. За исключением самой высшей группы, где есть крупные промышленные заведения, облагаемые особо, мы видим приблизительно равномерное распределение податей. Доля наделной земли и здесь соответствует, в общем и целом, доле податей. Это явление есть прямой пережиток (и прямое доказательство) тяглого характера нашей общины. По самым условиям отработочного хозяйства это и не может быть иначе: помещики не могли бы обеспечить себе на полвека после «освобождения» кабальных работников из среды соседних крестьян, если бы эти крестьяне не были привязаны к голодным наделам, не были обязаны втридорога платить за них. Не надо забывать, что в конце XIX века в России вовсе нередки случаи, когда крестьянам приходится *откупаться* от наделной земли, платить «верхи» за отказ от надела, т. е. доплачивать некоторую сумму тому, кто взял на себя надел ушедшего. Напр., Г. Жбанков, описывая быт костромских крестьян в книге

«Бабыя сторона» (Кострома, 1891 г.)⁴⁵, говорит, что из отхожих костромичей «редко хозяева получают за землю известную небольшую часть податей, а обыкновенно ее сдают только за то, чтобы нанявшие городили вокруг нее огороды, а все подати платит сам хозяин». В «Обзоре Ярославской губернии», вышедшем в 1896 году, встречается целый ряд однородных указаний на то, что отхожим рабочим приходится откупаться от надела.

Конечно, в чисто земледельческих губерниях *такой «власти земли»* мы не встретим. Но и для них в другой форме имеет, безусловно, силу то явление, что роль наделной земли на обоих полюсах деревни падает. Это факт всеобщий. А раз так, то распределение податей по наделной земле неизбежно вызывает все большую и большую неравномерность обложения. Экономическое развитие со всех сторон и самыми различными путями ведет к тому, что средневековые формы землевладения рушатся, сословные перегородки (наделные, помещичьи и т. д. земли) идут на слом, новые формы хозяйства складываются безразлично из кусочков того и другого землевладения. XIX век завещает XX, как безусловно обязательную задачу, докончить эту «чистку» средневековых форм землевладения. Борьба идет из-за того, будет ли эта «чистка» произведена в виде крестьянской национализации земли или в виде ускоренного грабежа общины кулаками и превращения помещичьего хозяйства в юнкерское.

Продолжая разбор данных о современном строе крестьянского хозяйства, перейдем от вопроса о земле к вопросу о скотоводстве. И здесь мы должны установить опять-таки, как общее правило, что распределение скота между крестьянскими хозяйствами *гораздо более* неравномерно, чем распределение наделной земли. Вот, например, размер скотоводства у крестьян Днепровского уезда, Таврической губернии:

	Приходится на один двор	
	наделн. земли дес.	всего скота гол.
Не сеющие	6,4	1,1
Сеющие до 5 десятин	5,5	2,4
» 5—10 десятин	8,7	4,2
» 10—25 »	12,5	7,3
» 25—50 »	16,6	13,9
» свыше 50 »	17,4	30,0
В среднем	11,2	7,6

Различие между крайними группами по количеству скота *вдесятеро* больше, чем по количеству надельной земли. Действительный размер хозяйства оказывается и по данным о скотоводстве очень мало похожим на то, что обыкновенно принимают, когда ограничиваются средними данными и предположениями о всеопределяющей роли надела. Какие бы мы уезды ни взяли, везде и повсюду распределение скота оказывается гораздо более неравномерным, чем распределение надельной земли. У 20% зажиточных дворов при 29—36% надельной земли сосредоточено от 37% до 57% всего количества скота, имеющегося у крестьянства в данном уезде или группе уездов. На долю 50% дворов низших групп остается от 14% до 30% всего количества скота.

Но эти данные еще далеко не оценивают всей глубины действительных различий. Наряду с вопросом о количестве скота не менее, а иногда даже более важное значение имеет вопрос о его *качестве*. Понятно само собою, что полуразоренный крестьянин при нищенском хозяйстве и опутанный со всех сторон кабалой не в состоянии приобретать и держать сколько-нибудь хорошего качества скот. Голодает хозяин (горе-хозяин), голодает и скот, иначе быть не может. Бюджетные данные по Воронежской губернии показывают чрезвычайно наглядно всю мизерность скотоводческого хозяйства безлошадных и однолошадных крестьян, т. е. *трех пятых* всего числа крестьянских хозяйств в России. Приводим выборку из этих данных для характеристики скотоводческого хозяйства крестьян:

	Средний размер расходов в год (руб.)		
	На 1 хозяйство всего скота в перевод на крупн. гол.	На пополнение и ремонт инвентаря и скота	На корм скота
а) Безлошадные	0,8	0,08	8,12
б) С 1 лошастью	2,6	5,36	86,70
в) » 2 »	4,9	8,78	71,21
г) » 3 »	9,1	9,70	127,03
д) » 4 »	12,8	30,80	173,24
е) » 5 и бол. ...	19,3	75,80	510,07
<i>В среднем</i>	5,8	13,14	98,91

Безлошадных крестьян в Европейской России в 1896—1900 годах было $3\frac{1}{4}$ миллиона дворов. Можно себе представить, каково их земледельческое «хозяйство» при расходе *восьми копеек* в год на инвентарь живой и мертвый. Однолошадных крестьян $3\frac{1}{3}$ миллиона дворов. При пяти рублях годового расхода на пополнение инвентаря и скота они могут только вечно маяться в безысходной нужде. Даже у двухлошадных крестьян ($2\frac{1}{2}$ млн. дворов) и трехлошадных (1 млн. дворов) расход на живой и мертвый инвентарь составляет всего 9—10 руб. в год. Только в двух высших группах (по всей России таких крестьянских хозяйств 1 млн. из 11 млн. всех крестьянских хозяйств) расход на живой и мертвый инвентарь хоть сколько-нибудь приближается к подобию правильного земледельческого хозяйства.

Совершенно естественно, что при таких условиях качество скота не может быть одинаково в хозяйствах различных групп. Стоимость одной рабочей лошади определяется, напр., у однолошадного крестьянина в 27 руб., у двухлошадного в 37 р., у трехлошадного в 61 р., у четырехлошадного в 52 р. и у многолошадного в 69 руб. Разница между крайними группами выше 100%. И это явление общее для всех капиталистических стран, где есть мелкое и крупное хозяйство. В своей книге «Аграрный вопрос» (часть I, Спб. 1908)* я показал, что исследования Дрекслера в области германского земледелия и скотоводства дали совершенно такой же результат. Средний вес средней штуки скота составлял в крупных имениях 619 килограммов (1884 г., цит. соч., стр. 259), в крестьянских хозяйствах, имеющих 25 и более гектаров, — 427 клгрм., в хозяйствах с $7\frac{1}{2}$ — 25 гект. — 382; с $2\frac{1}{3}$ — $7\frac{1}{3}$ гект. — 352 и, наконец, в хозяйствах, имеющих до $2\frac{1}{3}$ гектаров, — 301 килограмм.

В зависимости от количества и качества скота находится также уход за землей, в частности удобрение ее. Мы показали выше, что все данные статистики по всей России свидетельствуют о лучшем удобрении помещичьих земель по сравнению с крестьянскими. Теперь мы видим, что такое деление, бывшее правильным и законным во времена крепостного права, устарело. Между различными

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 163—173. Ред.

крестьянскими хозяйствами оказывается глубокая пропасть, и все исследования, расчеты, заключения, теории, исходящие из представлений о «среднем» крестьянском хозяйстве, ведут к абсолютно неправильным выводам в данном вопросе. Земская статистика, к сожалению, чрезвычайно редко изучает различные группы дворов, ограничиваясь пообщинными данными. Но вот в Пермской губернии (Красноуфимский уезд) в виде исключения собраны были при подворном исследовании точные данные об удобрении земли различными крестьянскими дворами:

	Процент хозяйств, вообще вывозящих навоз	Вывозилось навоза ввозов на 1 двор (вывозящий)
Обраб. до 5 десятин.....	33,9	80
» 5 — 10 »	66,2	116
» 10 — 20 »	70,3	197
» 20 — 50 »	76,9	358
» свыше 50 »	84,3	732
<i>В среднем</i>	51,7	176

Тут мы видим уже различные агрикультурные типы хозяйства в зависимости от размеров хозяйства. И в другой местности исследователи, обратившие внимание на этот вопрос, пришли к аналогичным выводам. Орловские статистики сообщают, что у зажиточных крестьян скоп навоза от одной головы крупного скота почти вдвое больше, чем у несостоятельных. При 7,4 штуках скота на двор этот скоп равняется 391 пуд., а при 2,8 гол. скота на двор — 208 пуд. «Нормальным» считается скоп в 400 пуд., следовательно, норма достигается только у небольшого меньшинства зажиточных крестьян. Беднота вынуждена употреблять солому и навоз на топливо, иногда даже продавать навоз и т. д.

В связи с этим надо рассмотреть вопрос о росте числа безлошадных среди крестьянства. В 1888—1891 годах в 48 губерниях Евр. России было 2,8 миллиона дворов безлошадных из всего числа 10,1 млн., т. е. 27,3%. Приблизительно через 9—10 лет, в 1896—1900 гг., из 11,1 млн. дворов было 3,2 млн. безлошадных, т. е. 29,2%. Рост экспроприации крестьянства, следовательно, несомненен. Но если взглянуть на этот процесс с агрономической

точки зрения, то получается парадоксальный на первый взгляд вывод. Этот вывод сделал известный народнический писатель г. В. В. еще в 1884 году («Вестник Европы» 46, 1884 г., № 7), сопоставляя количество десятин пашни, приходящееся на 1 лошадь в нашем крестьянском хозяйстве и в «нормальном» трехпольном хозяйстве — нормальном с точки зрения агрономии. Оказалось, что крестьяне держат *слишком много* лошадей: у них приходится только 5—8 дес. пашни на лошадь вместо требуемых агрономией 7—10 дес. «Следовательно, — умозаключил г. В. В., — на обезлошадение части населения этой области России (центральной черноземной полосы) нужно смотреть, до известной степени, как на восстановление нормального отношения между количеством рабочего скота и площадью, подлежащей обработке». На самом деле, парадокс объясняется тем, что обезлошадение сопровождается концентрированием земли в руках зажиточных дворов, у которых получается «нормальное» соотношение числа лошадей с обрабатываемой площадью. Это «нормальное» соотношение не «восстанавливается» (ибо его не было никогда в нашем крестьянском хозяйстве), а достигается только крестьянской буржуазией. «Ненормальность» же сводится к раздроблению средств производства в мелком крестьянском хозяйстве: то количество земли, которое миллион однолошадных крестьян обрабатывает при помощи миллиона лошадей, зажиточные крестьяне обрабатывают лучше и тщательнее при помощи $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ миллиона лошадей.

Относительно мертвого инвентаря в крестьянском хозяйстве надо различать обычный крестьянский инвентарь и усовершенствованные земледельческие орудия. Распределение первого соответствует, в общем и целом, распределению рабочего скота; нового в данных этого рода для характеристики крестьянского хозяйства мы не найдем. Улучшенные же орудия, которые стоят гораздо дороже, окупаются только при более крупном хозяйстве, вводятся только успешно развивающимися хозяйствами, концентрированы несравненно сильнее. Данные об этой концентрации чрезвычайно важны, потому что это единственные данные, позволяющие точно судить о том, в какую сторону, при каких общественных условиях идет *прогресс* крестьянского хозяйства. Не подлежит сомнению, что с 1861 года в этом

направлении сделан шаг вперед, но очень часто оспаривается или подвергается сомнению капиталистический характер этого прогресса не только в помещичьем, но и в крестьянском хозяйстве.

Вот данные земской статистики о распределении улучшенных орудий среди крестьян:

	На 100 хозяйств приходится улучшенных с.-х. орудий	
	2 уезда Орлов- ской губ.	1 уезд Воро- нежской губ.
Безлошадные.....	0,01	—
С 1 лошадью.....	0,2	0,06
» 2—3 ».....	3,5	1,6
» 4 и бол.	36,0	23,0
<i>В среднем</i>	2,2	1,2

В этой местности сравнительно слабо распространены среди крестьян улучшенные орудия. Общий процент дворов, владеющих таковыми, совершенно ничтожен. Но низшие группы почти совершенно не пользуются такими орудиями, а среди высших они входят в употребление систематически. В Новоузенском уезде, Самарской губернии всего 13% хозяев имеют улучшенные орудия, причем этот процент повышается до 40% в группе с 5—20 шт. раб. скота и до 62% в группе с 20 и более голов рабочего скота. В Красноуфимском уезде, Пермской губ. (три района уезда) на 100 хозяйств приходится 10 улучшенных орудий; это — общая средняя; на 100 хозяйств, обрабатывающих 20—50 дес., приходится 50 орудий, а на 100 хозяйств, обрабатывающих 50 дес., даже 180 орудий. Если взять те процентные отношения, которые мы брали выше для сравнения данных по различным уездам, то окажется, что 20% зажиточных дворов имеют от 70% до 86% всего числа улучшенных орудий, оставляя на долю 50% дворов бедноты от 1,3% до 3,6%. Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что прогресс в распространении улучшенных орудий среди крестьянства (об этом прогрессе говорит, между прочим, в цитированной выше работе 1907 года г. Кауфман) есть прогресс зажиточного крестьянства. Три пятых всего числа крестьянских дворов, безлошадные и однолошадные, почти совершенно не в состоянии пользоваться этими улучшениями.

V

Рассматривая крестьянское хозяйство, мы до сих пор брали крестьян преимущественно как хозяев, указывая в то же время, что низшие группы постоянно вытесняются из числа хозяев. Вытесняются куда? Очевидно, в ряды пролетариата. Мы должны теперь рассмотреть подробно, как именно идет это образование пролетариата, в особенности сельского, и как складывается рынок на рабочую силу в земледелии. Если для отработочного хозяйства типичными классовыми фигурами являются помещик-крепостник и наделенный землей кабалный крестьянин, то для капиталистического хозяйства типичны наниматель-фермер и нанимающийся батрак или поденщик. Превращение помещика и зажиточного крестьянина в нанимателя мы показали. Теперь посмотрим на превращение крестьянина в нанимающегося.

Велико ли употребление наемного труда зажиточными крестьянами? Если взять средний процент дворов с батраками ко всему числу крестьянских дворов (как обыкновенно делают), то получим очень невысокий процент: 12,9% в Днепровском уезде, Таврической губ., 9% в Новоузенском уезде, Самарской губернии, 8% в Камышинском уезде, Саратовской губ., 10,6% в Красноуфимском уезде, Пермской губ., 3,5% в 2-х уездах Орловской губ., 3,8% в 1 уезде Воронежской губ., 2,6% в 3-х уездах Нижегородской губернии. Но этого рода данные, в сущности, фиктивны, ибо определяется отношение дворов с батраками ко всему числу дворов, в том числе и дворов, отпускающих батраков. Буржуазия во всяком капиталистическом обществе составляет ничтожное меньшинство населения. Дворов с наемными рабочими всегда будет «мало». Вопрос в том, складывается ли здесь особый тип хозяйства, или наем случаен? И на этот вопрос дают совершенно определенный ответ данные земской статистики, повсюду показывающей в группах зажиточного крестьянства процент дворов с батраками, несравненно более высокий, чем в среднем по уезду вообще. Приведем данные по Красноуфимскому уезду, Пермской губ., где в виде исключения есть сведения не только о найме батраков, но и о найме поденщиков, т. е. о форме найма, более типичной для земледелия.

	Число работ- нин. муж. п. на 1 двор	Процент хозяйств, наним. рабочих			
		Сроко- вых	На носьбу	На жатву	На мо- лотьбу
Не обраб. земли	0,6	0,15	0,6	—	—
Обраб. до 5 дес.....	1,0	0,7	5,1	4,7	9,2
• 5—10 »	1,2	4,2	14,3	20,1	22,3
• 10—20 »	1,5	17,7	27,2	43,9	25,9
• 20—50 »	1,7	50,0	47,9	69,6	33,7
• свыше 50 »	2,0	83,1	64,5	87,2	44,7
<i>В среднем</i>	1,2	10,6	16,4	24,3	18,8

Мы видим, что состоятельные дворы отличаются более высоким семейным составом, имеют больше своих, семейных, работников, чем дворы неимущие. Но тем не менее они употребляют несравненно больше наемного труда. «Семейная кооперация» служит основой для расширения хозяйства и превращается таким образом в капиталистическую кооперацию. В высших группах наем рабочих явно становится системой, условием ведения расширенного хозяйства. При этом наем поденщиков оказывается весьма значительно распространенным даже в средней группе крестьянства: если в двух высших группах (10,3% дворов) большинство дворов нанимает рабочих, то в группе, обрабатывающей 10—20 дес. (22,4%) *свыше двух пятых* всего числа дворов нанимает рабочих на жатву. Вывод отсюда тот, что зажиточное крестьянство не могло бы существовать без миллионной армии готовых к их услугам батраков и поденщиков. И если поузездные данные о среднем проценте дворов с батраками представляют, как мы видели, значительные колебания, то безусловно всеобщим является концентрация дворов с батраками в высших группах крестьянства, т. е. превращение зажиточных дворов в предпринимателей. На 20% зажиточных дворов приходится от 48% до 78% общего количества дворов с батраками.

На другом полюсе деревни статистика не дает нам обыкновенно сведений о числе дворов, отпускающих наемных рабочих всякого рода. В целом ряде вопросов наша земская статистика сделала чрезвычайно крупный шаг вперед по сравнению со старой казенной статистикой губернаторских отчетов и всяческих департаментов. Но в одном вопросе старая казенная точка зрения сохранилась и в земской статистике, именно в вопросе о так называемых «заработках» крестьян. Занятие земледелием на своем наделе считается настоящим занятием крестьянина; всякое

же постороннее занятие относится к сторонним «заработкам» или «промыслам», причем тут смешиваются такие хозяйственные категории, различать которые требует азбука политической экономии. В разряд «сельскохозяйственных промышленников», например, попадут наряду с массой наемных рабочих и хозяева-предприниматели (напр., бахчевники), рядом с ними тоже в числе «дворов с заработками» будут считаться нищие и торговцы, прислуга и ремесленники-хозяева и т. п. Ясно, что эта вопиющая политико-экономическая путаница есть прямой пережиток крепостничества. Для помещика действительно безразлично было, чем занимается на стороне *его* оброчный крестьянин: торговлей, работой по найму или промышленностью в качестве хозяина; на всех крепостных крестьян одинаково падал общий оброк, все считались во временной и условной отлучке от своего настоящего дела.

После отмены крепостного права эта точка зрения с каждым днем приходила все более и более в резкое противоречие с действительностью. Большинство крестьянских дворов с заработками, несомненно, принадлежат к числу дворов, отпускающих наемных работников, но вполне точной картины мы здесь иметь не можем, потому что меньшинство *хозяев-промышленников* все же попадает в общее число и *прикрашивает* положение нуждающихся. Приведем для иллюстрации один пример. По Новоузенскому уезду, Самарской губ. статистики выделили «земледельческие промыслы» из общей массы «промыслов»⁴⁷. Конечно, и этот термин не точен, но список профессий дает, по крайней мере, то указание, что из 14 063 «промышленников» этого рода 13 297 батраков и поденщиков. Здесь, значит, преобладание наемных рабочих очень велико. И распределение земледельческих промыслов оказывается следующее:

	Процент работников муж. пола, важных землед. промыслами
Без рабочего скота.....	71,4
С 1 гол. рабочего скота.....	48,7
» 2—3 » » »	20,4
» 4 » » »	8,5
» 5—10 » » »	5,0
» 10—20 » » »	3,9
» 20 и бол. » » »	2,0
<hr/>	
По уезду	25,0

Из безлошадных крестьян, следовательно, семь десятых наемные рабочие, а из однолошадных почти половина. По Красноуфимскому уезду, Пермской губ. средний процент дворов с земледельческими промыслами равен 16,2%, а из числа необрабатывающих земли 52,3% «промышленников», из обрабатывающих до 5 дес. — 26,4%. По другим уездам, где не выделены специально земледельческие промыслы, картина получается менее яркая, но все же остается общим правилом, что «промыслы» и «заработки», вообще говоря, специальность низших групп. На 50% дворов низших групп приходится от 60% до 93% всего числа дворов с заработками.

Мы видим отсюда, что низшие группы крестьянства, в частности однолошадные и безлошадные дворы, представляют из себя, по своему положению в общем строе народного хозяйства, *батраков и поденщиков* (шире: наемных рабочих) с *наделом*. Этот вывод подтверждают и данные о росте употребления наемного труда после 1861 года во всей России, и бюджетные исследования об источнике дохода у низших групп, и, наконец, данные о жизненном уровне этих групп. На этом трояком доказательстве мы и остановимся несколько подробнее.

Общие данные о росте числа сельских наемных рабочих во всей России имеются только относительно отхожих рабочих без точного различения земледельческих и неземледельческих. Вопрос о том, преобладают ли в общем числе первые или вторые, решался в народнической литературе в пользу первых, но мы укажем ниже основания обратного взгляда. Факт быстрого увеличения после 1861 года числа отхожих рабочих в крестьянстве не подлежит никакому сомнению. Об этом свидетельствуют все источники. Приблизительное статистическое выражение явления дают сведения о паспортном доходе и о числе выдаваемых паспортов. В 1868 году паспортный доход составлял 2,1 млн. руб., в 1884 году — 3,3 миллиона, в 1894 году — 4,5 млн. руб. Это дает увеличение более чем вдвое. Число выдаваемых паспортов и билетов в Евр. России было 4,7 миллиона в 1884 году и 7,8—9,3 млн. в 1897—1898 гг. Здесь за тринадцать лет мы видим удвоение. Все эти данные в общем и целом соответствуют другим расчетам, напр., расчету г. Уварова, который свел данные земской статистики, большей частью, устаревшие,

по 126 уездам 20 губерний и определил вероятную цифру отхожих рабочих в 5 млн. чел.⁴⁸. Г-н С. Короленко по данным о числе местных избыточных рабочих определял эту цифру в 6 млн. чел.

Из всей этой суммы, по мнению г. Николая — она, «громadнейшее большинство» — промыслы земледельческие. Я подробно изложил в «Развитии капитализма»*, что данные и исследования 60-х, 80-х и 90-х годов вполне доказывают неверность этого вывода. Большинство, хотя и не громаднейшее, из отхожих рабочих рабочие неземледельческие. Вот наиболее полные и наиболее новые данные о погубернском распределении видов на жительство, выданных в Евр. России в 1898 году:

Группы губерний	Количество всех видов на жительство, выданных в 1898 г.
1) 17 губерний с преобладанием неземледельческого отхода	3 369 597
2) 12 губерний переходных	1 674 231
3) 21 губерния с преобладанием земледельческого отхода	2 765 762
<i>Всего по 50 губерниям</i>	<i>7 809 590</i>

Если в переходных губерниях предположим половину земледельческих рабочих, то *приблизительное*, самое вероятное, распределение будет таково: около 4,2 миллионов неземледельческих наемных рабочих и *около 3,6 миллионов земледельческих наемных рабочих*. В параллель к этой цифре надо поставить цифру г-на Руднева⁴⁹, который в 1894 году свел данные земской статистики по 148 уездам в 19 губерниях и определил приблизительное число сельскохозяйственных наемных рабочих в $3\frac{1}{2}$ млн. человек. Эта цифра охватывает, по данным 80-х годов, и местных и отхожих земледельческих рабочих. В конце 90-х годов одних только отхожих с.-х. рабочих было столько.

Рост числа земледельческих наемных рабочих стоит в прямой связи с тем развитием капиталистического предпринимательства в земледелии, которое мы проследили на помещицьем и крестьянском хозяйстве. Возьмите, напр., употребление машин в сельском хозяйстве. Что

* См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 499—509. Ред.

у зажиточного крестьянина оно означает переход к предпринимательству, мы показали на точных данных. А в помещичьем хозяйстве употребление машин и вообще улучшенных орудий означает неминуемо вытеснение отработков капитализмом. На место крестьянского инвентаря ставится помещичий; на место старого трехполья новые технические приемы, связанные с переменной орудий; кабальный крестьянин не годится для работы с улучшенными орудиями, и его место занимает батрак или поденщик.

В том районе Европейской России, в котором всего более развилось после реформы употребление машин, — всего более распространено и употребление наемной рабочей силы пришлых рабочих. Этот район — южные и восточные окраины Евр. России. Приход земледельческих рабочих в этот район создал чрезвычайно типичные и ярко выраженные капиталистические отношения. На них следует остановиться, чтобы сопоставить старые и преобладающие до сих пор отработки с все более пробивающейся новой струей. Прежде всего следует отметить, что южный район отличается наиболее высокой заработной платой в земледелии. По данным за целое десятилетие (1881—1891 гг.), устраняющим всякие случайные колебания, заработная плата выше всего в России в губерниях Таврической, Бессарабской и Донской. Годовой работник здесь получает, считая и содержание, 143 р. 50 к., сроковый (на лето) — 55 р. 67 к. Следующее место по высоте заработной платы занимает наиболее промышленный район — губернии Петербургская, Московская, Владимирская и Ярославская. Здесь платят годовому сельскому рабочему 135 руб. 80 коп., сроковому 53 руб. Самый низкий уровень заработной платы встречаем в центральных земледельческих губерниях (Казанская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Орловская и Курская), т. е. в главной местности отработков, кабалы и всевозможных пережитков крепостничества. Здесь годовой работник в земледелии получает всего 92 р. 95 коп. — в полтора раза меньше, чем в наиболее капиталистических губерниях, а сроковый — 35 руб. 64 коп., на 20 руб. в лето меньше, чем на юге. Именно из этого центрального района мы наблюдали громадный уход рабочих. Свыше 1½ миллиона человек каждую весну уходят отсюда частью на земледельческие заработки (главным образом на юг,

частью, как увидим ниже, и в промышленные губернии), а также на неземледельческие работы в столицы и в промышленные губернии. Между этим главным районом отхода и двумя главными районами прихода (земледельческий юг и столицы с двумя промышленными губерниями) лежат полосы губерний со средней заработной платой. Эти губернии привлекают к себе часть рабочих из самого «дешевого» и самого голодного центра, отпуская в свою очередь часть рабочих в более дорогие районы. В книге г. С. Короленко о «Вольнонаемном труде» на основании очень обширного материала подробно изображен этот процесс рабочих странствований и перемещения населения. Капитализм достигает таким образом более равномерного (с точки зрения потребностей капитала, конечно) размещения населения; нивелирует заработную плату по всей стране, создает действительно единый, национальный, рынок труда; вырывает постепенно почву у старых способов производства, «соблазняя» кабального мужика высокой заработной платой. Отсюда — бесконечные жалобы господ помещиков на развращение местных рабочих, на разгул и пьянство, порождаемое отходом, на «порчу» рабочих городом и т. д. и т. д.

В районе наибольшего прихода рабочих сложились к концу XIX века довольно крупные капиталистические предприятия в земледелии. Капиталистическая кооперация сложилась при употреблении, напр., таких машин, как молотилки. Г-н Тезяков, описавший условия жизни и труда сельскохозяйственных рабочих в Херсонской губернии⁵⁰, указывает, что конная молотилка требует от 14 до 23 и более рабочих, а паровая от 50 до 70. В некоторых хозяйствах собиралось по 500—1 000 рабочих — цифра чрезвычайно высокая для земледелия. Капитализм дал возможность заменять более дорогой мужской труд женским и детским. Напр., в местечке Каховке — одном из главных рабочих рынков Таврической губ., где прежде собиралось до 40 000 рабочих, а в 90-х годах прошлого века 20—30 тысяч, в 1890 году было зарегистрировано 12,7% женщин, а в 1895 году уже 25,6%. Детей в 1893 г. было 0,7%, а в 1895 году уже 1,69%.

Собирая рабочих со всех концов России, капиталистические экономии сортировали их по своим надобностям, создавая нечто подобное иерархии фабричных рабочих.

Различают, напр., полных рабочих, полурабочих — из них выделяют еще «рабочих большой силы» (16—20 лет) — и полурабочих «малой помощи» (дети 8—14 лет). Никакого следа старых так называемых «патриархальных» отношений помещика к «своему» крестьянину здесь не остается. Рабочая сила становится товаром, подобным всякому другому. Кабала «истинно-русского» типа исчезает, уступая место понедельной денежной расплате, бешеной конкуренции и стачкам рабочих и хозяев. Скопление громадных масс рабочих на рынках найма и невероятно тяжелые, антигигиеничные условия труда создали попытки общественного контроля за крупными экономиями. Эти попытки характерны для «крупной индустрии» в земледелии, но, разумеется, никакой прочности они иметь не могут при отсутствии политической свободы и открытых рабочих организаций. До чего тяжелы условия труда пришлых рабочих, видно из того, что рабочий день продолжается от 12½ до 15 часов. Травматические повреждения рабочих, занятых при машинах, стали обычным явлением. Развились профессиональные болезни рабочих (напр., занятых при молотилках) и т. д. Все «шрелести» чисто-капиталистической эксплуатации в самом развитом, американском, виде можно наблюдать в России конца XIX века, наряду с чисто средневековыми, давным-давно исчезнувшими в передовых странах, приемами отработочного и барщинного хозяйства. Все громадное разнообразие аграрных отношений в России сводится к переплетению крепостнических и буржуазных приемов эксплуатации.

Чтобы закончить изложение условий наемного труда в русском земледелии, отметим еще бюджетные данные о хозяйстве крестьян низших групп. Наемная работа фигурирует здесь под эвфемистическим наименованием «заработков» или «промыслов». В каком отношении стоит доход от этих заработков к доходу от земледельческого хозяйства? Воронежские бюджеты безлошадных и однолошадных крестьян дают на это точный ответ. Валовой доход от всех источников определяется для безлошадного в 118 руб. 10 коп., в том числе от земледелия 57 руб. 11 коп., от «промыслов» 59 руб. 4 коп. Эта последняя сумма составляет из 36 руб. 75 коп. дохода от «личных промыслов» и 22 руб. 29 коп. разных доходов. К числу последних относится *доход от сдачи земли* У однолошадного кре-

стьянина валовой доход 178 руб. 12 коп., в том числе 127 руб. 69 коп. от земледелия и 49 руб. 22 коп. от промыслов (35 руб. — личные промыслы, 6 руб. извоз, 2 руб. от «торгово-промышленных заведений и предприятий» и 6 руб. разных доходов). Если вычесть расходы на земельное хозяйство, то получим 69 руб. 37 коп. от земледелия против 49 руб. 22 коп. от промыслов. Вот как добывают себе средства к жизни три пятых всего числа крестьянских дворов в России. Понятно, что уровень жизни таких крестьян не выше, а иногда ниже, чем у батраков. По той же Воронежской губернии средняя плата годовому батраку (за десятилетие 1881—1891 гг.) 57 руб., плюс содержание, стоящее 42 руб. Между тем стоимость содержания *всей семьи* у безлошадного 78 руб. в год при семье в 4 души, у однолошадного 98 руб. в год при семье в пять душ. Русский крестьянин сведен отработками, податями и капиталистической эксплуатацией до такого нищенского, голодного уровня жизни, который в Европе кажется невероятным. Там называют подобный социальный тип *пауперами*.

VI

Для того, чтобы подвести итоги всему сказанному выше о разложении крестьянства, мы приведем сначала единственные имеющиеся в литературе итоговые данные по всей Европейской России, позволяющие судить о различных группах внутри крестьянства за различные периоды. Это — данные военно-конских переписей. Во втором издании своей книги «Развитие капитализма»* я свел эти данные по 48 губерниям Евр. России за периоды 1888—1891 и 1896—1900 годов. Вот извлечение наиболее существенных результатов:

	Число крестьянских дворов (миллионов)			
	В 1888—1891 гг.		В 1896—1900 гг.	
	Всего	%	Всего	%
Безлошадные.....	2,8	27,3	3,2	29,2
С 1 лошадию.....	2,9	28,5	3,4	30,3
» 2 »	2,2	22,2	2,5	22,0
» 3 »	1,1	10,6	1,0	9,4
» 4 и более	1,1	11,4	1,0	9,1
<i>Всего</i>	<i>10,1</i>	<i>100,0</i>	<i>11,1</i>	<i>100,0</i>

* См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 117. *Ред.*

Эти данные, как я уже отметил мимоходом выше, свидетельствуют о растущей экспроприации крестьянства. Весь миллионный прирост числа дворов пошел на увеличение двух низших групп. Общее число лошадей уменьшилось за это время с 16,91 миллионов голов до 16,87 млн., т. е. все крестьянство в целом стало несколько беднее лошадьми. Обеднела и высшая группа, в 1888—1891 гг. имевшая по 5,5 лош. на двор, а в 1896—1900 гг. — по 5,4 лош.

Из этих данных легко сделать тот вывод, что «дифференциация» в крестьянстве не происходит: всего больше увеличилась самая бедная группа, всего больше уменьшилась (по числу дворов) самая богатая. Это не дифференциация, а нивелировка нищеты! И такие выводы, основанные на подобных приемах, очень часто можно встретить в литературе. Но если мы поставим вопрос: изменилось ли взаимоотношение группы внутри крестьянства, то мы увидим иное. В 1888—1891 гг. половина дворов низших групп имела 13,7% общего числа лошадей, и в 1896—1900 гг. ровно такой же процент. Пятая доля дворов из наиболее зажиточных групп имела в первый период 52,6% всего числа лошадей, во второй — 53,2%. Ясно, что взаимоотношение групп почти не изменилось. Крестьянство обеднело, зажиточные группы обеднели, кризис 1891 года дал себя знать самым серьезным образом; но отношения сельской буржуазии к разоряющемуся крестьянству от этого не изменились и не могли, по существу дела, измениться.

Это обстоятельство часто упускают из виду люди, берущиеся судить о разложении крестьянства на основании отрывочно взятых статистических данных. Смешно было бы думать, напр., что отдельные данные о распределении лошадей в состоянии разъяснить хоть что-нибудь по вопросу о крестьянском разложении. Это распределение ровно еще ничего не доказывает, если не взять его в связи со *всей совокупностью* данных о крестьянском хозяйстве. Если мы, разобрав эти данные, установили общее между группами по распределению аренды и сдачи земли, улучшенных орудий и удобрения, заработков и купчей земли, наемных рабочих и количества скота, если мы доказали, что все эти различные стороны явления неразрывно связаны между собою и обнаруживают дей-

ствительно образование противоположных экономических типов — пролетариата и сельской буржуазии, — если мы установили все это, и только в той мере, в какой это установлено, мы можем брать отдельные данные о распределении хотя бы лошадей для *иллюстрации* всего изложенного выше. Наоборот, если нам ссылаются на тот или другой случай уменьшения количества лошадей, положим, в зажиточной группе за такой-то период, то выводить *только отсюда* какие-либо общие выводы о соотношении сельской буржуазии внутри крестьянства и других групп его было бы вопиющей нелепостью. Ни в одной капиталистической стране, ни в одной отрасли хозяйства нет и быть не может (при господстве рынка) равномерного развития: иначе как скачками, зигзагами, то быстро шагая вперед, то временно падая ниже прежнего уровня, *не может* развиваться капитализм. И суть вопроса о русском аграрном кризисе и о предстоящем перевороте состоит вовсе не в том, какова именно степень развития капитализма или каков темп этого развития, а в том, есть ли это капиталистический кризис и переворот, или нет, происходит ли он при условиях превращения крестьянства в сельскую буржуазию и пролетариат, или нет, являются ли отношения между отдельными дворами внутри общины буржуазными, или нет. Другими словами: первой задачей всякого исследования об аграрном вопросе в России является установление основных данных для характеристики классовой сущности аграрных отношений. И лишь потом, когда выяснено, с какими классами и с каким направлением развития мы имеем дело, может идти речь о частных вопросах, о темпе развития, о тех или иных видоизменениях общего направления и т. д.

Основой марксистских взглядов на пореформенное крестьянское хозяйство в России является признание типа этого хозяйства мелкобуржуазным. И споры экономистов марксистского лагеря с экономистами-народниками, прежде всего, шли (и должны идти, если имеется в виду выяснение действительной сущности разногласий) именно о том, правильна ли, применима ли такая характеристика. Не выяснив с полной определенностью *этого* вопроса, нельзя сделать ни шагу вперед к каким-нибудь более конкретным или практическим вопросам. Например, рассматривать те или иные пути решения аграрного

вопроса, завещанные XIX веком XX, было бы предприятием совершенно безнадежным и путаным, если бы не было выяснено предварительно, в каком направлении вообще идет наша аграрная эволюция, какие классы могут выиграть при том или ином ходе событий и т. д.

Те подробные данные о разложении крестьянства, которые мы приводили выше, выясняют именно ту основу всех остальных вопросов аграрного переворота, без понимания которой нельзя идти дальше. Та сумма взаимоотношений между различными группами крестьянства, которую мы в противоположных концах России детально изучали, показывает нам как раз сущность общественно-экономических отношений внутри общины. Эти взаимоотношения показывают наглядно мелкобуржуазную природу крестьянского хозяйства в данной исторической обстановке. Когда марксисты говорили, что мелкий производитель в земледелии (все равно, на наделной ли земле он хозяйничает или на какой другой) является неизбежно при развитии товарного хозяйства мелким буржуа, — это положение вызывало недоумение; говорили, что оно бездоказательно, шаблонно переносится с чужих образцов на наши оригинальные условия. Но данные о взаимоотношении групп, о перебивании арендованной земли богатыми общинниками у несостоятельных общинников, о найме батраков первыми и о превращении вторых в наемных рабочих и т. д., и т. д., и т. д. — все эти данные подтверждают теоретические выводы марксизма и делают их неоспоримыми. Вопрос о значении общины в деле направления хозяйственного развития России *решается бесповоротно* этими данными, ибо как раз это действительное направление действительной (а не выдуманной) общины наши данные и показывают. Несмотря на всю уравнительность наделной земли, несмотря на переделы и т. п., *оказывается*, что направление действительного хозяйственного развития крестьян-общинников состоит именно в образовании сельской буржуазии и в вытеснении массы беднейших хозяев в ряды пролетариата. И столыпинская аграрная политика, как мы увидим ниже, и требуемая трудовиками национализация земли лежат по линии этого развития, хотя между этими двумя формами «решения» аграрного вопроса есть громадная разница с точки зрения быстроты общественного развития, роста

производительных сил и наибольшего соблюдения интересов массы.

Нам следует теперь рассмотреть еще вопрос о развитии торгового земледелия в России. Предыдущее изложение включало в себя, как предпосылку, тот общеизвестный факт, что вся пореформенная эпоха отличается ростом торговли и обмена. Приводить статистические данные, подтверждающие это, нам кажется совершенно излишним. Но надо показать, во-первых, насколько именно подчинено уже рынку теперешнее крестьянское хозяйство, а во-вторых, какие *особые* формы принимает земледелие по мере подчинения его рынку.

По первому вопросу всего более точные данные имеются в бюджетной статистике воронежского земства. Мы можем выделить здесь денежные расход и доход крестьянской семьи из всего расхода и дохода (валовые итоги дохода и расхода приводились выше). Вот табличка, показывающая роль рынка:

	Какой процент составляют денежные расход и доход у крестьянина по всему расходу и доходу?	
	%	%
Безлошадные	57,1	54,6
С 1 лошастью	46,5	41,4
» 2 »	43,6	45,7
» 3 »	41,5	42,3
» 4 »	46,9	40,8
» 5 и более	60,2	59,2
<hr/>		
<i>В среднем</i>	49,1	47,9

Таким образом, даже хозяйство *среднего* крестьянина, — не говоря уже о хозяйстве зажиточных и обнищавших, полупролетариев, крестьян, — в чрезвычайно сильной степени подчинено рынку. Поэтому всякое рассуждение о крестьянском хозяйстве, игнорирующее преобладающую и растущую роль рынка, обмена, товарного производства, неправильно в корне. Уничтожение крепостнических латифундий и помещичьего землевладения — эта мера, на которой сосредоточены все помыслы русского крестьянства к концу XIX века, *усилит*, а не ослабит власть рынка, ибо рост торговли и товарного производства *задерживается* отработкой и кабалой.

По второму вопросу необходимо указать, что проникновение капитала в земледелие есть своеобразный процесс,

который нельзя понять правильно, если ограничиваться огульными, общерусскими данными. Земледелие становится торговым не вдруг и не одинаково в различных хозяйствах и в различных районах государства. Наоборот, рынок подчиняет себе обыкновенно в одной местности одну, в другой другую сторону сложного земледельческого хозяйства, причем остальные стороны не исчезают, а приспособляются к «главной», т. е. денежной стороне. Например, в одной местности складывается по преимуществу торговое зерновое хозяйство; главным продуктом, производимым на продажу, является зерно. Скотоводство играет подчиненную роль в таком хозяйстве и далее — в крайних случаях одностороннего развития посевного хозяйства — почти исчезает. Например, «пшеничные фабрики» дальнего запада в Америке организовывались иногда на одно лето почти без скота. В других местностях складывается по преимуществу торговое скотоводческое хозяйство; главными продуктами, производимыми на продажу, являются мясные или молочные продукты. Чисто земледельческое хозяйство приспособляется к скотоводческому. Понятно, что и размеры хозяйства и способы организации хозяйства будут различны в том и другом случае. Нельзя судить по величине посева о подгородном молочном хозяйстве. Нельзя брать одинаковую мерку крупного и мелкого хозяйства для степного посева, для огородника, для табаководы, для «молочного фермера» (если употребить английское выражение) и т. д.

Проникновение обмена и торговли в земледелие вызывает специализацию его, и эта специализация все растет. Одни и те же показатели хозяйства (число лошадей, например) получают разное значение в различных районах торгового земледелия. Среди безлошадных крестьян в подстоличной местности есть, напр., крупные хозяева, имеющие, допустим, молочный скот, делающие большие обороты, держащие наемных рабочих. Конечно, в общей массе безлошадных и однолошадных число подобных фермеров совершенно ничтожное, но если мы будем брать одни валовые данные, охватывающие целую страну, то мы не сможем учесть особого вида капитализма в земледелии.

На это обстоятельство надо обратить особое внимание. Игнорируя его, нельзя составить правильного представления о развитии капитализма в земледелии и легко

власть в ошибку упрощения. Всю сложность процесса можно охватить, лишь считаясь с действительными особенностями земледелия. Когда говорят, что земледелие в силу его особенностей не подчиняется законам капиталистического развития, то это совершенно неверно. Особенности земледелия тормозят подчинение земледелия рынку, это так, но тем не менее везде и во всех странах идет неудержимо процесс *роста торгового земледелия*. Но формы этого образования торгового земледелия, действительно, своеобразны и требуют особых методов изучения.

Чтобы пояснить сказанное, возьмем наглядные примеры из различных районов торгового земледелия в России. В районе торгового зернового хозяйства (Новороссия, Заволжье) мы видим чрезвычайно быстрый рост сбора зерновых хлебов; в 1864—1866 годах эти губернии стояли позади центральных черноземных, имея только 2,1 четверти чистого сбора на душу населения; в 1883—1887 годах эти губернии были впереди центра, имея чистый сбор по 3,4 четверти на душу. Расширение посевов, вот что всего более характерно для этого района в пореформенную эпоху. Очень часто обработка земли здесь самая примитивная — все внимание устремлено исключительно на запашку как можно большей площади. Здесь складывалось во второй половине XIX века нечто подобное американским «пшеничным фабрикам». По величине посева (доходившей у крестьян высших групп до 271 дес. на двор) вполне можно судить о размере и типе хозяйства. В другом районе — в промышленном и в частности подстоличном — о подобном расширении посевов не может быть и речи. Не торговое зерновое хозяйство, а торговое скотоводство является здесь особенно характерным. По числу десятин обрабатываемой земли или по числу рабочих лошадей здесь уже нельзя составить правильного представления о хозяйстве. Гораздо более пригодным мерилom является число коров (молочное хозяйство). Именение севооборота, посев трав, а не расширение посевов составляет здесь характерный признак прогресса крупного хозяйства. Многолошадных дворов здесь меньше; может быть, даже уменьшение числа лошадей означает иногда прогресс хозяйства. Зато коровами здешние крестьяне богаче, чем в остальной России. Г. Благовещенский по итогам земской статистики считал в среднем по 1,2 коровы на двор;

в 18 уездах Петербургской, Московской, Тверской и Смоленской губерний имеем по 1,6, а в одной Петербургской — по 1,8 на двор⁵¹. И торговый капитал и капитал, вкладываемый в производство, оперируют здесь преимущественно с продуктами скотоводства. Размер дохода зависит всего больше от числа молочных коров. Складываются «молочные фермы». Развивается наем земледельческих рабочих важиточными крестьянами; мы уже отмечали, что в *промышленные* губернии идут из оскуделого центра на *земледельческие* работы. Одним словом, те же самые общественно-экономические отношения проявляются здесь в совершенно иной форме, при агрикультурных условиях, непохожих на чисто-земледельческие.

А если взять специальные культуры, напр., табаководство, или соединение земледелия с технической обработкой продуктов (винокурение, свекло-сахарное, маслобойное, картофельно-крахмальное и др. производства), то формы проявления предпринимательских отношений здесь окажутся непохожими ни на те, которые существуют при торговом зерновом хозяйстве, ни на те, которые складываются при торговом скотоводстве. За мерило здесь придется взять либо количество специальных посевов, либо размер того предприятия по технической обработке продуктов, которое связано с данным хозяйством.

Валовая статистика земледелия, имеющая дело только с размерами площадей или с количеством скота, далеко не учитывает всего этого разнообразия форм, и поэтому сплошь да рядом заключения, основанные только на справке с подобной статистикой, оказываются неверными. Рост торгового земледелия идет гораздо быстрее, влияние обмена простирается шире, капитал преобразует сельское хозяйство гораздо глубже, чем можно думать по общим валовым цифрам и абстрактным средним.

VII

Подводим теперь итоги изложенному выше о сущности аграрного вопроса и аграрного кризиса в России к концу XIX века.

В чем сущность этого кризиса? М. Шанин в брошюре «Муниципализация или раздел в собственность» (Вильна, 1907 г.) настаивает на том, что наш земледельческий

кризис есть кризис агрикультурный, что самые глубокие корни его — необходимость поднятия техники земледелия, невероятно низкой в России, необходимость перехода к высшим системам полеводства и т. д.

Это мнение неверно, потому что оно слишком абстрактно. Необходимость перехода к высшей технике несомненна, но, во-первых, этот переход и происходил на деле после 1861 года в России. Как ни медленен прогресс, но совершенно бесспорно, что и помещичье и крестьянское хозяйство в лице зажиточного меньшинства переходили к травосеянию, к употреблению улучшенных орудий, к более систематическому и тщательному удобрению земли и т. д. А раз этот медленный прогресс земледельческой техники есть всеобщий процесс, идущий с 1861 года, то очевидно, что недостаточно еще указать на него для объяснения всеми признаваемого обострения земледельческого кризиса к концу XIX века. Во-вторых, обе формы «решения» аграрного вопроса, наметившиеся в жизни, и столыпинское решение его *сверху*, путем сохранения помещичьего землевладения и окончательного уничтожения общины, разграбления ее кулаками, — и крестьянское (трудолическое) решение *снизу*, путем уничтожения помещичьего землевладения и национализации всей земли, оба эти решения по-своему облегчают переход к высшей технике, идут по линии агрикультурного прогресса. Только одно решение базирует этот прогресс на ускорении процесса выталкивания крестьянской бедноты из земледелия, другое — на ускорении процесса вытеснения отработков путем уничтожения крепостнических латифундий. Что крестьянская беднота «хозяйничает» на своей земле из рук вон плохо, это факт несомненный. Несомненно, значит, что если отдать ее земли на поток и разграбление кучке зажиточного крестьянства, то агрикультура поднимается. Но точно так же несомненный факт и то, что помещичьи земли, эксплуатируемые посредством отработков и кабалы, обрабатываются из рук вон плохо, *хуже наделных земель* (припомните приведенные выше данные: с наделных земель 54 пуда с 1 дес., с экономических 66, с находящихся в испольной обработке 50, с арендованных погодно крестьянами 45). Отработочная система помещичьего хозяйства есть сохранение невероятно отсталых приемов земледелия, есть увековечение

варварства и в агрикультуре и во всей общественной жизни. Несомненно, значит, что если вырвать все отработки с корнем, т. е. совершенно уничтожить (и притом без выкупа) все помещичье землевладение, то агрикультура поднимется.

Следовательно, сущность аграрного вопроса и аграрного кризиса состоит не в том, чтобы устранить помехи поднятию агрикультуры, а в том, *каким образом* устранить эти помехи, какому классу и какими методами провести это устранение. А устранить помехи развитию производительных сил страны безусловно необходимо, не только в субъективном смысле слова необходимо, но и в объективном, т. е. это устранение неизбежно, и никакие силы не в состоянии предотвратить его.

Ошибка М. Шанина, которую делают также очень многие писатели по аграрному вопросу, состоит в том, что он взял верное положение о необходимости поднятия земледельческой техники слишком абстрактно, не учтя своеобразных форм сплетения крепостнических и капиталистических черт в русском земледелии. Главной и основной помехой развитию производительных сил сельского хозяйства России являются пережитки крепостничества, т. е. отработки и кабала прежде всего, затем крепостнические подати, неравноправность крестьянина, приниженность его перед высшим сословием и т. д. и т. д. Устранение этих пережитков крепостничества давно стало хозяйственной необходимостью, и кризис земледелия к концу XIX века обострился невероятно сильно именно потому, что процесс освобождения России от средневековья слишком затянулся, что отработки и кабала слишком долго «зажились». Они отмирали после 1861 года до того медленно, что новому организму потребовались насильственные способы быстрого очищения от крепостничества.

Каков этот новый хозяйственный организм русского земледелия? Это мы старались показать в предыдущем изложении особенно подробно, ибо на этот счет существуют особенно неправильные представления у экономистов либерально-народнического лагеря. Новый хозяйственный организм, который вылезает у нас из крепостнической скорлупы, есть торговое земледелие и капитализм. Экономика помещичьего хозяйства, поскольку оно ведется

не отработками, не кабалой надельного крестьянина, показывает с полнейшей ясностью капиталистические черты. Экономика крестьянского хозяйства — поскольку мы умеем заглянуть внутрь общины и посмотреть, что делается в жизни вопреки официальной уравнительности надельного землевладения — показывает нам опять-таки везде и повсюду чисто капиталистические черты. Рост торгового земледелия идет в России непрерывно, несмотря на все помехи, и это торговое земледелие неизбежно превращается в капиталистическое, хотя формы этого превращения в высшей степени разнообразны и видоизменяются в отдельных районах.

В чем должно состоять то насильственное устранение средневековой скорлупы, которое стало необходимостью для дальнейшего свободного развития нового хозяйственного организма? В уничтожении средневекового землевладения. Средневековым является в России до сих пор и помещичье землевладение и в значительной части также крестьянское. Мы видели, как новые экономические условия ломают эти средневековые рамки и перегородки землевладения, заставляя бедного крестьянина сдавать свой исконный надел, заставляя зажиточного крестьянина составлять свое, сравнительно крупное, хозяйство из кусочков различных земель: и надельных, и купчих, и арендованных у помещика. И на помещичьей земле разделение земель под отработками, под погодной крестьянской арендой, под экономическим посевом, показывает, что новые системы хозяйства строятся вне рамок старого, средневекового, землевладения.

Уничтожить это землевладение можно сразу, решительно разорвав с прошлым. Такой мерой является национализация земли, которой и требовали, более или менее последовательно, все представители крестьянства в период 1905—1907 годов. Уничтожение частной собственности на землю несколько не изменяет буржуазных основ торгового и капиталистического землевладения. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто национализация земли имеет что-либо общее с социализмом или даже с уравнительностью землепользования. Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства. Национализация же есть превращение земли в собственность государства, и такое превращение

нисколько не затрагивает частного хозяйства на земле. Будет ли земля собственностью или «достоянием» всей страны, всего народа, от этого не меняется система хозяйства на земле, совершенно точно так же, как не меняется (капиталистическая) система хозяйства у зажиточного мужика, покупает ли он землю «навечно», арендует ли помещицью или казенную землю, «собирает» ли наделы опустившихся несостоятельных крестьян. Раз остается обмен, о социализме смешно и говорить. А обмен продуктов земледелия и средств производства совершенно не зависит от форм землевладения. (Замечу в скобках, что я излагаю здесь только экономическое значение национализации, а не защищаю ее, как программу; такую защиту я дал в названной выше работе*.)

Что касается уравнительности, то мы уже показали выше применение ее на деле при распределении наделной земли. Мы видели, что наделная земля распределяется внутри общины довольно уравнительно, лишь слегка подаваясь в сторону богачей. Но от этой уравнительности остается в результате очень мало вследствие сдачи земли беднотой и концентрации аренды в руках богачей. Ясно, что никакая уравнительность землевладения не в силах устранить неравномерности действительного землепользования, раз есть налицо имущественные различия между хозяевами и система обмена, обостряющая эти различия.

Экономическое значение национализации совсем не в том, где его сплошь да рядом ищут. Не в борьбе с буржуазными отношениями состоит оно (национализация — самая последовательная буржуазная мера, как давно показал Маркс⁵²), а в борьбе с крепостническими отношениями. Пестрота средневекового землевладения тормозит хозяйственное развитие; сословные рамки мешают торговому обороту; несоответствие старого землевладения и нового хозяйства порождает острые противоречия; помещики благодаря латифундиям затягивают существование отработков; крестьяне заперты точно в гетто, в наделном землевладении, рамки которого жизнь ломает на каждом шагу. Национализация сметает все средневековые отношения в землевладении дочиства, уничтожает все искус-

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 266—297. Ред.

ственные перегородки на земле, делает землю действительно свободной — для кого? для всякого гражданина? Ничего подобного. Свобода безлошадного крестьянина (т. е. $3\frac{1}{4}$ миллионов дворов) состоит, как мы видели, в том, чтобы сдавать надельную землю. Земля становится свободной — для *хозяина*, для того, кто действительно хочет и *может* обрабатывать ее так, как этого требуют современные условия хозяйства вообще и мирового рынка в частности. Национализация ускорила бы смерть крепостничества и развитие чисто буржуазного фермерства на свободной от всяческого средневекового хлама земле. Вот действительное историческое значение национализации в России, как она сложилась к концу XIX века.

Что касается до другого, объективно не невозможного, пути расчистки землевладения для капитализма, то он состоит, как мы видели, в ускоренном ограблении общины богатыми и в укреплении частной земельной собственности у зажиточного крестьянства. Главный источник отработков и кабалы остается при этом незатронутым, помещичьи латифундии остаются. Ясно, что такой способ расчистки пути для капитализма в неизмеримо меньшей степени обеспечивает свободное развитие производительных сил, чем первый. Раз сохраняются латифундии, неизбежно сохранение и кабального крестьянина, эксплуатации, мелкой погодной аренды, обработки «барских» земель крестьянским инвентарем, т. е. сохранение самой отсталой культуры и всего того азиатского варварства, которое называется патриархальным деревенским бытом.

Два, указанные мною, способа «решения» аграрного вопроса в развивающейся буржуазной России соответствуют двум путям развития капитализма в земледелии. Я называю эти пути прусским и американским. Первый характеризуется тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого полуфеодальные черты. Прусское помещичье землевладение не разбито буржуазной революцией, а уцелело и стало основой «юнкерского» хозяйства, капиталистического в основе, но не обходящегося без известной зависимости сельского населения вроде *Gesindeordnung** и т. п.

* — Устава о челяди. Ред.

От этого социальное и политическое господство юнкеров упрочено на долгие десятилетия после 1848 года, и развитие производительных сил германского земледелия шло несравненно медленнее, чем в Америке. Там, наоборот, основой капиталистического земледелия послужило не старое рабовладельческое хозяйство крупных помещиков (гражданская война разбила рабовладельческие экономии), а свободное хозяйство свободного фермера на свободной земле, свободной от всех средневековых пут, от крепостничества и феодализма, с одной стороны, а с другой стороны, и от пут частной собственности на землю. Земли раздавались в Америке из ее громадного земельного запаса за номинальную плату, и лишь на новой, вполне капиталистической основе развилась там теперь частная собственность на землю.

Оба эти пути капиталистического развития вполне ясно обрисовались в России после 1861 года. Несомненно прогресс помещичьего хозяйства, причем медленность этого прогресса не случайна, а неизбежна, пока сохраняются пережитки крепостничества. Несомненно также, что чем свободнее крестьянство, чем меньше давят на него остатки крепостного права (на юге, напр., есть все эти благоприятные условия), наконец, чем лучше в общем и целом обеспечено крестьянство землей, тем сильнее разложение крестьянства, тем быстрее идет образование класса сельских предпринимателей-фермеров. Весь вопрос дальнейшего развития страны сводится к тому, какой же из этих путей развития возьмет окончательно верх над другим, и, соответственно этому, какой класс проведет необходимое и неизбежное преобразование: старый ли барин-землевладелец или свободный крестьянин-фермер.

У нас думают нередко, что национализация земли означает изъятие земли из торгового оборота. На этой точке зрения безусловно стоит большинство передовых крестьян и идеологов крестьянства. Но такой взгляд в корне ошибочен. Как раз наоборот. Частная собственность на землю является помехой свободному приложению капитала к земле. Поэтому при свободной аренде земли у государства (а к этому сводится сущность национализации в буржуазном обществе) земля сильнее втягивается в торговый оборот, чем при господстве частной поземельной

собственности. Свобода приложения капитала к земле, свобода конкуренции в земледелии гораздо больше при свободной аренде, чем при частной собственности. Национализация земли, это — так сказать, лендлордизм без лендлорда. А что значит лендлордизм в деле капиталистического развития земледелия, об этом замечательно глубоко рассуждает Маркс в «Теориях прибавочной стоимости». Я привел его рассуждение в названной выше работе об аграрной программе, но позволю себе в виду важности вопроса повторить его здесь еще раз*.

В параграфе об исторических условиях теории ренты Рикардо («Theorien über den Mehrwert». II. Band, 2. Teil, Stuttgart, 1905, S. 5—7**) Маркс говорит, что Рикардо и Андерсон «исходят из воззрения, кажущегося очень странным на континенте». Именно: они предполагают, что «не существует вовсе поземельной собственности, как помехи любому применению капитала к земле». На первый взгляд, это — противоречие, потому что как раз в Англии феодальная поземельная собственность считается в особенности полно сохранившейся. Но Маркс объясняет, что именно в Англии капитал «расправлялся так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, как нигде на свете». В этом отношении Англия «самая революционная страна в мире». «Все исторически унаследованные распорядки там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледелии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены: не только изменено расположение сельских поселений, но сметены сами эти поселения; не только сметены жилища и места поселения сельскохозяйственного населения, но и само это население; не только сметены исконные центры хозяйства, но и само это хозяйство. У немцев, — продолжает Маркс, — экономические распорядки оказались определены традиционными отношениями общинных земель (Feldmarken), расположением хозяйственных центров, известными местами скопления населения. У англичан исторические распорядки земледелия оказались постепенно созданы капиталом, начиная с XV века. Английское техническое выражение «clearing of estates»

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 246—250. *Ред.*

** — «Теория прибавочной стоимости». II том, 2 часть, Штутгарт, 1905, стр. 5—7. *Ред.*

(«чистка земель») не встречается ни в одной континентальной стране. А что означает это *clearing of estates*? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением — его выгоняли; ни с существующими деревнями — их сравнивали с землей; ни с хозяйственными постройками — их отдавали на слом; ни с данными видами сельского хозяйства — их меняли одним ударом, превращая, напр., пахотные поля в выгон для скота; одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически *создавали* эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного приложения капитала. Постольку, следовательно, действительно *не существует собственности на землю*, ибо эта собственность предоставляет капиталу — фермеру — хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода. Какой-нибудь померанский помещик» (Маркс имеет в виду Родбертуса, теорию ренты которого он опровергает блестяще и детально в данном сочинении), «у которого в голове только и есть, что стародавние общинные земли, центры хозяйства, коллегия землевладения и т. п., может поэтому в ужасе всплескивать руками по поводу «неисторического» воззрения Рикардо на развитие земледельческих отношений». На самом же деле «английские условия — единственные условия, в которых адекватно (с идеальным совершенством) развилась современная собственность на землю, т. е. собственность на землю, *видоизмененная* капиталистическим производством. Английская теория (т. е. теория ренты Рикардо) является в этом пункте классической для современного, т. е. капиталистического, способа производства».

В Англии эта чистка земли шла в революционных формах с насильственной ломкой крестьянского землевладения. Ломка старины, отжившей свое время, абсолютно неизбежна и в России, но девятнадцатый век (да и первые 7 лет двадцатого) не решились еще вопроса о том, какой класс и в какой форме произведет необходимую для нас ломку. Мы показали выше, какова основа распределения земли в России в настоящее время. Мы видели, что 10½ миллионам крестьянских дворов с 75 миллионами десятин земли противостоят 30 000 владельцев латифундий с 70 миллионами десятин. Один из возможных исходов

борьбы, которая не может не разгораться на такой почве, состоит в том, что землевладение десяти миллионов дворов почти удвоится, а землевладение верхних тридцати тысяч исчезнет. Рассмотрим этот возможный исход чисто теоретически, с точки зрения того, как сложился аграрный вопрос в России к концу XIX века. Каковы должны были бы быть результаты такой перемены? С точки зрения отношений землевладения очевидно, что средневековое наделное и средневековое помещичье землевладение были бы перетасованы заново. Старина была бы сметена дотла. В отношениях землевладения не осталось бы ничего традиционного. Какая же сила определила бы новые отношения землевладения? «Принцип» уравнительности? Так склонен думать передовой крестьянин, затронутый народнической идеологией. Так думает народник. Но это иллюзия. В общине признанный законом и освященный обычаем «принцип» уравнительности ведет на деле к приспособлению землевладения к различиям в имущественной состоятельности. И на основании этого *экономического факта*, тысячекратно подтверждаемого и русскими данными и западноевропейскими, мы утверждаем, что надежда на уравнительность разлетелась бы как иллюзия, а *перетасовка землевладения осталась бы как единственный прочный результат*. Велико ли значение такого результата? Чрезвычайно велико, ибо никакая иная мера, никакая иная реформа, никакое иное преобразование не могли бы дать таких полных гарантий наиболее быстрого, широкого и свободного прогресса земледельческой техники в России и исчезновения из нашей жизни всех следов крепостничества, сословности, азиатчины.

Прогресс техники? — возразят нам, пожалуй. Но не показано ли выше точными данными, что помещичье хозяйство стоит выше крестьянского хозяйства и по травосеянию, и по употреблению машин, и по удобрению, и по качеству скота, конечно, и т. д.? Да, это показано, и факт этот совершенно несомненен. Но не надо забывать, что *все эти различия в хозяйственной организации, технике и проч. суммируются в урожайности*. А мы видели, что урожай с помещичьих земель, *находящихся в испольной и т. п. обработке у крестьян*, ниже урожаев на наделной земле. Вот какое обстоятельство почти всегда забывают, говоря об агрикультурном уровне помещичьего и

крестьянского хозяйства в России! Помещичье хозяйство стоит выше, *поскольку* оно ведется капиталистически. И вся суть в том, что это «поскольку» к концу XIX века оставило отработки преобладающей в нашем центре системой хозяйства. *Поскольку* на помещичьих землях хозяйничает и теперь своими стародедовскими орудиями, способами и т. д. кабальный крестьянин, *поскольку* помещичье землевладение есть главная причина отсталости и застоя. Перемена в землевладении, обсуждаемая нами, подняла бы урожай с псопльных и арендованных земель (теперь этот урожай — см. цифры выше — 50 и 45 пуд. при 54 пуд. на надельной земле и 66 пуд. на владельческих посевах). Если бы даже этот урожай поднялся *только* до уровня урожая с надельных земель, то и тогда шаг вперед был бы громадный. Но понятно само собой, что и урожай с надельных земель поднялся бы как вследствие освобождения крестьянина от гнета крепостнических латифундий, так и в силу того, что надельные земли стали бы тогда, подобно всем остальным землям государства, свободными землями, одинаково доступными (не всем гражданам, а гражданам с земледельческим капиталом, т. е. —) фермерам.

Этот вывод вытекает вовсе не из данных об урожайности, взятых нами. Напротив, эти данные взяты лишь для наглядной иллюстрации вывода, вытекающего из *всей совокупности* данных об эволюции русского помещичьего и крестьянского хозяйства. Чтобы опровергнуть этот вывод, надо опровергнуть тот факт, что история русского земледелия во второй половине XIX века есть история смены крепостнических производственных отношений буржуазными.

Если держаться данных о числе крестьянских хозяйств в настоящее время, то может получиться впечатление, что рассматриваемое нами аграрное преобразование повело бы к чрезвычайному раздроблению земледелия. Помилуйте, тринадцать миллионов хозяйств на 280 миллионах десятин! разве это не чудовищное распыление? Мы ответим на это: ведь это *теперь* мы видим такое безмерное распыление, ибо *теперь* тринадцать миллионов хозяйств *хозяйничают* на *меньшей* площади, чем 280 млн. дес.! Следовательно, перемена, интересующая нас, ни в каком случае не внесла бы ухудшения в рассматриваемом отношении. Мало того. Мы ставим дальше вопрос, есть ли основание

думать, что общее число хозяйств останется при этой перемене прежним? Обыкновенно смотрят именно так под влиянием народнических теорий и мнений самих крестьян, которые всеми помыслами тянут к земле и способны мечтать даже о превращении промышленных рабочих в мелких земледельцев. Несомненно, некоторое число русских промышленных рабочих в конце XIX века стоят и сами на этой крестьянской точке зрения. Но вопрос в том, *верна* ли эта точка зрения? соответствует ли она *объективным* хозяйственным условиям и ходу экономического развития? Достаточно поставить ясно этот вопрос, чтобы увидеть, что крестьянский взгляд определяется отживающим и безвозвратным прошлым, а не нарастающим будущим. Крестьянский взгляд *неверен*. Он представляет из себя идеологию вчерашнего дня, а экономическое развитие *на деле* ведет не к увеличению, а к уменьшению земледельческого населения.

Перемена в отношениях землевладения, рассматриваемая нами, не уничтожит и не может уничтожить этого процесса уменьшения доли земледельческого населения, процесса, общего всем странам развивающегося капитализма. Каким образом могла бы эта перемена, спросят меня, пожалуй, повлиять на уменьшение земледельческого населения, раз доступ к земле стал бы свободен для всех? Я отвечаю на это цитатой из одной думской речи крестьянского депутата (Полтавской губернии), г. Чижевского. В заседании 24 мая 1906 года он говорил: «У нас крестьяне, те же выборщики, которые посылали нас сюда, производили, например, такой расчет: «Если бы мы были немного богаче и если бы каждая наша семья могла пять-шесть рублей в год расходовать на сахар, — в каждом из тех уездов, где возможно производство свеклы, возникло бы несколько сахарных заводов, в добавление к тем, которые существуют теперь». Совершенно естественно, что если бы эти заводы возникли, какая масса рук потребовалась бы для хозяйства при его интенсификации! Увеличилось бы производство сахарных заводов и т. д.» («Стенографические отчеты», стр. 622).

Это — чрезвычайно характерное признание местного деятеля. Если бы спросить его мнение о значении аграрного преобразования вообще, он, наверное, высказал бы народнические взгляды. Но раз вопрос встал не о

«мнениях», а о *конкретных* последствиях преобразования, *капиталистическая правда* сразу взяла верх над *народнической утопией*. Ибо то, что сказали крестьяне своему депутату г. Чижевскому, есть именно капиталистическая правда, правда капиталистической действительности. Рост числа сахарных заводов и производительности их действительно был бы громаден при всяком сколько-нибудь серьезном улучшении положения массы мелких земледельцев; и само собою понятно, что не только свеклосахарное производство, но все отрасли обрабатывающей промышленности: текстильная, железоделательная, машиностроительная, строительная вообще и проч. и проч., получили бы громадный толчок, потребовали бы «массы рук». И эта экономическая необходимость оказалась бы сильнее всех прекрасных упований и мечтаний об уравнительности. Три с четвертью миллиона безлошадных дворов не станут «хозяевами» ни от какого аграрного преобразования, ни от каких перемен в землевладении, ни от какого «наделения землей». Эти миллионы дворов (да и не малая часть однолошадных) *маются*, как мы видели, на своих кусочках земли, *сдают свои наделы*. Американское развитие промышленности *неминуемо* отвлекло бы большинство таких безнадежных в капиталистическом обществе хозяев от земледелия, и никакое «право на землю» не в силах будет помешать этому отвлечению. Тринадцать миллионов мелких хозяев с самым жалким, нищенским и устарелым инвентарем,ковыряющих и свою надельную и барскую землю, это — действительность сегодняшнего дня; это — *искусственное* перенаселение в земледелии, искусственное в смысле насильственного удержания тех крепостнических отношений, которые давно пережили себя и *не могли бы* продержаться ни одного дня без экзекуций, расстрелов, карательных экспедиций и т. п. Всякое серьезное улучшение в положении массы, всякий серьезный удар крепостническим пережиткам *неминуемо* подорвали бы это перенаселение деревни, усилили бы в громадных размерах (идуший медленно и теперь) процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности, уменьшили бы число хозяйств с 13 миллионов до гораздо более низкой цифры, повели бы Россию вперед по-американски, а не по-китайски, как теперь.

Аграрный вопрос в России к концу XIX века поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов. И эта же борьба классов определит, каким образом будет решена эта задача.

1 июля нов. ст. 1908 г.

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ СОВРЕМЕННОГО РАСПАДА

Нам неоднократно приходилось отмечать идейный и организационный распад *справа*, в лагере буржуазных демократов и социалистических оппортунистов, распад, неизбежный — в период разгула контрреволюции — среди партий и течений с преобладанием мелкобуржуазной интеллигенции. Но картина распада была бы неполна, если бы мы не остановились и на распаде *«слева»*, в лагере мелкобуржуазных «социалистов-революционеров».

Конечно, выражение «слева» можно употребить здесь только в очень и очень условном смысле, для характеристики тех, кто склонен *играть* в левизну. Мы уже не раз указывали в «Пролетарии», что именно период русской революции в ее наибольшем подъеме обнаружил особенно наглядно в открытой, массовой, политике всю неустойчивость, непрочность, всю беспринципность эсеровского «революционализма». Достаточно напомнить только крупнейшие события. Осенний подъем 1905-го года: эсеры в тайном блоке с энесами, которые тянут к легальной «народно-социалистической партии». Съезд партии с.-р. в декабре 1905 г. отвергает «план» образования подобного двойника эсерской партии, но в весенний и летний подъем 1906 года мы видим *опять* эсеров в ежедневных газетах, т. е. на главной трибуне всенародной агитации, идущими в блоке с энесами. Эти последние открыто отказываются от революции осенью 1906 г., после поражения Свеаборга и Кронштадта, открыто выступают, как оппортунисты, и, тем не менее, выборы во II Думу в Петербурге (весна 1907 года) опять возрождают «народнический блок» эсеров, энесов и трудовиков. Одним словом, революция вполне

и окончательно вскрыла отсутствие сколько-нибудь определенной классовой опоры у партии с.-р., свела ее на деле к роли придатка, крыла мелкобуржуазной крестьянской демократии, *заставила* ее колебаться постоянно между словесным революционным порывом и энесовско-трудовической дипломатией. Выделение максималистов, которые все время в течение революции выделялись и не могли выделиться из эсеров окончательно, только подтверждало классовую неустойчивость народнической революционности. Эсеровскому центру, «чистым» эсерам — писали мы еще в № 4 «Пролетария», в статье «Эсеровские меньшевики», — ничего не остается, как защищаться заимствуемыми у марксистов доводами от обоих «новых» направлений в эсерстве*. Если социал-демократы вышли из революции, окончательно сплотив с собой один определенный класс, именно пролетариат, и отчеканив два течения, свойственные всей международной социал-демократии, оппортунистическое и революционное, то социалисты-революционеры вышли из революции без всякой прямой базы, без всякой определенной межи, способной отделить их, с одной стороны, от трудовиков и энесов, связанных с массой мелких хозяйчиков, с другой стороны, от максималистов, как интеллигентской террористической группы.

И теперь, после исчезновения — может быть, временного — максимализма, мы видим возобновление родственного ему течения в новом костюме. Газетка «Революционная Мысль»⁵⁴ (№ 1 — апрель 1908, № 2 — июнь), орган «группы социалистов-революционеров», отгораживает себя от «официального органа партии с.-р.», т. е. от центрального органа, «Знамени Труда»⁵⁵, и провозглашает *«пересмотр* нашего (т. е. эсерского) теоретического миросозерцания, наших эсерских методов борьбы и организации». Конечно, весь этот «пересмотр», вся эта «критическая творческая работа», обещанная новой газетой, есть чистейшая фраза. На деле ни о каком пересмотре теории нет и не может быть речи, ибо нет у новой газеты никакого теоретического миросозерцания, а есть только перелеп на тысячу ладов призывов к террору, да неуклюжее, неумелое, наивное приспособление к этому якобы новому, а на деле старому и очень старому приему взглядов на

* См. Сочинения, 4 изд., том 11, стр. 172. *Ред.*

революцию, на массовое движение, на значение партий вообще и т. д. Поразительное убожество такого «георетического» багажа бьет в глаза при сопоставлении с велеречивыми обещаниями пересмотра, критики и творчества. Полная спутанность теоретических взглядов и у «нового» и у «старого» направления в эсерстве выступает тем более ярко, что «Революционная Мысль» сама подчеркивает «эволюцию, происходящую во взглядах руководителей официального органа партии с.-р.» — эволюцию, состоящую в усиленном подчеркивании «систематического центрального политического террора» для «ускорения событий». Это — цитата из № 8 «Знамени Труда». А в № 10—11 (февраль — март 1908 г.) мы встречаем совершенно такие же речи о «напряжении усилий всей партии» на «центральном политическом терроре», о необходимости найти на это «крупные денежные средства», причем тут же рядом делается «тонкий намек» на возможный источник этих средств: «все партии, — пишет «Знамя Труда», стр. 7—8, — вплоть до кадетов и мирнообновленцев, воспользуются ближайшими плодами этой деятельности. И потому партия вправе рассчитывать на самую широкую общественную помощь в этой своей борьбе».

Читатель видит, что нового в речах новой газеты нет ничего. Она характерна только с той стороны, что дает поучительный материал для оценки *распада*, прикрытого «левыми» и якобы-революционными фразами. Меньшевики в «Голосе Социал-Демократа» (№ 1) оправдывают сборы денежных средств с либералов известной политической солидарностью целей. Эсеры в «Знамени Труда» говорят кадетам и мирнообновленцам: вы же воспользуетесь плодами. Крайности сходятся. Мелкобуржуазный оппортунизм и мелкобуржуазная революционность одинаково «поглядывают» — хотя с разных сторон — на кадетов и мирнообновленцев.

И не только в этом сходятся указанные крайности. Разочарованность вынесена из революции и меньшевиками и «революционными» народниками. Махнуть рукой на партийность, на старые партийные традиции, на революционную массовую борьбу готовы те и другие. «Ошибка, общая почти всем революционным партиям, — пишет «Революционное Недомыслие» — ошибка, сыгравшая пагубную роль в переживаемом ныне кризисе, заключается в пре-

увеличенной вере в возможность и необходимость массового народного восстания»... «Жизнь не оправдала ожидания партии». Напрасно, видите ли, строили социалисты-революционеры «социалистическую программу по марксистскому шаблону», строили «представление о революции в отождествлении ее с массовым движением и массовым восстанием, вызываемым экономическими потребностями, правда, делая поправку на инициативное меньшинство». Надо, вместо поправок, развить «теорию и практику активного действия инициативного меньшинства» (№ 1, стр. 6—7). Надо превозносить значение «непосредственного чувства, которое охватывает революционера, и идеалов, которые его одухотворяют» (№ 2, стр. 1), а теоретические вопросы, философия, научный социализм, это все пустяки, по мнению «новых» социально-революционных обскурантов. «Есть ли надежда на вооруженное восстание в более или менее ближайшем (так и сказано: «в более или менее ближайшем») будущем?» — спрашивает «Революционное Недомыслие» и отвечает: «В этом все согласны: нет такой надежды» (№ 2, стр. 2). Вывод: в России «политический переворот не может быть произведен иначе, как революционным меньшинством» (стр. 7). «Причины неудачи революционных партий за последние три года не были случайными и зависели, на наш взгляд, не только от объективных условий и не только от тактических ошибок, а лежали также в самой концепции их организации» (стр. 10): революционеры ставили себе, видите ли, «невыполнимые задачи» действительно руководить массами; социал-демократы *смущали* эсеров и побуждали их, в ущерб настоящему делу — террористической борьбе — думать об организации крестьянства и подготовке его к всеобщему вооруженному восстанию (стр. 11). Крайняя централизация партий — «генеральство» — «дух авторитарности» (стр. 12) — вот зло. «В большой сильной партии революционеры видели единственное средство и валог достижения поставленной цели, не замечая ни практической невозможности, при наших русских условиях, создать такую партию, ни всех ее темных сторон» (стр. 12).

Кажется, довольно! Какой хаос мысли царит в «Революционной Мысли», какой обскурантизм она проповедует, на каком пошлом обывательском отчаянии, малодушии и разочарованности после первых трудностей дела строится

якобы-революционная программа, — об этом не стоит тратить слов. Приведенные цитаты говорят сами за себя.

Но пусть не думает читатель, что подобные рассуждения — просто вздор, случайно выболтанный неведомой и незначительной группкой. Нет, такой взгляд был бы ошибочен. Тут есть своя логика, логика разочарованности в партии и в народной революции, разочарованности в способности *масс* к непосредственной революционной борьбе. Это — логика интеллигентской взвинченности, истеричности, неспособности к выдержанной, упорной работе, неумения применить основные принципы теории и тактики к изменившимся обстоятельствам, неумения вести пропагандистскую, агитационную и организационную работу при условиях, резко отличных от тех, которые мы пережили недавно. Вместо того, чтобы направить все усилия на борьбу с обывательским развалом, проникающим не только в высшие, но и низшие классы, вместо того, чтобы крепче сплачивать разрозненные партийные силы на отстаивании испытанных революционных принципов, вместо этого неуравновешенные люди, оторванные от классовой опоры в массах, выкидывают за борт все, чему они учились, и провозглашают «пересмотр», т. е. возврат к старенькому хламу, к революционному кустарничеству, к раздробленной деятельности группок. Никакой героизм этих группок и отдельных лиц в террористической борьбе не изменит того, что деятельность их, как людей *партии*, есть проявление *распада*. И чрезвычайно важно усвоить себе ту истину, — подтверждаемую опытом всех стран, переживших поражения революции, — что одна и та же психология, одна и та же классовая особенность, напр., мелкой буржуазии, проявляется и в унынии оппортуниста и в отчаянии террориста.

«Все согласны, что нет надежды на вооруженное восстание в более или менее ближайшем будущем». Подумайте над этой хлесткой и шаблонной фразой. Люди, очевидно, никогда не задумывались над объективными условиями, порождающими сначала широкий политический кризис, а потом, при обострении этого кризиса, гражданскую войну. Люди *заучили* наизусть «*лозунги*» вооруженного восстания, не *поняв* значения и условий применимости этого лозунга. Поэтому так легко и бросают они непродуманные, на веру взятые, лозунги после первых

же поражений революции. А если бы эти люди ценили марксизм, как единственную революционную теорию XX века, если бы они поучились истории русского революционного движения, то они увидели бы различие между фразой и развитием действительно революционных лозунгов. Социал-демократы не ставили «лозунга» восстания ни в 1901 г., когда демонстрации заставили Кричевского и Мартынова закричать о «штурме», ни в 1902 и 1903 гг., когда покойный Надеждин обозвал план старой «Искры» «литературщиной». Лозунг восстания поставили только после 9-го января 1905 г., когда ни единому человеку нельзя уже было сомневаться в том, что общенациональный политический кризис *разразился*, что он обостряется в непосредственном движении масс не по дням, а по часам. И в несколько месяцев этот кризис *довел* до восстания.

Какой урок вытекает из этого? Тот, что мы должны теперь внимательно следить за подготовляющимся новым политическим кризисом, учить массы урокам 1905 г., неизбежности перехода всякого острого кризиса в восстание и укреплять организацию, которая бросит этот лозунг в момент наступления кризиса. Ставить же вопрос так: «есть ли надежда в ближайшем будущем?» бесплодно. Положение дел в России таково, что ни один сколько-нибудь вдумчивый социалист не отважится на предсказания. Все, что мы *знаем* и что можем сказать, сводится к тому, что без пересоздания аграрных отношений, без полной ломки старого земельного строя Россия жить не может, а жить она будет. Борьба идет из-за того, удастся ли Столыпину по-помещичьи совершить эту ломку, или крестьяне под руководством рабочих *сами* произведут ее так, как им это выгодно. Дело социал-демократов — внедрить в массы ясное понимание этой *экономической* основы нарастающего кризиса и воспитывать серьезную партийную организацию, которая бы помогла народу усвоить богатые уроки революции и способна была *руководить* им в борьбе, когда созреют зреющие силы для новой революционной «кампании».

Но этот ответ, конечно, покажется «неопределенным» для людей, которые смотрят на «лозунги» не как на практический вывод из классового анализа и учета определенного исторического момента, а как на талисман, раз

навсегда данный партии или направлению. Таким людям непонятно, что неумение сообразовать свою тактику с различиями определившихся вполне и неопределенных моментов есть результат политической невоспитанности и узости кругозора. Укреплять организацию! Наши герои революционного «визга» презрительно морщат нос по поводу такой скромной, невинной задачи, не обещающей «сейчас», немедленно, завтра же, никакого шума и треска. «Жизнь не оправдала ожидания партии». И это говорится после 3-х лет революции, давшей невиданное в мире *подтверждение* роли и значения сильных партий! Именно русская революция в первом же своем периоде показала, что *можно* даже при плевенских порядках⁵⁶ создать *партию*, действительно способную руководить *классами*. Весной 1905 г. наша партия была союзом подпольных кружков; осенью она стала партией *миллионов* пролетариата. «Сразу» это стало так, господа, или десятилетие медленной, упорной, невидной и нешумной работы *подготовили* и обеспечили такой результат? И если в такой момент, как переживаемый нами, гг. официальные и неофициальные эсеры ставят на *первый* план царубийство, а не создание в крестьянской массе *партийной* организации, способной выковать нечто более прочное, идейное, твердое и выдержанное из киселеобразной революционности трудовичества, как течения, — то мы скажем, что народнический социализм в России умирает, что он уже умер давно, что его вожди чувствуют смутно свой «крах», как народников, за первую же кампанию народной революции.

Мы не ждали от крестьян способности к руководящей или даже самостоятельной роли в революции, и мы не падем духом от неудачи первой кампании, показавшей громадную распространенность революционно-демократических, хотя крайне смутных и хлюпких идей в крестьянстве. И мы сумеем работать опять так же выдержанно и упорно, как работали до революции, чтобы не порвалась партийная традиция, чтобы укрепилась партия и могла руководить во *вторую* кампанию не 2—3 миллионами пролетариев, а впятеро, вдесятеро большим числом. Вы не верите в эту задачу? вам скучна она? Скатертью дорога, почтеннейшие: вы не революционеры, вы просто крикуны!

И так же по-кликушески ставит ваш официальный орган вопрос об участии в III Думе*. В номере 10—11 «Знамени Труда» один кликуша издевается над *ошибками* наших с.-д. депутатов III Думы и восклицает по поводу их заявлений: «Кто знает об этих заявлениях, об этих голосованиях и воздержаниях?» (стр. 11).

Мы скажем на это: да, наши с.-д. депутаты в III Думе делали много ошибок. И именно этот пример, который угодно было взять эсерам, показывает различие в отношении к делу *рабочей партии и интеллигентской группы*. Рабочая партия понимает, что в период политического затишья и распада неизбежно проявление этого распада и на думской фракции, которая у нас в III Думе еще меньше, чем во второй, могла сосредоточить наиболее крупные партийные силы. Поэтому рабочая партия критикует и исправляет ошибки своих депутатов; каждая организация, обсудив каждую речь и придя к выводу, что такое-то и такое заявление или выступление есть ошибка, дает материал для политического выступления масс. Не беспокойтесь, гг. эсеры: в момент обострения политического кризиса наша фракция и уже во всяком случае члены нашей думской фракции *сумеют выполнить свой долг*. А наша критика их ошибок делается гласно, открыто перед массами. Из этой критики учатся депутаты, учатся классы, учится партия, которая видывала трудные времена и знает, что не кликушеством, а только упорной и стойкой работой *всех* организаций можно выйти с честью из тяжелого положения. «Пролетарий», как заграничная газета, сознавал свою обязанность осторожно давать советы издали, но и он предлагал открыто меры к улучшению работы фракции. Наша открытая партийная критика в дополнении к работе фракции достигает того, что массы знают и думские заявления и *характер* партийных поправок

* Подробный разбор эсерского бойкотизма см. в № 18 «Пролетария» — ст. о «Парламентском кретинизме наивнанию». Уже осенью 1907 г. эсеры, вызвав как будто и действительно революционной бойкотистской традиции, на деле опошляли эту традицию, сводили ее на-нет, подменяя революционный бойкот-нападение жалким и бессильным «отказом участвовать»... Уже тогда они заверяли доверчивую публику, что «повернуться спиной» и реакционной Думе значит-де нанести «крупное моральное» поражение правительству и сделать «первый серьезный шаг к перемене общей политической картины».

И тогда же был уже вскрыт нами истинный характер этой «революционной реторики... господ, не стесняющихся ради наивной партийной рекламы вносить путаницу в головы масс».

к ним. А не уметь ценить думского слова в такие моменты, когда партийные организации и партийная печать переживают большой распад, значит проявлять безмерное интеллигентское легкомыслие.

Гг. эсеры не понимают значения открытых социалистических выступлений при прямой критике и исправлении их в партийных органах их. Гг. эсеры предпочитают замалчивать ошибки *своих* деятелей: об этом напомнил еще раз номер 10—11 «Знамени Труда», обругав нас за «пошлые» заявления о кадетолюбии Гершуни. Мы давно уже сказали свое мнение по этому вопросу* и не стали бы повторять его непременно теперь, вскоре после смерти истерзанного царскими палачами человека, который своей преданностью революционной организации заслужил себе глубокое уважение. Но если гг. эсерам угодно было поднять вопрос, — мы дадим ответ. Кроме брани, вы не можете ничем ответить нам, господа, не можете сказать прямо и открыто, кто из вас одобряет и не одобряет позиции Гершуни на февральском (1907 г.) съезде партии с.-р. Вы не можете ответить по существу и вскрыть ошибки своих вождей, число их сторонников и т. д., потому что вы не имеете *партии*, не цените воспитания масс на открытой критике лиц, заявлений, направлений и оттенков.

Рабочий класс сумеет воспитать и закалить свои организации, открыто критикуя своих представителей. Не сразу, не без трений, не без борьбы и не без труда, но *мы решим* поставленную перед нами трудным поворотом событий трудную задачу: соединить открытые думские выступления с партийной нелегальной деятельностью. В решении этой задачи скажется зрелость партии, пережившей первую кампанию революции, — в решении этой задачи будет дана одна из гарантий того, что во вторую кампанию пролетариат сумеет под руководством социал-демократии более умело и более сплоченно бороться и более решительно побеждать.

* «Пролетарий» № 32,
2 (15) июля 1908 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ⁵⁷

АВТОРЕФЕРАТ

Исполняя просьбу польских товарищей, я попытаюсь изложить здесь вкратце содержание моей книги, носящей вышеприведенное название, которая была написана в ноябре 1907 г. и не вышла до сих пор по *независящим* от меня обстоятельствам*.

В первой главе этой книги я рассматриваю «экономические основы и сущность аграрного переворота в России». Сопоставляя новейшие (относящиеся к 1905 г.) данные о землевладении в России и определяя, в круглых цифрах, земельный фонд во всех 50 губерниях Европейской России в 280 млн. десятин, я получаю в результате нижеследующую картину распределения всей земельной собственности, наделной и частновладельческой:

	Число владений	Число деся- тин земли	Средн. на 1 влад. дес.
(в миллионах)			
а) разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией.....	10,5	75,0	7,0
б) среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
в) крестьянская буржуазия и капиталистич. землевладение.....	1,5	70,0	46,7
г) крепостнические латифундии	0,03	70,0	2 333,0
<i>Всего</i>	13,03	290,0	17,6
Не распределено по владениям.....	—	50,0	—
<i>Итого</i>	13,03	280,0	21,4

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 195—396. *Ред.*

Всякий, сколько-нибудь знакомый с общественной статистикой, поймет, что эта картина может быть лишь приблизительно верной. Для нас однако важны не те подробности, в которых обыкновенно тонут сами и топят сущность дела экономисты либерально-народнического направления, а классовое содержание процесса. Моя картина выясняет это содержание, показывает, из-за чего происходит борьба в русской революции. 30 000 помещиков — главным образом, дворянство, а также удельное ведомство владеют 70 млн. десятин земли. Этот основной факт следует сопоставить с другим фактом: во владении 10¹/₂ млн. крестьянских дворов и наиболее мелких собственников находится 75 млн. десятин земли.

Эти последние могли бы *вдвое увеличить* свои владения за счет первых: такова объективно неизбежная *тенденция* борьбы, независимо от различных взглядов на нее разных классов.

Экономическая сущность аграрного кризиса с полной очевидностью выясняется из вышеприведенной картины. Миллионы мелких, разоренных, обедневших крестьян, угнетаемых нуждою, невежеством и остатками крепостничества, *не могут* жить иначе, как в полукрепостной зависимости от помещика, обрабатывая его землю своим сельскохозяйственным инвентарем за выпасы, выгоны, водопои, вообще за «землю», за зимние ссуды и т. д. и т. д. С другой стороны, владельцы огромных латифундий *не могут* при таких условиях хозяйничать иначе, как при помощи труда соседних разоренных крестьян, так как этого рода хозяйничание не требует затрат капитала и перехода к новым системам обработки земли. По необходимости получается то, что многократно описывалось в русской экономической литературе, как система отработков. Это есть не что иное, как *дальнейшее развитие крепостничества*. Основой эксплуатации является не отделение рабочего от земли, а принудительное прикрепление к ней разоренного крестьянина, не капитал собственника, а его земля, не инвентарь владельца латифундий, а старинная соха крестьянина, не прогресс земледельческой культуры, а старая долголетняя рутина, не «вольный наем», а закабаление ростовщичеству.

Результаты вышеуказанного положения дел в сфере земледельческой культуры можно выразить следующими

цифрами: урожай на надельной земле дает 54 пуда с десятины, на помещичьей земле при хуторском посеве и при обработке на счет помещика с помещичьим инвентарем и при пользовании наемным трудом — 66 пудов, на той же помещичьей земле при т.-н. «испольной» обработке — 50 пудов и, наконец, на земле помещичьей, арендованной крестьянами, — 45 пудов. Помещичьи земли при *крепостнически-ростовщической* обработке (вышеупомянутая «испольщина» и крестьянская аренда) дают худший урожай, чем истощенные, качественно худшие надельные земли. Это закабаление, упрочиваемое крепостническими латифундиями, становится *главным* препятствием для развития производительных сил России.

Однако из вышеприведенной картины выясняется еще и нечто иное. А именно: это развитие в капиталистической стране *может* происходить двойным образом. Или латифундии сохраняются и постепенно становятся основой капиталистического хозяйства на земле, — это прусский тип аграрного капитализма; господином положения является юнкер. На протяжении целых десятилетий удерживаются его политическое преобладание и забитость, унижение, нищета и невежество крестьянина. Развитие производительных сил подвигается вперед очень медленно — подобно тому, как в русском земледелии от 1861 до 1905 г.

Или же революция сметает помещичьи владения. Основой капиталистического земледелия становится свободный фермер на *свободной*, т. е. очищенной от всего средневекового хлама, земле. Это — *американский* тип аграрного капитализма, *наиболее быстрое развитие производительных сил* при условиях, наиболее благоприятных для массы народа из всех возможных при капитализме.

В *действительности* в русской революции борьба идет не из-за «социализации» и иных глупостей народников — это не что иное, как мещанская идеология, мелкобуржуазные фразы и ничего более, — а о том, каким путем пойдет капиталистическое развитие России: «прусским» или «американским». Не выяснив этой *экономической* основы революции, нельзя решительно *ничего* понять в вопросе об аграрной программе (как не понял Маслов, рассматривающий абстрактно-желательное, а не выясняющий экономически-неизбежное).

Недостаток места не позволяет мне изложить остальное содержание первой главы; резюмирую его только в двух словах: все кадеты изо всех сил стараются затушевать сущность аграрного переворота, а гг. Прокоповичи *помогают* им в этом. Кадеты путают («примиряют») две основные *линии* аграрных программ в революции: помещичью и крестьянскую. Затем, также в двух словах: в России уже в 1861—1905 гг. обнаружались оба типа капиталистической аграрной эволюции — и прусский (*постепенное* развитие помещичьего хозяйства в направлении капитализма) и американский (расслоение крестьянства и быстрота развития производительных сил на наиболее свободном и богатом землею юге). Наконец, и вопрос о колонизации, рассмотренный мною в этой главе, который не удастся здесь изложить. Упомяну только, что *главным* препятствием для использования в России сотен миллионов десятин являются крепостнические латифундии в землевладении в центре. Победа над этими помещиками окажется таким могучим импульсом, который вызовет такое развитие техники и культуры, что поверхность земель, пригодных для обработки, будет возрастать в десять раз быстрее, чем она возрастала после 1861 г. Вот несколько цифр: из всего количества десятин во всем русском государстве — 1965 миллионов десятин — о 819 млн. десятин не имеется *никаких* данных. Итак, для рассмотрения остается только 1146 миллионов десятин, из которых используются 469 миллионов десятин, в том числе 300 млн. десятин леса. Огромное количество теперь ни к чему не пригодных земель станет пригодным в ближайшем будущем, *если* Россия *избавится* от помещичьих латифундий*.

Вторая глава моей книги посвящена проверке аграрных программ РСДРП революцией. Основной ошибкой всех прежних программ является недостаточно конкретное представление о том, каков может быть *тип* капиталистической аграрной эволюции в России. И эту ошибку по-

* Либерально-пароднические экономисты рассуждают так: *ввиду* недостатка земли в центре, *ввиду* непригодности Сибири, Средней Азии и т. д. для колонизации *нужно* дополнительное наделение земель. Это означает, что можно было бы повременить с помещичьими латифундиями, если бы не недостаток земли. Марсисты должны рассуждать совершенно иначе: *до тех пор, пока* не будут уничтожены помещичьи латифундии, невозможно быстрое развитие производительных сил ни в центре, ни в колониях (на окраинах России).

вторили меньшевики, которые победили на съезде в Стокгольме и дали партии программу *муниципализации*. Именно *экономическая сторона* вопроса, т. е. самая важная сторона, *совершенно не рассматривалась* в Стокгольме, преобладали «политические» соображения, политиканство, а не марксистский анализ. Только *отчасти* объяснением этого может быть самый момент съезда в Стокгольме, когда все внимание было поглощено оценкой декабря 1905 года и первой Думы 1906 г. Поэтому-то Плеханов, который в *Стокгольме* провел муниципализацию Маслова, совершенно не вдумался в *экономическое содержание* «крестьянской аграрной революции» (Протоколы Стокгольмского съезда, стр. 42, слова Плеханова) в капиталистической стране. Или это — фраза и недостойное марксиста «уловление» крестьян при помощи демагогии и обмана («*Bauernfang*»), или же — существует *экономическая* возможность наиболее быстрого развития капитализма благодаря *победе крестьянства*, а в таком случае непременно нужно ясно представлять себе такую победу, такой путь аграрного капитализма, такую систему отношений в землевладении, которые соответствуют этой победе «крестьянской аграрной революции».

Главный довод наиболее влиятельных «муниципализаторов» в Стокгольме основывался на том, что крестьяне *враждебно* относятся к национализации надельных земель. Джон⁵⁸, докладчик сторонников муниципализации, воскликнул: «Мы имели бы не одну Вандею⁵⁹, а всеобщее восстание крестьянства» (какой ужас!) «против попытки вмешательства государства в распоряжение *собственными* крестьянскими надельными землями, против попытки их «национализировать»» (стр. 40 Протоколов Стокгольмского съезда). Костров⁶⁰ воскликнул: «Идти к крестьянам с нею (национализацией), значит оттолкнуть их от себя. Крестьянское движение пойдет помимо или против нас, и мы очутимся за бортом революции. Национализация обессиливает социал-демократию, отрезывает ее от крестьянства и обессиливает, таким образом, и революцию» (стр. 88).

Кажется, что это ясно. Крестьяне относятся враждебно к национализации, — вот главный аргумент меньшевиков. И если это правда, то разве не очевидно, что смешно совершать... «крестьянскую аграрную революцию» *вопреки* крестьянам?

Но правда ли это? В 1905 году П. Маслов писал: «Национализацию земли, как средство для решения аграрного вопроса, в настоящее время в России нельзя признать прежде всего (заметьте это «прежде всего») потому, что она безнадежно утопична»... «Но разве крестьяне согласятся?» (П. Маслов, «Критика аграрных программ», 1905 г., стр. 20).

А в 1907 г., в марте: «Все народнические группы (трудовики, народные социалисты, социалисты-революционеры) высказываются за национализацию земли в той или другой форме» (журнал «Образование»⁶¹, 1907 г., № 3, стр. 100). И кто же писал это? Тот же самый П. Маслов!

Вот вам и новая Вандея! вот вам и восстание крестьян против национализации! И вместо того, чтобы честно признать свою ошибку, вместо того, чтобы экономически исследовать, почему крестьяне должны были высказаться за национализацию, Маслов поступил как Иван Непомнящий. Он предпочел забыть свои собственные слова и все речи на Стокгольмском съезде.

Мало того. Чтобы замести следы «неприятного случая», Маслов придумал сплетню о трудовиках, будто бы они высказались за национализацию в силу мещанских соображений, «полагая надежды на центральную власть» (ibid.*). Что это сплетня, доказывает следующее сопоставление. В земельном проекте трудовиков, внесенном и в первую и во вторую Думу, говорится в § 16-м: «Заведывание общенародным земельным фондом должно быть возложено на местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно».

Аграрная программа РСДРП, проведенная меньшевиками, гласит: РСДРП требует... «4) конфискации частных владельческих земель, кроме мелкого землевладения, и передачи их в распоряжение выбранных на демократических началах крупных органов местного самоуправления» («объединяющих — пункт 3 — городские и сельские округа»).

Существенное различие между этими программами состоит не в различии слов «заведывание» и «распоряже-

* — Ibidem — там же. Ред.

ние»*, но в вопросе о выкупе (который на Стокгольмском съезде был отклонен голосами *большевиков* против Дана и К^о и который меньшевики снова старались провести после съезда) и в вопросе о *крестьянских землях*. Большевики выделяют их, трудовики не выделяют. *Трудовики доказали муниципалистам, что я был прав.*

Не может подлежать сомнению, что программа трудовиков, внесенная в I и II Думу, есть программа крестьянских масс. Как литература крестьянских депутатов, так и подписи их под проектами и распределение их по губерниям — все доказывает это совершенно убедительным образом. В 1905 г. Маслов писал, что «особенно» (стр. 20 цитированной брошюры) крестьяне подворники не могут согласиться на национализацию. Оказалось, что это «особенный» вадор. Так, напр., в Подольской губ. крестьяне земледельцы-подворники, а под земельным проектом «104-х» (проект трудовиков, цитированный выше) подписалось 13 подолян в первой Думе и 10 во второй!

Почему же крестьяне высказались за национализацию? Потому, что они инстинктивно поняли необходимость *уничтожения* всей средневековой поземельной собственности гораздо лучше, чем недалеовидные якобы-марксисты. Средневековая поземельная собственность *должна* быть уничтожена для того, чтобы очистить дорогу для капитализма в земледелии, и в разных странах и в различной степени капитал *уничтожил* старое средневековое землевладение, подчинив его требованиям рынка и преобразовав соответственно условиям торгового земледелия. Еще в третьем томе «Капитала» Маркс указывал, что капиталистический способ производства *застает* поземельную собственность в исторических формах, несоответствующих капитализму (землевладение клановое (родовое), общинное, феодальное, патриархальное и т. п.), и пересоздает соответственно новым экономическим требованиям⁶².

В «Теориях прибавочной стоимости»** в параграфе «Исторические условия теории ренты Рикардо» Маркс

* Поправка, предлагавшая заменить слова «в распоряжение» словами «в собственность», была отклонена в Стокгольме меньшевиками (см. стр. 152 Протоколов).

** «Theorien über den Mehrwert». II. Band, 2. Teil, Stuttgart, 1905 («Теории прибавочной стоимости». II том, 2 часть, Штутгарт, 1905. Ред.).

с гениальной ясностью развил эту мысль. Там он говорит: «Нигде на свете капиталистическое производство, начиная с эпохи Генриха VII, не расправлялось так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, нигде оно не создавало для себя таких совершенных (адекватных = идеально соответствующих) условий и не подчиняло их себе до такой степени. Англия в этом отношении самая революционная страна в мире». «А что означает *clearing of estates* (буквально = чистка поместий или чистка земель)? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением — его выгоняли, — ни с существующими деревнями — их сравнивали с землей, — ни с хозяйственными постройками — их отдавали на слом, — ни с данными видами сельского хозяйства — их меняли одним ударом, превращая, например, пахотные поля в выгон для скота, — одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически *создавали* эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного применения капитала. Постольку, следовательно, действительно *не существует собственности на землю*, ибо эта собственность предоставляет капиталу — фермеру — хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода» (стр. 6—7)⁶³.

Таковы условия наиболее быстрого уничтожения средневековых форм и наиболее свободного развития капитализма — *уничтожение* всего старого землевладения, уничтожение частной собственности на землю, как препятствия для капитала. И в России *неизбежна* такая революционная «чистка» средневекового землевладения, и никакие силы на свете не могут задержать этого. Вопрос заключается *только* в том, *борьба* идет *единственно из-за того*, будет ли эта «чистка» *помещичьей* или *крестьянской*. «Чистка» средневекового землевладения помещиками — это ограбление крестьян в 1861 году, это столыпинская аграрная реформа в 1906 году (законодательство по 87 статье). *Крестьянская «чистка» земель для капитализма* это — *национализация земли*.

Этой именно *экономической* сущности национализации в *буржуазной* революции, совершаемой рабочими и крестьянами, совершенно не поняли Маслов, Плеханов и К^о.

Они составляли аграрную программу не для борьбы со средневековым землевладением, как с одним из важнейших остатков крепостнических отношений, не для полного очищения пути для капитализма, а для *жалкой мещанской попытки* «гармоничного» соединения старого с новым, собственности на землю, возникшей благодаря наделению, и конфискованных революцией крепостнических латифундий.

Чтобы, наконец, показать всю мещанскую реакционность *идеи* муниципализации, привожу данные относительно аренды (на значение вопроса об аренде, в споре с Масловым, я указывал уже в 1906 г. в своей брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии»^{*}). В Камышинском уезде, Саратовской губернии^{**}:

Группы домохозяев	На одно владение, возникшее при наделении, десятин земли			
	Надельн. пашни	Арендованной земли	Земли, сдаваемой в аренду	Всего земель засеяно
Без рабоч. скота.....	5,4	0,3	3,0	1,1
С 1 гол. »	6,5	1,6	1,3	5,0
» 2 » »	8,5	3,5	0,9	8,8
» 3 » »	10,1	5,6	0,8	12,1
» 4 » »	12,5	7,4	0,7	15,8
» 5 и более голов скота	16,1	16,6	0,9	27,6
<i>В среднем</i>	9,3	5,4	1,5	10,8

Взгляните на *действительное* экономическое соотношение между *надельной* землей, которую премудрые Маслов и Плеханов оставляют в собственность крестьянам, и землей не *надельной* (арендной), которую «муниципализуют». Безлошадные крестьяне, а таких хозяйств в России в 1896—1900 гг. было в общей сложности $3\frac{1}{4}$ млн. из 11,1 млн., — *сдают в аренду в десять раз больше* земли, чем сами арендуют. Их засеянная земля в пять раз меньше их «наделов». У крестьян с одной лошастью ($3\frac{1}{3}$ млн. хозяйств во всей России) количество арендуемой земли *едва превышает количество* земли, сдаваемой в аренду, а площадь засеянной земли оказывается *меньше* «надела».

^{*} См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 143—172. Ред.

^{**} «Развитие капитализма в России», изд. 2, стр. 51, 54 и 82. (См. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 68, 71 и 102—103. Ред.)

Во всех высших группах, т. е. у меньшинства крестьян, арендуемая ими земля в несколько раз превышает количество земли, сдаваемой в аренду, и площадь засеянной земли тем более превышает размеры «надела», чем важнее крестьянин.

Подобные отношения господствуют во *всей* России. Капитализм разрушает земледельческую общину, *освобождает* крестьян от власти «надела», уменьшает роль наделных земель на обоих полюсах деревни, а глубокие мыслители меньшевики восклицают: «крестьяне восстанут против национализации наделных земель».

Средневековой в России является не только помещичья, но и крестьянская наделная собственность, это «упустили из виду» меньшевики. Укрепление наделной собственности, *совершенно не соответствующей* новым, капиталистическим отношениям, есть реакционная мера, а муниципализация *укрепляет* наделную собственность в отличие от ненаделной, «подлежащей муниципализации». Владение наделной землею разделяет крестьян тысячью средневековых перегородок и средневековую фискальную «общину», задерживает развитие производительных сил. «Община» и это владение наделами *неизбежно* будут уничтожены капитализмом. Столыпин чувствует это и разрушает по-черносотенному. Крестьяне чувствуют это и хотят разрушить по-крестьянски, или революционно-демократически. А меньшевики восклицают: «Нельзя трогать наделных земель».

Национализация уничтожает являющуюся пережитком «общину» и средневековую наделную собственность так, как только вообще можно мысленно представить себе уничтожение этих учреждений в капиталистическом обществе при наибольшем соблюдении интересов крестьян. «Пресловутый вопрос об «общине», — читаем мы в брошюре «Материалы к крестьянскому вопросу (Отчет о заседаниях делегатского съезда Всероссийского крестьянского союза 6—10 ноября 1905 г.)». Петербург, 1905 г., — совсем не поднимался и молча решен отрицательно: земля должна быть в пользовании лиц и товариществ, — гласят резолюции и первого и второго съезда» (стр. 12). На вопрос, не пострадают ли от национализации наделных земель сами крестьяне, делегаты отвечали: «Все равно получают при разверстке» (стр. 20). Крестьянин-

собственник (и его идеолог, г. Пешехонов) великолепно понимает, что «все равно получают землю при разверстке», что скоро будут уничтожены крепостнические латифундии. А «разверстка» в широких размерах, означающая национализацию всех земель, нужна ему для того, чтобы освободиться от пут средневековья, чтобы «очистить» земли, чтобы привести пользование ими в соответствие с новыми экономическими условиями. Это отлично выразил во второй Думе г. Мушенко, говоривший от имени социалистов-революционеров, когда он, со свойственной ему наивностью, сказал: «Правильное расселение (земледельцев) возможно будет лишь тогда, когда земля будет разгорожена, когда будут сняты все перегородки, наложенные на нее принципом частной собственности на землю» (Протоколы 2-й Думы, стр. 1172). Сопоставьте это заявление с вышеприведенными словами Маркса, и вы поймете, что под мещанской фразеологией о «социализации» и «уравнивании» скрывается весьма реальное содержание: буржуазно-революционная чистка старой средневековой поземельной собственности.

Муниципализация земель является в буржуазной революции *реакционной* мерой, так как эта мера препятствует экономически необходимому и неизбежному процессу уничтожения средневековой поземельной собственности, процессу установления *однообразия* экономических условий на земле для всех *хозяев*, каковы бы ни были их положения, прошлое, надел 1861 г. и т. д. Раздел земель в собственность теперь был бы *реакционным*, так как он сохранил бы нынешнюю, устаревшую и являющуюся пережитком собственность на надельную землю; но впоследствии, после полной чистки земли путем национализации, раздел был бы возможен, как лозунг *нового*, свободного *фермерства**. Дело марксистов помогать радикальной буржуазии (т. е. крестьянству) произвести как можно более полное устранение старого хлама и обеспечить быстрое развитие капитализма, а вовсе не помогать мещанам в их стремлении спокойно расположиться, приспособиться к прошлому.

* М. Шанин в своей брошюре «Муниципализация или раздел в собственность», Вильна, 1907, подчеркнул ту сторону вопроса, которая относится к агрикультуре, но не понял двух путей развития и значения уничтожения нынешнего землевладения.

Третья глава посвящена «теоретическим основам национализации и муниципализации».

Я, понятно, не стану повторять польским товарищам вещей, общеизвестных каждому марксисту, что национализация земель в капиталистическом обществе означает уничтожение абсолютной, а не дифференциальной ренты и т. д. Имея в виду русских читателей, я *должен был* подробно говорить об этом, так как Петр Маслов утверждал, что теория Карла Маркса об абсолютной ренте есть «противоречие», которое «можно объяснить лишь (1) тем, что третий том — посмертное издание, куда вошли и черновые наброски автора» («Аграрный вопрос»)*.

Эта претензия Петра Маслова, желающего исправлять черновые наброски Карла Маркса, не является для меня чем-нибудь новым. Еще в журнале «Заря»⁶⁴ в 1901 г. я указывал, что Маслов в журнале «Жизнь»⁶⁵ искажил теорию ренты Маркса**. Однако вскоре после этого Петр Маслов повторил этот развязный и несомненный вздор в 1906 году (предисловие к 3-ему изданию датировано 26 апреля 1906 г.) *после выхода* «Теорий прибавочной стоимости», где Маркс с полной очевидностью выяснил теорию абсолютной ренты. Это уже бесподобно! Не имея здесь возможности повторить данный в моей книге подробный разбор «исправлений» Маркса Петром Масловым, ограничусь только указанием, что эти поправки оказываются избитыми аргументами буржуазной политической экономии. Петр Маслов доходит до того, что противопоставляет теории абсолютной ренты Маркса «производство кирпичей» (стр. 111), подогревает «закон убывающего плодородия почвы», утверждает, что «без этого закона нельзя объяснить «заокеанскую» конкуренцию» (стр. 107) и, наконец, договаривается до того, что *без опровержения Маркса нельзя опровергнуть точку зрения народников*: «Если бы не было факта падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли, то еще могла бы, может быть, осуществиться идиллия... народников» (Маслов в журнале «Образование», 1907, № 2, стр. 123). Одним словом, в экономической теории Петра Маслова в вопросе об абсолютной ренте, о «факте» убы-

* «Аграрный вопрос», 3-е издание, стр. 108, примечание.

** См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 111. Ред.

вающего плодородия почвы, об основных ошибках «народничества», о различиях между улучшением культуры и улучшением техники *нет ни одного живого слова*. Опровергнув теорию абсолютной ренты чисто-буржуазными аргументами, донельзя опошленными казенными защитниками капитала, Маслов неизбежно должен был скатиться в ряды искажителей марксизма. Но, искажив марксизм, Петр Маслов оказался при этом настолько сообразительным, что в немецком переводе его книги об «Аграрном вопросе» *все его поправки к черновым наброскам Маркса оказались выпущенными*. Перед европейцами Маслов *спрятал свою теорию в карман!* Мне невольно вспомнился по этому поводу — писал я в III главе — рассказ об одном незнакомце, который впервые присутствовал на собеседовании античных философов и все время молчал при этом. «Если ты умен, — сказал этому незнакомцу один из философов, — то ты поступаешь глупо. Если ты глуп, — то поступаешь умно».

Само собою разумеется, что тот, кто отвергает теорию абсолютной ренты, сам лишает себя всякой возможности понять значение национализации земли в капиталистическом обществе, так как национализация может привести к уничтожению лишь абсолютной, а не дифференциальной ренты. Тот, кто отвергает абсолютную ренту, отвергает всякое экономическое значение частного землевладения, как *препятствия* для развития капитализма. Благодаря этому Маслов и К⁰ неизбежно сводят вопрос: национализация или муниципализация к политическому вопросу («кому отдать землю?») и игнорируют экономическую сущность вопроса. Сочетание частной собственности на наделные земли (т. е. качественно худшие и находящиеся в руках худших хозяев) с общественной собственностью на остальную (лучшую) половину земель становится *абсурдным* в сколько-нибудь развитом и свободном капиталистическом государстве. Это не более и не менее как *аграрный биметаллизм*.

В результате этой ошибки меньшевиков оказалось, что социал-демократы отдали критику частной собственности на землю в руки социалистов-революционеров. Маркс дал в «Капитале» замечательный образец этой критики*.

* См., напр., «Das Kapital». III. 2. Т., S. 346—347 о цене земли, как препятствии для развития капитализма. Там же, 344—345, 341 и 342.⁸⁸

У нас же оказалось, что социал-демократы вовсе не занимаются этой критикой с точки зрения развития капитализма, а до масс доходит только критика народников, т. е. меланхолическая критика частной собственности на землю.

Упомяну, как деталь, что в русской литературе был выдвинут и такой аргумент против национализации: она означала бы «денежную ренту» при мелкой крестьянской собственности. Это неправильно. «Денежная рента» (см. «Капитал», III)⁶⁷ является для помещика процентом, которому придана современная форма. При современной крестьянской аренде плата за землю, несомненно, является до некоторой степени *денежной рентой*. Уничтожение крепостнических латифундий ускорит расслоение крестьянства, усилит крестьянскую буржуазию, которая уже теперь создает капиталистическую аренду: вспомните приведенные выше данные об аренде земли в высших группах крестьянства.

Наконец, следует также заметить, что среди марксистов довольно распространен тот взгляд, будто национализация осуществима лишь на очень высокой ступени развития капитализма. Это неправильно. Тогда будет поставлен на очередь вопрос уже не о буржуазной, а о социалистической революции. Национализация земли является наиболее последовательной буржуазной мерой. Маркс неоднократно утверждал это, начиная с «Нищеты философии»⁶⁸. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс говорит (II. Band, I. Teil, S. 208): «Радикальный буржуа теоретически приходит к отрицанию частной собственности на землю... Однако на практике у него не хватает храбрости, так как нападение на одну форму собственности, форму частной собственности на условия труда, было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам себя территориализовал»⁶⁹. В России буржуазная революция совершается в таких условиях, при которых существует радикальный буржуа (крестьянин), который «имеет мужество» выставить программу национализации во имя многомиллионных масс, и который еще не «территориализовал себя», т. е. получает больше вреда от (*средневековой*) собственности на землю, чем выгоды и «прибыли» от (буржуазной) собственности на нее. Русская революция не может победить иначе, как в том

случае, если этот «радикальный буржуа», колеблющийся между кадетом и рабочим, поддержит массовым выступлением пролетариат в его революционной борьбе. Русская революция не может победить иначе, как в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

В четвертой главе книги речь идет о «политических и тактических» соображениях в вопросах аграрной программы. На первом месте здесь стоит «знаменитый» аргумент Плеханова: «ключ моей позиции, — воскликнул он в Стокгольме, — заключается в указании на возможность реставрации» (Протоколы, стр. 113). Но это совершенно заржавленный ключ, кадетский ключ *сделки* с реакцией под видом «гарантии от реставрации». Аргумент Плеханова — самый жалкий софизм, так как сам он утверждает, что гарантии от реставрации нет, и однако он *придумывает* такую гарантию. «Она (муниципализация) не отдает земли в руки политических представителей старого порядка» (стр. 45, речь Плеханова). Что такое реставрация? Переход государственной власти в руки представителей старого порядка. Может ли существовать гарантия от реставрации? Нет, такой гарантии «и быть не может» (Протоколы, стр. 44, речь Плеханова). Поэтому... придумал гарантию — «муниципализация не отдает земли».

При муниципализации останется различие между наделными и помещичьими землями в экономическом отношении, т. е. она облегчит реставрацию или восстановление этого различия *de jure**. В политическом отношении муниципализация есть закон о перемене владения в отношении помещичьих земель. Что такое закон? Выражение воли господствующих классов. При реставрации *те же* самые классы снова станут *господствующими*. Разве их свяжет закон, товарищ Плеханов? Если бы вы подумали об этом, то вы поняли бы, что никакой закон не может связать выражения воли господствующих классов. Национализация же затрудняет реставрацию в экономическом отношении, так как она *уничтожает* всякие перегородки, всю средневековую собственность на землю и приспособляет ее к новым соединяемым воедино капиталистическим условиям производства.

* — юридически. Ред.

Софистика Плеханова есть принятие *кадетской* тактики: вести пролетариат не к полной победе, а к *сделке* со старой властью. В действительности единственной абсолютной «гарантией от реставрации» является социалистический переворот на Западе, относительной же гарантией является проведение революции до конца, *наиболее радикальное* уничтожение старого, *наибольшая* степень демократии (республика) в политике и расчистка пути для капитализма в экономике.

Другой аргумент Плеханова гласит: «В органах общественного самоуправления, владеющих землею, муниципализация создает оплот против реакции. И это будет очень сильный оплот» (Протоколы, стр. 45). Неправда. Никогда и нигде местное самоуправление не было и не может быть оплотом против реакции в эпоху капитализма. Капитализм *неизбежно* ведет к централизации государственной власти, и *всякое* местное самоуправление *безусловно* будет побеждено при реакционной государственной власти. Плеханов проповедует *оппортунизм*, обращая внимание не на «демократизм в центре» или *республику*, — единственный оплот против реакции, мыслимый в капиталистическом обществе, а на местное самоуправление, всегда бессильное по отношению к большим историческим задачам, мелкое, мелочное, несамостоятельное и распыленное. «Крестьянская аграрная революция» *не может* победить в России, не победив центральной власти, а Плеханов внушает меньшевикам взгляды, высказанные в Стокгольме меньшевиком Новоседским: «При истинно демократических местных самоуправлениях принятая теперь программа может быть проводима в жизнь (слушайте!) и при той степени демократизации центрального правительства, которая не может быть названа высшею степенью его демократизации. Даже при демократизации, так сказать, сравнительной степени, муниципализация будет не вредна, а полезна» (Протоколы, стр. 138).

Это яснее ясного. Будем учить народ приспособляться к монархии, авось не «обратят они внимания» на нашу областную деятельность и «даруют нам жизнь», как педринскому пескарю. Третья Дума является хорошей иллюстрацией возможности муниципализации и *местного* демократизма при «относительном», меньшевистском демократизме в центре.

Затем муниципализация укрепляет федерализм и раздробленность областей. Недаром во II Думе *правый казак* Караулов не хуже Плеханова разносил национализацию (Протоколы, стр. 1366) и *высказывался за муниципализацию по областям*. Казачьи земли в России *представляют* из себя уже муниципализацию. И именно это раздробление государства на отдельные области было одною из причин поражения революции в первой трехлетней кампании!

Национализация, — гласит следующий аргумент, — усиливает центральную власть буржуазного государства! Во-первых, этот аргумент выдвигается с целью возбудить недоверие в социал-демократических партиях *отдельных национальностей*. «Может быть, — писал П. Маслов в «Образовании», 1907, № 3, стр. 104, — в некоторых местах крестьяне согласились бы поделиться своими землями, но достаточно отказа крестьян одного большого района (напр., Польши) делиться своими землями, чтобы проект национализации всех земель оказался нелепостью». Нечего сказать, хороший аргумент! Не должны ли мы отказаться от республики, так как «достаточно отказа крестьян одного большого района» и т. д.? Это не аргумент, а *демагогия*. Наша политическая программа исключает всякое насилие и несправедливость, требуя широкой автономии для отдельных провинций (см. пункт 3-й программы партии). Это означает, что дело не в том, чтобы вновь придумывать недостижимые в буржуазном обществе новые «гарантии», а в том, чтобы партия пролетариата своею пропагандистскою и агитационною деятельностью *призывала* к соединению, а не к раздроблению, к разрешению возвышенных задач централизованных государств, а не к захолустному одичанию и национальной ограниченности. Аграрный вопрос разрешает центр России, на окраинах *нельзя* действовать иначе, как *примером**. Это очевидно даже для каждого демократа, не говоря уже о социал-демократе. И вопрос заключается только в том, должен ли пролетариат *поднимать* крестьянство до высших целей, или же *опуститься* до мещанского уровня крестьянства.

* В капиталистическом государстве частная собственность на землю и национализация не могут существовать параллельно. Одна из них должна будет взять верх. Дело рабочей партии отстаивать более высокую систему.

Во-вторых, утверждают, что национализация усилит возможность произвола центра, бюрократию и т. д. Что касается бюрократии, следует заметить, что *заведывание* землями и при национализации остается в руках местного самоуправления. Это означает, что вышеприведенный аргумент ложен. Центральная власть установит общие условия, т. е., напр., запретит всякую отдачу земель и т. д. И разве наша нынешняя, т. е. меньшевистская, программа не отдает в «распоряжение демократического государства» не только «переселенческий фонд», но также и «леса и воды, имеющие общегосударственное значение»? Но прятать голову под крыло — неблагоразумно, и здесь возможен *безграничный* произвол, так как сама центральная государственная власть будет определять, *какие* воды и леса имеют общегосударственное значение. Большевики ищут «гарантий» не там, где следует: *только* полный демократизм в центре, *только республика* может обеспечить наименьшую вероятность конфликтов между центром и областями.

«Усилятся буржуазное государство», — восклицают меньшевики, тайком поддерживающие буржуазных монархистов (кадетов) и публично бьющие себя в грудь при мысли о поддержке и буржуазных республиканцев. Подлинный исторический вопрос, поставленный перед нами объективным историческим, общественным развитием, гласит: прусский или американский тип аграрной эволюции? помещичья монархия с фиговым листом псевдоконституционализма или крестьянская (фермерская) республика? Закрывать глаза на *такую* объективную постановку вопроса историей, — значит обманывать себя и других, помещански прячась от острой классовой борьбы, от острой, простой и решительной постановки вопроса о демократической революции.

От «буржуазного государства» мы не можем избавиться. Мечтать об этом могут только мещане. Наша революция есть буржуазная революция именно потому, что в ней борьба идет не между социализмом и капитализмом, а *между двумя формами капитализма*, двумя путями его развития, двумя формами буржуазно-демократических учреждений. И монархия октябристов или кадетов есть «относительная» буржуазная «демократия» с точки зрения меньшевика Новоседского. И пролетарски-крестьянская

республика есть буржуазная демократия. В нашей революции мы не можем сделать *ни одного шага* — и мы не сделали ни одного шага — *не поддерживая* тем или иным образом тех или иных слоев буржуазии против старого порядка.

Если нам говорят, что национализация означает употребление денег на армию, а муниципализация на медицину и народное просвещение, то это достойная филистера софистика. Так, дословно так рассуждает Маслов:... «Национализация, т. е. (sic!*) затрата земельной ренты на армию и флот; муниципализация земель, т. е. затрата ренты на потребности населения» («Образование», 1907, № 3, стр. 103). Это мещанский социализм, или уничтожение мух при помощи порошка, который следует насыпать пойманым мухам на хвост! Добрый Маслов не сообразил, что если земства в России и муниципалитеты на Западе тратят по сравнению с государством больше на медицину и т. д., то только потому, что буржуазное государство уже произвело *свои* важнейшие расходы (на обеспечение господства буржуазии, как класса) из источников, приносящих наибольший доход, и *оставило* местным учреждениям на так называемые «потребности населения» — *второстепенные* источники. Сотни тысяч — на войско, гроши — на нужды *пролетариата*, — вот истинное соотношение расходов буржуазного государства, и надо быть Масловым, чтобы подумать, что достаточно *передать* ренту «в распоряжение» муниципалитетов, и буржуазное государство будет обмануто утонченными «политиками» меньшевиками! Благодаря этой «утонченной политике» буржуазное государство начнет давать сотни тысяч пролетариям, а гроши на армию и флот?

В действительности меньшевики проводят мещанскую политику: уклониться в провинциальном захолустьи местного самоуправления от разрешения поставленного историей жгучего вопроса, должна ли у нас существовать централизованная буржуазная республика фермеров, или централизованная буржуазная монархия юнкеров. Не уклонитесь, господа! Никакой провинциализм, никакие заигрывания с муниципальным социализмом не избавят вас от *неизбежного* участия в разрешении этого *жгучего*

* — так! Ред.

вопроса. Ваши извороты в действительности означают только одно: тайную поддержку кадетской тенденции при непонимании значения республиканской тенденции.

О том, что меньшевики, отстаивая муниципализацию, кокетничают с фабианским «муниципальным социализмом» в Европе, ясно свидетельствуют протоколы Стокгольмского съезда. «Некоторые товарищи, — говорит там Костров, — как будто в первый раз слышат о муниципальной собственности. Напомню им, что в Западной Европе есть целое направление (именно! Костров, не желая, сказал правду!), «муниципальный социализм» (Англия)». (Протоколы, стр. 88.) О том, что это «направление» есть направление *крайнего оппортунизма*, ни Костров, ни Ларин* не подумали. Социалистам-революционерам пристойно припутывать мещанское реформаторство к задачам буржуазной революции, но социал-демократам делать это, господа, не годится! Буржуазная интеллигенция на Западе (фабианцы в Англии, бернштейнианцы в Германии, бруссисты во Франции) понятно переносит центр тяжести с вопросов государственного *устройства* на вопросы местного *самоуправления*. Перед нами стоит именно вопрос о государственном *устройстве*, его аграрной основе, и отстаивать здесь «муниципальный социализм» значит *играть* в аграрный социализм. Пусть мещане спешат «вить себе гнездышко» в спокойных муниципалитетах будущей демократической России. Задачей пролетариата является организация масс не для этой цели, а для революционной борьбы за *полную* демократизацию сегодня, за социалистический переворот завтра.

Нас, большевиков, часто упрекают в утопизме, фантастичности наших революционных взглядов. И особенно часто приходится слышать эти упреки именно по поводу национализации. Но именно здесь они менее всего обоснованы. Тот, кто считает национализацию «утопией», не размышляет о необходимом соответствии между размахом политических и аграрных перемен. Национализация не менее «утопична» — с точки зрения заурядного мещанина! — чем республика. И та и другая не менее утопичны, чем «крестьянская» аграрная революция, т. е. победа крестьян.

* «Крестьянский вопрос и социал-демократия». Особенно туманный комментарий к меньшевистской программе. См. стр. 68. На стр. 103 этот несчастный защитник муниципализации указывает, как наилучший исход, национализацию!

ского восстания в капиталистической стране. Все эти перемены одинаково «трудны» в смысле повседневного спокойного развития. И крик об утопичности именно и только национализации свидетельствует прежде всего о непонимании необходимой и неразрывной связи между экономическим и политическим переворотом. Нельзя конфисковать помещичьих земель (программное требование, признаваемое как большевиками, так и меньшевиками), не уничтожив помещичьего (а вместе с тем и октябристского, не чисто помещичьего) самодержавия. И нельзя уничтожить самодержавия без революционного действия сознательных миллионных масс, без великого прилива массового героизма, готовности и умения с их стороны «штурмовать небо», как выразился К. Марко о парижских рабочих в период Коммуны⁷⁰. В свою очередь, этот революционный прилив немыслим без радикального уничтожения *всех* остатков крепостничества, которые в течение веков притесняли крестьян, в том числе *всей* средневековой собственности на землю, всех оков фискальной «общины», проклятой памяти правительственного «пожалования» крох и т. д., и т. д., и т. д.

По недостатку места (ведь я и так уже превысил размеры статьи, указанные мне редакцией «Пшеглонда»⁷¹) я опускаю содержание пятой главы моей книги («Классы и партии по прениям во II Думе об аграрном вопросе»).

Речи крестьян в Думе имеют огромное политическое значение, так как в них выражается то страстное желание избавиться от помещичьего гнета, та пламенная ненависть к средневековью, бюрократии, та стихийная, непосредственная, часто наивная и не вполне отчетливая, но в то же время бурная революционность *простых* крестьян, которая лучше, чем длинные рассуждения, доказывает, какая потенциальная разрушительная энергия накопилась в крестьянских массах против дворянства, помещиков и Романовых. Задачей сознательного пролетариата является беспощадное выяснение, разоблачение и устранение всех столь многочисленных мещанских обманов, якобы-социалистических фраз, детски-наивных ожиданий, которые крестьяне соединяют с аграрным переворотом, но устранение их не для того, чтобы успокоить и усмирить крестьянина (как делали в обеих Думах изменники народной свободе, господа кадеты), а чтобы пробудить среди

масс стальную, непоколебимую и решительную революционность. Без этой *революционности*, без упорной и беспощадной борьбы *крестьянских* масс безнадежно «утопичны» и конфискация, и республика, и вообще, прямое, равное и тайное избирательное право. Поэтому марксисты должны поставить вопрос ясно и определенно: два направления экономического развития России, два пути капитализма обрисовались с полной отчетливостью. Пускай все хорошенько об этом подумают. В продолжение первой революционной кампании, в течение трех лет 1905—1907 оба эти направления выяснились нам не как теоретические обобщения, не как выводы из таких-то и таких-то *черт* эволюции, наблюдавшейся с 1861 г. Нет, эти направления выяснились теперь для нас именно как направления, *намеченные* враждебными классами. Помещики и капиталисты (октябристы) вполне выяснили себе, что нет иного направления, кроме капиталистического, и что *для них* невозможно пойти этим путем без принудительного, ускоренного разрушения «общины», и притом именно такого разрушения, которое тождественно с... открытым ростовщическим разбоем, с «потоким и разграблением» со стороны полиции или «карательными» отрядами. Это такая «операция», на которой чрезвычайно легко сломать себе шею! А массы крестьянства в продолжение этих самых трех лет не менее отчетливо выяснили себе безнадежность всяких упований на «царя-батюшку», всяких расчетов на мирный путь и необходимость революционной борьбы для уничтожения всего средневековья вообще и всей средневековой собственности на землю в частности.

Вся пропаганда и агитация социал-демократии должна основываться на внедрении этих результатов в сознание масс, на подготовке масс к тому, чтобы они воспользовались этим опытом для как можно лучше организованного, решительного и непоколебимого нападения во *второй* кампании революции.

Поэтому-то глубоко реакционны речи Плеханова в Стокгольме на тему о том, что захват власти пролетариатом и крестьянством означает возрождение «народовольчества». Сам Плеханов довел себя до абсурда: у него получается «крестьянская аграрная революция» без захвата власти пролетариатом, без захвата власти крестьянством!

Напротив, Каутский, в начале разрыва между большевиками и меньшевиками, явно склонявшийся на сторону последних, идейно перешел на сторону первых, признав, что лишь при «союзе пролетариата и крестьянства» возможна победа революции.

Без полного уничтожения всей средневековой собственности на землю, без полной «чистки», т. е. без национализации земли, такая революция немыслима. Дело партии пролетариата распространить этот лозунг последовательнейшего и радикальнейшего буржуазного аграрного переворота. А когда мы выполним *это*, мы посмотрим, каковы будут дальнейшие перспективы; мы посмотрим, окажется ли такой переворот *лишь* основой для американски быстрого развития производительных сил при капитализме, *или же* он станет прологом социалистической революции на Западе.

18 июля 1908 года.

Р. С.* Здесь я не повторяю своего проекта аграрной программы, который был предложен Стокгольмскому съезду РСДРП и неоднократно печатался в социал-демократической литературе. Ограничусь лишь несколькими соображениями. При наличности двух направлений капиталистической аграрной эволюции, в программе непременно должно содержаться «если» (техническое выражение на Стокгольмском съезде), т. е. программа должна принимать в расчет обе возможности. Иначе говоря: пока дела идут так, как до сих пор, мы требуем свободы пользования землей, судов для снижения арендной платы, уничтожения сословности и т. д. Но *в то же время мы боремся с современным направлением*, поддерживаем революционные требования крестьян в интересах быстроты развития производительных сил, широкого размаха и свободы классовой борьбы. Поддерживая революционную борьбу крестьян против средневековья, социал-демократическая рабочая партия разъясняет, что наилучшей формой аграрных отношений в капиталистическом обществе (и вместе с тем наилучшей формой ликвидации

* — Postscriptum — приписка. Ред.

крепостничества) является национализация земель, что только в связи с радикальным политическим переворотом, с уничтожением самодержавия и установлением демократической республики возможен радикальный аграрный переворот, конфискация земельной собственности помещиков и национализация земель.

Таково *содержание* моего проекта аграрной программы. Та часть его, которая посвящена характеристике буржуазных черт *всего* нынешнего аграрного преобразования и выяснению чисто пролетарской точки зрения социал-демократии, была *принята* в Стокгольме и *вошла* в теперешнюю программу.

Напечатано в августе 1908 г.
в журнале «Przebieg Socjaldemokra-
tyczny» № 6
Подпись: В. Л е н и н

Печатается по тексту журнала
Перевод с польского

ГОРЮЧИЙ МАТЕРИАЛ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Революционное движение в разных государствах Европы и Азии дало знать о себе за самое последнее время так внушительно, что перед нами обрисовывается довольно ясно новый и несравненно более высокий, чем прежде, этап международной борьбы пролетариата.

В Персии произошла контрреволюция, своеобразно соединившая российский разгон первой Думы с российским восстанием конца 1905 г. Войска русского царя, позорно разбитые японцами, берут реванш, усердствуя на службе контрреволюции. За подвигами расстрелов, карательных экспедиций, избиений и грабежей в России следуют подвиги тех же казаков по подавлению революции в Персии. Что Николай Романов во главе черносотенных помещиков и запуганных стачками и гражданской войной капиталистов неистовствует против персидских революционеров, это понятно, и роль международных палачей не первый раз выпадает на долю христолюбивых российских воинов. Что Англия, фарисейски умывая руки, держит явный дружественный нейтралитет по отношению к персидским реакционерам и сторонникам абсолютизма, — это явление несколько иного рода. Либеральные английские буржуа, раздраженные ростом рабочего движения у себя дома, испуганные подъемом революционной борьбы в Индии, все чаще, все откровеннее, все резче показывают, какими *зверями* становятся самые «цивилизованные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы масс против капитала, против капиталистической колониальной

системы, т. е. системы порабощения, грабежа и насилия. Трудно положение персидских революционеров в стране, которую почти собрались уже делить между собой хозяева Индии, с одной стороны, и контрреволюционное русское правительство, с другой. Но упорная борьба в Тавризе, неоднократный переход военного счастья в руки революционеров, совсем уже — казалось — разбитых наголову, показывает, что башибузуки шаха, даже при помощи русских Ляховых⁷² и английских дипломатов, встречают самое сильное сопротивление снизу. Такое революционное движение, которое умеет дать военный отпор попыткам реставрации, которое заставляет героев таких попыток обращаться за помощью к иноплеменникам, — не может быть уничтожено, и самый полный триумф персидской реакции оказался бы при таких условиях лишь преддверием новых народных возмущений.

В Турции одержало победу революционное движение в войсках, руководимое младотурками. Правда, эта победа — полупобеда или даже меньшая часть победы, ибо турецкий Николай Второй отделался пока обещанием восстановить знаменитую турецкую конституцию. Но такие полупобеды в революциях, такие вынужденные скоропалительные уступки старой власти являются вернейшим залогом новых, гораздо более решительных, более острых, вовлекающих более широкие массы народа, перипетий гражданской войны. А школа гражданской войны не проходит для народов даром. Это — тяжелая школа, и полный курс ее неизбежно содержит в себе победы контрреволюции, разгул озлобленных реакционеров, дикие расправы старой власти над мятежниками и т. д. Но только отъявленные педанты и выжившие из ума мумии могут плакаться по поводу поступления народов в эту мучительную школу; эта школа учит угнетенные классы ведению гражданской войны, учит победоносной революции, концентрирует в массах современных рабов ту ненависть, которую вечно таят про себя рабы забитые, тупые, невежественные, и которая ведет к величайшим историческим подвигам рабов, сознавших позор своего рабства.

В Индии туземные рабы «цивилизованных» английских капиталистов как раз в последнее время причиняют неприятное беспокойство своим «господам». Нет конца тем

насилиям и тому грабежу, который называется системой английского управления Индией. Нет нигде на свете — за исключением, конечно, России — такой нищеты масс, хронической голодовки населения. Самые либеральные и радикальные деятели свободной Британии, вроде Джона Морли (Mogley) — авторитета для русских и нерусских кадетов, звезды «прогрессивной» (на деле = лакействующей перед капиталом) публицистики — превращаются в качестве правителей Индии в настоящих Чингисханов, которые способны санкционировать все меры «успокоения» вверенного населения, вплоть до *сечения* политических протестантов! Маленькая еженедельная газетка английских социал-демократов «Justice» («Справедливость») *запрещена* в Индии этими либеральными и «радикальными» негоднями вроде Морли. А когда член английского парламента, вождь «Независимой рабочей партии» (Independent Labour Party) Кейр-Гарди посмел дерзостным образом приехать в Индию и говорить туземцам об элементарнейших требованиях демократии, то вся английская буржуазная печать подняла вой против «мятежника». И теперь влиятельнейшие английские газеты со скрежетом зубным говорят об «агитаторах», нарушающих покой Индии, и приветствуют чисто-русские, плевенские, приговоры судей и меры административной расправы против индийских демократов-публицистов. Но за *своих* писателей и политических вождей начинает заступаться в Индии улица. Подлый приговор английских шакалов, вынесенный индийскому демократу Тилаку (Tilak), — он осужден на долголетнюю ссылку, причем запрос, сделанный на-днях английской палате общин, выяснил, что присяжные-индейцы высказались за оправдание, обвинение же вынесено *голосами присяжных-англичан!* — эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее. Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы, — а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета! Своим колониальным грабежом азиатских стран европейцы сумели закалить одну из них, Японию, для великих военных побед, обеспечивших ей самостоятельное национальное развитие. Нет никакого сомнения, что вековой грабеж Индии англичанами, что современная борьба

этих «передовых» европейцев против демократии персидской и индийской *закалит* миллионы и десятки миллионов пролетариев в Азии, закалит для такой же победоносной (как у японцев) борьбы против угнетателей. У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам.

В Китае революционное движение против средневековья тоже дало себя с особенной силой знать в последние месяцы. Правда, ничего определенного нельзя еще сказать относительно данного именно движения, — так мало о нем сведений и так обильны вести о мятежах в различных местностях Китая, — но сильный рост «нового духа» и «европейских веяний» в Китае, особенно после русско-японской войны, не подлежит сомнению, а следовательно, неизбежен и переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение. Что на этот раз некоторые участники колониального грабежа почувствовали себя обеспокоенными, это видно из поведения французов в Индо-Китае: они *помогали* китайской «исторической власти» расправляться с революционерами! Они боялись равным образом за целостность «своих», по соседству находящихся, азиатских владений.

Но французской буржуазии не одни только азиатские владения причиняют беспокойство. Баррикады в Вельнев-Сан-Жорж, под Парижем, расстрел стачечников, построивших эти баррикады (четверг, 30 (17) июля), — эти события еще и еще раз показали обострение классовой борьбы в Европе. Клемансо, радикал, правящий Францией от имени капиталистов, с необыкновенным усердием работает над разрушением последних остатков республикански-буржуазных иллюзий в пролетариате. Расстрел рабочих войсками, действующими по приказу «радикального» правительства, — при Клемансо стал едва ли не более частым явлением, чем прежде. Клемансо получил уже за это от французских социалистов прозвище «Красного», и теперь, когда снова пролита рабочая кровь его агентами, жандармами и генералами, социалисты вспоминают крылатое слово, сказанное однажды этим наиболее прогрессивным буржуазным республиканцем рабочим делегатам: «мы с вами на разных сторонах баррикады». Да, французский пролетариат и самые крайние буржуазные

республиканцы окончательно размещаются теперь по разным сторонам баррикады. Рабочий класс Франции много крови пролил, завоевывая и защищая республику, и в настоящее время, на почве вполне упрочившихся республиканских порядков, решительная борьба собственников и трудящихся надвигается все быстрее. «Это было не простое избиеие, — пишет «L'Humanité»⁷³ про день 30 июля, — это был кусочек сражения». Генералы и полицейские во что бы то ни стало хотели спровоцировать рабочих и превратить мирную, невооруженную демонстрацию в побоище. Но, окружив со всех сторон стачечников и манифестантов, нападая на безоружных, войска встретили отпор, вызвали немедленную постройку баррикад и довели дело до событий, волнующих всю Францию. Эти баррикады из дощечек были до смешного плохи, пишет та же газета. Но важно не это. Важно то, что третья республика вывела из обычая баррикады. Теперь «Клемансо снова вводит их в обычай», — и он рассуждает при этом с той же откровенностью, с какой говорили о гражданской войне «палачи июня 1848 года, Галифе в 1871 году».

И не одна социалистическая печать по поводу событий 30-го июля вспоминает эти великие исторические даты. Буржуазные газеты с бешеной злобой накидываются на рабочих, обвиняя их в том, что они вели себя так, как будто бы собирались начать социалистическую революцию. Одна из этих газет рассказывает при этом один мелкий, но характерный эпизод, рисующий настроение обеих сторон на месте происшествия. Когда рабочие несли одного своего раненого товарища мимо генерала Вирвэра, командовавшего атакой на стачечников, из толпы манифестантов раздались крики: «Saluez!» («отдайте честь»). И генерал буржуазной республики отдал честь раненому неприятелю.

Обострение борьбы пролетариата с буржуазией наблюдается во всех передовых капиталистических странах, причем различие исторических условий, политических порядков и форм рабочего движения обуславливает различное проявление одной и той же тенденции. В Америке и Англии, при полной политической свободе, при отсутствии всякой или, по крайней мере, сколько-нибудь живой революционной и социалистической традиции

в пролетариате, это обострение сказывается в усилении движения против трестов, в чрезвычайном росте социализма и внимания к нему имущих классов, в переходе рабочих, иногда чисто экономических, организаций к планомерной и самостоятельно-пролетарской политической борьбе. В Австрии и Германии, отчасти также в скандинавских странах, обострение классовой борьбы сказывается на избирательной борьбе, на отношении партий, на сближении всех и всяческих буржуа разных цветов между собою против общего врага — пролетариата, на усилении судебных и полицейских репрессий. Два враждебные лагеря медленно, но неуклонно увеличивают свои силы, укрепляют свои организации, расходятся все резче друг с другом во всей общественной жизни, как бы готовясь, молча и сосредоточенно, к грядущим революционным битвам. В романских странах — Италия, особенно Франция — обострение классовой борьбы проявляется в особенно бурных, резких, частью прямо революционных взрывах, когда затаенная ненависть пролетариата к его угнетателям вырывается с внезапной силой, и «мирная» обстановка парламентской борьбы сменяется сценами настоящей гражданской войны.

Международное революционное движение пролетариата не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах. Полное и всестороннее использование всех возможностей на всех поприщах деятельности складывается лишь в итоге классовой борьбы рабочих различных стран. Каждая страна вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток, но в каждой отдельной стране движение страдает той или иной односторонностью, теми или иными теоретическими или практическими недостатками отдельных социалистических партий. В общем и целом мы видим ясно громадный шаг вперед международного социализма, сплочение миллионных армий пролетариата в целом ряде конкретных столкновений с врагом, приближение решительной борьбы с буржуазией — борьбы, во много раз более *подготовленной* со стороны рабочего класса, чем во времена Коммуны, этого последнего великого восстания пролетариев.

И этот шаг вперед всего международного социализма, наряду с обострением революционно-демократической борьбы в Азии, ставит русскую революцию в особенные

и особенно трудные условия. У русской революции есть великий международный союзник и в Европе и в Азии, но вместе с тем и именно вследствие этого у нее есть не только национальный, не только российский, но и *международный* враг. Реакция против усиливающейся борьбы пролетариата неизбежна во всех капиталистических странах, и эта реакция сплачивает буржуазные правительства всего мира против всякого народного движения, против всякой революции и в Азии и особенно в Европе. Оппортунисты в нашей партии, подобно большинству российской либеральной интеллигенции, до сих пор мечтают о такой буржуазной революции в России, которая бы «не отгалкивала» буржуазию, не запугивала ее, не породила «чрезмерной» реакции, не вела к захвату власти революционными классами. Тщетные надежды! Филистерская утопия! Горючий материал так быстро растет во всех передовых государствах мира, пожар так явно перекидывается на большинство государств Азии, вчера еще спавших глубоким сном, что усиление международной буржуазной реакции и обострение всякой отдельной национальной революции абсолютно неизбежны.

Контрреволюция в России не выполняет и не может выполнить исторических задач нашей революции. Русская буржуазия неизбежно тяготеет все больше и больше в сторону международного антипролетарского и антидемократического течения. Не на либеральных союзников следует рассчитывать русскому пролетариату. Он должен самостоятельно идти своим путем к полной победе революции, опираясь на необходимость насильственного разрешения аграрного вопроса в России самими крестьянскими массами, помогая им свергнуть господство черносотенных помещиков и черносотенного самодержавия, ставя своей задачей демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства в России и памятуя, что его борьба и его победы неразрывно связаны с международным революционным движением. Поменьше иллюзий насчет либерализма контрреволюционной (и в России и во всем мире) буржуазии. Побольше внимания к росту международного революционного пролетариата!

ОТ РЕДАКЦИИ ⁷⁴

Настоящий очерк теоретических зловключений т. Маслова заимствован из работы Н. Ленина, посвященной систематическому разбору тенденций нашего аграрного развития. Разумеется, разоблачение «оригинальных» масловских аграрных теорий, проникнутых духом самого плоского ревизионизма, неизбежно приводит к критике и некоторых положений партийной программы. По этому вопросу мы считаем вполне своевременной дискуссию в партийной печати.

Что же касается теоретических «открытий» т. Маслова, то мы имеем адресовать по поводу них пару слов т. Плеханову в особенности, как ангелу-хранителю нашего аграрного ревизионизма.

В № 6—7 «Гол. Соц.-Дем.», обсуждая важнейшие теоретические вопросы, вы изволили пуститься попутно в уклончивые двусмысленные рассуждения, которые должно признать *непристойными*. Вы решились печатно заявить, что такие-то члены нашей партии для Вас *не товарищи*, и не имели при этом мужества объяснить открыто и внятно, Вы ли собрались выбыть из нашей организации, или же добиваетесь исключения из нее таких-то членов ее? Это одновременно трусливо и грубо.

Так поразмыслите же, неподкупный воитель, над ревизионистскими подвигами Вашего Маслова. Это уж как раз в том маленьком градоначальстве, где Вы, по литературе судя, слывете грозным Думбадзе. Где же Ваша критика ревизионистских измышлений т. Маслова? Где Ваша защита экономической теории Карла Маркса?

И кто, как не Вы, всячески поддерживал Маслова и под-
дакивал ему?

Наши партийные Фамусовы не прочь разыграть роль
беспощадно-резких борцов за марксизм, — но в угоду
фракционному кумовству они не прочь и прикрыть серьез-
нейшие отступления от марксизма!

*«Пролетарий» № 33,
23 июля (5 августа) 1908 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

ВОИНСТВУЮЩИЙ МИЛИТАРИЗМ И АНТИМИЛИТАРИСТСКАЯ ТАКТИКА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

I

Дипломаты в ажитации. Градом сыплются «ноты», «донесения», «заявления»; министры шепчутся за плечами коронованных манекенов, которые с бокалами шампанского в руках «укрепляют мир». Но «подданные» отлично знают, что, если вороны слетаются, значит пахнет мертвым телом. И консервативный лорд Кромер заявил английской палате, что «мы живем в такое время, когда на карту поставлены национальные (?) интересы, разгорятся страсти и появляется опасность и возможность столкновения, как бы ни были мирны (!) намерения правителей».

Горячего материала «за последнее время накопилось достаточно, и он все растет. Революция в Персии грозит перемешать все перегородки — «сферы влияния», расставленные там европейскими державами. Конституционное движение в Турция угрожает вырвать эту вотчину из лап европейских капиталистических хищников; а дальше угрожающе встали старинные, обострившиеся теперь «вопросы» — македонский, среднеазиатский, дальневосточный и т. д. и т. д.

Между тем при сети нынешних явных и тайных договоров, соглашений и т. д. достаточно незначительного щелчка какой-нибудь «державе», чтобы «из искры возгорелось пламя».

И чем грознее бряцают оружием правительства друг против друга, тем беспощаднее давят они антимилитаристское движение у себя в стране. Преследования антимилитаристов растут экстенсивно и интенсивно. «Радикально-социалистическое» министерство Клемансо-Бриана

насильничает не хуже юнкерски-консервативного министерства Бюлова. Распушение «организаций молодежи» во всей Германии, последовавшее в результате введения нового закона о союзах и собраниях, воспреещающего присутствие на политических собраниях лиц моложе 20 лет, крайне затруднило антимилитаристскую агитацию в Германии.

В результате спор об антимилитаристской тактике социалистов, замолкнувший было со времени Штутгартского конгресса ⁷⁵, оживляется вновь в партийной печати.

На первый взгляд — странное явление: при такой очевидной важности этого вопроса, при таком явном, бьющем в лицо вреде милитаризма для пролетариата трудно найти другой вопрос, по которому существовали бы такие штатания, такая разногласица в среде западных социалистов, как в спорах об антимилитаристской тактике.

Принципиальные предпосылки для правильного решения этого вопроса установлены давно, вполне прочно и разногласий не вызывают. Современный милитаризм есть результат капитализма. В обеих своих формах он — «жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях («*Militarismus nach aussen*», как выражаются немцы) и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата («*Militarismus nach innen*»). Ряд интернациональных конгрессов (Парижский 1889 г., Брюссельский 1891, Цюрихский 1893 и, наконец, Штутгартский 1907 г.) в своих резолюциях дал законченное выражение этому взгляду. Наиболее обстоятельно устанавливает эту связь между милитаризмом и капитализмом штутгартская резолюция, хотя в соответствии с порядком дня («О международных конфликтах») Штутгартский конгресс больше занимался тою стороною милитаризма, которую немцы называют «*Militarismus nach aussen*» («внешней»). Вот относящееся сюда место этой резолюции: «Войны между капиталистическими государствами обычно являются следствием их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только обеспечить за собой область сбыта, но и завоевать новые области, причем главную роль при этом играет порабощение чужих народов и стран. Эти

войны порождаются затем непрерывными военными вооружениями, вызываемыми милитаризмом, который является главным орудием классового господства буржуазии и политического подчинения рабочего класса.

Войнам благоприятствуют националистические предрассудки, систематически культивируемые в цивилизованных странах в интересах господствующих классов, с целью отвлечь пролетарские массы от их собственных классовых задач и заставить их забыть долг международной классовой солидарности.

Таким образом, войны коренятся в самой сущности капитализма; они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй, или же, когда громадность человеческих и денежных жертв, вызванных военно-техническим развитием, и вызванное вооружениями народное возмущение приведут к устранению этой системы.

Рабочий класс, который главным образом составляет солдат и на который главным образом падают материальные жертвы, в особенности является естественным врагом войн, так как войны противоречат цели, преследуемой им: созданию основанного на социалистическом принципе экономического строя, который на деле осуществит солидарность народов»...

II

Итак, принципиальная связь между милитаризмом и капитализмом установлена среди социалистов прочно, и в этом пункте разногласий нет. Но признание этой связи еще не определяет конкретно антимилитаристской *тактики* социалистов, не решает практического вопроса, как бороться против бремени милитаризма и как воспрепятствовать войнам. И вот, в ответах на эти-то вопросы замечается значительное расхождение во взглядах среди социалистов. На конгрессе в Штутгарте можно было с особенной осязательностью констатировать эти разногласия.

На одном полюсе стоят немецкие социал-демократы типа Фольмара. Раз милитаризм — детище капитализма, рассуждают они, раз войны суть необходимый спутник капиталистического развития, то никакой специальной антимилитаристской деятельности не нужно. Так именно Фольмар и заявил на партийном съезде в Эссене. В вопросе же о том, как вести себя с.-д., в случае объявления войны,

большинство немецких с.-д., с Бебелем и Фольмаром во главе, упорно стоят на той позиции, что с.-д. должны защищать свое отечество от нападения, что они обязаны принять участие в «оборонительной» войне. Это положение привело Фольмара в Штутгарте к заявлению, что «вся любовь к человечеству не может нам помешать быть хорошими немцами», а с.-д. депутата Носке провозгласить в рейхстаге, что в случае войны против Германии «с.-д. не отстанут от буржуазных партий и вскинут ружья на плечи»; а отсюда Носке осталось сделать лишь один шаг, чтобы заявить: «мы желаем, чтобы Германия была насколько возможно вооружена».

На другом полюсе стоит немногочисленная группа сторонников Эрве. Пролетариат не имеет отечества, рассуждают эрвеисты. Значит, все и всякие войны — в интересах капиталистов; значит, пролетариат должен бороться против каждой войны. На всякое объявление войны пролетариат должен ответить военной забастовкой и восстанием. К этому главным образом и должна сводиться антимилитаристская пропаганда. В Штутгарте Эрве предложил поэтому следующий проект резолюции: ...«Конгресс приглашает ответить на всякое объявление войны, откуда бы оно ни исходило, военной забастовкой и восстанием».

Таковы две «крайние» позиции в этом вопросе в рядах западных социалистов. «Как солнце в малой капле воды» в них отражаются те две болезни, которые все еще вредят деятельности социалистического пролетариата на Западе: оппортунистические тенденции, с одной стороны, и анархистское фразерство — с другой.

Прежде всего, несколько замечаний о патриотизме. Что «пролетарии не имеют отечества», это действительно сказано в «Коммунистическом манифесте»; что позиция Фольмара, Носке и К^о «бьет в лицо» этому основному положению интернационального социализма, это также верно. Но отсюда еще не следует правильность утверждения Эрве и эрвеистов, что пролетариату безразлично, в каком отечестве он живет: живет ли он в монархической Германии, или в республиканской Франции, или в деспотической Турции. Отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата; и если

неправ. Фольмар, устанавливающий какое-то «истинно-немецкое» отношение пролетариата к «отечеству», то не более прав и Эрве, непростительно некритически относящийся к такому важному фактору освободительной борьбы пролетариата. Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны. Но судьбы страны его интересуют лишь *постольку*, поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с.-д. «патриотизма».

Сложнее другой вопрос — об отношении к милитаризму и войне. Уже с первого взгляда очевидно, что Эрве непростительно смешивает оба эти вопроса, забывает о причинной связи между войной и капитализмом; приняв эрвеистскую тактику, пролетариат обрек бы себя на бесплодную работу: всю свою боевую готовность (ведь говорится о восстании) он употребил бы на борьбу с следствием (войной), оставляя существовать причину (капитализм).

Анархический метод мышления обнаруживается здесь в полной мере. Слепая вера в чудодейственную силу всякого *action directe**; выхватывание этого «непосредственного воздействия» из общей социально-политической конъюнктуры без малейшего ее анализа; словом, «произвольно механическое понимание общественных явлений» (по выражению К. Либкнехта) очевидно.

План Эрве «очень прост»: в день объявления войны социалисты-солдаты дезертируют, а резервисты объявляют забастовку и остаются по домам. Однако «стачка резервистов не есть пассивное сопротивление: рабочий класс скоро перешел бы к открытому сопротивлению, к восстанию, и это последнее имело бы тем больше шансов окончиться триумфом, что действующая армия находилась бы на границе страны» (G. Hervé. «Leur patrie»**).

Таков этот «действительный, прямой и практический план», и уверенный в его успехе Эрве предлагает отвечать военной забастовкой и восстанием на каждое объявление войны.

* — непосредственного воздействия. *Ред.*

** — Г. Эрве. «Их отечество». *Ред.*

Как ясно отсюда, вопрос здесь не в том, может ли пролетариат, когда он найдет это целесообразным, отвечать забастовкой и восстанием на объявление войны. Спор идет о том, связывать ли пролетариат обязательством на *каждую* войну отвечать восстанием. Решать вопрос в последнем смысле, значит отнимать выбор момента решительного боя у пролетариата и передать его врагам; не пролетариат выбирает момент борьбы, сообразуясь с своими интересами, когда высоко его общесоциалистическое сознание, крепка его организованность, благоприятен повод и т. д.; нет, буржуазные правительства смогли бы спровоцировать его на восстание даже тогда, когда условия для него были бы неблагоприятны, например, объявлением такой войны, которая особенно способна вызвать патриотические и шовинистические чувства в широких слоях населения, которая таким образом изолирует восставший пролетариат. Надо еще не упускать из виду, что буржуазия, которая от монархической Германии до республиканской Франции и демократической Швейцарии с такой жестокостью преследует антимилитаристскую деятельность в мирное время, — с какою яростью обрушилась бы она на всякую попытку к военной забастовке в случае войны, в момент деятельности военных законов, военных положений, военно-полевых судов и т. д.

Прав Каутский, говоря об идее Эрве: «идея военной стачки зародилась под влиянием «хороших» мотивов, она благородна и полна героизма, но она героическая глупость».

Пролетариат, если найдет это целесообразным и подходящим, может ответить на объявление войны военной забастовкой; он может, в числе других средств для достижения социальной революции, прибегнуть и к военной стачке. Связывать же себя этим «тактическим рецептом» не в интересах пролетариата.

Так именно и ответил на этот спорный вопрос Штутгартский международный конгресс.

III

Но если взгляды эрвейстов — «героическая глупость», то позиция Фольмара, Носке и их единомышленников из «правого крыла» — оппортунистическая трусость. Раз милитаризм — детище капитала и падет с ним, — рассуждали они в Штутгарте и особенно в Эссене, — то не нужно

и специально антимилитаристской агитации: ее не должно быть. Но ведь и радикальное разрешение рабочего и женского вопроса, например, — возражали им в Штутгарте, — также невозможно при существовании капиталистического строя; однако мы боремся за рабочее законодательство, за расширение гражданских прав женщин и т. д. Особая антимилитаристская пропаганда должна вестись тем энергичнее, что все учащаются случаи вмешательства военной силы в борьбу труда с капиталом и все очевиднее важность милитаризма не только в нынешней борьбе пролетариата, но и в будущем — в момент социальной революции.

Специально-антимилитаристская пропаганда имеет за собой не только принципиальные доказательства, но и важный исторический опыт. Впереди других стран в этом отношении идет Бельгия. Бельгийская рабочая партия, помимо общей пропаганды идей антимилитаризма, организовала группы социал. молодежи под названием «Молодой гвардии» («Jeunes Gardes»). Группы одного и того же округа входят в состав Окружной федерации; все Окружные федерации, в свою очередь, объединяются в Национальную федерацию с «Главным советом» во главе. Органы «молодых гвардейцев» («La jeunesse — c'est l'avenir»; «De Caserne», «De Loteling»* и т. д.) расходятся в десятках тысяч экземпляров! Из федераций наиболее сильная — Валлонская, включающая 62 местных группы с 10 тыс. членов; всего «Молодая гвардия» состоит в данное время из 121 местной группы.

Рядом с письменной агитацией интенсивно ведется и устная: в январе и сентябре (месяцы призыва) в главных городах Бельгии устраиваются народные собрания и процессии; у дверей мэрий, на открытом воздухе, социалистические ораторы разъясняют рекрутам значение милитаризма. При «Главном совете» «молодых гвардейцев» учрежден «Комитет жалоб», на обязанности которого лежит собирание сведений о всех несправедливостях, совершаемых в казармах. Эти сведения, под рубрикой «Из армии», ежедневно оглашаются в центральном органе партии «Le peuple»**. Антимилитаристская пропаганда не останавливается на пороге казармы, и солдаты-социа-

* — «Молодежь — это будущее»; «Казарма», «Новобранец». Ред.

** — «Народ». Ред.

листы образуют группы для целей пропаганды внутри армии. В настоящее время таких групп («солдатских союзов») насчитывается около 15.

По бельгийскому образцу, варьируя в интенсивности и в организационном отношении, ведется антимилитаристская пропаганда во Франции*, Швейцарии, Австрии и др. странах.

Итак, специально-антимилитаристская деятельность не только специально необходима, но и практически целесообразна и плодотворна. Поэтому, поскольку Фольмар восставал против нее, указывая на невозможные полицейские условия для этого в Германии, на опасность разгрома благодаря этому партийных организаций, — вопрос сводился к конкретному анализу условий данной страны; это — вопрос факта, а не принципа. Хотя и здесь справедливо замечание Жореса, что германская с.-д., выдержавшая в своей молодости, в тяжелую годину исключительных законов против социалистов, железную руку графа Бисмарка, теперь, несравненно выросши и окрепнув, могла бы не бояться преследований со стороны нынешних правителей. Но Фольмар сугубо неправ, когда старается опереться на аргументы принципиальной нецелесообразности специально-антимилитаристской пропаганды.

Не меньшим оппортунизмом проникнуто убеждение Фольмара и его единомышленников, что с.-д. обязаны принять участие в оборонительной войне. Блестящая критика Каутского не оставила камня на камне от этих взглядов. Каутский указал на полную невозможность подчас разобратся, особенно в моменты патриотического угара, вызвана ли данная война оборонительными или наступательными целями (пример, который приводил Каутский: нападала или оборонялась Япония в начале русско-японской войны?). С.-д. запутались бы в сетях дипломатических переговоров, если бы вздумали в зависимости от этого признака устанавливать свое отношение к войне.

* Интересной особенностью французов является организация так называемой «солдатской копеечки»: каждую неделю рабочий отдает одно су секретарю своего союза; составляющиеся таким образом суммы посылаются солдатам «в напоминание того, что даже в солдатской одежде они принадлежат к эксплуатируемому классу и что ни при каких обстоятельствах они не должны забывать этого».

С.-д. могут очутиться даже в таком положении, чтобы потребовать наступательных войн. В 1848 г. (это не мешает помнить и эрвеистам) Маркс и Энгельс считали необходимой войну Германии против России. Позднее они пытались воздействовать на общественное мнение Англии, чтобы побудить ее к войне с Россией. Каутский строит, между прочим, следующий гипотетический пример: «предположим, — говорит он, — что революционное движение одержит в России победу, и влияние этой победы приведет во Франции к переходу власти в руки пролетариата; с другой стороны, предположим, что против новой России образуется коалиция европейских монархов. Станет ли протестовать интернациональная с.-д., если французская республика придет тогда на помощь России?» (К. Каутский. «Наш взгляд на патриотизм и войну»).

Очевидно, что в этом вопросе (как и во взгляде на «патриотизм») не оборонительный или наступательный характер войны, а интересы классовой борьбы пролетариата, или, лучше сказать, интересы международного движения пролетариата, представляют собой ту единственно возможную точку зрения, с которой может быть рассматриваем и решен вопрос об отношении с.-д. к тому или другому явлению в международных отношениях.

До каких геркулесовых столбов способен доходить оппортунизм и в этих вопросах, показывает недавнее выступление Жореса. В одной немецкой либерально-буржуазной газетке, высказывая свои взгляды о международном положении, он защищает союз Франции и Англии с Россией от обвинений в противомирных намерениях и смотрит на этот союз, как на «гарантию мира», он приветствует тот факт, что «мы теперь дожили до союза Англии с Россией, двух давнишних врагов».

Великолепную оценку такого взгляда и горячую отповедь дает Жоресу Р. Люксембург в «Открытом письме» ему в последней книжке «Neue Zeit»*.

Прежде всего Р. Люксембург констатирует, что говорить о союзе «России» и «Англии» значит «говорить языком буржуазных политиков», ибо интересы капиталистических государств и интересы пролетариата в иностранной политике противоположны и нельзя говорить о гармонии

* — «Новое Время». Ред.

интересов в области внешних сношений. Если милитаризм — дитя капитализма, то и войны не могут быть уничтожены интригами правителей и дипломатов, и задача социалистов не будить иллюзий на этот счет, а, наоборот, постоянно разоблачать лицемерие и бессилие дипломатических «мирных шагов».

Но центральным пунктом «письма» является оценка союза Англии и Франции с Россией, который так прославляет Жорес. Европейская буржуазия дала возможность царизму отразить революционный натиск. «Теперь, пытаясь превратить временную победу над революцией в окончательную, абсолютизм прибегает прежде всего к испытанному средству всех поколебленных деспотий — к успехам внешней политики». Все союзы России теперь означают «священный союз буржуазии Западной Европы с русской контрреволюцией, с душителями и палачами русских и польских борцов за свободу; они означают укрепление самой кровавой реакции не только внутри России, но и в интернациональных отношениях». «Поэтому элементарнейшая задача социалистов и пролетариев всех стран состоит в том, чтобы из всех сил препятствовать союзу с контрреволюционной Россией».

«Как объяснить себе», обращается Р. Люксембург к Жоресу, «что Вы «самым энергичным образом» будете стараться сделать правительство кровавых палачей русской революции и персидского восстания влиятельным фактором европейской политики, русские виселицы колоннами интернационального мира, Вы, который в свое время произнесли во французском парламенте блестящую речь против русского займа. Вы, который несколько недель тому назад поместили в Вашей газете «Humanité»* горячий призыв к общественному мнению против кровавой работы военных судов в русской Польше? Как можно согласовать ваши мирные планы, покоящиеся на франко-русском и англо-русском союзе, с недавним протестом французской социалистической парламентской фракции и административной комиссии Нац. совета социалистической партии против поездки Фальера в Россию, с тем протестом, под которым стоит Ваша подпись и который в горячих выражениях защищает интересы русской

* — «Человечество». Ред.

революции. Если президент Французской республики захочет сослаться на Ваши представления об интернациональном положении, то он на Ваш протест заявит: кто одобряет цель, должен одобрить и средства, кто рассматривает союз с царской Россией, как гармонию интернационального мира, тот должен принимать все, что укрепляет этот союз и ведет к дружбе.

Что бы Вы сказали, если бы некогда в Германии, в России, в Англии нашлись социалисты и революционеры, которые в «интересах мира» рекомендовали союз с правительством реставрации или правительством Тьера и Жюля Фавра и прикрывали бы такой союз своим моральным авторитетом?!...»

Письмо это говорит само за себя, и русские с.-д. могут только приветствовать т. Р. Люксембург за этот ее протест и за защиту русской революции перед лицом интернационального пролетариата.

*«Пролетарий» № 33,
23 июля (5 августа) 1908 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

ЛЕВ ТОЛСТОЙ, КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях.

Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее. Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казенным и либеральным. Первое есть грубое лицемерие продажных писак, которым вчера было велено травить Л. Толстого, а сегодня — отыскивать в нем патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой. Что писакам этого рода заплачено за их писания, это всем известно, и никого обмануть они не в состоянии. Гораздо более утонченно и потому гораздо более вредно и опасно лицемерие либеральное. Послушать кадетских балалайкиных из «Речи» — сочувствие их Толстому самое полное и самое горячее.

На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о «великом богоискателе» — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капитал, чтобы разыграть роль вождя общенациональной оппозиции, он старается громом и треском фраз *заглушить* потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызываются кричащие противоречия «толстовщины», какие недостатки и слабости нашей революции они выражают?

Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, — юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины. Поистине:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка Русь!

Что при таких противоречиях Толстой не мог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции, это само собою очевидно. Но противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века. Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой. И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней. Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции. С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, алобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что

идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов. •

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей», — совсем в духе Льва Николаича Толстого! И, как всегда бывает в таких случаях, толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее, делали то, что за сознательным и революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали с собрания трудовиков в переднюю Столыпина, кланчили, торговались, примиряли, обещали примирить, — пока их не выгнали пинком солдатского сапога. Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка».

Возьмите солдатские восстания 1905—1906 годов. Социальный состав этих борцов нашей революции — промежуточный между крестьянством и пролетариатом. Последний в меньшинстве; поэтому движение в войсках не показывает даже приблизительно такой всероссийской сплоченности, такой партийной сознательности, которые

обнаружены пролетариатом, точно по мановению руки ставшим социал-демократическим. С другой стороны, нет ничего ошибочнее мнения, будто причиной неудачи солдатских восстаний было отсутствие руководителей из офицерства. Напротив, гигантский прогресс революции со времен Народной воли сказался именно в том, что за ружье взялась против начальства «серая скотинка», самостоятельность которой так напугала либеральных помещиков и либеральное офицерство. Солдат был полон сочувствия крестьянскому делу; его глаза загорались при одном упоминании о земле. Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы, — но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через пару дней, иногда через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо — совсем в духе Льва Николаича Толстого!

Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании.

Говорят, что разбитые армии хорошо учатся. Конечно, сравнение революционных классов с армиями верно только в очень ограниченном смысле. Развитие капитализма с каждым часом видоизменяет и обостряет те условия, которые толкали крестьянские миллионы, сплоченные вместе ненавистью к помещикам-крепостникам и к их правительству, на революционно-демократическую борьбу. В самом крестьянстве рост обмена, господства рынка и власти денег все более вытесняет патриархальную старину и патриархальную толстовскую идеологию. Но одно приобретение первых лет революции и первых поражений в массовой революционной борьбе несомненно: это — смертельный удар, нанесенный прежней рыхлости и дряблости масс. Разграничительные линии стали резче.

Классы и партии размежевались. Под молотом столыпинских уроков, при неуклонной, выдержанной агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины!

*«Пролетарий» № 35,
11 (24) сентября 1908 г.*

*Печатается по рукописи, сверенной
с текстом газеты «Пролетарий»*

МИРНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ ⁷⁸

Как известно, буржуазная печать Англии и Германии и в особенности уличные листки давно уже ведут шовинистическую кампанию, натравливая одну страну на другую. Конкуренция английских и немецких капиталистов на всемирном рынке становится все более ожесточенной. Былое первенство Англии и безраздельное господство ее на мировом рынке отошли в прошлое. Германия принадлежит к числу особенно быстро развивающихся капиталистических стран, и продукты ее промышленности все больше ищут себе сбыта за границей. Борьба за колонии, столкновения торговых интересов сделались в капиталистическом обществе одной из главных причин войн. И неудивительно, что капиталисты обеих стран считают войну между Англией и Германией неизбежной, а представители военщины там и здесь прямо желательной. Английские шовинисты хотят подорвать силу опасного конкурента, сломив морское могущество Германии, пока еще неизмеримо более слабой на этом поприще, чем Англия. Германские юнкера и генералы с бурбоном Вильгельмом II во главе рвутся в бой с Англией, надеясь на возможность использовать перевес сухопутных сил и мечтая о том, чтобы шумом военных побед заглушить все растущее недовольство рабочих масс и обострение классовой борьбы в Германии.

Против растущей опасности войны решили выступить публично английские и германские рабочие. Рабочие газеты обеих стран давно ведут неуклонную борьбу с

шовинизмом и с милитаризмом. Но теперь потребовалось некоторое более внушительное заявление воли рабочего класса, чем через органы печати. Английские рабочие решили отправить делегацию в Берлин, чтобы путем величественной демонстрации заявить о солидарной решимости пролетариата той и другой страны вести войну против войны.

Демонстрация состоялась в Берлине в воскресенье 20 (7) сентября. Депутаты английских рабочих на этот раз беспрепятственно смогли выступить перед берлинским пролетариатом. Два года тому назад, когда Ж. Жорес от имени французского рабочего класса решил выступить в Берлине на собрании социал-демократических масс с целью протестовать против шовинистов буржуазии, германское правительство запретило ему говорить перед немецкими рабочими. На этот раз выгнать делегатов английского пролетариата немецкое правительство не решилось.

Громадное рабочее собрание было созвано в одной из самых больших зал Берлина. До 5 000 человек сразу заполнили помещение, и многим тысячам пришлось остаться в саду и на улице. Порядок поддерживали рабочие выборные с красными лентами на рукавах. Товарищ Легия, известный вождь профессиональных рабочих союзов Германии (так называемых «свободных», т. е. на деле социал-демократических союзов), приветствовал английскую делегацию от имени всего политически и профессионально организованного рабочего класса Германии. Пятьдесят лет тому назад — сказал он — демонстрировали уже в пользу мира французские и английские рабочие. Тогда за передовиками-социалистами не было еще организованных масс. Теперь рабочие союзы Англии и Германии насчитывают вместе $4\frac{1}{2}$ миллиона членов. От имени этой армии выступают теперь английские делегаты и берлинское собрание, заявляя, что в руках рабочего класса лежит решение вопроса о войне и мире.

Делегат английских рабочих Маддисон в ответной речи вклеил шовинистическую травлю буржуазии и передал подписанный 3 000 рабочими «Адрес рабочих Британии к рабочим Германии». В числе подписавшихся, указал он, есть представители обоих направлений английского

рабочего движения (т. е. и социал-демократы и сторонники «Независимой рабочей партии», не стоящие еще на сколько-нибудь последовательной социалистической точке зрения). В адресе указывается, что войны служат интересам имущих классов. Рабочие массы несут все тягости войн; имущие классы извлекают пользу из народных бедствий. Пусть же сплотятся рабочие для борьбы с военной, для обеспечения мира!

После речей других английских депутатов и представителя германской социал-демократии Рихарда Фишера, собрание закончилось единогласным принятием резолюции, которая клеймит «корыстную и близорукую политику господствующих и эксплуататорских классов» и выражает готовность действовать согласно решению Штутгартского международного конгресса, т. е. всеми силами и средствами бороться против войны. Собрание разошлось в порядке с пением рабочей марсельезы. Уличных демонстраций не было. Берлинская полиция и местные военные власти оказались обманутыми в своих ожиданиях. Немецкие порядки характеризуются тем, что самая мирная демонстрация рабочих не обошлась без полицейской и военной демонстрации. Берлинский гарнизон был мобилизован. Отряды войск были размещены по строгому плану в самых различных местах города — преимущественно так, чтобы нелегко было заметить, где спрятаны солдаты и по сколько. Полицейские патрули объезжали улицы и площади неподалеку от зала собрания и особенно дорогу оттуда к дворцу. Дворец был окружен настоящим кольцом переодетых полицейских и спрятанных по дворам отрядов войска. Организована была сложная система полицейских пикетов, — группы полицейских стояли по углам улиц, — полицейские офицеры отряжены были во все «важные» места, — полицейские велосипедисты несли обязанности разведчиков и извещали военные власти о каждом шаге «неприятеля», — мосты и переходы через канал охранялись тройне. «Охраняли угрожаемую монархию», — пишет саркастически «Vorwärts»⁷⁷ по поводу всех этих мероприятий правительства Вильгельма II.

Происходила репетиция, — добавим мы от себя. Вильгельм II и немецкая буржуазия репетировали военную борьбу с восставшим пролетариатом. Такие репетиции

безусловно и во всяком случае полезны и для рабочих масс и для солдат. Ça ira (это дело пойдет!), как говорит французская рабочая песня. Повторные репетиции может быть теперь еще очень медленно, но зато очень верно ведут к великой исторической развязке.

Написано до 3 (16) октября 1908 г.

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXV*

Печатается по рукописи

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Забастовка студентов провозглашена в Петербургском университете. К ней присоединился целый ряд других высших учебных заведений. Движение перекинулось уже в Москву и Харьков. Судя по всем данным, которые имеются в заграничных и русских газетах, а также в частных письмах из России, мы стоим перед фактом довольно широкого *академического* движения.

Назад к старине! Назад к дореволюционной России, — вот о чем прежде всего свидетельствуют эти события. Попрежнему правительственная реакция подтягивает университеты. Вечная в самодержавной России борьба с студенческими организациями приняла форму похода черносотенного министра Шварца — действующего в полном согласии с «премьером» Столыпиным — против автономии, которую обещали студентам осенью 1905 г. (чего только не «обещало» тогда российским гражданам самодержавие под натиском революционного рабочего класса!), — против автономии, которой студенты пользовались, пока самодержавию было «не до студентов», и которую самодержавие не могло не начать отнимать, оставаясь самодержавием.

Попрежнему скорбит и ноет либеральная печать, — на этот раз вместе с некоторыми октябристами, — скорбят и хныкают гг. профессора, умоляя правительство не вступать на путь реакции, использовать прекрасный случай «обеспечить реформами мир и порядок» в «измученной потрясениями стране», — умоляя студенчество не прибегать к незаконным способам действия, способным только сыграть шаруку реакции и т. д., и т. д., и т. д. Какие все

это старые-престарые, затасканные мотивы и как живо воскрешают они перед нами то, что было лет этак 20 тому назад, в конце 80-х годов прошлого века! Сходство той поры с теперешней покажется особенно поразительным, если взять современный момент отдельно, вне связи с пережитыми тремя годами революции. Ибо Дума (на первый взгляд) только чуть-чуть иначе выражает совершенно то же самое дореволюционное соотношение сил: господство дикого помещика, предпочитающего придворные связи и воздействие через своего брата чиновника всяким представительствам; — поддержку того же чиновника кучечеством (октябристы), которое не смеет разойтись с отцами-благодетелями; — «оппозицию» буржуазной интеллигенции, больше всего заботящейся о доказательстве своей лояльности и называющей увещание власть имущих политической деятельностью либерализма. Рабочие депутаты Думы слишком, слишком слабо напоминают о том, какую роль сыграл недавно пролетариат своей открытой массовой борьбой.

Спрашивается, можем ли мы при таких условиях придавать значение старым формам примитивно-академической борьбы студенчества? Если либералы опустили до «политики» (только в насмешку, конечно, можно тут говорить о политике) 80-х годов, то не будет ли со стороны социал-демократии принижением ее задач, если она сочтет нужным поддержать так или иначе академическую борьбу?

Такой вопрос, повидимому, ставится кое-где студентами-социал-демократами. По крайней мере, в редакцию нашей газеты доставлено одно письмо от группы студентов-социал-демократов, в котором, между прочим, говорится:

- «13-го сентября сходка студентов Петербургского университета постановила призвать студентов к всероссийской студенческой забастовке, мотивируя свой призыв агрессивной тактикой Шварца; платформа забастовки — академическая, сходка даже приветствует «первые шаги» Московских и Петербургских советов профессоров в деле борьбы за автономию. Мы недоумеваем перед академической платформой, выставленной петербургской сходкой, и считаем ее недопустимой при данных условиях и не могущей объединить студенчество для активной, широкой борьбы. Мы мыслим студенческое выступление лишь координированным с общим политическим выступлением и ни в коем случае отдельно. Нет тех элементов в наличности, которые были бы в состоянии объединить студенчество. Ввиду этого мы высказываемся против академического выступления».

Ошибка, которую делают авторы письма, имеет гораздо большее политическое значение, чем можно было бы подумать с первого взгляда, ибо рассуждение авторов затрагивает в сущности тему несравненно более широкую и важную, чем вопрос об участии в данной забастовке.

«Мы мыслим Студенческое выступление лишь координированным с общим политическим выступлением. Ввиду этого мы высказываемся против академического выступления».

Такое рассуждение в корне неправильно. Революционный лозунг — надо стремиться к координированному политическому выступлению студентов с пролетариатом и т. д. — превращается здесь из живого руководства для все более широкой, всесторонней, боевой агитации в мертвую догму, которая механически примеривается к различным этапам различных форм движения. Политическое координированное выступление недостаточно только провозглашать, повторяя «последнее слово» уроков революции. За политическое выступление надо *уметь* агитировать, *используя* для этой агитации все возможности, все условия и прежде всего, больше всего, всякие массовые конфликты тех или иных передовых элементов с самодержавием. Не в том дело, конечно, чтобы мы заранее разделили всякое студенческое движение на обязательные «стадии» и непременно следили за аккуратным прохождением каждой стадии, боясь «несвоевременных» переходов к политике и т. п. Подобный взгляд был бы самым вредным педантизмом и вел бы только к оппортунистической политике. Но так же вредна обратная ошибка, когда с создавшимся фактически положением и условиями данного массового движения не хотят считаться ради ложно понятого в неподвижном смысле лозунга: такое применение лозунга неизбежно вырождается в революционную фразу.

Возможны условия, когда академическое движение снижает политическое или раздробляет его или отвлекает от него, и — тогда социал-демократические группы студентов, конечно, обязаны были бы сосредоточить свою агитацию против такого движения. Всякий видит однако, что объективные политические условия данного момента иные: академическое движение выражает *начало* движения

новой «смены» учащейся молодежи, которая более или менее привыкла уже к узенькой автономии, причем начинается это движение в обстановке отсутствия других форм массовой борьбы в данный момент, в обстановке затишья, когда широкие массы продолжают *переваривать* опыт трех лет революции все еще молча, сосредоточенно, медленно.

При таких условиях социал-демократия сделала бы глубокую ошибку, если бы она высказалась «против академического выступления». Нет, группы студентов, принадлежащих к нашей партии, должны направить все усилия на поддержку, использование и расширение данного движения. Как и всякая поддержка примитивных форм движения социал-демократией, и данная поддержка должна состоять больше всего и главным образом в идейном и организационном воздействии на более широкие слои, возбужденные конфликтом и переживающие сплошь да рядом в этой форме конфликта *первый* политический конфликт. Ибо учащаяся молодежь, вошедшая в университеты в течение последних двух лет, жила почти всецело жизнью, оторванной от политики, и воспитывалась в духе узкого академического автономизма, воспитывалась не только казенными профессорами и правительственной печатью, но и либеральными профессорами и всей партией к.-д. Для такой молодежи широкая забастовка (если сумеет эта молодежь создать широкую забастовку! мы должны все сделать, чтобы помочь ей в этом, но, конечно, не нам, социалистам, ручаться за успех того или иного буржуазного движения) — является началом политического конфликта, все равно, сознают ли это борющиеся или нет. Наша задача — разъяснить массе «академических» протестантов объективное значение этого конфликта, постараться сделать его *сознательно* политическим, удесятерить агитационную деятельность соц.-демократических групп студенчества и *всю* эту деятельность *направить* к тому, чтобы усвоены были революционные выводы из истории 3-х лет, чтобы понята была неизбежность новой революционной борьбы, чтобы наши старые — и оставшиеся вполне современными — лозунги низвержения самодержавия и созыва учредительного собрания снова стали предметом обсуждения и оселком политической концентрации свежих поколений демократии.

От такой работы с.-д. студенты не вправе отказаться ни при каких условиях, — и, как бы трудна ни была эта работа в данный момент, какие бы неудачи ни постигли тех или иных агитаторов в том или ином университете, землячестве, собрании и т. д., мы скажем: толците и отверзется! Работа политической агитации никогда не пропадает даром. Успех ее измеряется не только тем, удалось ли нам сейчас же и сразу добиться большинства или согласия на координированное политическое выступление. Возможно, что мы этого не добьемся сразу: на то мы и организованная пролетарская партия, чтобы не смущаться временными неудачами, а упорно, неуклонно, выдержанно вести *свою работу* хотя бы при самых трудных условиях.

Печатаемое нами ниже воззвание СПб. коалиционного студенческого совета показывает, что даже самые активные элементы студенчества упорно держатся за чистый академизм и тянут пока еще кадетско-октябристскую песенку. И это в то время, как кадетско-октябристская печать держится по отношению к забастовке самым гнусным образом, доказывая в самом разгаре борьбы, что она вредна, преступна и т. д. Отпор, который счел нужным дать Петербургский комитет нашей партии коалиционному совету, мы не можем не приветствовать (см. «Из партии»⁷⁸).

Очевидно, современному студенчеству недостаточно еще, для превращения его из «академиков» в «политиков», бичей Шварца, ему нужны еще скорпионы новых и новых черносотенных фельдфебелей для полного революционного обучения новых кадров. Над этими кадрами, обучаемыми всей столыпинской политикой, обучаемыми каждым шагом контрреволюции, должны неустанно работать и мы, с.-д., видящие ясно объективную неизбежность новых буржуазно-демократических конфликтов в национальном масштабе с самодержавием, которое сплотилось с черносотенно-октябристской Думой.

Да, в национальном масштабе, ибо черносотенная контрреволюция, поворачивая Россию вспять, не только закаляет новых борцов в рядах революционного пролетариата, но и вызовет неизбежно новое движение непролетарской, т. е. буржуазной демократии (понимая под этим, конечно, не участие в борьбе *всей оппозиции*, а широкое участие действительно демократических, т. е. способных

на борьбу элементов буржуазии и мелкой буржуазии). Начало массовой студенческой борьбы в России 1908 года есть политический симптом, симптом всего современного положения, созданного контрреволюцией. Тысячи и миллионы нитей связывают учащуюся молодежь с средней и низшей буржуазией, мелким чиновничеством, известными группами крестьянства, духовенства и т. д. Если весной 1908 г. делались попытки возродить «Союз освобождения»* полее, чем старый кадетский, полупомещичий, Петром Струве представляемый союз, — если осенью начинает волноваться масса молодежи, наиболее близкой к демократической буржуазии в России, — если завывли снова с удесятеренной злобой продажные писаки против революции в школах, — если стонут и плачут подлые либеральные профессора и кадетские вожди по поводу несвоевременных, опасных, губительных стачек, неугодных милым октябристам, способных «оттолкнуть» октябристов, господствующих октябристов, — значит, прибывает новый порох в пороховницах! значит, не только в студенчестве начинается реакция — против реакции.

И как бы слабо и зачаточно ни было это начало, партия рабочего класса должна использовать и использует его. Мы умели работать годы и десятилетия перед революцией, внося свои революционные лозунги сначала в кружки, потом в массы рабочих, потом на улицу, потом на баррикады. Мы должны суметь и теперь наладить прежде всего то, что является задачей дня, без чего пустыми словами будут разговоры о координированном политическом выступлении, — именно: крепкую пролетарскую организацию, ведущую всюду и везде политическую агитацию в массах во имя своих революционных лозунгов. За эту организацию в своей студенческой среде, за эту агитацию на почве данного движения должны приняться и наши университетские группы.

Пролетариат не заставит себя ждать. Он часто уступает буржуазной демократии первенство выступлений на банкетах, в легальных союзах, в стенах университетов, трибуны представительных учреждений. Он никогда не уступает и не уступит первенства в серьезной, великой революционной борьбе масс. Не так скоро и не так легко созревают

* См. настоящий том, стр. 48—52. Ред.

все условия для взрыва этой борьбы, как хотелось бы тому или иному из нас, — но эти условия зреют и созревают неизменно. И маленькое начало маленьких академических конфликтов есть большое начало, ибо за ним — не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра — последуют большие продолжения.

«Пролетарий» № 35,
3 (16) октября 1908 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

СОБЫТИЯ НА БАЛКАНАХ И В ПЕРСИИ

За последнее время балканские события заполнили политическую прессу не только России, но и всей Европы. Некоторое время опасность европейской войны казалась придвинувшейся совсем близко, да и сейчас еще — хотя гораздо больше вероятности, что дело ограничится шумом и криком, а до войны не дойдет, — опасность ее все же далеко не устранена.

Бросим общий взгляд на характер кризиса и на те задачи, которые он возлагает на русскую рабочую партию.

Пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции. Но это пробуждение так медленно перекидывалось с одной страны на другую, что в Персии едва ли не решающую роль сыграла и продолжает играть русская контрреволюция, а турецкая революция сразу встретила перед собой контрреволюционную коалицию держав с Россией во главе. Правда, это последнее утверждение, на первый взгляд, противоречит общему тону европейской прессы и заявлений дипломатии: послушать эти заявления, поверить статьям официозов — все полны «сочувствия» к обновленной Турции, все только и желают укрепления и развития конституционного режима в Турции, все не нахвалятся «умеренностью» буржуазных младо-турков.

Но все эти речи — образец подлого буржуазного лицемерия современных реакционных правительств Европы и современной реакционной европейской буржуазии. На деле ни одна европейская страна, называющая себя демократией, ни одна европейская буржуазная партия, именуемая демократической, прогрессивной, либеральной,

радикальной и т. п., не доказала ничем своего действительного желания помочь турецкой революции, ее победе, ее упрочению. Напротив, все *боятся* успеха турецкой революции, ибо этот успех означал бы неминуемо, с одной стороны, развитие стремлений к автономии и действительной демократии во всех балканских народах, с другой стороны, победу персидской революции, новый толчок к демократическому движению в Азии, усиление борьбы за самостоятельность в Индии, создание свободных порядков на громадном протяжении русской границы, следовательно, создание новых условий, затрудняющих политику черносотенного царизма и облегчающих подъем революции в России, и так далее.

Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контрреволюционной коалиции европейских держав *против* растущего демократизма в Азии. Все усилия наших правительств, вся проповедь «больших» европейских газет сводятся к тому, чтобы замазать этот факт, чтобы сбить с толку общественное мнение, чтобы прикрыть лицемерными речами и дипломатическими фокус-покусами *контрреволюционную коалицию* так называемых цивилизованных наций Европы против наименее цивилизованных и наиболее рвущихся к демократизму наций Азии. И вся суть политики пролетариата в данный момент состоит в том, чтобы сорвать маску с буржуазных лицемеров, чтобы обнаружить перед глазами самых широких народных масс реакционность европейских правительств, которые из боязни пролетарской борьбы у себя дома играют и помогают играть роль жандарма по отношению к революции в Азии.

Сеть интриг, которыми окутала Европа все турецкие и балканские происшествия, чрезвычайно плотная, и обывательская публика поддается на удочку дипломатов, которые стараются обратить внимание на мелочи, на частности, на отдельные стороны происходящих событий, стараются затемнить смысл всего процесса в целом. Напротив, наша задача, задача международной социал-демократии — разъяснить народу именно общую связь событий, основное направление и подкладку всего происходящего.

Конкуренция капиталистических держав, желающих «урвать кус» и расширить свои владения и свои колонии, — затем боязнь самостоятельного демократического

движения среди зависимых или «опекаемых» Европой народов, — вот два двигателя всей европейской политики. Младо-турков хвалят за умеренность и за сдержанность, т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов, — и в то же самое время Турцию продолжают грабить попрежнему. Хвалят за то, что возможно продолжать по-старому грабеж турецких владений. Хвалят младо-турков и продолжают политику, которая самым очевидным образом представляет из себя политику *раздела Турции*. Чрезвычайно верно и метко сказала по этому поводу «Лейпцигская Народная Газета», орган местных соц.-дем.:

«В мае 1791 года дальновидные государственные люди, действительно заботящиеся о благе родины, провели политическую реформу в Польше. Король прусский и император австрийский хвалили конституцию 3 мая, приветствовали ее, как дело, «несущее благо соседнему государству». Весь свет расхваливал польских реформаторов за ту «умеренность», с которой они принялись за свое дело в отличие от страшных якобинцев в Париже... 23 января 1793 года Пруссия, Австрия и Россия подписали договор о разделе Польши!

В августе 1908 года младо-турки провели политическую реформу, прошедшую необыкновенно гладко. Весь свет хвалил их за благопристойную «умеренность», с которой они принялись за дело в отличие от страшных социалистов в России... В октябре 1908 года разыгрывается ряд событий, которые все ведут к дележу Турции».

В самом деле, было бы прямо ребячеством, если бы кто-нибудь вздумал верить *словам* дипломатов, не считаясь с *делами* их, с коллективным выступлением держав против революционной Турции. Достаточно сопоставить *факт* свидания и переговоров министров иностранных дел, глав некоторых государств — с последующими событиями, чтобы наивная вера в заявления дипломатов рассеялась, как дым. В августе и сентябре, как раз после младо-турецкой революции и перед самыми декларациями Австрии и Болгарии, мы наблюдаем свидание г. Извольского в Карлсбаде и Мариенбаде с королем Эдуардом, с премьером французской республики Клемансо, свидание министра иностранных дел Австрии фон-Эренталя с итальянским министром иностранных дел Титтони в Зальцбурге, затем свидание Извольского с Эренталем 15 сентября в Бухлое, свидание Фердинанда, князя Болгарского, с Францом-Иосифом в Будапеште, свидание Извольского с фон-Шеном,

германским министром иностранных дел, потом с Титтони и с королем итальянским.

Эти факты говорят сами за себя. *Перед* выступлением Австрии и Болгарии *все существенное* было уже переговорено самым конспиративным и непосредственным образом, при личном свидании королей и министров, *между шестью* державами: Россией, Австрией, Германией, Италией, Францией и Англией. Начавшаяся *потом* газетная перебранка из-за того, правду ли сказал Эренталь, что Италия, Германия и Россия дали свое согласие на аннексию (присоединение) Боснии и Герцеговины Австрией или нет, — это все *сплошная комедия, сплошной отвод глаз*, на который поддаются только либеральные филистеры. Воротилы внешней политики европейских государств, Извольские, Эрентали и вся эта банда коронованных разбойников со своими министрами нарочно бросила кость печати: грызитесь, господа, пожалуйста, из-за того, кто кого надул и кто кого обидел, Австрия ли Россию, Болгария ли Австрию и т. д., кто «первый» начал рвать Берлинский трактат ⁷⁹, кто и как относится к плану конференции держав и прочее и тому подобное. Пожалуйста, занимайте этими интересными и важными — о! чрезвычайно важными! — вопросами общественное мнение. Нам именно это и нужно, чтобы прикрыть *главное и основное*: состоявшееся уже предварительно соглашение в коренном, т. е. в выступлении против младо-турецкой революции, в дальнейших шагах к разделу Турции, в пересмотре под тем или иным соусом вопроса о Дарданеллах, в разрешении русскому черносотенному царю душить персидскую революцию. Вот в чем вся суть, вот что нам, вождам реакционной буржуазии всей Европы, действительно нужно и что мы делаем. А либеральные дурачки в печати и в парламентах пусть займутся болтовней о том, с чего началось и как кто сказал и под каким соусом должна быть окончательно оформлена, подписана и показана всему свету политика колониального грабежа и подавления демократических движений.

Либеральная печать всех крупных европейских держав — кроме наиболее в данный момент «сытой» Австрии — занимается теперь тем, что обвиняет *свое* правительство в недостаточном соблюдении *своих* национальных интересов. Либералы каждой страны изображают свою страну

и свое правительство наиболее неумелыми, наименее «использовавшими» положение, обманутыми и т. п. Именно эту политику ведут и наши кадеты, давно уже договорившиеся до того, что успехи Австрии внушают им «зависть» (буквальное выражение г. Милюкова). Вся эта политика либеральных буржуа вообще и политика наших кадетов в особенности есть самое отвратительное лицемерие, самое гнусное предательство действительных интересов прогресса и свободы. Ибо такая политика, во-первых, затемняет демократическое сознание народных масс, замалчивая заговор реакционных правительств; во-вторых, она толкает каждую страну на путь так называемой активной внешней политики, т. е. одобряет систему колониального грабежа и вмешательства держав в дела Балканского полуострова, вмешательства, всегда реакционного; в-третьих, эта политика прямо играет на руку реакции, заинтересовывая народы в том, сколько «мы» получим, сколько «нам» достанется при дележе, сколько «мы» выторгуем. Реакционным правительствам как раз в данный момент нужнее всего именно то, чтобы они могли сослаться на «общественное мнение» в подкрепление своих захватов или требований «компенсация» и т. п. Смотрите, дескать, печать моей страны обвиняет меня в чрезмерном бескорыстии, в недостаточном отстаивании национальных интересов, в податливости, она грозит войной, следовательно, мои требования, как самые «скромные и справедливые», всецело подлежат удовлетворению!

Политика русских кадетов, как и политика европейских либеральных буржуа, есть лакейство перед реакционными правительствами, есть отстаивание колониальных захватов, грабежа и вмешательства в чужие дела. Политика кадетов особенно вредна потому, что она ведется под флагом «оппозиции», и вследствие этого сбивает с толку очень и очень многих, внушает доверие тем, кто не верит русскому правительству, развращает сознание масс. Поэтому и наши депутаты в Думе и все наши партийные организации должны иметь в виду, что нельзя сделать ни одного серьезного шага в деле социал-демократической пропаганды и агитации по поводу балканских событий, не разъясняя, и с думской трибуны, и в листках, и на собраниях, связи между реакционной политикой самодержавия и лицемерной оппозицией кадетов. Нельзя разъяснить народу всего

вреда, всей реакционности царской политики, не разъясняя той же сущности кадетской внешней политики. Нельзя бороться с шовинизмом и черносотенством во внешней политике, не борясь с фразами, ужимками, недомолвками и подходами кадетов.

Вот пример того, до чего доводит социалистов податливость к точке зрения либеральной буржуазии. В известном органе оппортунистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический — ??? — Ежемесячник») Макс Шиппель пишет по поводу балканского кризиса: «Почти все мыслящие члены партии сочли бы это ошибкой, если бы мнение, еще раз высказанное недавно в нашем берлинском центральном органе (т. е. в «Vorwärts'e»*), получило преобладание, именно то мнение, что Германии нечего искать ни в теперешних, ни в будущих переворотах на Балканах. Понятно, нам не надо стремиться к территориальным приобретениям... Но несомненно, что крупные перегруппировки держав в этой области, служащей важным соединительным звеном между Европой, всей Азией и частью Африки, самым непосредственным образом затрагивают наше международное положение... Всякое сколько-нибудь решающее значение русской реакционной машины пока совершенно отпадает... В России... мы не имеем основания видеть врага во всяком случае и во что бы то ни стало, как считала ее врагом демократия 50-х годов» (S. 1319).

Этот глупенький либерал, прикрывающий себя маской социалиста, не заметил реакционных интриг России за ее «заботами» о «славянских братьях»! Говоря: «мы» (от имени немецкой буржуазии), «наше» положение и т. п., он не заметил ни удара младо-турецкой революции, ни шагов России против персидской революции!

Приведенные слова напечатаны в журнале, помеченном 22 октября. 18-го (5) октября «Новое Время»⁸⁰ поместило громовую статью по поводу того, что «анархия в Тавризе достигла невероятных размеров», что город этот будто бы «наполовину разрушен и разграблен полудикими революционерами». Победа революции над шахскими войсками в Тавризе, как видите, сейчас же вызвала бешенство русского офицоза. Вождь революционного персидского войска, Саттар-хан, объявлен в этой статье «адербейджанским

* — «Вперед». Ред.

Пугачевым» (Адербейджан или Азербейджан есть северная провинция Персии; главный город этой провинции — Тавриз, население этой провинции, по Реклю, доходит почти до $\frac{1}{5}$ всего населения Персии). «Спрашивается, — писало «Новое Время», — может ли Россия терпеть без конца все эти безобразия, которые разоряют нашу миллионную торговлю на персидской границе?... Не следует забывать, что все восточное Закавказье и Адербейджан в этнографическом отношении представляют одно целое... Татарские полуинтеллигенты в Закавказьи, забыв, что они русские подданные, отнеслись с горячим участием к тавризским смутам и посылают туда своих добровольцев... для нас гораздо важнее, чтобы смежный с нами Адербейджан был умиротворен. Как это ни прискорбно, обстоятельства могут вынудить Россию, при всем ее желании ни во что не вмешиваться, взять это дело на себя».

20-го октября в немецкую «Франкфуртскую Газету» телеграфировали из Петербурга, что «компенсацией» для России предполагается оккупация Адербейджана. 24-го (11) октября та же газета поместила телеграмму из Тавриза: *«Третьего дня шесть батальонов русской пехоты с соответствующим количеством кавалерии и артиллерии перешли персидскую границу и ожидают сегодня в Тавризе».*

Русские войска переходили персидскую границу в тот самый день, когда М. Шиппель, повторяя, как раб, уверения, *вой* либеральной и полицейской печати, говорил немецким рабочим, что значение России, как реакционной глыбы, отошло в прошлое и что видеть в России врага во что бы то ни стало — ошибочно!

Предстоит новое избиение персидских революционеров войсками Николая Кровавого. За неофициальным Ляховым следует официальная оккупация Адербейджана и повторение в Азии того, что сделала Россия в Европе в 1849 году, когда Николай I посылал войска против венгерской революции. Тогда была еще в Европе среди буржуазных партий настоящая демократия, способная бороться за свободу, а не только лицемерно болтать о ней, как делают все буржуазные демократы в наши дни. Тогда России приходилось играть роль европейского жандарма против некоторых, по крайней мере, европейских стран. Теперь

все крупнейшие державы Европы, не исключая «демократической» республики «красного» Клемансо, смертельно боясь всякого расширения демократии у себя дома, как идущего на пользу пролетариату, *помогают* России играть роль азиатского жандарма.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что в *сентябрьский реакционный заговор* России, Австрии, Германии, Италии, Франции и Англии *входила «свобода действий»* России против персидской революции. Совершенно не важно, было ли это написано в каком-нибудь тайном документе, который будет напечатан много лет спустя в собрании исторических материалов, или это было только сказано Извольским его любезнейшим собеседникам, или сами эти собеседники «намекнули» на то, что мы вот переходим от «оккупации» к «аннексии», а вы, может быть, от Ляхова к «оккупации», или еще как-нибудь иначе, — все это имеет ничтожное значение. Существенно то, что, как бы ни был мало оформлен сентябрьский контрреволюционный заговор держав, но этот *заговор есть факт* и с каждым днем значение его выясняется все больше и больше. Это — заговор против пролетариата и против демократии. Это — заговор во имя прямого подавления революции в Азии или косвенных ударов этой революции. Это — заговор во имя продолжения колониального грабежа и территориальных завоеваний сегодня на Балканах, завтра в Персии, послезавтра, может быть, в Малой Азии, в Египте и т. д. и т. д.

Свергнуть эту объединенную силу коронованных разбойников и международного капитала в состоянии только одна всемирная революция пролетариата. Злободневная задача всех социалистических партий — усилить агитацию в массах, сорвать маску с игры дипломатов всех стран и показать наглядно, воочию все факты, свидетельствующие о подлой роли *всех союзных держав*, всех одинаково, как непосредственных исполнителей функций жандарма, так и пособников, друзей, финансистов этого жандарма.

На русских с.-д. депутатов в Думе, — в которой ожидается и сообщение Извольского и кадетско-октябристский запрос, — ложится теперь чрезвычайно тяжелая, но и чрезвычайно высокая, великая обязанность. Они состоят членами учреждения, которое прикрывает политику главной реакционной державы, главного заговорщика

контрреволюции, и они должны найти в себе уменье и мужество *сказать всю правду*. В такой момент, как теперь, социал-демократическим депутатам черносотенной Думы многое дано, но многое с них и спросится. Ибо кроме них *некому* в Думе поднять голос против царизма *не с октябристско-кадетской* точки зрения. А кадетский «протест» в подобные времена и при подобных обстоятельствах хуже, чем ничто, ибо это может быть лишь протест *из среды той же* капиталистической волчьей стаи во имя той же волчьей политики.

Пусть же берется за работу и наша думская и все остальные наши партийные организации. Агитация в массах приобретает теперь значение во сто крат большее, чем в обыденные времена. Три обстоятельства должны быть выдвинуты при этом на первый план во всей нашей партийной агитации. Во-первых, в противоположность всей реакционной и либеральной печати, начиная от черносотенцев и до кадетов включительно, социал-демократия срывает маску с дипломатической игры в конференции, в соглашениях держав, в союзах с Англией против Австрии или с Австрией против Германии или какие бы то ни было иные. Наше дело — показать *факт* реакционного заговора держав, который уже состоялся, который правительства изо всех сил стараются прикрыть комедией более открытых переговоров. Против дипломатических комедий, за выяснение народу правды, за разоблачение международной антипролетарской реакции! Во-вторых, мы должны выяснить реальные, а не словесные, плоды и результаты этого заговора: удар турецкой революции — содействие России в деле душения персидской революции — вмешательство в чужие дела и нарушение основного принципа демократии, права наций на самоопределение. Наша программа, как и программа всех с.-д. мира, отстаивает это право. И нет ничего реакционнее, как заботы австрийцев, с одной стороны, русских черносотенцев, с другой, о «братях-славянах». Эти «заботы» прикрывают самые подлые интриги, какими издавна прославилась Россия на Балканах. Эти «заботы» всегда сводятся к покушению на *действительный* демократизм в тех или иных балканских странах. Единственная искренняя «забота» держав по отношению к балканским странам могла бы состоять в одном и только в одном: предоставить их самим себе,

не портить им жизни иностранным вмешательством, не бросать палок под колеса турецкой революции. Но, конечно, не от буржуазии может ждать рабочий класс такой политики!

Все буржуазные партии — вплоть до самых либеральных и «демократичных» по названию, в том числе вплоть до наших кадетов — стоят на точке зрения капиталистической внешней политики. Это — третье обстоятельство, на которое социал-демократия должна особенно энергично указывать. Либералы и партия к.-д. стоят по сути дела за то же соревнование капиталистических наций, подчеркивая лишь другие формы этого соревнования, чем у черной сотни, добываясь лишь иных международных соглашений, чем те, на которые опирается сейчас правительство. И эта либеральная борьба против одного вида буржуазной внешней политики за другой вид такой же политики, эти либеральные попреки правительства за то, что оно отстаёт от других (в деле грабежа и вмешательства!) оказывают самое развращающее действие на массы. Долой всякую колониальную политику, долой всю политику вмешательства и капиталистической борьбы за чужую землю, за чуждое население, за новые привилегии, за новые рынки, проливы и т. п.! Социал-демократия не разделяет нелепой мещанской утопии «мирного и справедливого» капиталистического прогресса. Социал-демократия борется против всего капиталистического общества, зная, что нет на свете другого защитника мира и свободы, кроме международного революционного пролетариата.

Р. С.* После того, как эта статья была сдана в печать, в газетах появилась телеграмма *Петербургского телеграфного агентства*, опровергающая известие о переходе персидской границы русскими войсками. Телеграмма эта помещена в «Frankfurter Zeitung»** 24. X., второе утреннее издание. В 3-ем издании есть телеграмма из Константинополя от 24. X. 10 час. 50 мин. *вечера*. В этой телеграмме говорится, что вечером 24. X. в Константинополе узнали о переходе персидской границы русскими войсками. Заграничная печать, кроме *социалистической*, пока молчит о вторжении русских войск в Персию.

* — Postscriptum — приписка. *Ред.*

** — «Франкфуртская Газета». *Ред.*

Итог: окончательно узнать всей правды мы пока не можем. Во всяком случае «опровержения», исходящие от царского правительства и из *СПБ. телеграфного агентства*, конечно, никакого доверия не заслуживают. Что Россия с ведома держав ведет борьбу с персидской революцией всеми средствами, от интриг до посылки войск, это факт. Что она ведет политику, направленную к оккупации Азербейджана, это тоже несомненно. Если войска не перешли еще границу, то, наверное, все меры к тому приняты: без огня дыма не бывает.

*«Пролетарий» № 37,
16 (29) октября 1908 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью*

ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО ⁸¹

В воскресенье 11 октября нов. ст. состоялось в Брюсселе первое заседание Международного социалистического бюро после Штутгартского конгресса. Съезд представителей различных социалистических партий был выбран при этом как удобный момент для конференций социалистических журналистов и парламентариев. Первая конференция состоялась накануне собрания Бюро, вторая на другой день после собрания, причем необходимо отметить, что состав обеих конференций почти не отличался от состава Бюро: большинство членов Бюро были и журналистами и парламентариями. Только несколько бельгийских социалистов-депутатов дополнили состав конференции в понедельник 12 октября.

Конференция журналистов состоялась в субботу в 3 часа дня. Обсуждался вопрос об урегулировании и развитии сношений между периодическими органами различных социалистических партий. Бельгийцы составили список корреспондентов из числа членов их партии, готовых давать сведения в органы других партий по тем или иным (преимущественно) вопросам. Было высказано пожелание, чтобы такие же списки составлены были и другими партиями, причем указано на необходимость отмечать, каким языком владеет корреспондент. Заграничные бюллетени партии с.-р. («Русская Трибуна» на французском языке) и с.-д. (на немецком языке ⁸²) были отмечены, как особенно полезные для наших иностранных товарищей издания. Было указано также, что для тех стран, где существуют различные социалистические партии или различные направления в одной партии, необходимо отмечать в списках

корреспондентов принадлежность к той или иной партии и т. д. Русским социал-демократам, живущим за границей, следовало бы воспользоваться этой международной конференцией для более правильной постановки корреспонденций в иностранные социалистические органы.

Конференция приняла решение, что Международное социалистическое бюро снесется с теми нациями, у которых нет ежедневных социалистических газет, по вопросу об издании регулярных бюллетеней (на одном из трех официальных языков Интернационала, или на всех этих трех языках: французском, немецком, английском). Затем Бюро запросит редакции социалистических ежедневных газет разных стран, какую сумму согласны бы были они платить за правильное получение таких бюллетеней.

На это решение Заграничному Бюро Центрального Комитета⁸³ нашей партии следует обратить особенное внимание. Дело осведомления наших иностранных товарищей о российской социал-демократии поставлено далеко не удовлетворительно, и вопрос об урегулировании этого дела, об издании *партийного* бюллетеня на трех языках за границей следовало бы немедленно серьезно обсудить и сделать все возможное для практического осуществления такого плана.

Далее, обсуждалось предложение секретаря Бюро, К. Гюисманса, о том, чтобы германские с.-д., имеющие 70 ежедневных партийных органов, взяли на себя почин создать международное бюро телеграфных и телефонных сношений между редакциями социалистических газет в Берлине, Вене, Париже, Брюсселе и т. д. Немецкие делегаты признали немедленное осуществление этого плана невозможным, но указали, что в Германии создано недавно центральное информационное бюро германской с.-д. рабочей партии и что со временем, когда это дело прочно встанет на ноги, можно будет подумать о превращении этого бюро в международное. Конференция удовлетворилась этим обещанием, и заседание было закрыто после решения совмещать и впредь заседания Международного социалистического бюро с конференциями социалистических журналистов разных стран.

Вечером в «Maison du Peuple»* состоялся международный митинг, на котором говорили делегаты австрийские,

* — «Народном доме». Ред.

немецкие, английские, турецкий и болгарский — главным образом на тему о международных конфликтах и о борьбе социалистического пролетариата всех стран за сохранение мира. Закончился митинг единогласным принятием резолюции такого содержания: «Международный митинг, собравшийся 10 октября (н. ст.) в «Maison du Peuple», подтверждает еще раз энергичное решение всемирного пролетариата отстаивать мир между нациями и бороться изо всех сил против капиталистического милитаризма, разоряющего и угнетающего все народы. Митинг выражает уверенность, что различные национальные отделы рабочего Интернационала будут применять полностью решение, принятое по этому вопросу Международным социалистическим конгрессом в Штутгарте». Собрание разошлось под пение «Интернационала».

Следующий день был посвящен весь заседанию Международного социалистического бюро. Первый вопрос порядка дня, — о допущении английской «Рабочей партии» (Labour Party) — занял все предобеденное заседание. Дело в том, что по уставу Интернационала членами его могут быть, во-первых, социалистические партии, признающие классовую борьбу, и, во-вторых, рабочие организации, стоящие на точке зрения классовой борьбы (т. е. профессиональные союзы). Образовавшаяся недавно в английской палате общин «Рабочая партия» не называет себя открыто социалистической и не признает решительно и определенно принципа классовой борьбы (чего, в скобках будь сказано, требуют от этой партии английские социал-демократы). Но само собою разумеется, что в Интернационал вообще и на Штутгартский социалистический конгресс в частности эта «Рабочая партия» была допущена, ибо по существу дела эта партия есть организация смешанного типа, стоящая между теми двумя типами, которые определены в 1-ом и во 2-ом пункте устава Интернационала, — представляющая из себя политическое представительство английских тред-юнионов. Тем не менее вопрос о допущении этой партии был поднят и поднят ею самой в лице так называемой «Независимой рабочей партии» (Independent Labour Party, Ай-Эл-Пи, как говорят англичане), составляющей одну из двух подсекций британской секции Интернационала. Другую подсекцию составляет «С.-Д. федерация».

«Независимая рабочая партия» требовала *прямого* признания того, что «Рабочая партия» входит в Интернационал. Делсгат ее, Брус Глейзиер (Bruce Glazier), настаивал на громадном значении этого представительства в парламенте сотен тысяч организованных рабочих, все определеннее и определеннее идущих к социализму. О принципах, формулах, катехизисе он отозвался очень пренебрежительно. Каутский отвечал ему, отгораживая себя от этой пренебрежительной оценки принципов и конечной цели социализма, но всецело высказываясь за допущение «Рабочей партии», как ведущей классовую борьбу на деле. Каутский предложил резолюцию такого содержания:

«Принимая во внимание прежние репения международных конгрессов, допускающие все организации, которые стоят на почве пролетарской классовой борьбы и признают политическую борьбу, Международное бюро объявляет, что английская «Рабочая партия» допускается на международные социалистические конгрессы, так как она, не признавая прямо (*ausdrücklich*) пролетарской классовой борьбы, ведет ее, тем не менее, на деле и становится на почву ее самой своей организацией, которая независима от буржуазных партий». На стороне Каутского стояли австрийцы, из французов Вальян и, как показало голосование, большинство мелких наций. Возражали прежде всего Гайндман, представитель английской «С.-Д. федерации», требовавший, чтобы дело осталось в старом положении, пока «Рабочая партия» не признает прямо принципа классовой борьбы и социализма, — затем Руссель (гедистка, бывшая второй французской делегаткой), Рубанович, от партии с.-р., и Аврамов, делегат от революционной фракции болгарских социалистов.

Я взял слово, чтобы присоединиться к первой части резолюции Каутского. Невозможно отказать в допущении «Рабочей партии», т. е. парламентского представительства тред-юнионов, раз конгрессы допустили уже раньше все тред-юнионы вообще, даже передававшие свое представительство буржуазным парламентариям. Но неправильна, сказал я, вторая часть резолюции Каутского, ибо *на деле* «Рабочая партия» не является действительно независимой от либералов и не ведет вполне самостоятельной классовой политики. Я предложил поэтому поправку: сказать в конце резолюции, начиная со слов «так как» —

«так как она («Рабочая партия») представляет собой первый шаг действительно пролетарских организаций Англии к сознательной классовой политике и к *социалистической* рабочей партии». Эта поправка была мной внесена в Бюро. Каутский не принял моей поправки, заявивши в следующей своей речи, что на основании «ожиданий» Международное бюро не может принимать решений. Но главная борьба шла между сторонниками и противниками всей резолюции Каутского в целом. При голосовании Адлер предложил разделить ее на две части, и обе были приняты Международным бюро, первая против 3-х голосов при 1 воздержавшемся, вторая против 4-х голосов при 1 воздержавшемся. Резолюция Каутского стала таким образом решением Бюро. Воздерживался в обоих голосованиях Рубанович. Отмечу еще, что Виктор Адлер, говоря после меня и до второй речи Каутского, возразил мне таким образом: — цитирую по отчету бельгийского социалистического органа «Le Peuple» *, дававшего наиболее подробные и точные отчеты о заседаниях, — «предложение Ленина соблазнительно (*séduisante*, Адлер сказал: *verlockend*, заманчиво), но оно не может заставить нас забыть тот факт, что «Рабочая партия» встала вне буржуазных партий. Не наше дело судить, как она это сделала. Признаем факт прогресса».

Таковы были прения в Международном бюро по разбираемому вопросу. Я позволю себе теперь остановиться подробнее на этих прениях, чтобы объяснить занятую мной позицию читателям «Пролетария». Доводы В. Адлера и К. Каутского меня не убедили, и я продолжаю считать их неправильными. Говоря в своей резолюции, что «Рабочая партия» «не признает прямо пролетарской классовой борьбы», Каутский, несомненно, высказал некоторое «ожидание», некоторое «суждение» насчет того, какова политика «Рабочей партии» теперь и какова она должна бы была быть. Но Каутский выразил это *косвенно*, и притом так, что получилось утверждение, во-первых, неправильное по существу и, во-вторых, дающее повод к кривотолкованию *мысли* Каутского. Что «Рабочая партия» в Англии, отделяясь *в парламенте* (не на выборах! не во всей своей политике! не в своей пропаганде и агитации!)

* -- «Народ». Ред.

от буржуазных партий, делает первый шаг к социализму и классовой политике пролетарских массовых организаций, это бесспорно. Это не «ожидание», а факт. Это именно тот факт, который заставляет нас принять в Интернационал «Рабочую партию», раз мы приняли в нее тред-юнионы. Наконец, именно такая формулировка заставила бы сотни тысяч английских рабочих, безусловно уважающих решения Интернационала, но не ставших еще вполне социалистами, задуматься лишний раз над тем, почему их признают сделавшими только *первый* шаг, и каковы должны быть *дальнейшие* шаги по этому пути. В моей формулировке нет и тени претензии на то, чтобы Интернационал брался решать конкретные и детальные вопросы национального рабочего движения, брался определять, когда именно и какие именно дальнейшие шаги сделать необходимо. А что вообще нужны дальнейшие шаги, этого нельзя не признать по отношению к партии, не принимающей прямо и ясно принципа классовой борьбы. Это признал Каутский в своей резолюции косвенно вместо того, чтобы признать это прямо. Вышло так, будто Интернационал ручается за то, что «Рабочая партия» *на деле* ведет последовательную классовую борьбу, будто достаточно организации рабочих отделиться в парламенте в отдельную рабочую группу для того, чтобы стать *во всем своем поведении* независимой от буржуазии!

Несомненно, что Гайндман, Руссель, Рубанович и Аврамов заняли по этому вопросу еще более неправильную позицию (которую не исправил, а запутал Рубанович своим воздержанием от голосования по обеим частям резолюции). Когда Аврамов сказал, что допустить «Рабочую партию» значит поощрить оппортунизм, это было вопиюще неправильное мнение. Стоит припомнить хотя бы письма Энгельса к Зорге. В течение целого ряда лет Энгельс упорно настаивает на том, что английские с.-д. с Гайндманом во главе делают ошибку, поступая по-сектантски, не умея примкнуть к бессознательному, но могучему классовому инстинкту тред-юнионов, превращая марксизм в «догму», тогда как он должен быть «руководством для действия»⁸⁴. Когда есть объективные условия, задерживающие рост политической сознательности и классовой самостоятельности пролетарских масс, надо уметь терпеливо, выдержанно работать рука об руку с ними,

не делая уступок в своих принципах, но и не отказываясь от деятельности *в лице* пролетарских масс. Эти уроки Энгельса подтверждены дальнейшим развитием событий, когда английские тред-юнионы, замкнутые, аристократические, мелкобуржуазные, враждебные социализму, выдвинувшие ряд прямых предателей рабочего класса, продавшихся буржуазии за министерское местечко (вроде негодяя Джона Бернса), — стали тем не менее *подходить* к социализму, неловко, непоследовательно, криво, но все же *подходить* к социализму. Что теперь в Англии быстро растет социализм в рабочем классе, что социализм становится в этой стране *опять* массовым движением, что социальная революция надвигается в Великобритании, — этого могут не видеть только слепые люди.

Интернационал поступил бы безусловно неправильно, если бы не выразил прямо и решительно своего полнейшего сочувствия этому громадному шагу вперед массового рабочего движения в Англии, своего поощрения начавшемуся в колыбели капитализма великому повороту. Но из этого вовсе не следует, чтобы «Рабочую партию» можно было теперь уже признать на деле независимой от буржуазии партией, ведущей классовую борьбу, социалистической и т. д. Надо было исправить одну несомненную ошибку английской «С.-Д. федерации», но не надо было создавать хотя бы тени поощрения *другим, несомненным, не менее важным*, ошибкам английских оппортунистов, руководящих так называемой «Независимой рабочей партией». Что эти руководители — оппортунисты, это бесспорно. Р. Макдональд, вождь I. L. P. (Ай-Эл-Пи), предлагал даже в Штутгарте изменить второй пункт устава Интернационала таким образом, чтобы вместо признания классовой борьбы требовалась только добросовестность (*bona fides*) рабочих союзов для вступления в Интернационал. Каутский сам сразу же поймал оппортунистические нотки в словах Бруса Глейвиера и отгородился от них — *в своей речи в Бюро*, но, к сожалению, не в своей резолюции. Речь в Бюро сказана для дюжины лиц, а резолюция написана для миллионов.

Предо мной лежат газеты обоих направлений английского социализма с отзывами о заседании Международного

бюро. Орган «Независимой (гм! гм!) рабочей партии», «Labour Leader»* ликует и *прямо говорит* десяткам тысяч английских рабочих, что М. С. Бюро не только признало «Рабочую партию» (это правда и это необходимо было сделать), но *признало также политику* I. L. P.» («Labour Leader», Oct. 16, 1908, p. 665). Это неправда. Этого Бюро не признало. Это есть незаконное оппортунистическое истолкование маленькой неловкости в резолюции Каутского. Маленькая неловкость начинает приносить довольно большие плоды. А тут еще на помощь приходят плохие переводы: недаром итальянцы говорят, что переводчики — *измевники* (traduttori — traditori). Официального перевода резолюций Бюро на три официальных языка еще не вышло, и, когда они выйдут, неизвестно. У Каутского сказано, что «Рабочая партия» «становится на почву классово́й борьбы» (конец резолюции; в оригинале: *sich... auf seinen, d. h. des Klassenkampfes, Boden stellt*), а в переводе английских с.-д. вышло: «становится на почву международного социализма»; — в переводе английских оппортунистов (I. L. P.) вышло: «*принимает позицию международного социализма*» (там же). Подите-ка теперь, поправьте такие ошибочки в агитации перед английскими рабочими!

Я далек от мысли обвинять Бруса Глейзиера в искажении резолюции. Я уверен, что он не мог иметь этого в виду. Да это и не так важно. Важно использование *духа* именно *второй* части резолюции Каутского в практической массовой работе. На той же странице «Labour Leader» другой член «Независимой рабочей партии», описывая свои впечатления по поводу заседания Бюро и митинга в Брюсселе, жалуется на то, что на митинге «почти не заметно было подчеркивание идеальной и этической стороны социализма», — каковая сторона всегда-де подчеркивается у нас, на митингах I. L. P., — и было преобладание «*вместо этого*» (in its stead) «*бездушной и чуждой вдохновения*» (barren and uninspiring) *догмы о классовой войне*.

Когда Каутский писал свою резолюцию об англичанах, ему предносился не английский «независимец», а немецкий социал-демократ...

* — «Рабочий Вождь». Ред.

Орган английских с.-д. «Justice» помещает горькие слова Гайндмана против большинства Бюро, «выкидывающего вон принципы ради удобства переметных сум». «Я нисколько не сомневаюсь, — пишет Гайндман — что если бы «Рабочей партии» был поставлен прямой ультиматум со стороны Бюро, то она немедленно подчинилась бы и решила бы сообразоваться с направлением международного социализма». А в другой статье того же номера приводятся факты, доказывающие, что на деле «Независимая рабочая партия» провела часть своих членов под спутанным флагом и «либерализма и «Независимой рабочей партии» (liberal-labour alliance) и что некоторых «независимцев» поддерживал либеральный министр Джон Бернс («Justice», 17 Oct. 1908, p. 4 et 7*).

Нет, если Гайндман осуществит тот план, о котором он сообщает, именно: поднимет этот вопрос вновь на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене (в 1910 г.), то РСДРП должна добиваться исправления резолюции Каутского.

Вторым пунктом в порядке дня был вопрос об общем выступлении пролетариата и социалистов разных стран против международных и колониальных столкновений, которыми грозит политика буржуазных правительств. Вальян внес резолюцию, которая была принята с очень небольшими изменениями. В прениях австрийские делегаты ссылались на то, что их партия в делегациях официально выступает против политики Франца-Иосифа и подтверждает признание социалистами права всех национальностей на самоопределение. Но, выступая против политики Франца-Иосифа, мы также против — говорили австрийцы — политики Абдул-Гамида или Эдуарда VII. Наше дело возложить на правительство ответственность за последствия его деяний. Англичане выражали пожелание более определенных заявлений со стороны австрийских с.-д. против их правительства, но австрийцы не пошли дальше вышеуказанного. Аврамов, делегат от болгарских социалистов («узких», т. е. революционных с.-д.; в Болгарии

* — «Справедливость», 17 октября 1908, стр. 4 и 7. Ред.

есть еще «широкие», т. е. оппортунистические с.-д.), настаивал на упоминании об империалистской буржуазии самих балканских государств, но соответствующая поправка была отклонена. По вопросу о провозглашении болгарской независимости — заявил Аврамов — болгарские социалисты решительно выступили против буржуазных партий, считая это провозглашение вредной авантюрой с точки зрения рабочего класса. Брус Глейзиер предлагал вставить в резолюцию указание на необходимость организаций международных демонстраций, но это пожелание решено было через Бюро сообщить отдельным национальным партиям. Ван-Коль (делегат от голландских с.-д.) предлагал вставить протест против нарушения державами Берлинского трактата, но перед голосованием взял это предложение назад: было указано, что не дело социалистов защищать специально трактаты буржуазных государств. Текст принятой Международным бюро резолюции следующий:

«Констатируя прежде всего, что английские и немецкие социалисты своими манифестациями в пользу мира, французские социалисты своей агитацией против мароккской экспедиции, датские социалисты своим предложением в пользу разоружения действовали согласно решениям Интернационала,

принимая далее во внимание,

что опасность войны остается, что капиталистический империализм продолжает интриговать в Англии и в Германии, что мароккская экспедиция и авантюра продолжается, что царизм, ища прежде всего новых займов, старается запутать положение, чтобы укрепиться в своей борьбе против русской революции, что на Балканском полуострове вмешательство иностранных держав и их корыстные стремления разжигают более, чем когда-нибудь, национальные и религиозные страсти, что в самое последнее время провозглашение независимости Болгарии и в особенности присоединение к Австрии Боснии и Герцеговины увеличили опасность войны и сделали эту опасность более близкой, что, наконец, повсюду заговоры правительств, их усиленные вооружения, военщина и капиталистическая конкуренция и грабеж колоний составляют угрозу миру, —

Международное социалистическое бюро подтверждает еще раз, что социалистическая партия и организованный пролетариат есть единственная сила, способная сохранить международный мир, и что они считают своим долгом охранять его.

Бюро призывает социалистические партии всех стран, согласно резолюции Штутгартского международного конгресса, усилить свою бдительность, свою деятельность, напрягая все силы в указанном направлении, и предлагает центральным комитетам и правлениям партий, их парламентским фракциям, их делегатам в Бюро искать вместе с секретариатом Международного социалистического

бюро средства и практические мероприятия как национальные, так и интернациональные, которые, сообразно с теми или иными конкретными обстоятельствами, всего больше могли бы помочь предупреждению войны и сохранению мира».

Третьим пунктом порядка дня было предложение британской секции регулярно созывать Международное социалистическое бюро дважды в год. Обязательной резолюции по этому вопросу не принято. Выражено только пожелание в этом смысле. Видимо, громадное большинство не считает необходимым собрания чаще раза в год (как было до сих пор), — конечно, за исключением экстренных случаев.

Четвертый пункт порядка дня состоял в предложении Бюро изменить размеры взносов каждой партии на содержание Бюро. До сих пор номинальные доходы Бюро составлялись из 14 950 франков в год (около 6 000 руб.); предположено повысить эту сумму до 26 800 фр. или, за вычетом обычных недоимок, до 20 000 фр. (8 000 р.) круглым счетом. Для этого каждая партия должна бы была вносить в год по 100 фр. за каждый голос, предоставленный ей на международных социалистических съездах. Россия имеет 20 голосов и должна будет платить, след., 2 000 фр., в том числе 700 фр. — с.-р., 1 000 фр. — с.-д. и 300 фр. — профессиональные союзы. До сих пор Россия платила 1 500 фр. в год, в том числе мы — 900 фр. (по соглашению с партией с.-р.). Обязательного постановления по данному вопросу тоже не принято. Поручено Бюро снестись с национальными партиями и выражено пожелание, чтобы взносы составляли по 100 фр. в год за каждый голос.

Пятый пункт касался изменения числа голосов для Швеции — повышено до 12 голосов — и для Венгрии — общее повышение отложено, прибавлено 2 голоса для Кroatии. Допущена также армянская подсекция турецкой секции раньше, чем эта турецкая секция еще образовалась — армянские социалисты в Турции отказываются «ждать» турок, — причем этой подсекции дано 4 голоса. Было бы желательно, чтобы наши товарищи — армянские с.-д., знающие положение армянского социализма в Турции, высказали свое мнение по этому вопросу.

Шестой пункт порядка дня касался принятия социал-демократической партии в Чили. Партия эта образовалась

после раскола демократической партии в Чили. Чилийских с.-д. приняли тоже без прений.

Седьмой пункт порядка дня касался вопроса о сионистах-социалистах в России⁸⁵. Как известно, они обратились перед Штутгартским съездом в ЦК нашей партии с предложением принять их в с.-д. подсекцию русской секции Интернационала. Наш ЦК отказал, принявши мотивированную резолюцию против включения в число с.-д. *сионистов*, хотя бы они и называли себя «сионистами-социалистами». Представитель с.-с. явился в Штутгарт, и в Штутгарте наша подсекция отказалась принять его, а с.-р. воздержались. Так как, по уставу, новые члены Интернационала могут быть принимаемы лишь с согласия национальных секций (причем при разногласии двух национальных подсекций вопрос окончательно решается Международным бюро), то с.-с. нормальным путем попасть на съезд не могли. Они пожаловались в Бюро, которое тогда же приняло компромиссное решение: допустить на съезд с *советательным* голосом представителя с.-с. Теперь пришлось разбираться в созданной путанице: члены ли Интернационала с.-с. или нет? В. Адлер высказался, как и в Штутгарте, решительно против с.-с., отказавшись отложить дело, как просили с.-с., приславшие телеграмму, что они не могут явиться. Неявка — сказал В. Адлер — бывает иногда лучшим способом защиты. Я взял слово, чтобы напомнить еще раз решение нашего ЦК и указать на то, что допущение с.-с. против воли обеих русских подсекций было бы невозможным нарушением устава Интернационала. Рубанович и представитель «Серпа» (Серп = Социалистическая еврейская рабочая партия⁸⁶, принятая в Штутгарте эсерами в свою подсекцию) Житловский держали горячие речи против недопущения с.-с., причем Рубанович *не мог однако* сообщить об ином решении партии с.-р., кроме *воздержания* по этому вопросу, а Житловский явным образом при виде неминуемого исключения с.-с.-ов *защищал самого себя*, доказывая с забавной горячностью, что, если сионисты-социалисты территориалисты, то и они, «Серп», тоже территориалисты. Разумеется, отсюда вытекало не то, что следует принять с.-с.-ов, а только то, что едва ли кто-нибудь другой в Интернационале, кроме эсеров, согласился бы принять и «Серп». Взявши второй раз слово, я категорически

протестовал против приема Рубановича: навязывать сионистов *чужой* подсекции, в то же время не давая решения своей подсекции в пользу сионистов. В результате Бюро приняло единогласно (при двух воздержавшихся: Рубанович и Вальян) резолюцию Адлера, которая гласит:

«Бюро констатирует, что допущение сионистов (с совещательным голосом) было сделано исключительно по отношению к заседаниям Штутгартского конгресса, что сионисты в настоящее время не присоединены к Международному бюро, и переходит к очередным делам».

Восьмым и последним пунктом порядка дня было утверждение, почти без прений, особого состава делегации французских социалистов в Международном бюро. Одним делегатом от Франции назначен Гед, второй же голос Франции в Бюро передан двум делегатам, Вальяну и Жоресу вместе.

Заседание Бюро закончилось единогласным принятием предложенной бельгийским делегатом де-Брукером резолюции сочувствия турецкой революции:

«Международное социалистическое бюро с радостью приветствует падение того гнусного режима, который Абдул-Гамид так долго поддерживал в Турции при помощи держав, — приветствует открывшуюся для народов Турецкой империи возможность самим распорядиться своей судьбой и введение режима политической свободы, который позволит рождающемуся пролетариату вести свою классовую борьбу в тесном единении с пролетариатом всего мира».

В понедельник 12 октября состоялось заседание между-парламентской конференции. В порядке дня стояли три пункта: 1) последняя парламентская сессия; 2) колониальные реформы (доклад Ван-Коля) и 3) о деятельности социалистов в пользу мира внутри междупарламентского союза (доклад Ляфонтена, бельгийского депутата), — затем четыре вопроса: а) условия платы строительным рабочим (в случае банкротства предпринимателей); б) голосование посредством писем; в) новые списки членов парламентских групп и их секретарей и г) посылка документов.

По первому пункту порядка дня ограничились подтверждением, по предложению Пернерсторфера, решения Штутгартского конгресса: секретари парламентских фракций приглашаются доставлять в Международное социалистическое бюро *письменные отчеты* фракций. К такому же напоминанию привел краткий обмен мнений по двум

последним из указанных «вопросов». По двум первым «вопросам» вкратце были указаны материалы и предположения, имеющиеся на этот счет у некоторых социалистических депутатов. Доклад Ляфонтена был, по предложению докладчика, отложен. Австрийцы и немцы указали по этому поводу, что они против участия социалистов в буржуазных парламентских конференциях в пользу мира. Шведский делегат Брантинг сослался на особые условия, объясняющие будто бы участие в этих конференциях шведских с.-д. По его же предложению, в порядок дня следующей междупарламентской конференции, которая состоится одновременно с следующим заседанием Бюро, внесен вопрос о государственном страховании рабочих.

Единственным пунктом порядка дня, по которому был прочтен краткий доклад и были не лишены интереса прения, оказался вопрос о колониальных реформах. Голландский делегат Ван-Коль, прославивший себя своей оппортунистической резолюцией по колониальному вопросу в Штутгарте, в своем докладе пытался несколько с иной стороны протащить свою излюбленную идейку о «положительной» колониальной программе социал-демократии. Совершенно оставив в стороне борьбу с.-д. против колониальной политики, агитацию в массах против колониального грабежа, пробуждение духа отпора и сопротивления у угнетенных масс в колониях, Ван-Коль все внимание сосредоточил на перечне возможных «реформ» колониального быта при данных порядках. Как благонамеренный чиновник, перечислял он самые различные вопросы, начиная от собственности на землю, кончая школами, поощрением промышленности, тюрьмами и т. д., подчеркивая при этом необходимость быть попрактичнее, считаться, напр., с тем, что всеобщее избирательное право не всегда применимо к дикарям, что нельзя иногда не согласиться с необходимостью учреждения в колониях вместо тюрем обязательных работ и т. д. и т. д. Весь доклад был пропитан не духом пролетарской классовой борьбы, а духом самого мелкого буржуазного, даже хуже, чиновничьего, реформаторства. В заключение предлагался выбор комиссии от пяти главнейших, владеющих колониями, стран для выработки колониальной программы социал-демократии.

Молькенбур от немцев и некоторые бельгийцы попробовали было пойти по дорожке Ван-Коля, споря с ним о частностях, о том, нужна ли единая общая программа, не будет ли это шаблонизированием и т. д. Ван-Колью такая постановка вопроса была только на руку, ибо ему именно хотелось свести все к «практике» и доказать, что «на практике» разногласия меньше, чем казалось в Штутгарте. Но Каутский и Ледебур дали принципиальную постановку вопроса и напали на основную фальшь всей позиции Ван-Коля. Ван-Коль допускает неприменимость хотя бы в единичных случаях всеобщего избирательного права, — говорил Каутский — значит, он так или иначе мирится с деспотизмом в колониях, ибо никакой иной избирательной системы он не предлагает и предложить не может. Ван-Коль допускает обязательные работы, — говорил Ледебур — значит, он открывает двери буржуазной политике, пользующейся тысячами различных предлогов для сохранения рабства в колониях. Ван-Коль защищался чрезвычайно упорно и чрезвычайно плохо, доказывая, напр., что без натуральных повинностей иногда не обойтись, что «он сам видел это на Яве», что папуасы не знают, что значит голосовать, что на выборах иногда решает у них прямое суеверие или просто спаивание ромом и т. д. Каутский и Ледебур высмеяли такие доводы, отстаивая безусловную применимость нашей общей демократической программы и к колониям, необходимость выдвинуть на первый план борьбу с капитализмом и в самих колониях. Лучше ли суеверие наших «образованных» католиков, чем суеверия дикарей? — спрашивал Ледебур. Если не всегда применимы парламентские и представительные учреждения, говорил Каутский, то всегда применим демократизм, всегда обязательна борьба против всякого отступления от демократизма. Линия революционной и оппортунистической социал-демократии с полной ясностью выступила в результате этих прений, и Ван-Коль, увидевши, что его предложение, несомненно, будет «похоронено по первому разряду», сам взял его обратно.

II. МАСЛОВ В ИСТЕРИКЕ

В № 8—9 «Голоса С.-Д.» П. Маслов поместил «Письмо в редакцию», которое нельзя иначе назвать, как истеричным. В самом деле, разве это не истерика, когда автор не только посрамляет меня сравнением моего стиля со стилем иеромонаха Иллодора, но и вытаскивает какие-то разговоры, бывшие *14 лет тому назад*? Это покажется читателю шуткой, но это факт. «Когда до выхода III тома «Капитала» — пишет П. Маслов — «Ленин ознакомился с моей рукописью, в которой было одинаковое решение вопроса о распределении прибыли, как и в III т.; Ленин заявил, что он считает правильным чрезвычайно нелепое решение этого вопроса проф. Скворцовым»⁸⁷. Подумайте только: *до* выхода III тома, т. е. *до 1894-го года!* Надо иметь либо детскую наивность, чуждую моему почтеннейшему оппоненту, либо находиться в истерике, чтобы претендовать на точность в воспоминании о каких-то разговорах, бывших будто бы *четыренадцать лет тому назад*, и о своих не напечатанных рукописях. Напечатайте-ка лучше эту рукопись, а, тов. Маслов? Как выгодно-то будет: доказать, что Маслов, один Маслов решил предложенную Энгельсом всему миру задачу *до* III тома! Правда, немножко как будто бы поздно было... Но лучше поздно, чем никогда. Нельзя же думать в самом деле, чтобы Маслов просто задался целью сам себя похвалить ссылкой на свое собственное воспоминание.

Выходит так, что редакция той газеты, где пишет Маслов, пока еще не хвалит масловской поправки к Марксу, и Маслов решил сам себя похвалить за то, что он сделал (про себя) *четыренадцать лет тому назад*... Выходит так,

что я (если поверить в чудовищную силу памяти тов. Маслова) делал ошибки 14 лет тому назад, до выхода III тома «Капитала», и не печатал этих ошибок; а Маслов стал делать ошибки 7 лет и 14 лет спустя после выхода III тома «Капитала» и печатает эти ошибки. Впрочем, возможно, что истерика Маслова не совсем непредумышленная. Ровно 5 лет тому назад Мартов устроил истерику перед Плехановым, побудив этим его перебежать из большевиков в меньшевики. Не надеется ли П. Маслов, что Плеханов, прочтя его вопли в редактируемой Плехановым и К^о газете, перебежит из числа сторонников теории ренты Маркса в число сторонников теории ренты Маслова? Это было бы очень интересно. А пока этого не случилось, посмотрим, как обстоит дело с масловским обвинением, что моя статья «состоит сплошь из передержек и явной неправды».

Так-таки «сплошь», тов. Маслов?

Ну, давайте рассмотрим все ваши доводы.

«Ленин пишет: «Неправда, что по Марксу абсолютная рента получается благодаря низкому строению земледельческого капитала. Абсолютная рента получается благодаря частной собственности на землю. Эта частная собственность создает особую монополию»*».

Здесь Маслов *обрывает мое предложение*, не заканчивающееся на слове «монополию» и дающее в конце фразы ссылку на *определенную страницу IV тома («Теория прибавочной стоимости»)*. Это не передержка со стороны Маслова, о нет! Это только «исправление» чужого вложения...

«Это пишет Ленин» — продолжает П. Маслов. «А вот что пишет Маркс: «Если бы среднее строение земледельческого капитала было одинаково со строением среднего общественного капитала, или если бы оно было выше последнего, то абсолютная рента именно в ее исследованном значении исчезла бы, т. е. та рента, которая отличается и от дифференциальной ренты, и от ренты, основывающейся на настоящей монополярной цене» («Капитал», III т., стр. 634 рус. пер.⁸⁸). Предоставляю судить читателю, кто правильнее излагает Маркса» (следует примечание о той ошибке насчет закона прибыли, которую 14 лет

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 273. Ред.

тому назад я сделал, как твердо помнит П. Маслов, в частном разговоре с ним).

Я тоже предоставляю судить читателю, на чьей стороне тут «передержки и явная неправда». Почтеннейший Маслов *оборвал мою фразу перед моей ссылкой на Маркса* и приводит мне другую ссылку! Что же это за довод? Не изобличил ли Маслов паки и паки в противоречивости «черновики» Маркса (я напому читателю, что Маслов в 1906 г., т. е. даже после выхода «Теорий прибавочной стоимости», имел смелость объяснять открытые им ошибки Маркса тем, что III том — «черновые наброски»)? Не доказывает ли это, что Маркс не свел концов с концами в выведении абсолютной ренты *то* из частной собственности на землю, *то* из низкого строения капитала в земледелии?

Нет, это доказывает только, что Маслов опять безбожно путает. У Маркса можно найти десятки фраз, где абсолютная рента выводится из частной собственности на землю, и десятки фраз, где она выводится из низкого строения земледельческого капитала. И это по той простой причине, что *оба эти условия* в соответствующих местах своего изложения выдвигает Маркс — совершенно так же, как *оба эти условия*, излагая Маркса, *выдвинул и я*: в том самом абзаце моей статьи, из которого взята цитата Маслова, я говорю *и о низком строении земледельческого капитала!* (См. «Пролетарий» № 33, стр. 3, столб. 2—3*). Маслов цитирует против меня 45-ю главу III тома, главу об абсолютной ренте. Маслов берет цитату со стр. 298-ой оригинала. А на стр. 287-ой, *т. е. раньше*, Маркс говорит, что дифференциальную ренту не «создает» собственность на землю (диф. рента неизбежна при капитализме *и без собственности на землю*), а абсолютную ренту создает собственность на землю. «Собственность на землю — пишет Маркс курсивом — создала сама ренту» (III, 2, 287).

Спрашивается, противоречит ли цитата с стр. 287 цитате с стр. 298-ой? Нисколько. Выяснив, что частная собственность на землю *создает* ренту (именно абсолютную), Маркс переходит к выяснению того, что эта рента будет либо просто монополией, только монополией, чистой монополией, либо *результатом* того, что монополия мешает

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 273—274. Ред.

выравниванию прибыли капиталов низких по строению (земледелие) и более высоких (промышленность).

Маслов повторил, следовательно, в газете, редактируемой Плехановым и К^о, свое вопиющее искажение марксизма. Маслов настаивает, следовательно, и здесь — не говоря только этого прямо — на том, что абсолютной ренты быть не может, что теория Маркса есть ошибка, а теория буржуазной политической экономии, отрицающей абсолютную ренту, истинна.

Почему же не сказать прямо того, что сказано в «Аграрном вопросе» и приведено в моей цитате? Это не «передержка и не явная неправда»? Что же это такое? В «Аграрном вопросе» говорится, что Маркс неправ, что абсолютной ренты быть не может, а в газете, редактируемой Плехановым и К^о, *умалчивается об этом* и говорится только о том, кто *правильнее* излагает Маркса!!! Выходит, что мы с Масловым спорили только о том, «кто *правильнее* излагает Маркса», и что я сказал неправду, будто Маслов «поправил» «черновые наброски» Маркса, выкинув вон абсолютную ренту! Стыдитесь, тов. Маслов!

«Далее. «Петр Маслов — пишет Ленин — не понял и дифференциальной ренты Маркса... Когда новая затрата капитала арендатором на его участке дает ему и новую прибыль, и *новую ренту* (курсив Ленина), то эту ренту получает не землевладелец, а арендатор»*. По этому случаю Ленин, разумеется, делает соответствующие поучения «невежественному» Маслову. Берем I том «Аграрного вопроса» и на стр. 112-ой находим: «Если интенсификация хозяйства, ввиду новой затраты 500 руб., дает такое же количество продукта, то арендатор получит прибыли уже не 25%, а 100%, так как при первой затрате капитала он уплачивает 333 р. ренты... Если при затрате первых капиталов он довольствовался средней прибылью..., то ему выгоднее, сокративши площадь аренды, затрачивать новые капиталы на ту же землю, так как они дадут избыток над прибылью, дадут ренту и арендатору». Но Ленину нужно было сказать неправду, чтобы обругать меня».

Посмотрим, кто сказал неправду. Чтобы разобраться в этом, надо обратить внимание на *многоочия* в выписанной мной выдержке, приводимой Масловым. Ибо я выписал

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 275. *Ред.*

полностью все, сказанное по этому поводу Масловым. Многоточия означают *сокращения*. И вот Маслов *сократил* со 112-ой стр. своего первого тома *как раз то*, что сказано у него там *против Маркса* и что напечатано на 112 стр. *курсивом!* Это невероятно, но это факт. В моей статье в «Пролетарии», как 2-ой довод Маслова против Маркса, приведена со стр. 112 I тома следующая фраза: «Рента с «последнего» затрачиваемого капитала, рента Родбертуса и абсолютная рента Маркса исчезнет, *потому что арендатор всегда может сделать «последний» капитал предпоследним, если он дает что-нибудь, кроме обычной прибыли*» (курсив Маслова)*.

Это — довод Маслова против Маркса. На этот довод я напал и продолжаю утверждать, что этот довод сплошь фальшь и путаница. Маслов же отвечает мне тем, что цитирует *эту самую 112-ую страницу с опущением* своего выпада против Маркса! Вместо этого выпада стоит *многоточие*: до многоточия цитируется *начало* страницы, после многоточия *конец*, а выпад против Маркса исчез. Это не передержка и не явная неправда?

Я не утверждал и не утверждаю, что на 400 страницах «Аграрного вопроса» нельзя найти верные места. Я утверждал только, что *доводы Маслова против Маркса* есть вздор несказанный и путаница неслыханная. Если Маслов в обещанном им 4-ом издании выкинет эти доводы, если, напр., на стр. 112-ой он оставит то, что приведено им в «Голосе С.-Д.», то я скажу и всякий скажет: начиная с 4-ого издания Маслов перестал поправлять Маркса. А пока этого не сделано, всякий, кто прочтет том I, увидит на стр. 112-ой довод Маслова против Маркса, довод, *опущенный* в «Голосе». И всякий увидит, что я прав в своей критике *этого* довода, т. е. что этот довод против *абсолютной* ренты нелеп, ибо арендатор получает во время арендного договора новую ренту с новых затрат капитала *целиком*, т. е. и абсолютную и дифференциальную.

На следующем «примере» Маслова я не останавливаюсь, ибо этот пример относится к *тому же доводу*, опущенному Масловым в «Голосе». Понятно, что моя критика довода *отпадает*, если Маслов берет назад довод. Если же он

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 274. Ред.

не делает этого, а только сокращает свои цитаты, то я спрашиваю читателя: на чьей стороне «сплошь передержки и явная неправда»?

Наконец, последняя цитата Маслова из моей статьи следующая:

«Что такое интенсификация?» спрашивает Ленин и отвечает: «дальнейшая затрата труда и капитала. Жнейка, по открытию великого Маслова, *не* (курсив Ленина) есть затрата капитала. Рядовая сеялка не есть затрата капитала»*. Благодаря незнакомству с элементарнейшими понятиями в аграрном вопросе Ленин дал неправильное определение интенсификации и не только написал явный вздор, но еще и утверждает явную неправду. В «Аграрном вопросе» (стр. 62) написано: «Молотилка уменьшает затрату труда на единицу площади земли и в экстенсивном и в интенсивном хозяйстве». (Такой затратой, а не вообще затратой, безотносительно к площади земли, определяется интенсивность культуры. П. М.) Жнейка имеет такое же значение».

Послушайте, почтеннейший, скажу я на это Маслову: надо же знать меру!.. Неужели спор шел о том, определяется ли интенсивность затратой капитала на единицу площади или безотносительно к площади? Ведь это именно передержка и явная неправда! Спор шел вовсе не об этом. Спор шел у меня во *второй* части моей статьи, цитируемой теперь Масловым, *вовсе не* против «Аграрного вопроса», а *против статьи Маслова в «Образовании», 1907 г., № 2.*

Извольте спорить с субъектом, который то выкидывает из своих сочинений как раз те доводы против Маркса, каковые оспаривались критиком, то *выкидывает целые свои статьи*, подсовывая читателю *не то*, о чем шла речь!

Вторая часть моей статьи носит заголовок: «Необходимо ли для опровержения народничества опровергнуть Маркса?». В этой части критикуется *только* статья Маслова в «Образовании», 1907 г., № 2.

Маслов умалчивает в «Голосе» об этой своей статье и ссылается на свой «Аграрный вопрос»! Но это же смешная игра в прятки! Я никогда не говорил, что в «Аграрном вопросе» Маслов договорился до того, что для опровержения народничества надо опровергнуть Маркса.

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 281. Ред.

А в «Образовании» у Маслова *это сказано*. И против этого я возражал, а вовсе не против того, какой затратой капитала определяется интенсификация. Поддерживает Маслов, да или нет, свое утверждение, что «если бы не было факта падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли, то еще могла бы, может быть, осуществиться та идиллия, которую рисуют асеры»?

Вы прячетесь, почтеннейший? Но это значит признать себя побежденным.

Поддерживаете ли вы утверждение, что вам «первому пришлось особенно резко подчеркнуть разницу значения культуры земли и технического прогресса для развития хозяйства и в частности для борьбы крупного и мелкого производства»? Так сказано у вас в «Образовании». Так процитировано у меня в «Пролетарии». К этому и только к этому вопросу относится ваше рассуждение о жнейке, рассуждение в «Образовании», а не в «Аграрном вопросе». Не защищая сказанного им в «Образовании», Маслов сдает позицию!

Итак, по существу вопроса Маслов только и делает, что увертывается в «Голосе». Он повторяет путаницу, будто Маркс не выводил абсолютной ренты из частной собственности на землю, но прямо своих поправок к Марксу он не защищает; доводы свои против Маркса он выкидывает из своих цитат; сказанное в «Образовании» он совсем обходит. И мы повторяем: уничтожение абсолютной ренты Маркса Масловым в «Аграрном вопросе» и рассуждения Маслова в «Образовании» остаются непревзойденными перлами путаницы, внесения буржуазной точки зрения в теорию.

Относительно немецкого издания книги Маслова я посмеялся над тем, что там все поправки к Марксу спрятаны. Маслов защищается: издателем не издана вся первая часть моей книги! Итак, к чему же сводится эта поправка Маслова? Я говорил: Маслов выкинул. Маслов говорит: издатель выкинул — а издатель немецкий социал-демократ Дитц.

Если Дитц выкинул «теорию» Маслова, его «поправки» к Марксу с согласия Маслова, то мой вывод ни в чем не изменяется. Если Дитц сделал это *без* согласия Маслова, то мой вывод изменяется только по форме: Дитц, выкинув глупости из книги Маслова, поступил умно.

Этой ли поправки добивался почтеннейший Маслов?

Маслов говорит, что я «начинаю искать ересей у противников», «желая прикрыть» ереси моих друзей. Это неправда. Против того, что я считаю ересью у своих друзей, я выступаю так же решительно, как против вас. Это показывает мое примечание в только что вышедшем сборнике «Памяти Маркса»*. Ереси же Маслова я «начал искать» в 1901 году в «Заре»**, т. е. за два года до раскола на большевиков и меньшевиков, за два года до первой муниципализаторской программы Маслова. В 1901 году Маслов был в партии моим «противником» только по вопросу о его поправках к теории Маркса.

Р. С.*** Настоящая заметка была уже написана, когда я получил особый листок администрации «Голоса С.-Д.». В этом листке говорится:

«Вследствие типографской ошибки в № 8—9 «Голоса С.-Д.» пропущено примечание редакции к письму тов. Маслова. Ошибка эта будет немедленно исправлена, и примечание предоставлено в распоряжение подписчиков и покупателей».

Исправление это еще не получено нами. Считаю своим долгом довести до сведения читателей о типографской ошибке. Но нет ли еще типографской ошибки в перепечатанном мной особом листке? Не следует ли вместо тов. Маслова читать г-на Маслова? Ведь Плеханов объявил печатно, что люди, отступающие от Маркса, для него не товарищи, а господа! Или к меньшевикам, проповедующим отступление от марксизма, это не относится?

«Пролетарий» № 37,
16 (29) октября 1903 г.
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»,
сверенному с рукописью

* См. настоящий том, стр. 20. Ред.

** См. Сочинения. 4 изд., том 5, стр. 111. Ред.

*** — Postscriptum — приписка. Ред.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ «ОТВЕТА» П. МАСЛОВА⁸⁹

Мой противник упрекает меня за пользование полемическими приемами, искажающими сущность спора. Чтобы выяснить, правда ли это, я рассмотрю шаг за шагом «Ответ» П. Маслова.

Первый пример Маслова. Ленин говорит, что революционный прилив немыслим без радикального уничтожения всех остатков крепостничества, «как будто социал-демократия, приняв программу муниципализации земли, намеревается сохранить остатки крепостничества, оставить земли в руках помещиков».

Каждый читатель заметит, что Маслов обходит сущность вопроса, так как я все время указывал именно на то, что остатком крепостничества является не только помещичья собственность, но и нынешняя наделная собственность. Спор шел именно об этом. Обойдя этот вопрос во *всем* своем ответе, не сказав ни слова о том, есть ли в наделной собственности на землю нечто средневековое, выгодно ли для капитализма эта чистка средневековья или нет, Маслов отвлекает внимание читателя в другую сторону. Не отвечать на принципиальный аргумент противника и приписывать ему только «пафос» — значит не спорить, а браниться.

Второй пример. Мое указание на неразрывность связи между аграрным и политическим переворотом Маслов называет недостатком уважения к читателю. Муниципализация также не разрывает этой связи. Что же, разве это ответ? Разве Маслов не замалчивает здесь 1) мою *точную* ссылку на меньшевика Новоседского, который *определенно* поставил муниципализацию в связь с неполным

политическим переворотом, 2) мой аргумент, что муниципализация не касается ни средневековой общины, ни средневекового землевладения, т. е. решительно и безусловно осуждает на неполноту именно аграрный переворот, и только аграрный.

Третий аргумент Маслова: «ненависть крестьян к помещикам и чиновникам Ленин обращает в аргумент в пользу своей программы и против принятой программы». Неправда. Каждый читатель заметит, что Маслов подсунил вместо «ненависти к средневековью» (сам Маслов признает несколькими строками выше, что я говорил о ней) «ненависть к помещикам». Этот подмен нужен ему для того, чтобы обойти молчанием мой аргумент о средневековом характере *надельной* собственности.

Неправда, что я называл свою программу большевистской. Неправда и то, что будто бы вопрос о национализации голосовался в Стокгольме. Не следует извращать факты, тов. Маслов!

«Никакая теория ренты не дает ни малейшего предпочтения программы национализации или муниципализации, так как, как бы то ни было, доход с конфискованных земель получает государство или самоуправление».

Здесь мы имеем уже аргумент по существу. И прекрасный аргумент, так как он лучше всего показывает, как чудовищно Маслов искажает марксизм. Только отрицая марксову *абсолютную ренту*, которую Маслов «опровергнул», можно свести вопрос исключительно к «доходу», забывая о понижении цены на хлеб и об обеспечении капиталу доступа к земледелию! Маслов подтвердил своим аргументом, что ему чужда и непонятна *экономическая* сущность вопроса. Не о доходе идет дело, многоуважаемый, а об отношениях продукции в земледелии, которые изменяются в смысле повышения при уничтожении *абсолютной* ренты. Отрицая абсолютную ренту в теории Маркса, Маслов лишил себя всякой возможности понять экономическое значение национализации. Почему могли и должны были требовать ее миллионы мелких собственников в русской буржуазной революции, — эта *экономическая* проблема не существует для Маслова. В этом и заключается его беда!

Что мои статьи 1905—1908 годов направлены против программы отрезков, это верно. Но «скакать и играть» по

этому поводу, как делает Маслов, значит пускать пыль в глаза читателю, а не выяснять спорные вопросы. Ведь Маслов не сохранил всей своей программы 1903 года! Зачем же он скрывает это от читателей и выдвигает только одну сторону прошлого? Зачем цитирует слова, которых я и теперь не буду отрицать, что национализация земли вредна «в полицейском государстве»? Спор это или брань?

Для польских читателей, не знающих подробностей дискуссии об аграрном вопросе среди русских социал-демократов, поясню, что в 1903 году, перед II съездом РСДРП, Маслов предлагал в печати не ту программу, которую он рекомендовал в 1906 г. Откапывание прежних споров я считал бы недопустимым, я и в своей предыдущей статье не касался их. Но теперь сам Маслов поднял старый спор. Пришло ему в голову, чтобы блеснуть остроумием, опровергать оставленную мною программу 1903 г., — а, может быть, он руководился и такой мыслью, чтобы спорами о старом отвлечь внимание от слабых пунктов своей новой точки зрения? Факт остается фактом: затрагивая прежние споры, Маслов умолчал перед польскими социал-демократами о том, что сам он изменил свою программу 1903 г. Упрекая противника в открытом и давно уже законченном изменении прежней программы, он скрывает, что сам он изменял свою программу. Он скрывает и то, что в 1903 г. Петр Маслов не только не отстаивал необходимости оставления, во что бы то ни стало, наделных земель в руках их собственников, но, наоборот, — просто включал в свою программу *обобществление, в случае возможности, и наделных земель.*

Не правда ли, прекрасно? Кому неприятны воспоминания о старом? Тому, кто открыто признал источник ошибок прежнего взгляда, или тому, кто скрывает изменение своих воззрений? Почему в 1903 г. П. Маслов считал возможным обобществление и наделных земель, а в 1906—1908 гг. мечет громы и молнии против допустимости таких взглядов?

Пусть сам читатель судит о подобных «полемических» приемах или, лучше сказать, о подобном заметании следов. Маслов усвоил себе рецепт старого тургеневского пройдохи: порицай, как можно громче, то, что сам хочешь скрыть в своих поступках! Другие изменили взгляды и

сами указали на это. Кричите громче против этого изменения, чтобы скрыть собственное изменение воззрений! Если нет аргументов, непременно нужно прибегать к шулерству.

Моя таблица распределения земельной собственности в Европейской России не нравится Маслову. Маслов негодует по поводу того, что я сопоставляю «калмыцкую» собственность с «интенсивным хозяйством» юго-западной России. Читатель, знакомый с литературой по аграрному вопросу, конечно, знает, что и *сам Маслов*, и другие авторы сопоставляют — хотя бы в отдельных районах — разоренного безлошадного крестьянина с 4 дес. земли где-нибудь в глухом захолустьи и богатого фермера, ведущего интенсивное огородное хозяйство на таком же количестве земли возле большого города. Не к месту, совсем не к месту хочет тов. Маслов хвастаться «детальным анализом»! Это именно *хвастовство*, а не научный довод, так как невозможно выяснить *результаты* борьбы иным образом, чем это делаю я, и сам Маслов понимает невозможность «детальных анализов» в «Пшеглонде».

Мой аргумент, что группа трудовиков, высказавшись за национализацию, доказала меньшевикам, что я прав, Маслов не просто разбирает, а старается косвенно ослабить его тем, что 1) национализация была «урезана», и 2) тем, что к автономистам в I Думе многие присоединились «именно потому, что их избиратели не хотели национализации земли».

Разве это не уклонение от вопроса? Что общего имеет с этим «урезыванием» национализация? и что общего имеют автономисты с тем, что Маслов в 1905 г., а все меньшевики в Стокгольме категорически говорили о русских крестьянах, что они вообще не согласятся на национализацию, ответят на нее Вандеей? Маслов обходит молчанием неприятный для него факт, что принятие группой трудовиков программы национализации *после* Стокгольмского съезда *опрозергло* аргументы меньшевиков. Не труден, но не имеет большой ценности такой «ответ», в котором систематически обходят сущность дела. Факт, что и I и II Думы часто ставили рабочих депутатов в глупое положение, ибо социал-демократы *более* «урезывали» национализацию, чем ее урезывали сами крестьяне. Социал-демократы очутились в положении филистерски-боязливых

интеллигентов, *советующих* крестьянину, чтобы он *осторожнее* обращался со старой, средневековой, надельной собственностью, сильнее ее упрочивал, медленнее приспособлял новую, свободную собственность на землю к капитализму! Не в том дело, товарищ Маслов, что трудовики урезали национализацию, а в том, что социал-демократы, марксисты, еще более урезывали ее, потому что муниципализация есть урезанная до извращения национализация. Не беда, что автономисты иногда отвергали* национализацию; беда, что русские социал-демократы не сумели понять характера борьбы русских крестьян. Не в том состоит демагогия Маслова, что он констатирует факт несогласия нескольких автономистов с национализацией, а в том, что он умалчивает о несогласии многих автономистов на муниципализацию и подстрекает их против национализации *мещански-сепаратистскими* аргументами!

Автономисты против национализации. Пусть читатель подумает, за кого говорит такой аргумент. Я же, с своей стороны, напомню, что еще в 1903 г., возражая на *тогдашнюю* программу Маслова, я называл муниципализацию урезанной национализацией. Напомню, что в 1906 г., споря с Масловым перед Стокгольмским съездом, я указывал на неправильность смещения вопроса о национальной автономии с вопросом о национализации земель**. Автономии обеспечивают самые основы нашей программы. Следовательно, они же обеспечивают и автономное распоряжение национализированными землями! Этой азбуки не может понять Маслов! Национализация означает уничтожение абсолютной ренты, передачу собственности на землю государству, воспрещение всякой переуступки земли, т. е. устранение всех и всяких посредников между хозяйничающим на земле и собственником земли — государством. В пределах этого воспрещения автономия стран и народов по отношению к распоряжению землей, установлению условий расселения, правил разверстки и т. д. и т. д. вполне допустима, ни в каком отношении не противоречит национализации и принадлежит к числу требований нашей политической программы. Из этого ясно вытекает,

* Все же нет, вовсе нет, не все! Маслов должен был бы задуматься над таким фактом, как защита национализации автономистом украинцем Чижевским.

** См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 159—161. *Ред.*

что только мелкие мещане, какими и являлись все «автономисты», могли прикрывать свою трусость, свое нежелание активной борьбы до конца за единую, централизованную аграрную революцию ссылкой на опасение лишиться автономии. Для социал-демократии вопрос ставится как раз наоборот: для пролетариата дело идет о доведении революции до конца как в области политической, так и в аграрной. Для этого доведения революции до конца необходима национализация земель, которую требуют трудовики, т. е. политически-сознательные русские крестьяне. Экономический критерий такого шага выдвигается на первый план для марксиста; этот экономический критерий гласит, что, согласно с учением Маркса, максимум развития производительных сил в земледелии обеспечивает буржуазная национализация земли. Таким образом решительный буржуазно-революционный шаг в аграрной области неразрывно связан с решительным буржуазно-демократическим переворотом в политической области, т. е. установлением республики, которая одна только обеспечивает *истинную автономию*. Таково действительное соотношение между автономией и аграрным переворотом, которого совершенно не понял Маслов!

Мою ссылку на «Теории прибавочной стоимости» Маркса Маслов называет «уверткой», так как Маркс не говорит, «что крестьяне сами хотят себя экспроприировать»: Помилуйте, товарищ Маслов! Неужели вы в самом деле не поняли ясных слов Маркса? Говорит ли Маркс, что для капитализма выгодно полное уничтожение средневековой собственности на землю, да или нет? Является ли отстаиваемая трудовиками национализация земель, которой требовали в 1905—1907 гг. русские крестьяне, уничтожением средневековой собственности, да или нет? Ведь, именно об этом шла речь, мой любезный оппонент, а смешное переименование буржуазно-крестьянской национализации земли в «экспроприацию» крестьян вовсе не опровергает правильности моей постановки вопроса... «Так же и в промышленности — продолжает Маслов — капитализм разоряет мелкую собственность, но разве из этого вытекает, что социал-демократы должны ваять на себя задачу экспроприации кустарей?..»

Но это просто перл! Борьбу крестьян со средневековыми перегородками в собственности на землю, борьбу за

национализацию земли, которая, как доказал Маркс, наиболее благоприятствует развитию капитализма, назвать «экспроприацией» крестьян, приравнивать к экспроприации кустаря капиталом. Побойтесь бога, товарищ Маслов! Подумайте же, во имя всего святого, почему мы *поддерживаем* крестьянина против помещика, а поддержку кустарей против фабрики считаем делом антисемитов.

Маслов не понимает того, что поддержка кустаря, т. е. мелкой собственности в промышленности, никогда не может быть делом социал-демократов, как деятельность безусловно и при всяких обстоятельствах реакционная. А поддержка мелкой собственности в земледелии *может* быть обязанностью марксистов и *должна* быть всегда, когда мелкое буржуазное хозяйство является экономически *прогрессивным* по сравнению с крупным феодальным хозяйством. Маркс никогда не поддерживал мелкой промышленности против крупной, но Маркс поддерживал в 40-х годах по отношению к Америке, в 1848-м году по отношению к Германии мелкое сельское хозяйство, крестьян против феодальных латифундий. В 1848 году Маркс предлагал раздробление немецких феодальных имений. Маркс поддерживал движение мелких хозяев против американских крупных рабовладельческих имений за свободу земли, за уничтожение частной собственности на землю в Америке⁹⁰.

Правильно ли было направление аграрной политики Маркса? Правильно, уважаемый товарищ Маслов, который «пересмотрел» теорию абсолютной ренты в духе буржуазной экономии, но не успел «пересмотреть» остальное у Маркса. Буржуазная революция в аграрной области лишь тогда сможет быть последовательной и в самом деле победоносной, когда она насильственно и радикально уничтожает всю феодальную собственность, когда она сметает всю прежнюю собственность на землю, а вместо нее создает почву для новой свободной буржуазной собственности на землю, приспособленной к капиталу, а не к помещику. Национализация земли вполне соответствует направлению такого переворота. Мало того, национализация земли есть единственная мера, благодаря которой этот переворот совершается с наибольшей последовательностью, которая вообще мыслима в капиталистическом обществе. Нет иного способа, который так же решительно

и наиболее безболезненно для крестьян освободил бы их от «гетто» надельной собственности. Нет иного способа, который не полицейским, не бюрократическим и не ростовщическим путем уничтожил бы старую прогнившую общину.

Если смотреть объективно, в русской буржуазной революции вопрос поставлен таким и только таким образом: будет ли Столыпин (т. е. помещики и самодержавие) приспособлять старую собственность на землю к капитализму, или же это будут делать сами крестьянские массы, свергнув власть помещиков и царя. В первом случае возможно только приспособление путем реформ, т. е. половинчатое, бесконечно долгое, означающее гораздо более медленный рост производительных сил, наименьшее развитие демократизма, обрекающее Россию на долговременное господство в ней юнкера. Во втором случае возможно только революционное приспособление, т. е. насильственно сметающее помещичьи имения и обеспечивающее наиболее быстрое развитие производительных сил. Мыслимо ли это революционное уничтожение помещичьей собственности при сохранении старой надельной собственности крестьян? Нет, это немыслимо, и крестьянские депутаты в обеих Думах доказали, что это невозможно. Они доказали это тем, что создали политический тип крестьянства всей России во время буржуазной революции: тип *трудо-вика*, требующего национализации земель.

Крича об эсеровском характере национализации, Маслов повторяет старый прием меньшевиков: заигрывая с кадетами, обвинять революционных социал-демократов в сближении с эсерами. Люди кокетничают с либерально-монархическими помещиками и купцами и возмущаются тем, что революционные социал-демократы в буржуазной революции хотят идти вместе с революционными буржуа-крестьянами. Но мало того. Гремя против эсеровского характера национализации, Маслов обнаруживает полное непонимание марксистского анализа народнических взглядов и мечтаний русского крестьянства. Маслов не понимает, что социал-демократы в России давно уже указывали на реакционность социалистических, или скорее quasi*-социалистических теорий или мечтаний о новом разделе

* — *мнимо. Ред.*

земель (черный передел) и т. п. и на *буржуазную прогрессивность* этого идеала в современной полукрепостнической России. За *мещанской фразой* о социализме эсеров Маслов не умеет обнаружить буржуазной действительности, а именно: революционной борьбы со всем старым средневековым хламом. Когда с.-р. говорит об уравнительности в пользовании землей, о социализации земель и т. п., то с.-р. говорит с точки зрения экономической чушь, с.-р. обнаруживает безграмотность в области экономической науки и теории развития капитализма. Но за этими фразами, за этими мечтаниями скрывается в высшей степени живое, реальное содержание, — только вовсе не социалистическое, а чисто буржуазное, а именно: расчистка почвы для капитализма, уничтожение всяких средневековых и сословных перегородок на земле, создание свободной арены для капитализма. Вот чего никак не может понять наш бедный Маслов — и это находится в непосредственной связи с фактом, что Маслов не может понять учения Маркса об абсолютной ренте, которая в противоположность дифференциальной может быть уничтожена в капиталистическом обществе и уничтожение которой толкает вперед его развитие.

Не умея бороться с эсерами, Маслов вульгаризирует марксизм, осуждая себя только на совершение «задней» крестьянина, прикованного к своему участку, и совершенно не умеет понять демократизма и революционной буржуазности крестьянина, желающего смести и помещику и надельную собственность на землю.

Не умея бороться с эсерами, Маслов отдает в их руки, в руки мещанских социалистов, критику частной собственности на землю. С точки зрения развития капитализма ее дал Маркс и должны давать марксисты. Отрезав себе этот путь отрицанием абсолютной ренты, Маслов капитулирует перед эсерами, признавая в теории, что они правы, тогда как прав Маркс! — капитулирует перед эсерами, которые критикуют частное землевладение помещански, не с точки зрения развития капитализма, а только с точки зрения задерживания его развития. Маслов не понял, что ошибка эсеров в аграрной программе начинается *после национализации*, т. е. тогда, когда они переходят к «социализации» и «уравнительности» и доходят до отрицания классовой борьбы среди мелкого крестьянства.

Эсеры не понимают *буржуазного* характера национализации — вот в чем заключается их главный грех. И пусть скажет мне каждый марксист, который изучал «Капитал», можно ли понять буржуазность национализации, отрицая абсолютную ренту?

Далее Маслов говорит, что я превращаю в средневековую всю мелкую крестьянскую собственность в целой Европе. Совершенно неправильно. В Европе нет «надельной» собственности на землю и сословных перегородок, а существует уже свободная, капиталистическая, а не феодальная собственность на землю. В Европе нет крестьянского движения против помещиков, поддерживаемого социал-демократами. Об этом забыл П. Маслов!

Перейдем к политическим аргументам. Мой аргумент, что муниципализация у меньшевиков связана с идеей компромисса с монархией, Маслов называет «инсинуацией» и «сознательной ложью», — но как же гласит моя дословная цитата из речи меньшевика Новоседского, товарищ Маслов? С чьей стороны здесь ложь? Не в том ли дело, что вы хотите страшными словами изгладить неприятное для вас признание Новоседского?

Отдача земли муниципалитетам усиливает их шансы в борьбе с реставрацией, утверждает Маслов. А я позволю себе думать, что только усиление центральной республиканской власти может серьезно затруднить дело реакции, между тем как раздробление сил и средств между отдельными областями облегчает ей дело. Мы должны стараться соединить революционные классы и прежде всего пролетариат разных частей государства в одну армию, а не думать о безнадежной, экономически невозможной и бессмысленной федералистической попытке присвоения доходов с конфискованных земель в пользу отдельных областей. «Выбирайте, товарищи поляки, — говорит Маслов, — должен ли польский сейм получать доходы с конфискованных земель, или же отдавать эти доходы москалям в Питер?»

Великолепный аргумент! И в нем нет ни капли демаггии! И нет смешения аграрного вопроса с вопросом об автономии Польши!

А я скажу: свобода Польши невозможна без свободы России. А этой свободы не будет, если польские и русские рабочие не выполнят задачи поддержки русских крестьян

в их борьбе за национализацию земель и в доведении этой борьбы до полной победы как в области политических, так и в области аграрных отношений. Оценивать муниципализацию и национализацию следует с точки зрения экономического развития центра России и политических судеб всего государства, а не с точки зрения отдельных особенностей той или иной автономной национальной территории. Без победы пролетариата и революционного крестьянства в России смешно говорить о подлинной автономии Польши, о правах муниципалитетов и т. п. Это пустые фразы. А крестьянство в России именно постольку, поскольку оно революционно, поскольку оно не допускает компромиссов с буржуазией и октябристами, а борется вместе с рабочими и демократией, уже неопровержимо доказало свою симпатию к национализации земель. Если крестьянство перестанет быть революционным, т. е. отречется от этой симпатии, отвернется от буржуазно-демократической революции, — тогда крестьянам понравится забота Маслова о сохранении старой собственности на землю, — но тогда муниципализация Маслова уже будет совершенно смешна. А пока идет революционно-демократическая борьба крестьянства, пока имеет смысл «аграрная программа» марксистов в буржуазной революции, до тех пор наша обязанность поддерживать революционные требования крестьянства, в том числе и национализацию земель. Маслов не вычеркнет этого требования русских крестьян из истории русской революции — и можно ручаться, что подъем общественного движения, подъем борьбы крестьян за землю, когда он снова наступит, ясно обнаружит всю реакционность «муниципализации».

Напечатано в октябре — ноябре
1908 г. в журнале «Przebieg
Socjaldemokratyczny» № 8—9
Подпись: В. И. Ленин

Печатается по тексту журнала
Перевод с польского

ОБ ОЦЕНКЕ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА

В порядке дня предстоящей Всероссийской конференции РСДРП поставлен вопрос: «Современное положение и задачи партии». Организации нашей партии уже начали — Москва и Петербург стоят в этом отношении впереди всех остальных центров — систематически обсуждать этот вопрос, несомненно имеющий чрезвычайно важное значение.

Переживаемый нами период затишья освободительного движения, разгула реакции, измен и уныния в лагере демократии, кризиса и частичного развала с.-д. организаций выдвигает особенно остро необходимость учесть прежде всего основные уроки первой кампании нашей революции. Мы говорим не о тактических уроках в тесном смысле слова, а сначала об общих уроках революции, и сообразно этому наш первый вопрос будет таков: каковы те объективные перемены, которые произошли в классовой группировке и в политическом соотношении сил России с 1904 по 1908 год? Основные перемены можно свести, на наш взгляд, к следующим пяти: 1) Аграрная политика самодержавия в крестьянском вопросе принципиально сильно передвинулась; поддержка и укрепление старой общины сменилась политикой ускоренного полицейского разрушения и ограбления ее. 2) Представительство черносотенного дворянства и крупной буржуазии сделало громадный шаг вперед: вместо прежних местных выборных комитетов дворян и купцов, вместо разрозненных и случайных попыток всероссийского их представительства имеется единый представительный орган — Государственная дума, в которой указанным классам обеспечено полнейшее

преобладание. Представительство либеральных профессий — не говоря уже о крестьянстве и пролетариате — сведено на роль придатка и привеска в этом якобы-«конституционном» учреждении, долженствующем укрепить самодержавие. 3) Классы в открытой политической борьбе впервые размежевались и определились в России за это время: политические партии, открыто и тайно (вернее: наполовину тайно, ибо совершенно «тайных» партий после революции нет в России) существующие теперь, выражают с невиданной прежде точностью интересы и точки зрения классов, которые за три года созрели во сто раз больше, чем за предыдущие полвека. Черносотенное дворянство, национал-«либеральная» буржуазия, мелкобуржуазная демократия (трудовики с их левым небольшим крылом эсеров) и пролетарская социал-демократия за это время все закончили «утробный» период своего развития и на много-много лет вперед определили — не словами, а фактами и действиями масс — свою натуру. 4) То, что до революции называлось либеральным и либерально-народническим «обществом» или «просвещенной» частью и представительницей «нации» вообще, широкая масса зажиточной, дворянской, интеллигентской «оппозиции», которая казалась чем-то целым, однородным, пропитывающим все, университеты, всю «порядочную» печать и т. д. и т. д., — все это проявило себя в революции, как идеологи и сторонники буржуазии, все это заняло очевидную теперь для всех *контрреволюционную* позицию по отношению к *массовой* борьбе социалистического пролетариата и демократического крестьянства. Контрреволюционная либеральная буржуазия родилась и растет. Этот факт не перестает быть фактом от того, что его отрицает «прогрессивная» легальная печать, или от того, что его замалчивают и не понимают наши оппортунисты, меньшевики. 5) Миллионы населения приобрели практический *опыт* в самых разнообразных формах действительно массовой и непосредственно-революционной борьбы, вплоть до «всеобщей стачки», изгнания помещиков, сожжения их усадеб, открытого вооруженного восстания. Тот, кто был уже революционером или сознательным рабочим до революции, не сразу может представить себе во всем его громадном значении этот факт, который внес самую коренную перемену в целый ряд прежних представлений о ходе

развития политического кризиса, о темпе этого развития, о диалектике практически творимой массами истории. Учет этого опыта *массами* — невидный, тяжелый и медленный процесс, играющий гораздо более важную роль, чем многие явления на поверхности политической жизни государства, соблазняющие младенцев не только младенческого в политике, но иногда и очень «изрядного» возраста. Руководящая роль пролетарских масс во всей революции и на всех поприщах борьбы, начиная от демонстраций, продолжая восстанием и кончая (в хронологическом порядке) «парламентской» деятельностью, выступила наружу воочию перед всеми за этот период, взятый в его целом.

Таковы объективные перемены, вырывшие пропасть между дооктябрьской и современной Россией. Таковы *итоги* трех лет богатейшего по своему содержанию периода нашей истории, — разумеется, итоги, так сказать, суммарные, поскольку можно в нескольких словах наметить самое главное и наиболее существенное. Посмотрим же теперь на те выводы в области тактики, к которым обязывают эти итоги.

Перемена аграрной политики самодержавия имеет чрезвычайно большое значение для «крестьянской» страны, как Россия. Эта перемена не случайность, не колебание курса министерств, не измышление бюрократии. Нет, это глубочайший «сдвиг» в сторону *аграрного бонапартизма*, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т. е. = буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений. Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — ваигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — браться с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке. Бонапартизм есть объективно-неизбежная, прослеженная Марксом и Энгельсом на целом ряде фактов новейшей истории Европы, эволюция монархии во всякой буржуазной стране. И аграрный бонапартизм Столыпина, вполне сознательно и непоколебимо твердо поддерживаемого в этом пункте и черносотенными помещиками и октябристской буржуазией, — не мог бы даже родиться, а не то что

продержаться вот уже два года, если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не складывалось постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать, которым оно могло сказать: «обогащайтесь!», «грабь общину, но поддержи меня!». Поэтому безусловной ошибкой была бы всякая оценка столыпинской аграрной политики, не учитывающая, с одной стороны, ее бонапартистских приемов, с другой стороны, ее буржуазной (= либеральной) сущности.

Например, наши либералы выражают свое смутное сознание того, что столыпинская аграрная политика есть бонапартизм, нападками на полицейский характер ее, идиотское чиновничье вмешательство в крестьянскую жизнь и т. д. и т. п. Но когда к.-д. плачутся по поводу насильственной ломки «исконных» устоев нашего деревенского быта, они становятся *реакционными* нытиками. Без насильственной, без революционной ломки устоев старой русской деревни не может быть развития России. Борьба идет, — хотя этого не сознают очень и очень многие из ее участников, — *только* из-за того, будет ли это насилие насилем помещичьей монархии над крестьянами или крестьянской республики над помещиками. В обоих случаях *неизбежна* буржуазная, а не иная какая-либо, аграрная революция в России, но в первом случае медленная и мучительная, во втором быстрая, широкая и свободная. Борьба рабочей партии за этот второй путь выражена и признана в нашей аграрной программе — не в той ее части, где выдвигается несуразная «муниципализация», а в той, где говорится о *конфискации всех помещичьих* земель. После опыта трех лет только разве среди меньшевиков могут еще найтись люди, не видящие связи борьбы за эту конфискацию с борьбой за республику. Столыпинская аграрная политика, если бы она продержалась очень и очень долгие времена, если бы она пересоздала окончательно на чисто буржуазный лад все деревенские поземельные отношения, могла бы заставить нас отказаться от всякой аграрной программы в буржуазном обществе (до сих пор *даже* меньшевики и даже Череванины среди меньшевиков не дошли до отречения от нашей аграрной программы). Но столыпинская политика никоим образом не может побудить нас теперь изменить

нашу тактику. Раз в программе стоит «конфискация всех помещичьих земель», то только младенцы могут не замечать вытекающей отсюда революционной (в непосредственном и узком смысле слова) тактики. И неправильно было бы ставить вопрос так: если столыпинская политика терпит «крах», то значит близок подъем, и обратно. Крах бонапартистских приемов не есть еще крах политики кулацкого разорения общины. И, наоборот, «успех» Столыпина в деревне теперь и в ближайшие годы *по сути дела* будет больше разжигать борьбу внутри крестьянства, чем тушить ее, ибо иначе как долгим и очень долгим путем нельзя достигнуть «цели», т. е. окончательного и полного упрочения *чисто* буржуазного крестьянского хозяйства. «Успех» Столыпина в ближайшие годы мог бы привести в лучшем случае к выделению слоя сознательно контрреволюционных, октябристских крестьян, но именно такое превращение зажиточного меньшинства в политически сознательную объединенную силу неминуемо означало бы гигантский толчок к развитию политического сознания и объединения против такого меньшинства демократической массы. Лучшего мы, социал-демократы, не могли бы и желать, как превращения стихийной, разрозненной, слепой борьбы «мироедов» и «общества» в сознательную и открытую борьбу октябристов и трудовиков.

Перейдем к вопросу о Думе. Несомненно, что это черносотенно-«конституционное» учреждение представляет из себя точно так же развитие абсолютной монархии по пути бонапартизма. Все те черты бонапартизма, которые мы отметили выше, совершенно наглядно обнаруживаются и на современном избирательном законе, и на подделанном большинстве черносотенцев плюс октябристов, и на игре в подражание Европе, и на погоне за займами, расход которых якобы контролируется «представителями народа», и на полном игнорировании самодержавием в его деловой политике всех прений и решений Думы. Противоречие между фактически всецело господствующим черносотенным самодержавием и показной внешностью буржуазной «конституции» выступает все яснее наружу, неся с собой элементы нового революционного кризиса. Самодержавие хотело прикрыть, приодеть, принарядить посредством Думы; на деле черносотенно-октябристская Дума с каждым днем своего существования все более раскрывает,

разоблачает, обнажает истинный характер нашей государственной власти, ее настоящие классовые опоры и ее бонапартизм. Нельзя не вспомнить по этому поводу замечательно глубокого указания Энгельса (в письме к Бернштейну от 27 августа 1883 года⁹¹) на значение *перехода* от монархии абсолютной к монархии конституционной. В то время как либералы вообще и русские к.-д. в особенности видят в таком переходе проявление пресловутого «мирного» прогресса и гарантию такового, Энгельс указал на историческую роль конституционной монархии, как формы государства, облегчающей *решительную* борьбу феодалов и буржуазии. «Точно так же, — писал Энгельс, — как борьба феодализма с буржуазией не могла быть доведена до решительного конца в старой абсолютной монархии, а только в конституционной монархии (Англия, Франция 1789—1792 и 1815—1830 годов), так и борьба буржуазии с пролетариатом может быть доведена до решительного конца только в республике». Энгельс называет здесь конституционной монархией, между прочим, и Францию 1816-го года, когда знаменитая *Chambre introuvable*, черносотенная, контрреволюционная палата неистовствовала и бешенствовала в поддержке белого террора против революции, наверное, не меньше нашей третьей Думы. Что это значит? Признает ли Энгельс действительно конституционными учреждениями реакционные собрания представителей помещиков и капиталистов, поддерживающие абсолютизм в борьбе с революцией? Нет. Это значит, что бывают исторические условия, когда учреждения, фальсифицирующие конституцию, разжигают борьбу за действительную конституцию и служат этапом в развитии новых *революционных* кризисов. В первую кампанию нашей революции большинство населения верило еще в возможность примирения действительной конституции с самодержавием; кадеты всю свою политику строили на систематической поддержке в народе этой веры, трудовики по меньшей мере наполовину шли в этом пункте за кадетами. Теперь самодержавие своей третьей Думой показывает народу на опыте, с какой «конституцией» может оно «примириться», приближая этим более широкую и более решительную борьбу *против самодержавия*.

Отсюда вытекает, между прочим, что замена нашего старого лозунга «долой самодержавие» — лозунгом «долой

третью Думу» — была бы совершенно неправильна. При каких условиях мог бы получить значение подобный лозунг, как «долой Думу»? Допустим, перед нами либеральная, реформаторская, соглашательская Дума в эпоху самого острого революционного кризиса, который уже назрел до прямой гражданской войны. Вполне возможно, что лозунгом могло бы стать в такой момент «долой Думу», т. е. долой мирные переговоры с царем, долой обманчивое учреждение «мира», призовем к непосредственному натиску. Допустим, наоборот, что перед нами архиреакционная Дума, выбранная на основе пережившего себя избирательного права, и отсутствие остро-революционного кризиса в стране; лозунг «долой Думу» мог бы стать тогда лозунгом борьбы за избирательную реформу. Ничего подобного ни тому, ни другому случаю мы не видим у нас. III Дума — не соглашательская, а прямо контрреволюционная, не прикрывающая самодержавие, а разоблачающая его, не играющая самостоятельной роли ни в каком отношении: никто и нигде не ждет от нее прогрессивных реформ; никто не думает, что источник действительной власти и силы царизма лежит в этом собрании зубров. Все согласны, что царизм не опирается на него, а пользуется им, — что царизм может вести всю свою теперешнюю политику и при отсрочке созыва такой Думы (подобно «отсрочке» созыва парламента Турцией в 1878 г.⁹²) и при замене ее «Земским собором» или чем-нибудь подобным и т. д. Лозунг «долой Думу» означал бы сосредоточение главной борьбы как раз на учреждении не самостоятельном, не решающем, не играющем самой главной роли. Такой лозунг неверен. Мы должны сохранить старый лозунг «долой самодержавие» и «да здравствует Учредительное собрание», ибо именно самодержавие продолжает оставаться действительной властью, действительной опорой и оплотом реакции. Падение самодержавия неизбежно означает устранение (и притом революционное) III Думы, как одного из учреждений царизма; падение III Думы, ваятое само по себе, означало бы либо новую авантюру того же самодержавия, либо попытку реформы, обманчивой и видимой только реформы, предпринимаемой тем же самодержавием*.

* В следующем № мы рассмотрим другую сторону вопроса о «думской» тактике и разберем «письмо» товарища отзовиста в № 5 «Рабочего Знамени». (См. настоящий том, стр. 261—276. *Ред.*)

Пойдем дальше. Мы видели, что классовая природа политических партий определилась за три года первой революционной кампании с замечательной силой и выпуклостью. Отсюда следует, что во всех рассуждениях о современном соотношении политических сил, о направлении в изменении этого соотношения и т. д. необходимо считаться с этими конкретными данными исторического опыта, а не с абстрактными «общими рассуждениями». Вся история европейских государств свидетельствует, что именно в периоды непосредственной революционной борьбы закладываются такие глубокие и прочные устойчивые классовые группировки и деления на крупные политические партии, которые держатся потом в течение даже самых долгих периодов застоя. Отдельные партии могут прятаться в подполье, не давать о себе знать, исчезать с политической авансцены, но при малейшем оживлении основные политические силы неизбежно вновь проявят себя, может быть, в измененной форме, но непременно с тем же самым характером и направлением деятельности, пока не решены объективные задачи потерпевшей то или иное поражение революции. Поэтому было бы, напр., величайшей близорукостью полагать, что так как трудовических организаций нет на местах, а трудовая группа в III Думе отличается особенной растерянностью и беспомощностью, то поэтому массы демократического крестьянства уже рассыпались совсем и не играют существенной роли в процессе нарастания нового революционного кризиса. Такой взгляд достоин только меньшевиков, все более и более скатывающихся к самому низменному «парламентскому кретинизму» (возьмите хоть их поистине позорные, ренегатские выходки против нелегальной партийной организации). Марксисты должны знать, что условия представительства не только в нашей черносотенной Думе, но даже в самом идеальном буржуазном парламенте всегда будут создавать искусственное несоответствие между действительной силой различных классов и ее отражением в представительном учреждении. Напр., либерально-буржуазная интеллигенция всегда и везде кажется в парламентах во сто раз сильнее, чем она есть в действительности (и в нашей революции оппортунисты с.-д. принимали кадетов за то, чем они кажутся), и, наоборот, очень широкие демократические слои мелкой буржуазии (городской —

в эпоху буржуазных революций 1848 г., деревенской — у нас) проявляют себя нередко как чрезвычайно важный фактор в открытой борьбе масс, будучи совершенно ничтожны с точки зрения их представительства в парламентах.

Наше крестьянство вступило в революцию неизмеримо менее сознательным, чем либеральный буржуа, с одной стороны, и социалистический пролетариат, с другой. Поэтому оно всего более вынесло из революции тяжелых, но полезных разочарований, всего больше горьких, но спасительных уроков. Совершенно естественно, что оно переваривает эти уроки особенно трудно и особенно медленно. Совершенно естественно, что при этом будут терять терпение многие «радикалы» из интеллигенции, махая на все рукой, и некоторые мещане из соц.-дем., у которых появляется презрительная гримаса на лице при упоминании какой-то там крестьянской демократии, но зато текут слюнки при одном взгляде на «просвещенных» либералов. Но сознательный пролетариат не вычеркнет из своей памяти так легко того, что он видел и в чем он участвовал осенью и зимой 1905 г. И, учитывая соотношение сил в нашей революции, мы должны знать, что обязательным признаком действительно широкого общественного подъема, действительно приближающегося революционного кризиса неизбежно будет в теперешней России движение в крестьянстве.

Либеральная буржуазия вступила у нас на контрреволюционный путь. Отрицать это могут только храбрые Череванины и трусливо отрекающиеся от своего единомышленника и соратника редакторы «Голоса С.-Д.». Но если бы из этой контрреволюционности буржуазных либералов кто-нибудь сделал вывод, что их оппозиция и недовольство, их конфликты с черносотенными помещиками или вообще соревнование и борьба различных фракций буржуазии между собой не может иметь никакого значения в процессе нарастания нового подъема, то это было бы громадной ошибкой и настоящим меньшевизмом наизнанку. Опыт русской революции, как и опыт других стран, неопровержимо свидетельствует, что когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут

иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д. Напомним, что земская кампания и петиции либералов 1904 года были предтечей такой своеобразной и чисто-пролетарской «петиции», как 9-ое января. Не против того спорили большевики по поводу земской кампании, что ее нужно использовать для пролетарских демонстраций, а против того, что эти демонстрации хотели (наши меньшевики) ограничить залами земских собраний, против того, что демонстрации перед земцами объявлялись высшим видом демонстраций, против того, что планы демонстраций составлялись под углом стремления не запугать либералов. Другой пример: студенческие движения. В стране, переживающей эпоху буржуазно-демократической революции, при условиях прогрессирующего накопления горючего материала, эти движения могут легко оказаться началом событий, идущих неизмеримо дальше, чем мелкий и частный конфликт из-за ведения дел в одной отрасли государственного управления. Разумеется, социал-демократия, ведя самостоятельную классовую политику пролетариата, никогда не будет приспособляться ни к студенческой борьбе, ни к новым земским съездам, ни к постановке вопроса поссорившимися фракциями буржуазии, никогда не будет придавать этой семейной ссоре самодовлеющего значения и т. п. Но именно партия социал-демократов есть партия руководящего во всей освободительной борьбе класса, она безусловно обязана использовать все и всяческие конфликты, разжигать их, расширять их значение, связывать с ними свою агитацию за революционные лозунги, нести весть об этих конфликтах в широкие массы, побуждать их к самостоятельным и открытым выступлениям с своими собственными требованиями и т. д. Во Франции после 1793 г. родилась и стала неуклонно расти контрреволюционная либеральная буржуазия, но, тем не менее, конфликты и борьба разных фракций ее в течение ста лет после того продолжали то в одной, то в другой форме служить поводами новых революций, в которых пролетариат неизменно играл роль главной движущей силы и которые он *довел* до завоевания республики.

Рассмотрим теперь вопрос об условиях наступательной борьбы этого руководящего и передового в нашей буржуазно-демократической революции класса, пролетариата.

Московские товарищи, обсуждая этот вопрос, совершенно правильно подчеркнули при этом коренное значение промышленного кризиса. Они собрали чрезвычайно интересный материал относительно этого кризиса, учли значение борьбы Москвы с Лодзью, внесли ряд поправок в некоторые господствовавшие до сих пор представления. Остается только пожелать, чтобы материал этот не завял в комиссиях МК или МОК, а был обработан и вынесен в печать для обсуждения его всей партией. Мы, с своей стороны, ограничимся несколькими замечаниями о постановке вопроса. Спорным является, между прочим, направление, в котором действует кризис (по общему признанию, в нашей промышленности после очень краткого и небольшого оживления опять царит тяжелая депрессия, граничащая с кризисом). Одни говорят: попрежнему невозможна экономически-наступательная борьба рабочих, следовательно, невозможен близкий революционный подъем. Другие говорят: невозможность экономической борьбы толкает к политической, и потому неизбежен близкий революционный подъем.

Мы думаем, что в основе рассуждения тех и других есть одна неправильность, состоящая в упрощении сложного вопроса. Несомненно, что детальное изучение промышленного кризиса имеет самое важное значение. Но несомненно также, что никакие данные о кризисе, даже идеально-точные, не могут по сути дела решить вопрос за или против близкого революционного подъема, ибо подъем этот зависит еще от тысячи факторов, учесть которые наперед невозможно. Без общей почвы аграрного кризиса страны и депрессии в промышленности невозможны глубокие политические кризисы, это бесспорно. Но, раз общая почва есть налицо, то отсюда еще нельзя сделать вывода, будет ли депрессия некоторое время задерживать массовую борьбу рабочих вообще или на известной стадии событий та же депрессия толкнет на политическую борьбу новые массы и свежие силы. Для решения такого вопроса может быть только один путь: внимательно следить за биением пульса всей политической жизни в стране и в особенности за состоянием движения и настроения широких пролетарских масс. В последнее время, напр., ряд сообщений партийных работников из различных концов России, из промышленных и земледельческих местностей, свидетельствует

о несомненном оживлении настроения, о притоке новых сил, об усилении интереса к агитации и т. д. Сопоставляя с этим начало массовых студенческих волнений, с одной стороны, попытку воскресить земские съезды, с другой, мы можем констатировать известный поворот, нечто разрушающее полный застой последних полутора лет. Насколько силен этот поворот, служит ли он преддверием новой эпохи открытой борьбы и т. д., — это покажут факты. Все, что мы можем сделать сейчас, все, что мы должны сделать во всяком случае, это напрячь силы для укрепления нелегальной партийной организации и удешевления агитации в массах пролетариата. Только агитация в состоянии показать в широком масштабе действительное настроение масс, только агитация создает тесное взаимодействие между партией и всем рабочим классом, только использование в целях политической агитации и каждой стачки, и каждого крупного события или вопроса рабочей жизни, всех конфликтов внутри правящих классов или той или иной фракции этих классов с самодержавием, и каждого выступления с.-д. в Думе, и каждого нового проявления контрреволюционной политики правительства и т. д., — только эта работа сомкнет снова ряды революционного пролетариата, даст безошибочный материал для суждения о быстроте назревания условий для новых и более решительных битв.

Резюмируем. Обзор итогов революции и условий переживаемого момента показывает ясно, что объективные задачи революции не решены. Сдвиг в сторону бонапартизма и аграрной политики самодержавия и его общей политики как в Думе, так и при помощи Думы, только обостряет и расширяет противоречие между черносотенным самодержавием и господством «дикого помещика», с одной стороны, и потребностями экономического и общественного развития всей страны, с другой. Полицейски-кулацкий поход на деревенскую массу обостряет борьбу внутри нее и делает эту борьбу политически сознательной, приближает, так сказать, борьбу с самодержавием к обыденным и насущным вопросам каждой деревни. Отстаивание революционно-демократических требований в аграрном вопросе (конфискация всех помещичьих земель) особенно необходимо в такой момент со стороны социал-демократии. Черносотенная октябристская Дума, показывая наглядно

и на опыте, с какой «конституцией» может «примириться» самодержавие, и не решая ни единого вопроса даже в самых узких пределах обеспечения нужд экономического развития страны, превращает борьбу «за конституцию» в революционную борьбу *против самодержавия*; частные конфликты отдельных фракций буржуазии между собой и с правительством при данных условиях ведут именно к приближению такой борьбы. Обнищание деревни, депрессия в промышленности, общее сознание безвыходности данного политического положения и безнадежности пресловутого «мирно-конституционного» пути порождают новые и новые элементы революционного кризиса. Наша задача теперь не в том, чтобы искусственно сочинять какие-то новые лозунги (вроде лозунга: «долой Думу!» вместо: «долой самодержавие!»), а в укреплении нелегальной партийной организации (вопреки реакционному вою меньшевиков, хоронящих ее) и в развитии широкой революционно-социал-демократической агитации, которая сплотит партию с массами пролетариата и мобилизует эти массы.

«Пролетарий» № 38,
1 (14) ноября 1908 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

КАК ПЛЕХАНОВ И К^о ЗАЩИЩАЮТ РЕВИЗИОНИЗМ

Примечание редакции «Голоса Соц.-Дем.», т. е. Плеханова и К^о, к разобранному нами в № 37 «Пролетария» письму г. Маслова* выпшло в свет отдельным листком, как «Прибавление» к № 8—9 «Голоса С.-Д.».

Это «Примечание», размером около полустолбца «Пролетария», заслуживает внимания русских с.-д., ибо оно показывает, как из мелких фракционных интересов Плеханов и К^о дошли до *защиты* теоретического ревизионизма при помощи самых недостойных софизмов. Вот факты.

«Мы — самые решительные и совершенно непримиримые противники того *пересмотра* (ревизии) марксизма, который совершается под реакционным влиянием идеологов западноевропейской буржуазии и стремится подорвать основы философского, социологического и экономического учения Маркса и Энгельса». Так гласит первая фраза примечания. «Самые решительные и совершенно непримиримые противники» — не правда ли, трудно выразиться резче? трудно подыскать более велеречивую формулировку *обещаний* Плеханова и К^о.

Но... в том-то и гвоздь, что *по отношению к Маслову* (а Плеханов и К^о пишут примечание именно к статье Маслова, именно по вопросу о ревизионизме Маслова) является у наших «непримиримых» врагов ревизионизма замечательное «но».

«Но мы никогда не были сектантами марксизма, — заявляют Плеханов и К^о, — и мы хорошо понимаем, что

* См. настоящий том, стр. 224—231. *Ред.*

можно разойтись с Марксом и Энгельсом по тому или другому вопросу, не только не изменяя их точке зрения и не отвергая их метода, но оставаясь вполне верным и той, и другому». Следует пример: Кунов, с.-д., в вопросе «о происхождении матриархата», «отчасти разошелся с Энгельсом»; но «только больному человеку придет в голову объявить его на этом основании ревизионистом».

«Сказанным определяется и наше отношение к взглядам тов. Маслова на учение Маркса о ренте. Мы не разделяем этого взгляда (прим. «Голоса С.-Д.»: «т. Мартынов в № 1 «Голоса» оговорил специально свое несогласие с поправкой тов. Маслова к учению об абсолютной ренте»), но мы не видим в нем ревизионизма»...

Перед читателем теперь налицо ход рассуждения Плеханова и К^о. Мы — «совершенно непримиримые противники ревизионизма», но — «мы не видим в нем (во взгляде Маслова на теорию абсолютной ренты) ревизионизма». Ревизионизм подрывает основы учения Маркса, Маслов же расходится с Марксом по частному вопросу, такова защита Плеханова и К^о, поясняемая окончательно примером Г. Кунова.

Мы спрашиваем читателя, хоть сколько-нибудь думающего и сколько-нибудь беспристрастного: неужели это не софизм? Теория абсолютной ренты Маркса объявляется «частным вопросом»! С расхождением относительно теории ренты сопоставляется тот факт, что Кунов «отчасти разошелся» с Энгельсом относительно происхождения матриархата! Плеханов и К^о, очевидно, считают своих меньшевиков, которых они кормят такими объяснениями, за малых ребят. Только при полнейшем неуважении к себе самому и к своей публике можно позволять себе по важнейшим принципиальным вопросам такие приемы клоуна. Ведь сам же Плеханов (и К^о) начинает свое объяснение торжественной фразой, в которой ревизионизм назван подрывом основ учения Маркса и Энгельса. Что же? Отказываются ли от этого положения Плеханов и К^о по отношению к Маслову? Да или нет? Или Плеханов и К^о стал писать свое примечание, чтобы скрыть свои мысли?

Маслов заявил в ряде статей и в ряде изданий своего «Аграрного вопроса», что 1) теория абсолютной ренты Маркса неверна; 2) что объяснимо появление такой теории «черновым» характером III тома; 3) что «убывающее

плодородие почвы» есть *факт*; 4) что, если бы была верна теория абсолютной ренты и был неверен «закон убывающего плодородия», то могли бы оказаться правы народники в России и ревизионисты во всем мире.

Именно эти четыре пункта были указаны против Маслова в той статье «Пролетария», с которой началась полемика по данному вопросу. Посмотрите же, как поступили Плеханов и К^о: во-первых, они скромненько ограничились вопросом о ренте, то есть вовсе умолчали об остальных вопросах. Это не защита ревизионизма? Не вздумает ли отрицать Плеханов и К^о, что пересмотр Марксова учения о нелепости и закона и «факта» убывающего плодородия «совершается под реакционным влиянием идеологов западноевропейской буржуазии»? Во-вторых, учение об абсолютной ренте приравнивается к частному вопросу, к расхождению («отчасти») насчет происхождения матриархата!

Это акробатство, господа! И этим акробатством вы прикрываете свою публичную защиту ревизионизма. Ибо прямо сказать, что признание абсолютной ренты и отрицание закона (или «факта») убывающего плодородия *не* есть «основа» экономического учения Маркса в области аграрного вопроса, *вы не решаетесь*. Вы защищаете «своего человечка», подделывая Маркса под Маслова, объявляя для Маслова «частным расхождением» именно *основу учения* Маркса. Вы подтверждаете этим сказанное в № 33 «Пролетария»* о меньшевистских теоретиках-Фамусовых, которые домочадцев своих награждают тем, что экономическую *теорию* Маркса соглашаются отнести в «частности», сопоставить с вопросом о происхождении матриархата.

Плеханов и К^о — «непримиримые враги ревизионизма», — но если вы меньшевик, то не бойтесь этих страшных слов! Идите к «редакции «Голоса» и знайте, что для меньшевиков непримиримость очень примирима, до того примирима, что «подрыв теории» она согласится сравнить с «расхождением о происхождении матриархата». Индульгенция продается недорого, распродажа объявлена, пожалуйте, почтеннейшая публика!

Но пойдем дальше. Мы не разделяем взгляда Маслова о ренте, — заявляют Плеханов и К^о. Мартынов оговаривал уже это, — пишут они. «То лицо», которое редакция

* См. настоящий том, стр. 166—167. Ред.

«Пролетария» назвала «ангелом-хранителем Маслова» (т. е. Плеханов), «не раз (слушайте!) печатно спорило (курсив «Голоса») с тов. Масловым по предметам, имеющим тесное отношение к нашей аграрной программе».

Так, буквально так напечатано в «примечании» Плеханова и К^о!

Учитесь писать опровержения у своей редакции, товарищи меньшевики. Вам дадут классический в своем роде образчик. Речь идет о ревизионизме, спор загорелся из-за того, теоретическая ли непримиримость или *только* мелкая фракционная злоба заставили Плеханова назвать ряд его оппонентов господами в органе партии, а в «опровержении» говорится: Плеханов «не раз печатно спорил» с Масловым *не о ренте и не* об отступлениях Маслова от теории Маркса.

Можно ли подыскать парламентское выражение для характеристики таких приемов? *Ни разу* Плеханов, любящий теоретические споры и умеющий кое-когда превращать эти споры в кампании, ни разу он *не спорил* с Масловым о том, что составляет его ревизионизм, т. е. об отрицании абсолютной ренты, о признании этой «теории черновым наброском», о защите «факта» убывающего плодородия, о том, могли ли бы народники и ревизионисты оказаться правы, если бы Маслов не опроверг Маркса. Ни разу не спорил *об этом* Плеханов, а спорил совсем о другом, спорил именно о частностях, которые спрятаны теперь Тартюфами меньшевизма под изысканно-темное, нарочито сбивающее читателя с толку, дипломатически запутанное выражение: «предметы, имеющие тесное отношение к нашей аграрной программе»!!

Великолепно, не правда ли? Как не поздравить Плеханова и К^о с таким началом защиты ревизионизма. Как не вспомнить тут политиканов вроде Клемансо. Клемансо — «непримиримый» враг реакции, он «не раз спорил» с ней, но теперь реакция делает, а Клемансо оговаривается и... прислужничает. Плеханов — «непримиримый» враг ревизионизма. Плеханов «не раз спорил» с Масловым (о чем угодно, *кроме* масловского ревизионизма). И теперь Маслов пишет против Маркса, Маслов повторит свои доводы против теории Маркса на страницах «Голоса», а Плеханов и К^о только *оговариваются!*

Покупайте же индульгенцию, господа литераторы, записывайтесь в меньшевики. Вам дадут завтра опровергать и теорию стоимости Маркса на страницах «Голоса», — с оговоркой в примечании, что редакция «не согласна»...

«Не попытается ли «Пролетарий», — спрашивают нас в том же примечании Плеханов и К^о, — «обосновать свою мысль» о связи рассуждений Маслова об абсолютной ренте и программой, отвергающей национализацию?» С удовольствием, любезнейшие «непримиримые». Вот вам для начала короткое первое обоснование:

«Можно ли при непонимании теории абсолютной ренты Маркса понять значение частной собственности на землю, как помехи развитию производительных сил капиталистического общества?»

Посоветуйтесь-ка с Масловым, о «непримиримые» Плеханов и К^о, и ответьте нам на *этот* вопрос, дающий вам желанное обоснование!

«Пролетарий» № 39,
13 (26) ноября 1908 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

ПО ПОВОДУ ДВУХ ПИСЕМ

Мы печатаем в настоящем номере «Пролетария», во-первых, письмо рабочего-отзовиста⁸³, помещенное в № 5 «Рабочего Знамени» с примечанием, что редакция не разделяет таких взглядов и рассматривает письмо как дискуссионную статью; во-вторых, письмо петербургского рабочего, Михаила Томского, только что присланное в нашу газету. Оба эти письма мы приводим полностью. Мы хорошо знаем, что могут найтись злостные критики, которые способны вырвать отдельные места или фразы из того или другого письма и перетолковать их вкривь и вкось, сделать из них выводы, далекие от намерений обоих авторов, писавших наскоро, при самых неблагоприятных конспиративных условиях. Но на таких критиков не стоит обращать внимания. А кто серьезно интересуется состоянием рабочего движения и положением социал-демократии в России в настоящее время, тот, наверное, согласится с нами, что оба письма замечательно характерны для обрисовки *двух течений* среди наших сознательных рабочих. Эти два течения проявляют себя на каждом шагу в жизни всех петербургских и московских с.-д. организаций. И так как третье течение, течение меньшевизма, прямо и открыто или тайком и с ужимками хоронящее партию, почти совсем не представлено внутри местных организаций, то мы можем сказать, что столкновение двух указанных тенденций есть *злоба дня* нашей партии. Вот почему на «двух письмах» необходимо остановиться со всей подробностью.

Оба автора признают, что наша партия переживает не только организационный, но и идейно-политический

кризис. Это факт, который нелепо было бы утаивать. Надо дать себе ясный отчет в его причинах и в средствах борьбы с ним.

Начнем с петербуржца. Из всего его письма ясно видно, что причины кризиса, по его мнению, двойкие. С одной стороны, недостаток с.-д. руководителей из самих рабочих вызвал то, что почти повальное бегство интеллигенции из партии означало во многих местах распадение организации, неумение собрать и сплотить ряды, поредевшие от тяжелых репрессий, от апатии и усталости масс. С другой стороны, пропаганда и агитация велись у нас, по мнению автора, с громадным преувеличением «текущего момента», т. е. сосредоточивались на вопросах аллободневной революционной тактики, а не на проповеди социализма, не на углублении социал-демократического сознания пролетариата. «Рабочие становились революционерами, демократами, но только не социалистами» и, при упадке волны общедемократического, т. е. буржуазно-демократического, движения, они в очень и очень большом количестве покинули ряды с.-д. партии. Такой взгляд петербуржец связывает с резкой критикой «беспочвенного» «изобретения» лозунгов и с требованием более серьезной пропагандистской работы.

Мы полагаем, что, споря против одной крайности, автор впадает иногда в другую, но в общем и целом он безусловно стоит на совершенно правильной точке зрения. Нельзя сказать, что было «погрешностью» «делать целые кампании» из вопросов о текущем моменте. Это преувеличено. Это значит забывать с точки зрения *данных* условий *вчерашние* условия, и автор, в сущности, поправляется сам, признавая, что «момент непосредственных выступлений пролетариата есть, конечно, вопрос исключительный». Возьмем два такие выступления, по возможности более разнородные и отделенные наибольшим промежутком времени: бойкот булыгинской Думы осенью 1905 года и выборы во II Думу в начале 1907 года. Могла ли сколько-нибудь живая и жизненная пролетарская партия *не* сосредоточить в такое время главного внимания и главной агитации на лозунгах дня? Могла ли с.-д. партия, которая вела за собой в оба эти момента массы пролетариата, *не* сосредоточить внутренней борьбы на лозунгах, определяющих немедленное поведение масс? Идти в булыгинскую

Думу или срывать ее? выбирать ли во II Думу в блоке с кадетами или против кадетов? Достаточно ясно поставить вопрос и вспомнить условия этого недавнего прошлого, чтобы не сомневаться в ответе. Ожесточенная борьба за этот или иной лозунг вызывалась тогда не «погрешностью» партии, нет, она вызывалась объективной необходимостью быстрого и единого решения, при отсутствии заранее спевшейся партии, при наличии двух тактик, двух идейных течений в партии, мелкобуржуазно-оппортунистического и пролетарски-революционного.

И не следует равным образом изображать дело так, будто для пропаганды социализма, для распространения в массах знакомства с марксизмом недостаточно делалось в то время. Это была бы неправда. Именно в этот период, с 1905 по 1907 год, в России распространена такая масса серьезной, теоретической с.-д. литературы, — главным образом переводной, — которая еще *принесет* плоды. Не будем маловеерами, не будем своего личного нетерпения навязывать массам. *Такие* количества теоретической литературы, в такой короткий срок брошенные в девственные, почти незатронутые социалистической книжкой массы, не перевариваются сразу. Социал-демократическая книжка не пропала. *Она посеяна.* Она растет. И она даст плоды — может быть, не завтра, не послезавтра, а несколько позже, мы не в силах изменить объективных условий нарастания нового кризиса, — но она даст плоды.

Тем не менее в основной мысли автора есть глубокая правда. Эта правда состоит в том, что в буржуазно-демократической революции неизбежно известное сплетение пролетарски-социалистических и мелкобуржуазно-демократических (и оппортунистически-демократических и революционно-демократических) элементов и тенденций. *Не могла* произойти первая кампания буржуазной революции в капиталистически-развивающейся «крестьянской» стране без того, чтобы объективная слитость известных пролетарских слоев с известными мелкобуржуазными слоями дала себя знать. И мы переживаем теперь процесс необходимой разборки, размежевки, *нового выделения* действительных пролетарски-социалистических элементов, *очистки* их от «приставших к движению» (*Mitläufer*, говорится это по-немецки) только ради «яркого» лозунга,

с одной стороны, или ради общей с кадетами борьбы за «полновластную Думу», с другой.

В различной степени эта разборка происходит в обеих фракциях с.-д. Ведь это же факт, что и у меньшевиков и у большевиков поредели ряды! Не будем бояться признать его. Не подлежит, конечно, ни малейшему сомнению, что такого развала и такой деморализации, какая наблюдается в рядах правого крыла партии, левое ее крыло избегло. И не случайно: принципиальная невыдержанность не могла не способствовать развалу. События окончательно покажут *на деле*, где и как осталось больше организационной сплоченности, пролетарской преданности, марксистской выдержанности. Такие споры решает жизнь, а не слова, не обещания, не зарок. Факт разброда и шатания налицо, и этот факт требует объяснения. И объяснения не может быть иного, как необходимость *новой разборки*.

Иллюстрируем свою мысль маленькими примерами: составом «тюремного населения» (как говорят стряпчие), т. е. составом публики, находящейся в тюрьме, ссылке, каторге и эмиграции по политическим делам. Ведь этот состав правильно отражает действительность вчерашнего дня. А разве может быть сомнение в том, что состав «политиков», населяющих места столь и не столь отдаленные, отличается теперь громадной пестротой политических взглядов и настроений, нерасчлененностью и неразберихой? Революция подняла к политической жизни такие глубокие слои народа, она вынесла сплошь да рядом на поверхность столько случайных людей, столько «рыцарей на час», столько новичков, что совершенно неизбежно отсутствие у многих и многих из них всякого цельного мирозерцания. Его нельзя выработать в несколько месяцев горячки, — а средняя «продолжительность жизни» большинства революционных деятелей первого периода нашей революции, наверное, не превышает нескольких месяцев. Поэтому новая разборка среди всколыхнутых революцией новых слоев, новых групп, новых революционеров совершенно неизбежна. И эта разборка происходит. Например, похороны с.-д. партии, производимые целым рядом меньшевиков, означают в сущности, что эти почтенные господа *хоронят себя*, как социал-демократов. Нам ни в каком случае не приходится бояться этой

разборки. Мы должны приветствовать ее, мы должны помочь ей. Пусть хныкают мягкотелые люди, которые здесь и там будут кричать: опять борьба! опять внутренние трения! опять полемика! Мы отвечаем: без новой и новой борьбы никогда и нигде не складывалась действительно пролетарская, революционная социал-демократия. А у нас в России она складывается даже в теперешний тяжелый момент, и она сложится. За это ручается и все капиталистическое развитие России, и влияние международного социализма на нас, и революционная тенденция первой кампании 1905—1907 годов.

В интересах этой новой разборки усиленная теоретическая работа необходима. «Текущий момент» в России именно таков, что теоретическая работа марксизма, ее углубление и расширение предписывается не настроением тех или иных лиц, не увлечением отдельных групп и даже не только внешними полицейскими условиями, которые осудили многих на отстранение от «практики», — а всем объективным положением вещей в стране. Когда массы переваривают новый и невиданно богатый опыт непосредственно-революционной борьбы, тогда теоретическая борьба за революционное мировоззрение, т. е. за революционный марксизм, становится лозунгом дня. Поэтому петербуржец тысячу раз прав, когда он подчеркивает необходимость углубления социалистической пропаганды, необходимость разработки новых вопросов, необходимость всяческого поощрения и развития кружков, вырабатывающих из самих рабочих настоящих социал-демократов, социал-демократических руководителей массы. Тут роль партийных *ячеек*, — при одном упоминании о которых бьются в эпилепсия Дан и К°, — особенно велика, и ненавистные интеллигентским оппортунистам «профессиональные революционеры» призваны сыграть новую благодарную роль.

Но Михаил Томский и здесь, отстаивая совершенно правильную мысль, отчасти впадает в другую крайность. Так, напр., он неправ, когда исключает из списка «серьезных вопросов» учет опыта революции за три года, учет практических уроков непосредственной борьбы масс, подведение итогов революционно-политической агитации и пр. Тут, вероятнее, мы имеем даже дело с простым пробелом изложения у автора, или с частными ошибками, происшедшими

от условий работы наспех. Этот учет, это подведение итогов перед лицом возможно более широких кругов рабочих — гораздо важнее вопроса о «местных судах», «местном самоуправлении» и т. п. «реформах» в столыпинской России, о которых любят болтать чиновники и либералы. Такие «реформы» при черносотенной Думе и черносотенном самодержавии неизбежно осуждены на комедию.

Зато всецело прав Михаил Томский, когда он решительно восстает против «изобретения лозунгов» вообще и против таких лозунгов, как «долой Думу» или «долой фракцию», в частности. Он тысячу раз прав, когда противопоставляет этой «растерянности» выдержанную социал-демократическую работу организации, пропаганды и агитации для укрепления партии с.-д., для укрепления ее традиций, ненавистных оппортунистам, для поддержки преемственности в работе, для расширения и упрочения влияния *этой* партии, *прежней* партии (негодуйте, редакторы «Голоса» оппортунистов!) на пролетарские массы.

Здесь мы подходим к письму москвича и к критике центрального пункта этого письма, т. е. пресловутого «отзовизма». Мы уже неоднократно высказывались в «Пролетарии» против отзовизма, начиная с того времени, когда меньшинство большевиков на Московской конференции внесло свою известную резолюцию по этому вопросу (см. № 31 «Пролетария»). Теперь мы имеем перед собой, тоже от имени меньшей части московских большевиков, первый опыт систематической обосновки отзовизма. Присмотримся же к этой обосновке.

Товарищ отзовист исходит из правильной посылки, что объективные задачи буржуазно-демократической революции в России не разрешены, что «революция не ликвидирована». Но он делает из этой правильной посылки неправильные выводы. «К чему приспособляться нашей партии, — спрашивает он, — к годам застоя, или к новому общественному подъему?» Тут уже начинается ошибка. Из того, что революция не ликвидирована, вытекает неизбежность нового буржуазно-демократического подъема, и только. Из этого не вытекает ни того, что этот подъем будет *всецело* повторять старую группировку элементов буржуазной демократии (на перегруппировку может потребоваться время более продолжительное, чем

нам с нашим оппонентом было бы приятно), — ни того, что невозможен «общественный подъем» (надо было сказать: революционный подъем) после, допустим, *года* застоя. Мы пережили не менее года застоя, мы переживаем застой сейчас. Товарищ отзовист сам признает, что «трудно и даже невозможно признать, каков *будет* тот внешний повод, который *приведет в движение...* массы». Мало того. Приглашая партию «приспособить нашу тактику и организацию именно к ней (революции, т. е. революционному подъему), а не к переживаемой нами гнилой политической минуте», автор сам предлагает перестроить организацию применительно к гнилому моменту, к отчаянным полицейским репрессиям, к невозможности прямых и непосредственных общений комитетов с рабочими массами. Нет сомнения, что в условиях подъема автор не предлагал бы такого организационного плана, не выдвигал бы его на первую очередь. Значит, *на деле* он сам опровергает свою постановку вопроса, своей *практикой* вносит исправление в свою *теорию*. Это получилось у него оттого, что он теоретическую посылку изложил неверно. Из неизбежности нового подъема вытекает необходимость сохранить и старую программу и старые революционные лозунги всей нашей работы в массах, необходимость систематически подготовить партию и массы к новым революционным битвам. Но отсюда не вытекает, наступил ли уже подъем или еще нет, к началу его или к разгару надо «приспособляться». И в 1897, и в 1901, и в начале 1905 года было абсолютно верно положение, что неизбежен новый революционный подъем (после слабых подъемов начала 60-х и конца 70-х годов), но в эти три момента революционные с.-д. умели применять свою тактику к различным условиям нарастания кризиса. В 1897 году мы отклоняли «план» всеобщей стачки, как фразу, и мы были правы. В 1901 году мы не ставили лозунга восстание на очередь дня. После 9 января 1905 г. и этот лозунг и массовая стачка были правильно поставлены революционной социал-демократией на очередь дня. Мы вовсе не хотим сказать этим, что новый подъем обязательно (или даже: «вероятно») будет столь же медленен. Напротив, все данные и весь опыт революций Европы заставляет ожидать темпа несравненно более быстрого, чем в 1897—1905 годы. Но тот факт, что в разные моменты подъема революционные

соц.-дем. *всегда* выдвигали на первую очередь разные лозунги дня, остается фактом. Ошибка тов. отзовиста состоит в том, что он забывает этот опыт революционной социал-демократии.

Далее, переходя к нашей думской фракции, тов. отзовист начинает с посылки: «Естественным завершением партии, ее так сказать дипломатическим представителем является думская фракция». Это неверно. Автор преувеличивает значение и роль фракции. Автор по-меньшевистски превозносит эту роль безмерно, — недаром, должно быть, говорят, что крайности сходятся! Меньшевики из взгляда, что фракция есть «завершение» партии, выводят необходимость приспособить партию к фракции. Отзовисты из взгляда, что фракция есть «завершение» партии, выводят гибельность для партии такого плохого «завершения». Посылка неверна ни у тех, ни у других. Никогда и ни при каких условиях, даже при самой «идеальной» буржуазно-демократической республике, не согласится революционная социал-демократия признать в своей парламентской фракции ни «естественного завершения» партии, ни ее «дипломатического представителя». Это взгляд ошибочный в корне. Мы не для дипломатии посылаем депутатов в буржуазные и буржуазно-черносотенные представительные учреждения, а для особого вида подсобной партийной деятельности, для агитации и пропаганды с особой трибуны. Даже при «идеальном» демократическом избирательном праве парламентская фракция рабочей партии всегда будет носить на себе известные следы влияния общей буржуазной обстановки выборов, например, всегда будет более «интеллигентской», чем партия в целом, и поэтому «завершением» партии никогда мы фракцию не признаем. Фракция — не генеральный штаб (если позволительно наряду с «дипломатическим» сравнением автора употребить сравнение «военное»), а скорее отряд трубачей в одном случае и разведчиков в другом или одна из организаций некоторого подсобного «рода оружия».

Тов. отзовист превратил фракцию из *подсобной партийной организации* в «завершение» партии для того, чтобы, *преувеличив* значение фракции, придать в корне неверный характер деятельности того нашего отряда, который послан в буржуазно-черносотенную Думу.

Но возможно, что автор не стал бы настаивать на этом «завершении». В другом месте своей статьи он сам говорит правильно: «Одним из главных мотивов, побуждавшим партию принять участие в выборах, было упование на пропагандистско-агитационную роль думской трибуны». Это справедливо, и возражение автора против этого справедливого положения особенно наглядно показывает его неправоту: «Действительность, однако, показала, пишет он, что агитация в III Думе сводится к нулю, во-1-х, благодаря составу самой группы, во-2-х, благодаря полному равнодушию масс ко всему тому, что происходит в стенах Таврического дворца».

Начнем с конца разбор этого, необыкновенно богатого ошибками, положения. Агитация сводится к нулю *благодаря* полному равнодушию масс ко всему, происходящему в Думе. Что это? Как это? Выходит ведь, что «отозвать» придется, по этой чудовищной логике, не фракцию, а «массы» за их «равнодушие»! Ибо в Думе ведется, заведомо для всех нас, политика самодержавия, политика поддержки царизма черносотенным помещиком и крупным капиталистом-октябристом, политика лакейства перед царизмом либерального красная-кадета. Быть равнодушным «ко всему тому, что происходит в стенах Таврического дворца», значит быть равнодушным к самодержавию, ко всей внутренней и внешней политике самодержавия! У автора опять получилось рассуждение в духе меньшевизма наизнанку. «Если массы равнодушны, то и с.-д. должны быть равнодушны». Но мы — партия, *ведущая* массы к *социализму*, а вовсе не идущая за всяким поворотом настроения или упадком настроения масс. Все с.-д. партии переживали временами апатию масс или увлечение их какой-нибудь ошибкой, какой-нибудь модой (шовинизмом, антисемитизмом, анархизмом, буланжизмом⁹⁴ и т. п.), но никогда выдержанные революционные с.-д. не поддаются любому повороту настроения масс. Можно и должно критиковать дурную политику с.-д. в III Думе, когда они ведут там дурную политику, но говорить, что агитация сводится к нулю *благодаря* полному равнодушию масс, значит рассуждать не-социал-демократически.

Или «полное равнодушие масс» не означает равнодушия к политике царизма вообще? То есть массы, равнодушные

ко всему происходящему в стенах Думы, *неравнодушны*, скажем, к обсуждению вопроса об уличных демонстрациях, о новых стачках, о восстании, о внутренней жизни революционных партий вообще и с.-д. партии в особенности? В том-то и беда автора, что он именно так, видимо, думает, но *вынужден* не говорить прямо столь явной бессмыслицы! Если бы он действительно мог сказать и доказать, что в массах нет в данную минуту ни малейшего равнодушия к политике вообще, а напротив гораздо более живой интерес к более активным формам политики, — тогда бы вопрос стоял, разумеется, иначе. Если бы вместо года затишья, упадка и развала всех с.-д. и всех рабочих организаций мы пережили год явного интереса масс именно к непосредственно-революционным формам борьбы, тогда мы первые признали бы, что мы ошиблись. Ибо без отношения к условиям революционного момента стоять вообще и всегда за участие во всяком представительном учреждении могут только «парламентские кретины» меньшевизма, лицемерно закрывающие глаза на опыт деятельности Маркса, Лассаля, Либкнехта в революционные периоды. Вопрос об участии в III Думе или бойкоте ее, как и всякий политический вопрос, марксисты обязаны ставить *конкретно*, а не абстрактно, учитывая *всю* революционную обстановку в целом, а не одно только до убожества голое соображение: «если есть представительство, то надо представлять». Живой интерес масс к политике означал бы наличие объективных условий растущего кризиса, т. е. означал бы, что известный подъем уже налицо и, при известной силе такого подъема, настроение масс неминуемо выразилось бы в *массовом действии*.

Насчет этого последнего вопроса тов. отзовист сам делает следующее признание: «каждое изменение ее (фракции) деятельности тесно связано с изменением режима, воздействовать на который мы сейчас не в силах»... Почему тов. отзовист считает, что мы не в силах не только изменить сейчас режима, но даже *воздействовать* на него? Очевидно, потому, что, как социал-демократ, он имеет в виду исключительно действие масс пролетариата, а такое действие считает *сейчас* невозможным и разговоры о нем праздными. Но посмотрите, как он при этом «сваливает с большой головы на здоровую», т. е. довод, говорящий против отзовизма, обращает против нас:

«Прорвите — пишет тов. отзовист — полицейские рогатки, отделяющие депутатов от масс, заставьте фракцию выступать более резко и ярко, словом, слейте органически ее работу с жизнью пролетариата, — тогда рабочие, быть может, признают за ней положительные стороны; но так как всякое изменение ее деятельности тесно связано с изменением режима, воздействовать на который мы сейчас не в силах, то всякие мечты о расширении и углублении фракционной работы приходится оставить»!..

Если расширение и углубление фракционной работы обуславливается «прорывом полицейских рогаток», то почему же вывод гласит: «оставьте мечты об улучшении фракции», а не оставьте мечты о прорыве полицейских рогаток?? Автор явно нелогичен, и исправить его рассуждение надо так: необходима неустанная работа над улучшением всей партийной деятельности и всей связи партии с массой, результатом чего неизбежно будет и прорыв полицейских рогаток вообще и в частности усиление партийного общения с фракцией, партийного воздействия на фракцию. Автор точно от нас, антиотзовистов, требует, чтобы мы «прорвали полицейские рогатки», и тогда, может быть-де, он согласится бросить отзовизм. Но не ясно ли, что он ставит таким образом вверх ногами действительную связь и взаимозависимость политических явлений? Быть может — скажем мы — вы были бы правы, товарищ отзовист, если бы масса могла «сейчас» не только «воздействовать на режим» (всякая удачная политическая демонстрация воздействует на режим), но и прорвать рогатки, — т. е. если бы масса могла *сейчас* прорвать «рогатки» III Думы, то бесполезно было бы, быть может, революционной социал-демократии посылать свой отряд в эту Думу. Быть может. Но вы сами говорите, что этого нет; вы сами согласны, что при данных обстоятельствах нужна еще серьезная и упорная подготовительная работа для превращения этой возможности в действительность.

«Состав фракции», — говорите вы. Если бы отзав предлагался для *изменения* состава фракции, то этот довод заслуживал бы рассмотрения с точки зрения того, улучшится ли состав при новых выборах после отставки теперешней фракции. Но автор ничего подобного не имеет в виду. Он хочет отозвать не думскую только фракцию, а вообще

уничтожить всякое представительство с.-д. в III Думе, объявляя ошибкой участие в ней. И с этой точки зрения мотивирование отзовизма «составом фракции» есть самое непростительное для социал-демократа малодушие и маловерие. Наша партия добилась того, что из рабочих выборщиков мы заставили черносотенцев выбрать наших партийных кандидатов, социал-демократов. Что же, мы должны признать безнадежным, чтобы эти партийные рабочие сумели с думской трибуны просто и ясно изложить свой социализм? Мы должны спасовать после нескольких месяцев борьбы против буржуазных «сведущих людей»⁹⁵ (смотри прекрасное описание приносимого ими зла в письме о фракции, печатаемом в настоящем номере)? Мы должны признать свою партию неспособной в период временного ватизма и застоя выставить рабочих социал-демократов, умеющих публично изложить свой социализм? Это не политика, а нервность. Конечно, больше всех сама наша думская фракция виновата в этом, ибо именно своими серьезными ошибками и только этими ошибками доводит она недовольство ею до отзовизма. Но мы не дадим законному недовольству увлечь нас в неправильную политику. Нет. Мы должны и мы будем упорно и настойчиво работать над сближением партии с фракцией, над улучшением фракции. Мы не забудем, что в опыте международной социал-демократии имеются примеры гораздо более долгой и более острой борьбы фракции с партией, чем у нас во время III Думы. Вспомните немцев. При исключительном законе у них дошло дело до того, что фракция сделала ряд самых вопиющих противопартийных, оппортунистических шагов (голосование за субсидию парому и т. д.). Партия имела свой еженедельный ЦО за границей и регулярно ввозила его в Германию. Организация тогдашних немецких с.-д., несмотря на отчаянные полицейские преследования, несмотря на менее революционный в силу объективных причин момент, чем в современной России, была несравненно шире и крепче теперешней организации нашей партии. И партия германских с.-д. повела долгую войну против своей фракции и довела эту войну до победы. Нелепые сторонники «молодых», занимавшиеся кликушеством вместо работы над улучшением фракции, кончили, как известно, очень плохо. А победа партии выразилась в подчинении фракции.

У нас борьба партии с фракцией за исправление ошибок этой последней только-только еще начинается. У нас не было еще ни одной партийной конференции, твердо и ясно заявляющей фракции о необходимости исправить свою тактику в таких-то, определенно указанных, отношениях. У нас нет еще регулярно выходящего ЦО, который бы от имени всей партии следил за каждым шагом фракции и направлял ее. Наши местные организации в области той же самой работы — агитации в массах по поводу каждого выступления с.-д. в Думе при разъяснении всякой ошибки в том или ином выступлении — сделали еще совсем и совсем мало. И нас приглашают махнуть рукой, признать борьбу безнадежной, отказаться от использования думской трибуны в моменты, подобные 1908-му году. Еще раз: это не политика, а нервничанье.

Нет ярких выступлений, — говорите вы. По поводу этих «ярких выступлений» надо различать две вещи: во-первых, плохую осведомленность партии и, во-вторых, серьезнейшую принципиальную ошибку в самой постановке вопроса о ярких выступлениях вообще.

По первому вопросу надо сказать, что до сих пор все, кто хотел деловым образом критиковать фракцию, указали ряд ошибок безусловно серьезных (декларация; голосование миллионов Шварцу; совещание с н.-д.; признание религии частным делом для партии; отсутствие выступления по запросу 15 октября 1908 г.; отсутствие ясной критики к.-д., и т. д.). Замалчивать эти ошибки, как делают меньшевики, которые находят все самым наилучшим, кроме одного выступления Чиликина, есть величайшая пошлость. Не замалчивать эти ошибки должны мы, а выяснить их публично, в наших местных и неместных органах, на каждом собрании, в агитационных листках, бросаемых в массу по поводу каждого выступления. Для деловой критики фракции и для ознакомления пролетарских масс с такой критикой мы сделали еще непомерно мало. Мы должны все и повсюду приняться за работу в этом отношении. И, когда мы примемся за эту работу, мы увидим, что имеется ряд таких выступлений фракции и в особенности таких формул перехода к очередным делам, составленных по указаниям представителей ЦК и в согласии с этими представителями, которые содержат *правильное* изложение программы РСДРП, которые

напечатаны в протоколах Думы и в приложении к «Россию»⁹⁶ и которые на одну сотую долю не использованы еще нами в массовой агитации. Надо критиковать фракцию, слов нет, нечестно замалчивать ее ошибки. Но надо всем нам укреплять также организации на местах и развивать агитацию для использования каждого выступления фракции. Только соединение той и другой работы есть действительно достойная выдержанных революционных с.-д. деятельность, только это соединение поможет нам побороть «гнилую мину» и ускорить наступление нового подъема.

Далее. Подчеркивая «отсутствие ярких выступлений», автор говорит, что «создалось представление (у кого? у нескольких непонимающих азбуки марксизма *Mitläufer*'ов?), что социал-демократия примирилась с создавшимся положением вещей и думает о мирной культурной работе; существование фракции стало как бы доказательством того, что революция похоронена если не на словах, то... на деле. Пусть это мнение неверно, но опровергнуть его мы можем не доводами, а фактами». И единственный «факт», который автор предлагает при этом в качестве «перестройки» всей тактики «подчеркивания» в глазах масс отношения с.-д. к Думе есть отзыв фракции! Выходит, что отзыв фракции рассматривается как «факт», опровергающий «похороны революции», как «яркое выступление», *подчеркивающее* новую тактику!

Мы скажем на это, что автор неправильно понимает общее значение «ярких выступлений» и «ярких» лозунгов. Когда мы, большевики, проводили в 1905 г. бойкот булыгинской Думы, этот лозунг был правилен не потому, что он был «ярок», а потому, что он *верно* выражал *объективное* положение: наличие растущего подъема, который царизм пытался отвести в сторону посредством посула законосоветательной Думы. Когда мы проводили летом 1906 года лозунг: «исполнительный комитет левых для поддержки восстания, а не поддержка требования кадетского министерства», этот лозунг был правилен не потому, что он был «ярок», а потому, что он *верно* выражал *объективное* положение; события доказали, что кадеты тормозили борьбу, что их тайные переговоры с Треповым в июне 1906 года выражали игру правительства, что *действительная* схватка произошла и должна была произойти на иной

почве, после разгона Думы, именно: на почве вооруженной борьбы (Свеабург и Кронштадт, как завершение солдатских и крестьянских бунтов). Когда мы в 1907 году проводили лозунг: не в блоке с кадетами, а против к.-д., этот лозунг был правилен не потому, что он был «ярок», а потому, что он верно выражал *объективные* условия момента. И выборы в С.-Петербурге и вся сумма голосований (и прений) во второй Думе доказали, что «черносотенная опасность» была фикцией и что *на деле* борьба шла против кадетов и реакции вместе, а не вместе с кадетами против реакции.

Несомненно, что во время революции к нам примкнула часть людей не потому, что они понимали *марксистский* критерий правильности лозунгов и тактики с.-д., а только ради их «яркости». Что у нас теперь, при упадке волны, остаются и останутся только настоящие марксисты, это не пугает, а радует нас. И мы приглашаем товарища-отзовиста внимательно вдуматься в его рассуждение: опровергать похороны революции надо не словами, а фактами — *поэтому* отзывем фракцию! Это в корне неправильное рассуждение. Отзыв фракции, как *подчеркивание* того, что революция не похоронена, есть *похороны* тех «революционеров», которые способны проводить такую политику. Ибо «революционность» такого рода есть выражение растерянности и бессилия в той тяжелой, трудной, медленной работе, которая объективными условиями «сейчас» предписывается и от которой отмахнуться или отговориться нельзя.

В заключение укажем, что товарищ отзовист сам предлагает в конце своего письма *в пяти* пунктах такой план ближайшей работы, который правильно выражает задачи дня и *опровергает* его неверную тактику. Еще раз: *практика* тов. отзовиста лучше его теории. Он безусловно прав, что необходима крепкая нелегальная организация. Он не будет настаивать, вероятно, на непрактичном до последней степени «назначении» комитетчиков Центральным Комитетом. Не забудем, что на смену профессиональному революционеру из интеллигентов или вернее в подмогу ему идет профессиональный революционер с.-д. рабочий (как бы меньшевики ни злобствовали против этого, но это — факт), и, следовательно, новая нелегальная организация не будет вполне походить и не должна

вполне походить на старую. Мы думаем также, что выражение «отрывать партийные ячейки друг от друга» в последней фразе первого пункта есть случайная неловкость, придирается к которой недопустимо. Действительно, социал-демократическая нелегальная организация не оторвет, а сблизит разорванные теперь ячейки. Товарищ отзовист совершенно прав, подчеркивая особую важность социалистической пропаганды и «анкетной системы» агитации. «Живая связь массы с партией», «привлечение масс к обсуждению агитационных лозунгов», это действительно *злоба дня*. Признание *такой* злобы дня показывает лучше всяких рассуждений и вопреки всяким «изобретенным» (по меткому выражению М. Томского) лозунгам, что ход вещей ставит всем нам, и антиотзовистам и отзовистам, *одну* насущную практическую задачу, один «лозунг» революционной социал-демократии: идейное укрепление социализма, организационное укрепление нелегальной рабочей партии с руководителями из самих рабочих, развитие всесторонней с.-д. агитации в массах. *Эта* работа, когда мы дружнее и дружнее возьмемся за нее, сплотит всех нас; она подтянет, дисциплинирует, исправит нашу думскую фракцию лучше, чем десятки голых ультиматумов; она даст живое дело; воскресит атмосферу бодрой революционной обстановки; научит измерять точно рост подъема и определять его признаки; развеет, как прах, все мертвые, выдуманные, «изобретенные» лозунги отзовизма!

АГРАРНЫЕ ПРЕНИЯ В III ДУМЕ

Почти месяц аграрных прений в III Думе дал чрезвычайно богатый материал для изучения современного положения аграрного вопроса, итогов революции и задач пролетариата. Попытаемся подвести основные выводы из этого материала. Четыре группы ораторов выделяются сами собой: правые, кадеты, крестьяне и социал-демократы. Различия между «правыми» в тесном смысле и октябристами совершенно сглаживаются. Крестьяне выступают безусловно, как одно политическое направление в аграрном вопросе, причем различие правых крестьян и трудовиков является лишь различием оттенков внутри единого направления. Проанализируем ту позицию, которую заняла каждая из этих групп. (Цифры в скобках означают страницы стенографических отчетов в приложении к «России».)

Как и следовало ожидать от черносотенных «парламентариев», правые и октябристы постарались засорить сущность своей аграрной политики юридической казуистикой и архивным хламом, разглагольствуя о соотношении закона 9/XI. 1906 и статьи 12-ой общего положения о крестьянах (дающей крестьянам после выкупа право требовать выдела участка в частную собственность), затем статьи 165 Положения о выкупе и т. д. Желая выставить себя «либералом», Шидловский доказывал, что законодательство графа Д. Толстого о неотчуждаемости наделов и пр. противоречило «духу» 1861-го года, а закон 9/XI. 1906 этому духу соответствует. Все это — одно сплошное кривлянье, имеющее целью отвести глаза крестьянству, затемнить суть дела. Кадеты, как увидим дальше, в значительной степени поддались на удочку черносотенцев,

нам же, социалистам, достаточно в двух словах указать на то, какой толстый слой канцелярской пыли надо сбросить с речей гг. Шидловских, Лыкошиных и прочих лакеев черносотенной царской шайки, чтобы увидеть действительное содержание их аграрной политики. Г. Львов 1-й, который, кажется, зовет себя мирнообновленцем, а на деле представляет из себя настоящего черносотенца с аллюрами в духе г-на Струве, выразил это содержание яснее других: «В крестьянской среде — говорил этот слуга помещиков — сложились два начала: бесправная личность и самоуправная толпа (Рукоплескания справа и в центре)... Состояние масс в таком виде есть угроза для правового» (читай: помещичьего) «государства (Рукоплескания справа и в центре)». «Земля должна принадлежать всем трудящимся, земля как воздух и вода; мы пришли сюда добывать землю и волю». Вот был доминирующий голос. И этот голос, прямо выхваченный из тех суеверий и предрассудков, которые гнездятся в крестьянской массе, этот голос показывал нам на то суеверное представление о власти, которая может отнять у одних и дать другим... «Вспомним, что здесь говорилось, — продолжает г. Львов, вспоминая прежние Думы, — мне тяжело об этом вспоминать, но я скажу, я не могу не сказать, что говорилось в комиссии аграрной. Ведь позвольте, когда даже вопрос о том, чтобы оставить неприкосновенным хотя бы огороды, хотя бы сады, встречал сильнейшее возражение, встречал сильнейший отпор и проходил самым небольшим числом голосов; когда поднимался вопрос о том, чтобы всякие сделки на землю были прекращены, не только залог в дворянском банке, не только продажа крестьянскому банку, но и купля-продажа, даже дарение, наследование, то, очевидно, становилось страшно, страшно, господа, не за помещичьи интересы, а страшно за состояние и судьбу государства (Рукоплескания центра и справа. Возглас: «браво»). На таком фундаменте построить капиталистическое, современное государство — невозможно» (293).

Помещичьему государству стало «страшно» за свое существование, «страшно» перед «голосом» (и движением) крестьянских масс. Много капитализма, как на основе сохранения помещичьего, т. е. крепостнического землевладения, эти господа не могут себе и представить! что

капитализм всего шире, свободнее и быстрее развивается при полной отмене всякой частной собственности на землю, об этом «образованные» гг. Львовы и не слыхивали!

Для агитации в массах ознакомление с выдержками из речей Шидловского, Бобринского, Львова, Голицына, Капустина и К^о положительно необходимо: до сих пор мы видели самодержавие почти исключительно приказывающим, изредка публикующим заявления в духе Угрюм-Бурчеева⁹⁷. Теперь мы имеем открытую защиту помещичьей монархии и черносотенной «конституции» организованным представительством господствующих классов, и для пробуждения тех слоев народа, которые политически бессознательны или равнодушны, эта защита дает очень ценный материал. Отметим вкратце два особенно важных обстоятельства. Во-первых, излагая свою политическую программу, правые все время выдвигают перед аудиторией живого врага, с которым они борются. Этот враг — революция. «Страх» перед революцией, так ясно выраженный глупым Львовым, сквозит не менее ясно у *всех*, которые с ненавистью, со злобой, со скрежетом зубов вспоминают на каждом шагу недавнее прошлое. Эта прямая постановка *всех* вопросов на почву *контрреволюции*, это подчинение *всех* соображений одному главному и коренному соображению, борьбе с революцией, содержит в себе глубокую правду и делает речи правых несравненно более ценным материалом (как для научного анализа современного положения, так и для агитации), чем речи половинчатых и трусливых либералов. Неудержимое бешенство, с которым правые нападают на революцию, на конец 1905 года, на восстания, на обе первые Думы, показывает лучше всяких длинных рассуждений, что хранители самодержавия видят перед собой *живого* врага, что борьбу с революцией они не считают конченной, что возрождение революции стоит перед ними ежеминутно, как самая реальная и непосредственная угроза. С мертвым врагом так не борются. Мертвого так не ненавидят. Простоватый г. Балаклеев наивно выразил этот общий дух всех правых речей. Сказавши, что, конечно, указ 9 ноября нельзя отвергнуть, ибо он выражает высочайшую волю, он вместе с тем заявил: «Гг. члены Государственной думы! Мы живем во время революции, которая, по моему глубокому убеждению, далеко еще не закончилась» (364). Г-н Балаклеев боится

«революционного происхождения» закона 9/XI, боится, как бы он не разжег новой борьбы. «Мы переживаем тяжкий кризис, — говорил он, — и чем он окончится, неизвестно. Воображение рисует самые мрачные картины, но наш долг заключается в том, чтобы не поддерживать в народе смуту и раздор».

Второе особенно важное обстоятельство относится к экономической и специально аграрной программе правых. Это — защита пми частной собственности *крестьян* на землю, защита, красной нитью проходящая через все их речи вплоть до обер-попа Митрофанушки (епископа Митрофана), который говорил сейчас же после докладчика, видимо желая припугнуть демократических, но забитых деревенских «батюшек», и, с забавными усилиями стараясь побороть в себе привычку к юродству и к семинарскому языку («община есть изначальное явление»), «выговаривал» такие фразы: «жизнь развивается в направлении все большей и большей индивидуальности личности»; «полезным нужно признать устройство нового быта крестьян наших по образцу западноевропейских фермеров» (69).

Спрашивается, почему класс помещиков и класс капиталистов так энергично защищает и во II и в III Думе частную собственность *крестьян* на землю? Только потому, что таково «последнее правительственное распоряжение»? Конечно, нет! Это распоряжение подсказано и внушено Советом объединенного дворянства⁹⁸. Помещики и капиталисты превосходно знают того врага, с которым придется им бороться, превосходно чувствуют, что *революция связала* победу помещичьих интересов с победой частной собственности на землю вообще, победу крестьянских интересов с уничтожением частной собственности на землю вообще, и помещичьей и крестьянской. Сочетание частной собственности на наделные земли с общественной собственностью на экспроприированные помещичьи земли есть плохая выдумка кадетов и меньшевиков. *На деле* борьба идет из-за того, помещики ли будут строить новую Россию (это невозможно иначе, как на основе частной собственности на все роды земель), или крестьянские массы (это невозможно в полукрепостнической стране без разрушения частной собственности и *на* помещичьи и *на* наделные земли).

Переходим к кадетам. Их речи отличаются и от правых и от левых речей стремлением примирить непримиримое, усесться между двух стульев. Только в той части речи г. Милюкова, где он выступил, как *историк*, а не как *кадет*, мы имеем превосходно подобранные данные по истории Совета объединенных дворян, — данные, сводка которых делает честь всякому *демократу*. В общем же и целом Шингарев, Березовский, Милюков, Бобянский и Родичев поддались на удочку черносотенного г. Шидловского и с превеликим усердием засоряли головы слушателей юридической казуистикой, фразерствовали о «справедливости» по римскому праву («для ради важности» Родичев даже вставил латинское слово: *aequitas!* Учились же «мы» чему-нибудь в университете!), унижались до гаденького лизоблюдства (г. Шингарев расписывался в своем «уважении» к столыпинскому лакею Лыкошину и доказывал, что принудительное отчуждение бывает в странах, где «институт частной собственности блюдетя очень свято»). Красной нитью через все кадетские речи проходит спор против закона 9 ноября с точки зрения «осторожности». Нас, большевиков, обвиняли в том, что мы черним кадетов, называя их либеральными помещиками. Они хуже на самом деле. Они — либеральные *чиновники*. Нельзя себе представить большего развращения *демократического* сознания масс, как это выступление в Гос. думе партии так называемых «демократов» с речами, *притупляющими* борьбу, с проповедью чиновнической «осторожности», с подлым расхваливанием того ограбления и закабаления крестьян крепостниками, которое зовется «великой реформой» 1861-го года!

Нападать на Столыпина за «неосторожность» его аграрной политики значит протупиваться, предлагаться на должность *таких* исполнителей этой самой политики, которые сумели бы «осторожно» выполнить *то же самое дело*, т. е. провести ту же помещичью сущность под ложным флагом «конституционного демократизма», провести не путем одного насилия, а также и путем обмана крестьян. Вот одно из многочисленных кадетских заявлений, раскрывающих именно указанный сейчас смысл их речей. Г-н Березовский, речь которого особенно одобрил и назвал «прекрасной» лидер партии к.-д., г. Милюков, сказал следующее:

«По моему глубокому убеждению, этот проект» (земельный проект к.-д.) «гораздо более выгоден и для владельцев земли» (не только для крестьян) «и я это говорю, гг., зная земледелие, сам занимаясь им всю жизнь и владея землей. Для культурного земледельческого хозяйства проект партии народной свободы был бы, несомненно, более полезен, чем теперешний порядок. Не надо выхватывать голый факт принудительного отчуждения, возмущаться им и говорить, что это насилие, а надо посмотреть и оценить, во что выливается то, что предлагается в нашем проекте, и как проводится это принудительное отчуждение» (золотые слова! г. Березовский, не стали ли вы большевиком?). «Возьмите проект 42-х членов I Гос. думы — в нем заключалось только» (именно!) «признание необходимости в первую очередь подвергнуть отчуждению те земли, которые не эксплуатируются самими владельцами. Затем партия народной свободы поддерживала образование комиссий на местах, которые в известное время должны были выяснить, какие земли подлежат отчуждению, какие не подлежат и сколько нужно крестьянам земли для их удовлетворения. Эти комиссии конструировались так, что в них была бы половина членов крестьян и половина не крестьян». (Договаривайте, г. Березовский! Не стыдитесь! Ведь скрыть правды нельзя: помещики благодаря обязательному назначению «нейтрального» председателя комиссий помещичьим правительством всегда имели в комиссиях обеспеченное большинство над крестьянами: см. проект Кутлера в томе II кадетского «Аграрного вопроса».) «Ввиду этого, этой общей конкретной работой на местах, конечно, выяснилось бы и количество возможной для отчуждения земли и количество земли, необходимой для крестьян, и, наконец, сами крестьяне убедились бы, в какой мере могут быть удовлетворены их справедливые требования. Затем все это прошло бы через Гос. думу и Государственный совет» (именно!) «и после их переработки» (т. е. после повторной урезки «реформы» новым помещичьи-чиновничьим большинством!) «дошло бы до высочайшей санкции» (вспомните последовательное сокращение размеров надела подобными же высшими инстанциями в 1861 г.). «Результатом этой планомерной работы, несомненно, было бы истинное удовлетворение настоящих нужд населения и связанное с ним успокоение

и сохранение культурных хозяйств, которые партия народной свободы никогда без крайней необходимости не желала разрушать» (143).

Г-н Березовский признал в октябре 1908 г. *все*, что говорили большевики летом 1906 года о земельном проекте к.-д. В I Думе кадеты публично выдвигали вперед демократическую внешность своей реформы, доказывая ее помещичий характер на тайных совещаниях с Треповым и его прихвостнями. В III Думе к.-д. публично выдвигают вперед помещичий характер своей реформы, доказывая демократизм ее на тайных от полиции беседах с теми немногими чудаками, которые способны еще слушать бабушкины сказки. Двухликий Янус по ветру поворачивает свои «лики» то в одну, то в другую сторону. «Демократы» падают до того низко, что перед черносотенными зубрами стараются доказать безобидность своих действий и программ во время революции!

Сопоставьте с этим речи крестьян. Вот вам типичный правый крестьянин Сторчак. Он начинает свою речь воспроизведением полностью слов Николая II о «священных правах собственности», недопустимости их «нарушения» и т. д. Он продолжает: «дай бог государю здоровья. Он хорошо сказал для всего народа»... (295). Он кончает: «А если сказал государь, чтобы была правда и порядок, то, конечно, если я сижу на 3 десятинах земли, а рядом 30 000 десятин, то это не есть порядок и правда» (296)!! Сравните этого монархиста с монархистом Березовским. Первый — темный мужик. Второй — образованный почти европеец. Первый наивен до святости и политически неразвит до невероятия. Связь монархии с «порядком», т. е. беспорядком и неправдой, охраняющими владельцев 30 000 десятин, для него неясна. Второй — знаток политики, знающий все ходы и выходы к Витте, Трепову, Столыпину и К^о, изучавший тонкости европейских конституций. Первый — один из миллионов, которые маются всю жизнь на 3 десятинах и которых экономическая действительность толкает на массовую революционную борьбу против 30 000-чников. Второй — один из десятков — самое большее: из сотни тысяч помещиков, желающих «помирному» сохранить свое «культурное хозяйство», помазав по губам мужичка. Неужели не ясно, что первый *может* сделать буржуазную революцию в России, *уничтожить*

помещичье землевладение, создать крестьянскую республику (как бы ни страшило его теперь это слово)? Неужели не ясно, что второй *не может не* тормозить борьбы масс, без которой невозможна победа революции?

Пусть пораздумают об этом люди, которые до сих пор никак не могут понять, что это значит: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»!

Аграрная программа Сторчака — тот самый земельный законопроект 42 крестьянских депутатов III Думы, о котором мы писали в № 22 «Пролетария»*. Будучи очень скромным по внешности, этот проект *левее* кадетского проекта, как признают и сами к.-д. Требуя обсуждения реформы, наделяющей крестьян землей, местными комиссиями, выбранными всеобщей подачей голосов, этот проект *на деле* есть революционный проект, ибо обсуждение земельной реформы на местах действительно демократическими выборными учреждениями абсолютно несовместимо с сохранением в современной России власти царя и землевладения помещиков. И то обстоятельство, что в черносотенной Думе, выбранной на основе избирательного закона, специально подделанного в пользу помещиков по указаниям объединенного дворянства, при господстве самой отчаянной реакции и беспышного белого террора, — что в такой Думе 42 *крестьянина* подписали подобный проект, это лучше всяких рассуждений доказывает революционность крестьянской массы в современной России. Пусть оппортунисты доказывают необходимость союза с кадетами, необходимость сближения пролетариата с буржуазией в буржуазной революции, — сознательные рабочие только подкрепят, знакомясь с прениями в III Думе, свое убеждение в том, что невозможна буржуазная победоносная революция в России без общего натиска рабочих и крестьянских масс, вопреки шатаниям и изменам буржуазии.

Если Сторчак, а также стоящие в главном и основном на той же позиции депутаты свящ. Титов, Андрейчук, Попов 4-ый и Никитюк выражают революционность крестьянской массы бессознательно, стихийно, сами боясь не только договорить до конца, но даже и додумать до

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 421. Ред.

конца то, что из их слов и предложений следует, то трудовики в III Думе выражают дух массовой борьбы крестьян прямо и открыто. Самые ценные при этом речи крестьян-трудовиков, которые излагают свои взгляды непосредственно, передавая с поразительной точностью и живостью настроения и стремления масс, путаясь в программах (некоторые заявляют о сочувствии проекту 42-х крестьян, другие — кадетам), но тем сильнее выражая то, что лежит глубже всяческих программ.

Вот Кропотов, депутат от Вятской губ. «Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября — помещичий закон... Мои избиратели задавали такие вопросы: отчего это делается насильственно?.. зачем наши земли отданы в распоряжение земских начальников?.. Наказывали мне избиратели: скажи ты в Гос. думе, что так жить больше нельзя... И только начинают его (закон 9/XI) применять в нашей местности, как у новых помещиков, как говорят наши крестьяне, горят дома» (71)... «Все дело в том, чтобы вознаградить помещиков... Почему же государственная важность требует отнять у бедного последний кусок и отдать тем, которые, как я выразился, сумели по закону, писанному правительством, случайно удержать за собой землю? Не требует ли государственная важность заставить обрабатывать земли, праздно лежащие: помещичьи, казенные, удельные, монастырские?.. С крестьянина идет 11 руб. 50 к. с десятины, и если, гг., быть справедливым и обложить этим налогом в равной мере всех, то земля окажется действительно у крестьян, и не нужно будет принудительного отчуждения. Чтобы быть справедливым, нужно обложить единственным налогом землю, и тогда она окажется у трудящихся масс, и тогда будет незавидно: кто не хочет работать, тот не будет платить» (73)...

Сколько неиспытанных еще в борьбе сил, сколько стремления к борьбе в этой наивной речи! Желая избежать «принудительного отчуждения», Кропотов *на деле* предлагает меру, которая равняется *конфискации* помещичьих земель и национализации *всей* земли! Что «единственный налог» этого сторонника учений Джорджа⁹⁹ равносителен национализации *всей* земли, этого Кропотов не понимает, но что он передает действительные стремления *миллионов*, — в этом не может быть и тени сомнения.

Вот депутат Рожков, начпнающий заявлением: «трудно, гг., мне, деревенскому мужику, говорить с этой трибуны» (77)... «Крестьянство ждало от Гос. думы не закона 9/ХІ, не того закона, который делит между нами землю, которой у нас нет, а закона, на основании которого увеличился бы сначала загон, а потом уже стали делить. Основные положения такого закона поданы за подписью 47 крестьян 20 февраля, но до сих пор еще не получили никакого движения... Хозяевами земли являются земские начальники... а настоящие хозяева этой земли связаны усиленной охраной... Для покупки земли с целью эксплуатации ее у нас в государстве нет определенного закона... который бы сказал: ты ее не покупай для эксплуатации... И вот 16 сентября 1907 г. ставропольская землеустроительная комиссия постановила, что землю может купить только тот, кто имеет рабочий скот и инвентарь. И вот, гг., здесь, в этом здании почти половина помещиков, которые держат этих людей, которым землеустроительная комиссия отказывает в праве купить землю. Гг., мы знаем, что эти люди служат за 60—70 руб. в год... Этот несчастный труженик вечно обречен быть помещичьим рабочим, он вечно будет ломать спину на людей, а хозяин за его спиной будет считать себя культурным человеком».

Томилов: «Единственный выход... по нашему мнению, таков: необходимо ныне же во всех общинах России, по примеру бывших ревизий, произвести передел земли; ревизии эти должны установить количество лиц мужского населения по 3 ноября 1905 г.

Наша крестьянская заветная мечта добыть земли и воли, но мы слышали, что пока настоящее правительство находится у власти, до тех пор земельная собственность неприкосновенна. (Голоса в центре: «частная».) Частная, дворянская. (Голоса в центре: «и ваша тоже».) Если это нас касается, то мы согласны отдать наделы; (вот она, крестьянская *Вандея*, которой пугал нас в Стокгольме премудрый Плеханов и К^о в случае национализации всей земли!) «скажем, крестьяне одного села согласны отдать свои наделы единицу на единицу, поравняться. Заявление представителя министерства сводится к тому, что пока власть не перейдет в руки крестьянства и вообще народа, крестьянам не видать ни земли, ни политических свобод. Спасибо за откровенность, хотя мы это уже знали» (149)...

И вот, в 1905 г., когда под руководством сознательных элементов крестьяне объединились воедино (Шум и смех справа) и сказали грозное слово... тогда дворяне начали говорить: «Ведь у вас есть, вам даны наделы. Вы и разделите эту косточку»...

Петров 3-ий: «Вспомните, гг., время царствования Алексея Михайловича и то возмущение крестьянского народа, которое выразилось в движении под предводительством Разина (Голоса справа: «Ого!»)... Требования свои народ особенно сильно выразил в 1905 г. Ведь тогда точно так же нужда заставила народ выйти на улицу и сказать свое властное слово о том, что ему нужно» (187)... «Все земли должны перейти в уравнительное пользование всего народа... Я, конечно, противник частной собственности на землю» (положительно, Вандея, предсказанная Плехановым, начинает разрастаться!) «и говорю, что только тогда трудовой народ получит облегчение, когда вся земля перейдет в его руки (204)... Я вполне убежден, вы вновь увидите глубины взбаламученного житейского моря. И тогда сбудется евангельское изречение: поднявший меч от меча да погибнет (Смех справа). Фракция трудовой группы своих идеалов не изменила, как не изменила и своих стремлений... Мы... говорим: вся земля трудящимся на ней, и вся власть да приложится трудовому населению!» (206).

Мерзляков: «Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает... только чтобы отнюдь земельной лавочки у нас в России не было, а чтобы земля принадлежала тому, кто личным трудом обрабатывает ее» (207). И т. д.

Недостаток места заставляет нас прекратить цитаты. Отметим только имена ораторов, выразивших менее ясно и сильно те же мысли: Кондратьев, ѡвящ. Попов 2-ой, Булат, Волков 2-ой, Дзюбинский, Ляхницкий (последние два с официальными заявлениями от имени Трудовой группы).

Спрашивается, какие выводы по отношению к аграрной программе с.-д. вытекают из этой позиции крестьянских депутатов? Что крестьяне облачают борьбу с крепостническими латифундиями и со всеми остатками крепостничества, утопиями мелкобуржуазного социализма, в этом все согласны. Это выражено в той последней части нашей аграрной программы, которая проектирована большевиками

и принята в Стокгольме меньшевиками («Протоколы Стокгольмского съезда»).

Но этим вопрос не исчерпывается. И раздел, и муниципализация, и национализация есть преобразование буржуазно-демократическое, но за какую же систему должны высказаться с.-д.? За муниципализацию, — отвечают меньшевики с Плехановым во главе, проводившие эту программу в Стокгольме. Национализация крестьянских земель вызвала бы Вандею, — прямо заявили меньшевики в Стокгольме.

С тех пор в трех Думах высказались крестьяне — депутаты самых различных мест России. Ни одной группы крестьянских депутатов не соблазнила «муниципализация», выдуманная как раз для того, чтобы «не трогать» крестьянских земель. Все трудовики-крестьяне во всех трех Думах высказались за национализацию всей земли, выражая это требование то прямым повторением программы трудовиков, то своеобразной переделкой «единственного налога», то бесчисленными заявлениями: «земля тому, кто ее обрабатывает», «мы согласны отдать наделы» и т. д.

Жизнь насмеялась над «муниципализацией», над криками о «Вандее».

Какова экономическая основа отстаивания всеми сознательными крестьянами национализации? Для ответа на этот вопрос припомним одно статистическое сопоставление, сделанное в Думе тов. Белоусовым¹⁰⁰:

«76 млн. дес. принадлежит 30 000 помещикам (в Европейской России), а 73 млн. дес. принадлежит 10-ти миллионам крестьянских дворов с наделом от 1 до 15 дес... Вывод один: четыре пятых общего числа дворов могли бы удвоить размеры своего владения» (209). Пусть даже оспорят те или иные из этих цифр (мы думаем, что они неоспоримы), но никакое изменение их не изменит сути дела, состоящей в следующем. Стремясь удвоить свое землевание, крестьяне не могут не стремиться к полному слиянию и смешению наделных и вненаделных земель. Сохранение наделных земель в частной собственности, в теперешней собственности дворов и общин, и общественная («муниципальная») собственность на экспроприируемые вненаделные земли есть хозяйственный абсурд. Это — нелепейший аграрный биметаллизм, который годен

только для заполнения места в программах, выдуманных интеллигентами. Хозяйство требует слияния и смешения всех земель. Хозяйство теперь уже соединяет кусочки наделной земли с кусочками помещичьей (аренда), и разрушение крепостничества невозможно без уничтожения тех различий землевладения, тех граней и меж, которые искусственно закрепляет «муниципализация». Хозяйство требует нового землевладения, свободного землевладения, приспособленного к капитализму, а не к старым «наделам», распределенным и размежеванным бурмистрами и казенными агентами. Это требование экономического развития и выражают (не сознавая капиталистического характера этого развития) крестьяне, высказываясь за национализацию. Старое различие наделного и ненаделного землевладения противоречит требованиям капитализма и оно будет сломано неизбежно, как бы ни тщились меньшевики — муниципализаторы закрепить его. А ломка этой грани, соединение, смешение, слияние земель всех разрядов для нового хозяйства фермеров (крестьяне думают ошибочно, что землю будет обрабатывать всякий гражданин: ее будет обрабатывать всякий хозяин, т. е. имеющий средства на это!) требует уничтожения не только помещичьей, но всей частной собственности на землю.

Столыпин хочет стереть все прежние грани всех прежних видов землевладения. Это стремление экономически правильное. Капитализм осуществит его неизбежно. Вопрос только в том, сделается ли это насчет миллионов крестьянских дворов (грабеж по закону 9 ноября), или насчет 30 000 крупнейших помещиков. Последний путь невозможен без национализации земли в буржуазно-демократической революции. Вот почему во всех трех Думах все сознательные крестьяне высказались за национализацию.

Нам осталось рассмотреть речи с.-д. в III Думе. Только два оратора нашей фракции успели высказаться (Гегечкори и Белоусов) до ограничения времени ораторов. Остальные стали отказываться, протестуя против «насилия», выразившегося в этом ограничении. Оба названные товарища исполнили свое дело правильно. Они указали на «дворянско-бюрократический дух» правительственной политики, на то, что «положение 1861 г. было насквозь крепостническим», что «ненависть к правительству» глубоко задела в душу крестьянства, требующего «земли

и воли», доказавшего в 1905 г. свою «солидарность» и способность к «революционному выступлению». Нашу, с.-д., борьбу за «конфискацию латифундий и передачу их народу» ораторы нашей партии правильно истолковали не в духе мещанских утопий об «уравнительности», «социализации» и т. п., а как меру освобождения страны от кабально-крепостнического гнета. Постановка вопроса у Гегечкори и у Белоусова была революционно-социал-демократическая. «Сила создает право — закончил тов. Белоусов — и, чтобы завоевать право, надо накопить силы и организовать их». Обе речи с.-д. ораторов III Думы должны стать настольным материалом для всякого члена партии, ведущего работу пропаганды и агитации. В формуле перехода, предложенной с.-д. фракцией, пропущено только требование безвозмездного перехода земель. Это было бы важным нарушением нашей программы, если бы это было умышленно. Но тов. Гегечкори, прочитавший формулу, дважды упомянул в своей речи о необходимости «безвозмездного отчуждения», так что едва ли можно считать указанный пропуск умышленным.

*«Пролетарий» № 40,
1 (14) декабря 1908 г.
Подпись: Н. Л.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

**ПЯТАЯ (ОБЩЕРОССИЙСКАЯ)
КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП¹⁰¹**

21—27 ДЕКАБРЯ 1908 г. (3—9 ЯНВАРЯ 1909 г.)

1

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ
О СОВРЕМЕННОМ МОМЕНТЕ И ЗАДАЧАХ ПАРТИИ

Современное политическое положение характеризуется следующими чертами:

а) Старое крепостническое самодержавие развивается, превращаясь в буржуазную монархию, прикрывающую абсолютизм лжеконституционными формами. Открыто закреплён и признан государственным переворотом 3-го июня и учреждением III Думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии. Став по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы, самодержавие лавирует между этим классом и представителями капитала. Их мелкие раздоры используются для поддержания абсолютизма, который вместе с этими классами ведет бешеную контрреволюционную борьбу с обнаружившими свою силу в недавней массовой борьбе социалистическим пролетариатом и демократическим крестьянством.

б) Таким же буржуазно-бонапартистским характером отличается аграрная политика современного царизма. Он потерял всякую веру в наивную преданность крестьянской массы монархии. Он ищет союза с богатыми крестьянами, отдавая им деревню на разграбление. Самодержавие делает судорожные усилия, чтобы поскорее сломать все общинно-надельное землевладение и укрепить исключительно частную поземельную собственность. Такая политика обостряет во сто крат все противоречия капитализма в деревне и ускоряет разделение деревни на

ничтожное меньшинство реакционеров и революционную пролетарскую и полупролетарскую массу.

с) Либеральная буржуазия, с партией к.-д. во главе, вступившая на контрреволюционный путь уже при первых крупных выступлениях масс в революции, продолжает идти по этому пути, еще более сближаясь с октябристами, и своей царистско-националистической агитацией, — выражающей рост самосознания буржуазии, как класса, — фактически служит службу абсолютизму и крепостникам-помещикам.

д) Крестьянские массы, как показывает даже их придушенное и искаженное представительство в III Думе, продолжают — несмотря на все преследования демократических элементов деревни — оставаться, при всех своих колебаниях, на стороне революционно-демократического аграрного переворота, который, совершенно уничтожая помещичье землевладение, обеспечил бы тем наиболее быстрое, широкое и свободное развитие производительных сил в капиталистической России. Закон 9-го ноября только ускоряет разделение крестьянских масс на непримиримо-враждебные и сознательно-политические силы.

е) На пролетариат обрушилось и обрушивается всего больше ударов и со стороны самодержавия и со стороны быстро объединяющегося и наступающего капитала. Несмотря на это, пролетариат сохраняет, по сравнению с другими классами, наибольшую сплоченность и наибольшую верность своей классовой партии, с которой слила его революция. Пролетариат продолжает борьбу за свои классовые интересы и углубляет свое социалистическое классовое сознание, оставаясь единственным классом, способным последовательно руководить новой революционной борьбой.

f) В общем и целом несомненно, что объективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными. Продолжающийся экономический кризис, безработица и голодовки показывают, что новейшая политика самодержавия не может обеспечить условий капиталистического развития России. Эта политика неизбежно ведет к углублению конфликта демократических масс с командующими классами, к росту недовольства в новых слоях населения, к обострению и углублению политической борьбы различных классов. Новый революционный

кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно.

г) Общее обострение на мировом рынке, объясняющееся, главным образом, изменениями промышленного положения Западной Европы в сторону кризиса, перешедшего в 1908 году в форму депрессии, и революционными движениями на Востоке, знаменующими собою создание национальных капиталистических государств, усиливает конкуренцию, ведет к учащению международных столкновений, обостряя этим классовое противоречие между буржуазией и пролетариатом и делая общую международную обстановку все более революционной.

Исходя из такого положения вещей, Всероссийская конференция РСДРП признает, что основными задачами партии являются в настоящий момент следующие:

1) Разъяснение широким массам народа смысла и значения новейшей политики самодержавия и роли социалистического пролетариата, который, ведя самостоятельную классовую политику, должен руководить демократическим крестьянством в современной политике и в предстоящей революционной борьбе.

2) Всестороннее изучение и широкая популяризация опыта массовой борьбы в 1905—1907 годах, давшего незаменимые уроки революционно-социал-демократической тактики.

3) Укрепление РСДРП, как она сложилась в революционную эпоху; поддержание традиций ее непримиримой борьбы как с самодержавием и реакционными классами, так и с буржуазным либерализмом; борьба с отступлениями от революционного марксизма, с укорачиванием лозунгов РСДРП и с попытками ликвидировать нелегальную организацию РСДРП, обнаруживающимися среди некоторых партийных элементов, поддавшихся влиянию распада.

Необходимо иметь при этом в виду, что, только содействуя ясно наметившемуся уже процессу перехода партийных функций в руки самих рабочих с.-д., только создавая и укрепляя нелегальные партийные организации, можно вывести партию на дорогу правильного ее развития.

4) Всестороннее содействие экономической борьбе рабочего класса, согласно резолюциям Лондонского и Штутгартского конгрессов.

5) Использование Думы и думской трибуны для революционной социал-демократической пропаганды и агитации.

6) На очередь дня выдвигается прежде всего длительная работа воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата. Затем, в подчинении этой задаче, необходимо распространение организационной работы на крестьянство и армию, особенно в форме литературной пропаганды и агитации, причем главное внимание должно быть обращено на социалистическое воспитание пролетарских и полупролетарских элементов в крестьянстве и армии.

*Написано в конце декабря 1908 г. —
начале января 1909 г.*

*Впервые напечатано в 1929 г.
во 2—3 изданиях Сочинений
В. И. Ленина, том XIV*

*Печатается по гектографированной
копии*

2

ДИРЕКТИВЫ ДЛЯ КОМИССИИ
ПО ОРГАНИЗАЦИОННОМУ ВОПРОСУ

Принимая во внимание, что представленные проекты резолюций и прения по организационному вопросу с ясностью обнаружили два основных течения в РСДРП по вопросу о коренном направлении современной организационной политики вообще, —

Конференция поручает комиссии положить в основу своих работ принципы того направления, которое признает, что для работы среди масс, остающейся попрежнему основной задачей социал-демократии, центр тяжести должен быть перенесен на создание и укрепление нелегально-партийной организации, и что только под неуклонным воздействием этой организации может быть правильно поставлена вся работа среди масс, все воздействие на думскую фракцию, вся деятельность партии вокруг думской фракции, все использование легальных и полуполигальных организаций, без всякого принижения классовых задач социал-демократии.

Написано 24 декабря 1908 г.
(6 января 1909 г.)

Напечатано в 1909 г.
в «Известии Центрального
Комитета Российской с.-д. рабочей
партии о состоявшейся очередной
общепартийной конференции».
Париж

Печатается по тексту «Известия»

3

ПРАКТИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ
ПО ВОПРОСУ О БЮДЖЕТНЫХ ГОЛОСОВАНИЯХ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ

Голосование за бюджет в целом признается принципиально недопустимым. Конференция признает необходимым, чтобы по вопросам голосования отдельных статей бюджета фракция во главу угла ставила тот принцип нашей программы, по которому с.-д. решительно отвергают реформы, связанные с полицейско-чиновничьей опекой над трудящимися классами. Поэтому, общим правилом должно быть голосование против отдельных статей бюджета, ибо почти всегда выполнение их связано не только с опекой, но и с прямым воздействием черносотенцев. В случаях, когда улучшение положения трудящихся представляется вероятным вопреки этим условиям, рекомендуется воздержание от голосования при обязательной декларации с изложением социалистической позиции. Наконец, в тех исключительных случаях, когда голосование «за» представляется фракции необходимым, рекомендуется не делать этого без совещания с представителями ЦК и, по возможности, столичных партийных организаций.

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

По вопросу о бюджете конференция полагает, что голосование за бюджет в целом признается принципиально недопустимым.

Голосование за отдельные статьи бюджета классового государства, узаконяющие расходы на орудия угнетения масс (войско и пр.), признается также недопустимым.

При голосовании за реформы или за статьи о расходах на культурные потребности во главу угла следует поло-

жить тот принцип нашей программы, по которому с.-д. отвергают те реформы, которые связаны с полицейско-чиновничьей опекой над трудящимися классами.

Поэтому, общим правилом должно быть голосование против проводимых в III Думе, так называемых, реформ и статей расходов на, так называемые, культурные потребности.

В особых случаях, когда улучшение положения трудящихся, вопреки общим условиям, представляется не более как вероятным, рекомендуется воздержание и особое заявление о причинах воздержания.

Наконец, в исключительных случаях, когда прямая выгода для рабочих несомненна, разрешается голосовать «за», но рекомендуется совещание с представителями ЦК и партийных и профессиональных организаций.

*Написано 25—26 декабря 1908 г.
(7—8 января 1909 г.)*

*Напечатано в 1909 г. в брошюре:
«Отчет кавказской делегации
об общепартийной конференции».
Париж*

*Печатается первый вариант
по тексту брошюры,
второй — по рукописи,
сверенной с текстом брошюры*

4

ДОБАВЛЕНИЕ К РЕЗОЛЮЦИИ
«О ДУМСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ»

... констатируя вместе с тем, что вина за уклонения фракции лежит не на ней одной, ибо она работает при особенно тяжелых условиях черносотенной Думы, а в некоторой степени также на всех организациях партии и на ее Центральном Комитете, которые далеко не сделали еще всего необходимого и возможного для правильной постановки думской работы партии...

*Написано 25—26 декабря 1908 г.
(7—8 января 1909 г.)*

*Напечатано в 1909 г. в «Известии
Центрального Комитета Российской
с.-д. рабочей партии о состоявшейся
очередной общепартийной
конференции». Париж*

Печатается по рукописи

5

ЗАЯВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ¹⁰²

ФАКТИЧЕСКОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

По поводу заявления Дана о кружковых соглашениях внутри большевиков мы констатируем, что наши соглашения происходят между партийными людьми, внутри партии действующими, в партийных органах выступающими, тогда как меньшевики и в своей резолюции и во всех своих делах осуществляют соглашения партийных людей с непартийными людьми, тайком противодействующими партии, ликвидирующими ее и проводящими оппортунизм, невиданный ни в одной европейской с.-д. партии.

*Написано 26 декабря 1908 г.
(8 января 1909 г.)*

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXV*

Печатается по рукописи

КАК СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ПОДВОДЯТ ИТОГИ РЕВОЛЮЦИИ И КАК РЕВОЛЮЦИЯ ПОДВЕЛА ИТОГИ СОЦИАЛИСТАМ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ

Нам не раз уже случалось в истекшем (1908) году говорить о современном положении и течениях в буржуазной демократии в России. Мы отмечали покушение на восстановление «Союза освобождения» при участии трудящихся («Пролетарий» № 32)*, мы характеризовали демократизм крестьянства и крестьянских представителей в аграрном и других вопросах («Пролетарий» №№ 21 и 40)**, мы обрисовывали по газете «Революционная Мысль» поразительное недомыслие мнящей себя особенно революционной фракции с.-р. («Пролетарий» № 32). Для полноты картины необходимо остановиться теперь на официальной литературе партии с.-р. За 1908 год вышло 4 номера «Знамени Труда» (номера 9—13; номер 10—11 двойной)*** и особое «Извещение» ЦК партии с.-р. о 1-ой партийной конференции и 4-м Совете партии, состоявшихся за границей в августе. Остановимся на этом материале.

«Партии предстояло — говорит ЦК партии с.-р. в «Извещении» — подвести итоги тому периоду великой русской революции, ныне законченному, в течение которого главным, часто почти исключительным, действующим лицом был городской пролетариат». Это сказано очень хорошо. Это сказано необыкновенно, для эсеров, правдиво. Но читайте пятью строками дальше: «Торжество контрреволюции только наглядным образом подтвердило ту истину, несомненную для нас с самого начала, что успеш-

* См. настоящий том, стр. 126—134. Ред.

** См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 404—409 и настоящий том, стр. 277—290. Ред.

*** Редакция «Пролетария» не удалось, и сожалению, достать № 12.

ная русская революция или будет делом мощного союза сил городского пролетариата с силами трудового крестьянства, или ее не будет. Этот союз существовал пока в идее, воплощаясь в выдвинутой русской жизнью социально-революционной программе. Он лишь едва начал воплощаться в жизни. Его новое воплощение в будущем...»

Посмотрите же, надолго ли хватило эсеровской правдивости! Всякий, кто хоть краем уха слышал о программах с.-р. и с.-д., знает, что коренное отличие этих программ следующее: 1) Социал-демократы объявляли русскую революцию *буржуазной* революцией; социалисты-революционеры отрицали это. 2) Социал-демократы утверждали, что пролетариат и крестьянство суть *различные классы* капиталистического (или полукрепостнического, полукapиталистического) общества; что крестьянство есть класс мелких *хозяев*, который может «вместе бить» помещиков и самодержавие, стоя «по одну сторону баррикады» с пролетариатом в буржуазной революции, может в *этой* революции идти в том или другом случае в «союзе» с пролетариатом, оставаясь совершенно другим классом капиталистического общества. С.-р. отрицали это. Основная идея их программы состояла вовсе не в том, что нужен «союз сил» пролетариата и крестьянства, а в том, что *нет классовой пропасти* между тем и другим, в том, что не нужно проводить классовой грани между ними, в том, что с.-д. идея о мелкобуржуазности крестьянства, в отличие от пролетариата, в корне ложна.

И теперь эти два коренные различия программы с.-д. и с.-р. смазывают гг. с.-р. посредством гладких, прилизанных фраз! Итоги революции подводятся господами эсерами таким образом, как будто бы ни революции, ни эсеровской программы не было. Была, почтеннейшие, эсеровская программа, все отличие которой от эсдековской в основной, теоретической, части построено на отрицании мелкобуржуазности крестьянства, на отрицании классовой грани между крестьянством и пролетариатом. Была, почтеннейшие, революция, коренной урок которой состоит в том, что крестьянство своими открытыми массовыми выступлениями обнаружило свою, отличную от пролетариата, классовую природу, показало свою мелкобуржуазность.

Вы делаете вид, что не заметили этого? Вы видите это, но стараетесь отмахнуться от неприятной действительности, обнаруженной революцией. Вы действовали с трудовиками не в «союзе», а в неразрывной слитости с ними и, притом, в такие крупнейшие моменты, когда открытая революция достигла своего апогея, — осенью 1905 и летом 1906 г. Открытые органы печати были тогда эсеровско-трудовическими. Даже после выделения трудовиков и народных социалистов вы шли не в союзе, а в блоке, т. е. почти слитно с ними на выборах во II Думу и в самой II Думе. Ваша собственная программа, в отличие от программы трудовиков и энесов, *потерпела поражение* во всех открытых и действительно массовых выступлениях представителей от крестьянства. И в I и во II Думе подавляющее большинство крестьянских депутатов приняло аграрную программу *трудовиков*, а не эсеров. С.-р. сами в своих чисто эсеровских изданиях, начиная с конца 1906 г., вынуждены были признать *мелкобуржуазность* трудовиков, как политического направления, признать, что в подоплеке этого направления сказываются «*собственнические инстинкты*» мелких хозяев (см. статьи, направленные против народных социалистов г. Вихляевым и другими эсерами).

Спрашивается, кого же хотят обмануть эсеры, подводя «итоги» революции с *сокрытием* основного и главного итога?

Почему крестьянство за время революции сложилось в особую политическую партию (или группу) трудовиков? Почему именно трудовики, а не эсеры, стали за время революции партией крестьянских масс? Если гг. эсеры думают, что это была случайность, тогда нечего и разговаривать ни об итогах, ни о какой-либо программе вообще, ибо тогда хаос ставится на место всяких итогов и всякой программы. Если это не случайность, а результат основных экономических отношений в современном обществе, то главный и коренной пункт программы русских с.-д. *доказан историей*. Революция на деле провела ту классовую грань между крестьянством и пролетариатом, которую мы, с.-д., всегда проводили в теории. Революция окончательно показала, что партия, желающая быть партией масс в России, партией класса, должна быть *или* эсеровской *или* трудовической, ибо сами массы своими

открытыми выступлениями в наиболее важные и острые моменты вполне наметили именно эти два и только эти два направления. Межеумочные группы, как показали события 1905—1907 годов, ни разу и ни в чем с массами не могли слиться. Этим доказан и буржуазный характер нашей революции. Ни один историк, ни один вменяемый политик вообще не в состоянии будет теперь отрицать коренного деления политических сил в России на социалистический пролетариат и мелкобуржуазное демократическое крестьянство.

«Союз сил городского пролетариата и трудового крестьянства... существовал пока в идее». Это насквозь путаная и лживая фраза. Союз сил пролетариата и крестьянства не «в идее существовал» и не «едва начал воплощаться в жизни», а характеризовал весь первый период русской революции, все крупные события 1905—1907 годов. Октябрьская стачка и декабрьское восстание, с одной стороны, крестьянские восстания на местах и восстания солдат и матросов были именно «союзом сил» пролетариата и крестьянства. Этот союз был стихичен, неоформлен, часто несознан. Эти силы были неорганизованы достаточно, были раздроблены, были лишены действительно руководящего центрального руководства и т. д., но факт «союза сил» пролетариата и крестьянства, как главных сил, проломивших брешь в старой самодержавии, бесспорен. Не поняв этого факта, нельзя ничего понять в «итогах» русской революции. Фальшь вывода эсеров состоит здесь в том, что они говорят: *трудового* вместо того, чтобы сказать: *трудолического* крестьянства. Эта маленькая, эта ничтожная разница, которая кажется совсем незаметной, на деле как раз определяет пропасть между дореволюционными мечтами эсеров и действительностью, окончательно доказанной революцией.

Эсеры *всегда* говорили о *трудовом* крестьянстве. Революция определила политическую физиономию современного русского крестьянства, как направление *трудовиков*. Повидимому, эсеры оказались правы? Но в том-то и состоит ирония истории, что история сохранила и увековечила эсеровский *термин*, наполнив то, что в действительности соответствует этому термину, как раз таким *содержанием*, которое предсказывали эсдеки. История революции поделила нас с эсерами в спорном вопросе

о мелкобуржуазности трудового крестьянства: эсерам история дала *слово*, нам — *суть дела*. Воспетые эсерами до революции трудовые крестьяне оказались в революции такими *трудоуиками*, от которых *пришлось* отречься эсерам! А нам, эсдекам, доказывать мелкобуржуазность крестьянства можно и *должно* теперь не только анализом, сделанным в «Капитале» Маркса¹⁰³, не только ссылками на «Эрфуртскую программу»¹⁰⁴, не только данными народнических экономических исследований и земской статистики, а поведением крестьянства в русской революции вообще и в частности фактами, относящимися к составу и деятельности *трудоуиков*.

Нет. Нам нечего жаловаться на то, как поделила нас с эсерами история.

«Если бы отзовистам — говорит «Знамя Труда» в № 13, стр. 3 — удалось вернуть социал-демократию на ее крайние боевые позиции, то мы лишились бы некоторой части благодарного материала для полемики, но приобрели бы сотрудника в последовательной боевой тактике». И парой строк выше: «Дело борьбы за свободу и социализм только выиграло бы, если бы и среди кадетов и среди социал-демократов взяло верх левое течение».

Очень хорошо, гг. эсеры! Вы хотите поласкать наших «отзовистов» и «левых». Позвольте же и нам ответить на ласку лаской. Позвольте и нам воспользоваться «благодарным материалом для полемики».

«Пусть целый ряд партий, вплоть до кадетов, трудоуиков и социал-демократов, поддерживает своим участием в картонной опереточной Думе фикцию конституционного строя» («Знамя Труда», там же).

Итак, III Дума есть Дума картонная. Одной этой фразы за глаза достаточно, чтобы обнаружить бездну невежества гг. эсеров. Третья Дума, почтеннейшие гг. руководители эсеровского центрального органа, гораздо *менее* есть картонное учреждение, чем I и II! Не поняв этой простой вещи, вы только лишний раз подтверждаете то, что было нами сказано про вас в номере «Пролетария» в статье «Парламентский кретинизм наизнанку». Вы целиком повторяете обычный предрассудок вульгарной буржуазной демократии, убеждающей себя и других, что плохие и реакционные

Думы суть картонные учреждения, а хорошие и прогрессивные Думы — не картонные.

На самом деле I и II Думы были картонными мечами в руках либерально-буржуазной интеллигенции, желавшей поугубить революцией самодержавие. III Дума есть не картонный, а настоящий меч в руках самодержавия и контрреволюции. I и II Думы — картонные Думы, потому что их решения не соответствовали действительному распределению материальной силы в борьбе общественных классов и оставались пустыми словами. Значение обеих этих Дум в том, что за передним рядом кадетских конституционных фигляров ясно видны были настоящие представители того демократического крестьянства и того социалистического пролетариата, которые действительно делали революцию, били врага в открытой массовой борьбе, но не сумели еще добить его. Третья Дума не есть картонная Дума, ибо ее решения соответствуют действительному распределению материальной силы при временной победе контрреволюции и потому не остаются словами, а проводятся в жизнь. Значение этой Думы в том, что она дала всем неразвитым политически элементам народа наглядный урок, показывающий соотношение представительных учреждений и действительного обладания государственной властью. Представительные учреждения, хотя бы самые «прогрессивные», осуждены оставаться картонными, пока классы, представленные в них, не обладают действительной государственной властью. Представительные учреждения, хотя бы самые реакционные, не будут картонными, раз в руках тех классов, которые в них представлены, находится действительная государственная власть.

Называть III Думу картонной опереточной Думой есть образец того крайнего недомыслия, того разгула пустой революционной фразы, которые давно уже стали специфической отличительной чертой и основным свойством партии с.-р.

Но пойдём дальше. Верно ли, что III Дума есть «фикция конституционного строя»? Нет, это неверно. В руководящем органе говорить такие вещи могут только люди, не знающие азбуки, преподанной почти полвека тому назад Лассалем. В чем сущность конституции, любезнейшие члены пропагандистского кружка низшего типа, кружка, именуемого партией с.-р.? В том ли, что при конституции

бывает «свободнее» и «трудовому народу» жить легче, чем без конституции? Нет, так думают только вульгарные демократы. Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе. Фиктивна конституция, когда закон и действительность расходятся; не фиктивна, когда они сходятся. В России эпохи III Думы конституция *менее* фиктивна, чем в России эпохи I и II Думы. Если вас возмущает этот вывод, гг. «социалисты»-«революционеры», так это потому, что вы не понимаете ни сущности конституции, ни разницы между ее фиктивностью и ее классовым характером. Конституция может быть черносотенной, помещичьей, реакционной и в то же время *менее* фиктивной, чем иная «либеральная» конституция.

Беда с.-р. в том, что они не знают ни исторического материализма, ни диалектического метода Маркса, оставаясь целиком в плену вульгарных буржуазно-демократических идей. Конституция для них не новое поприще, не новая форма классовой борьбы, а абстрактное благо подобно «законности», «правовому порядку», «общему благу» либеральных профессоров и т. д. и т. п. На самом деле и самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, причем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой несколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке. Например, русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодалного, полупатриархального самодержавия изжила себя. Переход к представительным учрежде-

ниям национального масштаба стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. д. Революционная борьба 1905 года обострилась особенно из-за того, кто и как соберет первое всероссийское представительное учреждение. Декабрьское поражение решило этот вопрос в пользу старой монархии, а при таких условиях иной конституция, кроме черносотенно-октябристской, и быть не могло.

На новом поприще, при учреждениях бонапартистской монархии, на более высокой ступени политического развития борьба начинается опять с устранения прежнего врага, черносотенного самодержавия. Может ли социалистическая партия в этой борьбе отказаться от использования новых представительных учреждений? Эсеры не сумели даже поставить этого вопроса, они отделяются фразами и только фразами. Слушайте дальше:

«Теперь у нас нет парламентских путей борьбы — есть только внепарламентские. Это убеждение должно быть укоренено везде, и нужна непримиримая борьба со всем, что препятствует такому укоренению. Сосредоточимся на внепарламентских средствах борьбы!»

Рассуждение эсеров построено на знаменитом субъективном методе в социологии. Укореним же убеждение — и дело в шляпе. О том, что убеждения относительно того, есть ли в наличности те или другие пути борьбы, следует проверить объективными данными, субъективисты не заботятся. Но заглянем в «Извещение» и в резолюции конференции эсеров, читаем: ...«сумрачное затишье переживаемого тяжелого времени или, вернее, безвременья» (стр. 4)... «сплочение реакционных общественных сил»... «факт скованности массовой народной энергии»... «в интеллигенции, как наиболее впечатлительной части населения, заметно переутомление, идейный разброд и отлив сил от революционной борьбы» (стр. 6) и т. д. и т. п. «Ввиду этого партия с.-р. должна... б) относиться отрицательно, из тактических соображений, к проектам частичных массовых выступлений, в которых, по условиям настоящего момента, может происходить бесплодная трата народной энергии» (стр. 7).

У кого же это «у нас» «есть только внепарламентские пути борьбы»? Ясно, что у группы террористов, ибо массовой борьбы «у нас» все выписанные тирады не указывают.

«Факт скованности массовой народной энергии» и «сосредоточиться на внепарламентских средствах борьбы», — это простое сопоставление еще и еще раз показывает нам, сколько исторической правды было в наименовании эсеров революционными авантюристами!* Разве это не авантюризм, когда для хлесткого словечка говорят о сосредоточении на таких средствах борьбы, к которым сами же признают сейчас неспособную массу? Разве это не старая-престарая психология интеллигентского отчаяния?

«Сосредоточимся на внепарламентских средствах борьбы» — этот лозунг был верен в один из самых замечательных периодов русской революции, осенью 1905 года. Повторяя его без критики теперь, эсеры поступают подобно тому герою народной сказки, который усердно кричал... все невпопад. Вы не поняли, любезные, почему лозунг бойкота был верен осенью 1905 г., и, повторяя его без критики, без смысла, как заученное словечко, теперь, вы обнаруживаете не революционаризм, а самый обыкновенный глупизм.

Осенью 1905 года ни один человек не говорил о «факте скованности массовой народной энергии». Напротив, все партии признавали, что массовая энергия бьет ключом. В такой момент старая власть предлагает законсовещательный парламент, явно желая раздробить и хоть на минуту успокоить клокочущие силы. «Сосредоточимся на внепарламентских средствах борьбы» — тогда этот лозунг не был фразой кучки крикунов, а призывом людей, на деле стоявших впереди толпы, впереди миллионов борцов из рабочих и крестьян. Поддержав этот призыв, миллионы показали, что лозунг был объективно-верен, выражал не только «убеждения» горстки революционеров, а действительное положение, настроение и инициативу масс. Повторять этот лозунг наряду с признанием «факта скованности массовой народной энергии» могут только смехотворные политики.

И, раз мы уже коснулись смехотворного, нельзя не привести следующего перла из «Знамени Труда»: «Оставим его (правительство) в Думе наедине с «черными» и партией последнего правительственного распоряжения, и

* См. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 165—184. Ред.

поверьте, что если когда-либо эти пауки способны начать есть друг друга, так это именно в таком положении»... Это «поверьте» так бесподобно-мило, что прямо обезоруживает противника. «Поверьте», читатель, что передовые статьи в «Знамени Труда» пишет действительно милая эсеровская гимназисточка, искренно верующая, что «пауки» начнут «есть друг друга», когда оппозиция уйдет из III Думы.

Принятая Лондонским съездом резолюция об отношении к непролетарским партиям вызвала со стороны меньшевиков самые резкие нападки в той ее части, которая касается кадетов. Немногим менее резки были их нападки на ту часть, которая касается народнических или трудовых партий. Большевики старались доказать, что мы потворствуем эсерам или умалчиваем о некоторых, давно установленных марксистами, грехах эсеров и т. п. Источник всех этих потуг меньшевиков был двойкий: с одной стороны, основное принципиальное разногласие в оценке русской революции. Большевики упорно хотят, чтобы пролетариат творил ее вместе с кадетами, а не вместе с трудовическим крестьянством против кадетов. С другой стороны, большевики не поняли того, как открытое выступление масс и классов в революции изменило прежнее положение и зачастую прежний характер партий. До революции эсеры были *только* группой народничаствующих интеллигентов. Верна ли была бы такая характеристика после революции и даже после 1906 года? Очевидно, нет. Защищать прежний взгляд в такой формулировке могли бы только люди, ничему не научившиеся в революции.

Революция *доказала*, что эта группа народничаствующих интеллигентов есть крайнее левое *крыло* чрезвычайно широкого и безусловно массового народнического или трудовического течения, выразившего интересы и точку зрения крестьянства в русской буржуазной революции. Этот факт доказан и крестьянскими восстаниями, и Крестьянским союзом, и Трудовой группой в трех Думах, и свободной печатью эсеров и трудовиков. Вот этого факта не сумели понять меньшевики. Они рассматривают эсеров *доктринерски*, т. е. как люди доктрины, учитывающие

ошибки чужой доктрины, но не видящие, какие реальные интересы реальных масс,двигающих буржуазно-демократическую революцию, выражает или прикрывает эта доктрина. Эсеровская доктрина вредна, ошибочна, реакционна, авантюристична, мелкобуржуазна — кричат меньшевики — ни шагу дальше, ни слова больше; что сверх сего, то от лукавого.

Вот тут начинается *ваша* ошибка, говорим мы меньшевикам. Справедливо, что эсеровская доктрина вредна, ошибочна, реакционна, авантюристична, мелкобуржуазна. Но такие качества не мешают этой quasi*-социалистической доктрине быть идейным облачением действительно революционной, а не соглашательской, буржуазии и мелкой буржуазии в России. Ибо доктрина эсеров есть только ручеек в трудовическом, т. е. крестьянски-демократическом, потоке. Как только начинается открытая борьба масс и классов, так события сейчас же заставляют всех нас, и большевиков и меньшевиков, признать это, допуская участие эсеров в советах рабочих депутатов, сближаясь с советами крестьянских, солдатских, почтово-телеграфных, железнодорожных и т. д. депутатов, участвуя на выборах в союзе с ними против либералов, голосуя с ними в Думах против либералов и т. п. Революция не опровергла нашу оценку эсеров, а подтвердила ее. Но она подтвердила эту оценку, не оставив вопроса в прежнем положении и в прежнем виде, а перенесла его на несравненно более высокую почву: прежде дело шло только о сравнении доктрин и идеологий, о политике группок; теперь дело идет о сравнении исторической деятельности классов и масс, идущих за этой или родственной идеологией. Прежде спрашивали только: верно ли то, что эсеры говорят, верна ли тактика этой идейной организации? Теперь вопрос встал: каково на деле поведение тех слоев народа, которые мнят себя солидарными с эсерами или родственными их основным идеям («трудовому началу» и т. п.)? Ошибка меньшевиков состоит в непонимании этого изменения, созданного революцией.

А это изменение, кроме указанного его значения, чрезвычайно важно еще потому, что оно наглядно показало соотношение классов и партий. Урок нашей революции

* — лже. Ред.

состоит в том, что только партии, опирающиеся на определенные классы, сильны и уцелевают при всех и всяких поворотах событий. Открытая политическая борьба заставляет партии связываться теснее с массами, ибо без такой связи партии — ничто. Эсеры формально независимы от трудовиков. *На деле* в революции они *вынуждены* были идти вместе под угрозой полного исчезновения с политической сцены. И можно ручаться, что при следующем революционном подъеме эсеры опять будут вынуждены (как бы они ни кричали теперь о полной своей самостоятельности) идти с трудовиками или с подобными им организациями масс. Объективные условия общественной жизни и борьбы классов сильнее добрых желаний и писанных программ. С этой точки зрения — единственно правильной — теперешнее расхождение трудовиков и эсеров есть лишь распад мелкобуржуазного движения, есть лишь невыдержанность мелких буржуа, не умеющих при трудных обстоятельствах удержать своей сплоченности и «бредущих розно». С одной стороны, перед нами трудовики, неорганизованные, шаткие, колеблющиеся, лишенные всякого прочного политического направления в III Думе, но, несомненно, вышедшие из массы, связанные с массой, выражающие запросы массы. С другой стороны — горстка эсеровских «отзовистов», не имеющих никакой связи с массой и мечущихся от отчаяния, теряющих веру в массовую борьбу (см. «Революционная Мысль»), сосредоточивающихся на терроре. Крайний оппортунизм трудовиков (с точки зрения положения революционного крестьянства) и крайний, чисто словесный и бессмысленный, революционаризм эсеров, это — две ограниченности одного и того же мелкобуржуазного течения, «два флюса», выражающие одну «болезнь»: неустойчивость мелкой буржуазии, неспособность ее к систематической, упорной, выдержанной и дружной массовой борьбе.

На думскую тактику революционных партий в настоящее время и на вопрос об отзовизме, в частности, это обстоятельство проливает новый свет. «У нас нет парламентских путей борьбы», кричат хвастливые интеллигенты — эсеры. У кого «у нас», господа? У интеллигенции *без масс* никогда не было и никогда не будет ни парламентских, ни серьезных внепарламентских средств борьбы. А какие массы шли с вами или подле вас вчера, во время революции?

Трудовическое крестьянство. Правда ли, что у него «нет парламентских средств борьбы»? Неправда. Взгляните на аграрные прения в III Думе и вы увидите, что трудовики, несомненно, выразили здесь запросы масс. Значит, хлесткое словечко эсеров есть пошлое фразерство, не более того. Крестьянские массы в 1908-ом году на думской трибуне выразили *свои* запросы, а «внепарламентски» не боролись. Это — факт, от которого никаким «левым» визгом и выкрикиванием эсеровски-отзовистских фраз не отвертеться.

В чем причина этого факта? В том ли, что ослабело «убеждение» в предпочтительности внепарламентских путей? Пустяки. В том, что объективные условия не вызвали еще в этот период широкого брожения масс и непосредственного выступления их. Раз это так, — а это несомненно так — то обязанностью всякой серьезной партии было использовать и *посредственные* пути. Что получилось у эсеров от неумения использовать их? Только то, что трудовики сделали свое дело чрезвычайно плохо, наделали в тысячу раз больше ошибок, чем получилось бы при воздействии на них партии, шатались и падали чрезвычайно часто. А эсеры, оторвавшись от своего класса, от своих масс, «сосредоточились» на фразерстве, ибо *на деле* для «внепарламентских средств борьбы» в 1908-м году они не совершили *ничего*. Эта оторванность от своего социального корня сейчас же ведет у эсеров к обострению их первородного греха: непомерного, разнузданного хвастовства, похвальбы, прикрывающей бессилие. «Наша партия может поздравить себя», — читаем на 1-ой странице «Извещения»... выбор на конференцию «реально существующими» (вот как мы!) «местными партийными организациями»... «было достигнуто по всем вопросам единство настроения»... «это было именно достижение единогласия» (там же) и т. п.

Это неправда, господа. Этим шумом слов вы прячете разногласия, вполне вышедшие и в «Революционной Мысли» (весна 1908 г.) и в № 13 «Знамени Труда» (ноябрь 1908 г.). Эта шумиха есть признак слабости. И беспартийный оппортунизм трудовиков и «партийная» хвастливость, беспочвенность, фраза эсеров — две стороны одной медали, две крайности распада *единого* мелкобуржуазного слоя. Недаром во время революции, когда борьба раскрыла все

оттенки, эсеры все время прятали и не могли спрятать своего колебания между энесами и максималистами.

Воз в канаве. Лошади распряглись. Форейтор сидит верхом на тумбе и, заломив шапку набекрень, «поздравляет» себя с «единогласием». Вот картина эсеровской партии. Вот итоги эсеровского отзовизма, отозвавшего горстку интеллигентов к пустым выкрикам от тяжелой, упорной, но единственно серьезной и благодарной работы над воспитанием и организацией масс.

*«Пролетарий» № 41,
7 (20) января 1909 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

НА ДОРОГУ

Год развала, год идейно-политического разброда, год партийного бездорожья лежит позади нас. Организации партии все сократились в числе членов, некоторые — именно состоящие наименее из пролетариев — развалились. Созданные революцией полуоткрытые учреждения партии терпели провал за провалом. Дошло до того, что для некоторых, поддавшихся влиянию распада, элементов внутри партии стало вопросом, надо ли сохранить прежнюю с.-д. партию, надо ли продолжать ее дело, надо ли идти опять в подполье и как это сделать, — и на этот вопрос крайние правые давали ответ в смысле легализации во что бы то ни стало, ценой даже явного отказа от партийной программы, тактики и организации (так называемое, ликвидаторское течение). Кризис был, несомненно, не только организационный, но и идейно-политический.

Недавно состоявшаяся Всероссийская конференция РСДРП выводит партию на дорогу и представляет из себя, видимо, поворотный пункт в развитии русского рабочего движения после победы контрреволюции. Решения конференции, напечатанные в особом «Извещении», изданном Центральным Комитетом нашей партии, утверждены ЦК и являются, следовательно, до следующего съезда решениями всей партии. В этих решениях дан вполне определенный ответ на вопрос о причинах и значении кризиса, а также о средствах выхода из него. Работая в духе резолюций конференции, добиваясь ясного и полного сознания *всеми* партийными работниками современных задач партии, наши организации сумеют укрепить

и сплотить свои силы для дружной и живой революционно-социал-демократической работы.

Основная причина кризиса партии указана в мотивах организационной резолюции. Эта основная причина заключается в чистке рабочей партии от колеблющихся интеллигентских и мелкобуржуазных элементов, которые примкнули к рабочему движению, главным образом, в надежде на близкое торжество буржуазно-демократической революции и которые не могли устоять в период реакции. Неустойчивость сказалась и в области теории («отступления от революционного марксизма»: резолюция о современном моменте), и в области тактики («укорачивание лозунгов»), и в области организационной политики партии. Сознательные рабочие дали отпор этой неустойчивости, выступили решительно против ликвидаторства, стали брать в свои руки ведение дел партийных организаций и руководство ими. Если сразу это коренное ядро нашей партии не смогло осилить элементов разброда и кризиса, то это не только потому, что велика и трудна была задача при торжестве контрреволюции, но и потому, что некоторое равнодушие к партии проявилось в среде тех рабочих, которые были настроены революционно, но обладали недостаточной социалистической сознательностью. Именно к сознательным рабочим России и обращены в первую голову решения конференции, как сложившееся мнение социал-демократии о средствах борьбы с разбродом и шатаниями.

Марксистский анализ современного взаимоотношения классов и новой политики царизма; — указание ближайшей цели борьбы, которую ставит себе попрежнему наша партия; — оценка уроков революции в вопросе о правильности революционно-социал-демократической тактики; — выяснение причин партийного кризиса и указание на роль пролетарского элемента партии в борьбе с ним; — решение вопроса о соотношении нелегальной и легальной организации; — признание необходимости использовать думскую трибуну и выработка точных руководящих указаний для нашей думской фракции в связи с прямой критикой ее ошибок; — таково главное содержание решений конференции, дающих полный ответ на вопрос о выборе партией рабочего класса твердого пути в переживаемое тяжелое время. Рассмотрим внимательнее этот ответ.

Взаимоотношение классов в их политической группировке остается тем же, какое характерно для пережитого периода прямой революционной борьбы масс. Громадное большинство крестьянства не может не стремиться к такому аграрному перевороту, который уничтожил бы полукрепостническое землевладение и который неосуществим без свержения царской власти. Торжество реакции придавило особенно сильно демократические элементы крестьянства, неспособного к прочной организации, но, несмотря на весь гнет, несмотря на черносотенную Думу, несмотря на крайнюю неустойчивость трудовиков, революционность крестьянских масс видна ясно даже из прений в III Думе. Основная позиция пролетариата по отношению к задачам буржуазно-демократической революции в России остается неизменной: руководить демократическим крестьянством, вырывать его из-под влияния либеральных буржуа, партии к.-д., продолжающей сближаться, несмотря на мелкие частные ссоры, с октябристами и, в самое последнее время, стремящейся создать национал-либерализм, поддержать царизм и реакцию путем шовинистической агитации. Борьба попрежнему ведется — говорит резолюция — за полное уничтожение монархии и завоевание политической власти пролетариатом и революционным крестьянством.

Самодержавие попрежнему стоит, как главный враг пролетариата и всей демократии. Но было бы ошибкой думать, что оно остается прежним. Столыпинская «конституция» и столыпинская аграрная политика знаменуют новый этап в разложении старого полупатриархального, полукрепостнического царизма, новый шаг по пути превращения его в буржуазную монархию. Делегаты Кавказа, желавшие либо совсем удалить такую характеристику момента, либо поставить «плутократический» на место «буржуазный», стояли на неверной точке зрения. Плутократическим самодержавие было давным-давно, буржуазным — по своей аграрной политике и по прямому, организованному в общенациональном масштабе, союзу с известными слоями буржуазии — оно становится только после первого этапа революции, под влиянием ударов ее. Самодержавие издавна вскармливало буржуазию, буржуазия издавна пробивала себе рублем и доступ к «верхам», и влияние на законодательство и управление,

и места наряду с благородным дворянством, но своеобразность настоящего момента состоит в том, что самодержавию пришлось создать представительное учреждение для определенных слоев буржуазии, пришлось эквилибрировать между ними и крепостниками, организовывать в Думе союз этих слоев, пришлось проститься со всякой надеждой на патриархальность мужика и искать опоры против деревенской массы у богатеев, разоряющих общину.

Самодержавие прикрывает себя якобы конституционными учреждениями, но в то же время на деле получается невиданное еще разоблачение его классовой сущности, благодаря союзу царя с Пуришкевичами и Гучковыми, и только с ними. Самодержавие пытается взять на себя решение объективно необходимых задач буржуазной революции — создание народного представительства, действительно заведующего делами буржуазного общества, и чистку средневековых, запутанных и обветшавших аграрных отношений в деревне; но именно практический результат новых шагов самодержавия оказывается до сих пор равным нулю, и это только еще нагляднее показывает необходимость иных сил и иных средств для решения исторической задачи. Самодержавие противопоставлялось до сих пор в сознании миллионов, не искушенных в политике, масс народному представительству вообще; теперь борьба суживает свою цель, определяет конкретнее свою задачу, как борьбу за власть в государстве, определяющую характер и значение самого представительства. Вот почему III Дума знаменует особый этап в разложении старого царизма, в усилении его авантюристичности, в углублении старых революционных задач, в расширении поприща борьбы (и числа участников борьбы) за эти задачи.

Этот этап должен быть изжит; новые условия момента требуют новых форм борьбы; использование думской трибуны представляется безусловной необходимостью; длительная работа по воспитанию и организации масс пролетариата выдвигается на первый план; сочетание нелегальной и легальной организации выдвигает перед партией особые задачи; популяризация и разъяснение опыта революции, дискредитируемой либералами и ликвидаторами-интеллигентами, необходимы и в теоретических и в практических целях. Но тактическая линия партии, которая

должна суметь учесть новые условия в приемах и средствах борьбы, остается неизменной. Правильность революционно-социал-демократической тактики — говорит одна из резолюций конференции — подтверждена опытом массовой борьбы 1905—1907 годов. Поражение революции в итоге этой первой кампании обнаружило не неверность задач, не «утопичность» ближайших целей, не ошибочность средств и приемов, а недостаточную подготовленность сил, недостаточную глубину и ширину революционного кризиса, — а над углублением и расширением его Столыпин и К^о работают с самым достохвальным усердием! Пусть либералы и растерявшиеся интеллигенты после первого действительно массового сражения за свободу падают духом и твердят трусливо: не идите туда, где были раз разбиты, не становитесь снова на этот роковой путь. Сознательный пролетариат ответит им: великие войны в истории, великие задачи революций решались только тем, что передовые классы не раз и не два повторяли свой натиск и добивались победы, наученные опытом поражений. Разбитые армии хорошо учатся. Революционные классы России разбиты в первой кампании, но революционное положение остается. В новых формах и иным путем — иногда гораздо более медленно, чем мы бы желали — революционный кризис надвигается еще раз, созревает снова. Длительная работа подготовки к нему более широких масс, подготовки более серьезной, учитывающей более высокие и более конкретные задачи, должна быть выполнена нами, и, чем успешнее будет она выполнена, тем вернее будет победа в новой борьбе. Русский пролетариат может гордиться тем, что в 1905-м году под его руководством нация рабов превратилась впервые в нападающую на царизм рать миллионов, в армию революции. И тот же пролетариат сумеет теперь выполнить выдержанно, стойко, терпеливо работу воспитания и подготовки новых кадров более могучей революционной силы.

Использование думской трибуны входит, как мы уже указали, необходимой составной частью в эту работу воспитания и подготовки. Резолюция конференции о думской фракции указывает нашей партии ту дорогу, которая всего ближе — если искать примеров в истории — к опыту немецких социал-демократов при исключительном законе. Нелегальная партия должна суметь использовать, должна

научиться использовать легальную думскую фракцию, должна воспитать из этой последней стоящую на высоте своих задач партийную организацию. Самой ошибочной тактикой, самым печальным уклонением от выдержанной пролетарской работы, предписываемой условиями переживаемого момента, было бы ставить вопрос об отзыве фракции (на конференции было два «отзовиста», не поставивших прямо этого вопроса) или отказаться от прямой и открытой критики ее ошибок, от перечня их в резолюции (на конференции этого добивались некоторые делегаты). Резолюция вполне признает, что у фракции были и такие ошибки, за которые не она одна ответственна и которые вполне сходны с неизбежными ошибками всех наших партийных организаций. Но есть другие ошибки — отступления от *политической линии* партии. Раз эти отступления имели место, раз они сделаны организацией, выступающей открыто от имени всей партии, — партия обязана была ясно и точно сказать, что это были уклонения. В истории западноевропейских социалистических партий бывали не раз примеры ненормальных отношений парламентских фракций к партии; до сих пор в ромаянских странах эти отношения сплошь да рядом ненормальны, фракции недостаточно партийны. Мы должны сразу поставить иначе дело создания социал-демократического парламентаризма в России, сразу приняться за дружную работу в этой области, — чтобы всякий с.-д. депутат на деле чувствовал, что партия стоит за ним, болеет его ошибками, заботится о выправлении его дороги, — чтобы каждый партийный работник участвовал в общей думской работе партии, учился на деловой марксистской критике ее шагов, чувствовал свою обязанность помогать ей, добивался соподчинения специальной работы фракции всей пропагандистской и агитационной деятельности партии.

Конференция была первым авторитетным собранием делегатов от крупнейших организаций партии, обсуждавшим деятельность думской с.-д. фракции за целую сессию. И решение конференции показывает ясно, как будет ставить свою думскую работу наша партия, какие строгие требования предъявляет она в этой области к себе самой и к фракции, как неуклонно и выдержанно намерена она работать над воспитанием действительно социал-демократического парламентаризма.

Вопрос об отношении к думской фракции имеет тактическую и организационную сторону. В этом последнем отношении резолюция о думской фракции есть вновь лишь применение к частному случаю общих принципов организационной политики, установленных конференцией в резолюции о директивах по организационному вопросу. Два основных течения в РСДРП констатированы конференцией по этому вопросу: одно — переносящее центр тяжести на нелегальную партийную организацию, другое — более или менее родственное ликвидаторству — переносящее центр тяжести на легальные и полулегальные организации. Дело в том, что современный момент характеризуется, как мы уже указали, уходом из партии некоторого числа партийных работников, особенно из интеллигенции, но частью и из рабочих. Ликвидаторское течение ставит вопрос, лучшие ли, наиболее активные элементы покидают партию и выбирают поприщем деятельности легальные организации, или уходят из партии «колеблющиеся интеллигентские и мелкобуржуазные элементы»? Нечего и говорить, что, решительно отвергнув и осудив ликвидаторство, конференция ответила в последнем смысле. Наиболее пролетарские элементы партии, наиболее выдержанные принципиально и наиболее социал-демократические элементы интеллигенции остались верны РСДРП. Уход из партии есть чистка ее, освобождение от наименее устойчивых, от ненадежных друзей, от «попутчиков» (Mitläufer'ов), которые всегда примыкали на время к пролетариату, рекрутируясь из мелкой буржуазии или из числа «деклассированных», т. е. людей, выбитых из колеи того или иного определенного класса.

Из этой оценки партийно-организационного принципа само собой вытекает и линия организационной политики, принятая конференцией. Укрепление нелегальной партийной организации, создание партийных ячеек во всех областях работы, создание в первую голову «чисто партийных, хотя бы немногочисленных, рабочих комитетов в каждом промышленном предприятии», сосредоточение руководящих функций в руках руководителей социал-демократического движения из среды самих рабочих, — такова задача дня. И, разумеется, задачей этих ячеек и комитетов должно быть использование всех полуле-

гальных и, по возможности, легальных организаций, поддержание «тесной связи с массами», направление работы таким образом, чтобы социал-демократия откликалась на все запросы масс. Каждая ячейка и каждый партийный рабочий комитет должны стать «опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс», т. е. непременно идти туда, куда идет масса, и стараться на каждом шагу толкать ее сознание в направлении социализма, связывать каждый частный вопрос с общими задачами пролетариата, превращать каждое организационное начинание в дело *классового* сплочения, завоевывать себе своей энергией, своим идейным влиянием (а не своими званиями и чинами, конечно) руководящую роль во всех пролетарских легальных организациях. Пусть иногда эти ячейки и комитеты будут очень немногочисленны, зато между ними будет связь партийной традиции и партийной организации, определенная классовая программа; и два-три партийных социал-демократа сумеют не расплыться; таким образом, в бесформенной легальной организации, а вести при всех условиях, при всяких обстоятельствах, при всевозможных положениях свою *партийную* линию, воздействовать на среду в духе всей партии, а не давать среде поглотить себя.

Можно распустить массовые организации того или иного вида, можно затравить легальные профессиональные союзы, можно полицейскими придирками испортить всякое открытое начинание рабочих при режиме контрреволюции, но никакая сила в мире не устранил массового скопления рабочих в капиталистической стране, а таковой стала уже Россия. Так или иначе, легально или полулегально, открыто или прикрито, рабочий класс найдет себе те или иные пункты сплочения, — везде и всегда будут идти впереди массы сознательные партийные эсдеки, везде и всегда будут они спланиваться между собою для воздействия на массу в партийном духе. И социал-демократия, доказавшая в открытой революции, что она есть партия класса, сумевшая повести за собой миллионы и на стачку, и на восстание в 1905, и на выборы в 1906—1907 гг., сумеет и теперь остаться партией класса, партией масс, остаться авангардом, который в самые тяжелые времена не оторвется от всей армии, сумеет помочь ей преодолеть

эти тяжелые времена, снова сплотить ее ряды, приготовить новых и новых борцов.

Пусть ликуют и воют черносотенные зубры в Думе и вне Думы, в столице и захолустьях, пусть бешенствует реакция, — ни одного шагу не может делать премудрый г. Столыпин, не приближая к падению эквилибрирующее самодержавие, не запутывая нового клубка политических невозможностей и нелепиц, не прибавляя новых и свежих сил в ряды пролетариата, в ряды революционных элементов крестьянской массы. Партия, которая сумеет укрепиться для выдержанной работы в связи с массами, партия передового класса, которая сумеет организовать его авангард, которая направит свои силы так, чтобы воздействовать в социал-демократическом духе на каждое проявление жизни пролетариата, эта партия победит во что бы то ни стало.

*«Социал-Демократ» № 2,
28 января (10 февраля) 1909 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»*

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «Ж ОЧЕРЕДНЫМ ВОПРОСАМ»

Эта превосходная статья перепечатывается нами из № 7 «Рабочего Знамени» — органа Центрально-промышленного района — и служит ответом на статью отзовиста в 5 № той же газеты. Статья отзовиста была помещена, как дискуссионная, с оговоркой редакции «Рабочего Знамени» о ее несогласии с автором. Настоящая статья в 7 № редакцией не оговорена и, значит, выражает мнение самой редакции.

Мы в «Пролетарии» уже давно решительно высказались против отзовизма и определенно указали, что, поскольку отзовизм из простого настроения превращается в *направление*, в систему политики, постольку он сходит с пути революционного марксизма, постольку он принципиально рвет с большевизмом. Но после настоящей статьи московского органа большевиков мы должны признать, что мы до сих пор ставили вопрос об отзовизме еще недостаточно резко, преуменьшали ту опасность, которая угрожает принципиальной выдержанности нашей большевистской фракции со стороны людей, желающих соединить такой отзовизм с большевизмом. Мы констатируем, что тов. Москвич, автор перепечатанной выше статьи, поставил вопрос так же резко, так же определенно, так же принципиально, как ставили мы его в частных дискуссиях с отзовистами: встречая каждый день живых представителей отзовизма, видя на месте их практическую отзовистскую агитацию, с каждым днем грозящую все больше отклониться от пути революционной социал-демократии, наш московский орган вынужден был поставить вопрос так резко и принципиально-непримиримо, как он с полным основанием

поставлен. Или революционный марксизм, т. е. в России — большевизм, или отзовизм, т. е. отказ от большевизма, так поставил вопрос московский товарищ. Он этим целиком присоединился к той постановке вопроса, которую мы давали в наших предварительных спорах с товарищами отзовистами перед общепартийной конференцией.

Мы знаем, что есть рабочие большевики, сочувствующие сейчас отзовизму, но у них в большинстве случаев «отзовизм» и есть не что иное, как скоропреходящее *настроение*, поддерживаемое крупными ошибками нашей думской фракции. И не к ним, конечно, относится все сказанное выше автором статьи и нами. Но, поскольку отзовизм возводится в теорию, поскольку он сводится к целой системе политики, — а это делается небольшой группой, мнящей себя представительницей «истинной» революционности, — постольку непримиримая *идейная война!* Автор перепечатанной статьи совершенно прав, когда говорит, что рассуждения отзовиста в 5 № «Рабочего Знамени» (статья эта нами перепечатана в № 39 «Пролетария») и вообще отзовизм, как направление, равны меньшевизму *наизнанку*, с его проповедью «рабочего съезда» и пр. И он еще более прав, когда говорит, что *принципиальные* обоснования, приводимые некоторыми отзовистами в пользу своего направления — помимо их собственного политического сознания — объективно грозят сблизить их с анархо-синдикалистами или просто с анархистами.

Постановка вопроса в Москве показала с очевидностью, насколько политически близоруки — при всех своих добрых намерениях — те из большевиков, которые не хотят признать в отзовизме *принципиальной* опасности, которые видят здесь *только* «практические разногласия», которые видят в отзовизме «здоровое ядро», а не зародыш идейного ликвидаторства слева. Статья московского товарища должна им показать, что, идейно прикрывая отзовистов или даже сохраняя по отношению к ним идейный дружественный нейтралитет, они льют воду на мельницу отзовистов, они *становятся их военнопленными*, они вредят большевизму.

Отзовизм — не большевизм, а худшая политическая карикатура на него, которую только мог бы придумать злейший его политический противник. Тут необходима *полная ясность*. Мы считаем необходимым, чтобы все

большевики, до последнего кружка, дали себе ясный отчет в истинном значении отзовизма, разобрались бы вполне и поставили бы перед собой вопрос: не проводится ли под флагом «революционности» и «левизны» явный отказ от славных традиций старого большевизма, как он сложился в предреволюционную эпоху и в огне революции.

Для этой цели мы открыли по этим вопросам дискуссию в «Пролетарии». Мы помещали все присылавшееся нам и перепечатывали все, что на этот счет писалось большевиками в России. Ни одной дискуссионной статьи мы до сих пор не отвергли и так же будем поступать и в дальнейшем. К сожалению, гг. отзовисты и сочувствующие им товарищи до сих пор мало присылали материала нашей газете и вообще уклонялись от открытого и полного изложения на страницах печати своего принципиального кредо, предпочитая разговоры «промеж себя». Мы приглашаем всех товарищей как отзовистов, так и ортодоксальных большевиков, излагать свои взгляды на страницах «Пролетария». Если понадобится, мы издадим присылаемые материалы и в особой брошюре. Идеальная ясность и выдержанность — вот что необходимо нам, в особенности в настоящий тяжелый момент.

Предоставим гг. эсерам затушевывать свои разногласия и поздравлять себя с «единогласием» в тот момент, когда про них справедливо говорят: у них чего хочешь, того просишь, — начиная от либерализма энесовского, до либерализма с бомбой.

Предоставим меньшевикам идейно уживаться с Череваниным и К^о. Пусть они практикуют систему двойной бухгалтерии (отреклись от Череванина перед немцами и лбызаются в русской печати), пусть они уживаются с идейными ликвидаторами основ революционного марксизма, пусть они замазывают свои разногласия, доходя в этом до такой виртуозности, как простая заклепка разногласий (см. «Голос Социал-Демократа» № 10—11), где расхождение меньшевиков с Плехановым «устранено» простой заклепкой¹⁰⁵.

Наша фракция не должна бояться идейной внутренней борьбы, раз она необходима. Она еще более окрепнет в ней. Мы тем больше *обязаны* выяснять свои расхождения, что фактически наше течение все больше начинает равняться всей нашей партии. К *идейной* ясности зовем мы

тт. большевиков и к отметанию всех подпольных сплетен, откуда бы они ни исходили. Подменять идейную борьбу по серьезнейшим, кардинальнейшим вопросам мелкими дрязгами, в духе меньшевиков после второго съезда, есть тема охотников. В большевистской среде им не должно быть места. Рабочие-большевики должны дать таким попыткам решительный отпор и требовать одного: *идейной ясности, определенных взглядов, принципиальной линии*. И именно при такой полной идейной определенности все большевики смогут в организационном отношении выступать столь же едино, столь же сплоченно, как наша фракция всегда выступала до сих пор.

«Пролетарий» № 42,
12 (25) февраля 1909 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

ЦЕЛЬ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

В печатаемой выше статье г. Мартов задевает чрезвычайно важный вопрос или, вернее, ряд вопросов, относящихся к цели борьбы пролетариата и социал-демократии в нашей революции. Задета история этих вопросов в нашей партии, задето отношение их к основам марксизма и к народничеству, задеты взгляды всех оттенков, высказанные по этому поводу, — задеты все стороны вопроса и не выяснена ни одна. Чтобы ответить по существу, приходится дать систематический очерк всех сторон вопроса.

I

Начнем с истории обсуждения этого вопроса русской социал-демократией. Поставлен он в начале 1905 года большевиками и меньшевиками. Первые решили его «формулой»: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства (ср. «Вперед»¹⁰⁶ № 14 от 12 апреля 1905 года)*. Вторые решительно отвергали такое определение классового содержания победоносной буржуазной революции. Третий съезд (большевиков) в Лондоне в мае 1905 года и одновременная конференция меньшевиков в Женеве дали официальное выражение взглядов обеих частей партии. При этом, сообразно духу той эпохи, в революциях обе части партии ставили не теоретический, общий вопрос о цели борьбы и о классовом содержании победоносной революции вообще, а более узкий вопрос о временном революционном правительстве.

* См. Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 264—274. *Ред.*

Резолюция большевиков гласит: ...«Осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство; ... в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отставания самостоятельных интересов рабочего класса». Резолюция меньшевиков: ...«Социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Отсюда видно, что в свою официальную резолюцию сами большевики на чисто большевистском съезде *не включают* ничего подобного «формуле»: диктатура пролетариата и крестьянства, а говорят *только* о допустимости участия во временном правительстве и о «призвании» пролетариата «сыграть руководящую роль» (резолюция о вооруженном восстании). «Формула»: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», высказанная в большевистской печати до III съезда, повторяется в брошюре «Две тактики»* после этого съезда, и ни единому человеку не приходило в голову обвинять большевиков за несоответствие их комментариев с их резолюциями. Ни единому человеку не приходило в голову требовать буквального совпадения резолюций политически борющейся массовой партии и формул марксистского определения классового содержания победоносной революции.

Другой важный вывод из нашей исторической справки: весной 1905 года обе части партии сводили *центр тяжести* спорного вопроса к *завоеванию власти* пролетариатом и революционными классами вообще, совершенно не входя в вопрос о том, каковы при этом могут или должны быть отношения между этими завоевывающими власть классами. Меньшевики, как мы видели, отвергают одинаково цель захватить и цель разделить власть. Большевики говорят о «руководящей роли пролетариата в революции» (резолюция о вооруженном восстании), о «допустимости»

* См. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 1—119. Ред.

участия с.-д. во временном правительстве, о «неуклонном охранении независимости с.-д., стремящейся к полному социалистическому перевороту» (резолюция о временном революционном правительстве), о «поддержке» революционного движения крестьян, об «очистке революционно-демократического содержания крестьянского движения от всяких реакционных примесей», о том, чтобы «развивать революционное самосознание крестьян и доводить до конца их демократические требования» (резолюция об отношении к крестьянскому движению). Никаких других «формул» об отношении пролетариата и крестьянства в резолюциях большевистского съезда 1905 года нет.

Перейдем к проектам резолюций, выработанным обеими фракциями год спустя, перед Стокгольмским съездом. Эти проекты особенно часто забываются или игнорируются в печати вообще и в нашей партии в частности, и это особенно жаль, ибо значение их в истории тактических идей социал-демократии громадно. Именно эти проекты резолюций показывают, какие уроки вывели из опыта октябрьской и декабрьской борьбы 1905 года обе части партии.

Большевики пишут в проекте резолюции о классовых задачах пролетариата: ...«довести до конца демократическую революцию в состоянии только пролетариат при том условии, что он, как единственный до конца революционный класс современного общества, поведет за собой массу крестьянства, придавая политическую сознательность его стихийной борьбе против помещичьего землевладения и крепостнического государства» (повторено в проекте резолюции к Лондонскому съезду, см. «Пролетарий» № 14 от 4 марта 1907 г.*).

Итак, «формула», которую здесь сами большевики избрали для себя, гласит: пролетариат, *ведущий за собой* крестьянство. Никакой другой формулы для выражения идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в резолюциях большевиков нет. Этот факт нельзя достаточно сильно подчеркнуть, ибо на забвении его или на умалчивании о нем построена вся попытка т. Мартова представить значение резолюции, принятой на декабрьской конференции 1908 года, в совершенно неверном свете.

* См. Сочинения, 4 изд., том 12, стр. 117. Ред.

Меньшевики в своем проекте резолюции (перепечатано из «Партийных Известий»¹⁰⁷ в «Докладе» Ленина, стр. 68—70) называют задачей пролетариата «быть двигателем буржуазной революции» — заметьте: не «вождем», не «руководителем», как сказано в большевистской резолюции, а двигателем! — и указывают в числе задач его «массовым напором поддерживать те оппозиционные шаги буржуазной демократии, которые не противоречат нашим программным требованиям, могут содействовать их достижению и стать исходной точкой для дальнейшего движения революции вперед».

Разногласие сведено, следовательно, самими фракциями большевиков и меньшевиков к противопоставлению: «вождь» и «руководитель» революции, «ведущий за собой» крестьянство, или «двигатель революции», «поддерживающий» те или иные шаги буржуазной демократии. Добавим, что эту резолюцию победившие на Стокгольмском съезде меньшевики *сами сняли* вопреки протестам и настояниям большевиков. Почему это сделали меньшевики, — на этот вопрос читатель может найти ответ, если он узнает следующее место из того же проекта резолюции меньшевиков: «целесообразное выполнение задачи быть двигателем буржуазной революции возможно для пролетариата лишь таким путем, что, организуясь сам, пролетариат своей борьбой втягивает все новые и новые слои городской буржуазии и крестьянства в революционную борьбу, демократизируя их требования, толкая их к организации, и тем самым создает условия для победы революции».

Это — явная половинчатая уступка большевикам, ибо пролетариат рисуется здесь не только как двигатель, но отчасти, по крайней мере, как руководитель, ибо он «втягивает» и «толкает» крестьянство и новые слои городской буржуазии.

Далее. По вопросу о временном правительстве проект меньшевистской резолюции гласит: «Социал-демократия, при условиях общереволюционного подъема в стране, должна повсюду содействовать образованию советов рабочих депутатов, побуждать и другие элементы революционной демократии к образованию таких же органов, содействовать объединению всех этих органов в общиеспартийные организации революционной борьбы народа, выдвигая перед ними те общенациональные задачи рево-

людии, которые с точки зрения пролетариата могут и должны быть разрешены в данный момент революцией» (стр. 91, там же).

Этот забытый проект меньшевистской резолюции показывает ясно, что под влиянием опыта октября — декабря 1905 года меньшевики совсем запутались и сдали позицию большевикам. В самом деле, разве совместимо цитированное место с следующими пунктами того же самого проекта: «социал-демократия не должна ставить своей задачей захвата власти и диктатуры в современной буржуазной революции» (стр. 92)? Это последнее положение строго принципиально и вполне повторяет (за исключением указания на «раздел власти») резолюцию 1905 г. Но оно стоит в непримиримом противоречии с опытом октября — декабря 1905 г., каковой опыт *сами* меньшевики *сводят к объединению всех органов* пролетариата и «*других элементов революционной демократии*» в «общие беспартийные организации революционной борьбы народа»! Ибо если советы рабочих депутатов «объединяются» с *такими же* органами революционной демократии в беспартийные организации революционной борьбы народа, то ясно, что пролетариат *ставит* себе задачей «захват власти и диктатуру», *участвует* в деле такого захвата. Резолюция сама говорит, что «главнейшая задача» революции — «вырвать государственную власть из рук реакционного правительства». Боясь слова, чураясь «захвата власти и диктатуры», отрекаясь от этих страшных вещей самым решительным образом, меньшевики *вынуждены были признать* после 1905 года, что «объединение» советов рабочих депутатов с другими «такими же» органами революционной демократии неизбежно вытекает из хода вещей и что такое *объединение* дает «общие беспартийные» (неточно; надо было сказать: беспартийные или междупартийные) «организации революционной борьбы народа». Эта *общая организация* и есть временное революционное правительство! Меньшевики боялись точного и прямого слова, заменяя его *описанием*. Дело от этого не меняется. «Орган революционной борьбы народа», «вырывающий государственную власть» у старого правительства, это и называется временным революционным правительством.

И если меньшевики вынуждены были учесть опыт октября — декабря 1905 г., путаясь и сбиваясь, то большевики

прямо и ясно сделали свои выводы. Большевистский проект резолюции о временном правительстве гласит: ...«в этой открытой борьбе» (конца 1905 г.) «элементы местного населения, способные решительно выступать против старой власти (почти исключительно пролетариат и передовые слои мелкой буржуазии), приведены были к необходимости создавать такие организации, которые фактически являлись зачатками новой революционной власти — советы рабочих депутатов в Петербурге, Москве и других городах, советы солдатских депутатов во Владивостоке, Красноярске и пр., железнодорожные комитеты в Сибири и на юге, крестьянские комитеты в Саратовской губ., городские революционные комитеты в Новороссийске и других городах и, наконец, выборные сельские органы на Кавказе и в Прибалтийском крае» (стр. 92). Разрозненность и зачаточность этих органов обусловили неуспех, — говорится дальше, — и временное революционное правительство определяется как «орган победоносного восстания». «Перед пролетариатом — продолжает резолюция — в интересах доведения революции до конца, выдвигается теперь настоятельная задача способствовать, совместно с революционной демократией, объединению восстания и созданию объединяющего центра этого восстания в виде временного революционного правительства». Дальше повторяется почти буквально резолюция III съезда 1905 года.

Приведенные места из проектов резолюций обеих фракций перед Стокгольмским съездом дают возможность поставить вопрос о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства на конкретную историческую почву. Всякий, кто желает дать прямой и ясный ответ на этот вопрос, должен считаться с опытом конца 1905 г. Уклониться от прямого рассмотрения этого опыта значит не только игнорировать самый ценный материал для русского марксиста, — мало этого: это значит также осудить себя неизбежно на «крючкотворское» толкование формул, на «замазывание» и «заклеивание» (по удачному выражению т. Мартова) сути принципиальных разногласий, осудить себя неизбежно как раз на такое беспринципное ковыляние в вопросах теории и практики «диктатуры», которое лучше всего выражается формулой: движение — все, цель — ничто.

Опыт конца 1905 года бесспорно установил, что «общереволюционный подъем в стране» создает особые «организации революционной борьбы народа» (по меньшевистской формулировке; «зачаточные органы новой революционной власти» — по большевистской). Так же бесспорно то, что эти органы в истории русской буржуазной революции созданы были, во-первых, пролетариатом, во-вторых, «другими элементами революционной демократии», причем простая справка с составом населения России вообще и Великороссии, в особенности, показывает громадное преобладание крестьянства в числе этих других элементов. Наконец, не менее бесспорна и историческая тенденция к объединению этих местных органов или организаций. А из этих бесспорных фактов неминуем вывод, что победоносная революция в современной России *не может быть* чем-либо иным, кроме как революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. От этого неминуемого вывода иначе, как путем «крючкотворства» и «заклеивания» разногласий, уклониться нельзя! Если не выхватывать обрывков вопроса, если не отрывать искусственно и произвольно города от деревни, одной местности от другой, если не подменять вопроса о диктатуре *классов* вопросом о составе того или другого *правительства*, одним словом, если рассматривать вопрос действительно *в целом*, то никто не сможет на конкретных примерах из опыта 1905 года показать, как могла бы победоносная революция не быть диктатурой пролетариата и крестьянства.

Но закончим сначала вопрос о партийной истории рассматриваемой «формулы» прежде, чем идти дальше. Мы видели, каково было точное изложение взглядов обеих фракций в 1905 и 1906 гг. В 1907 г., накануне Лондонского съезда, меньшевики выдвинули сначала один проект резолюции об отношении к буржуазным партиям («Народная Дума»¹⁹⁸, 1907, № 12 от 24/III 1907), потом на самом съезде внесли другой. В первом проекте говорится о «комбинировании» действий пролетариата с действием других классов, во втором — об «использовании» движения других классов «для целей» пролетариата и о «поддержке» пролетариатом известных «оппозиционных и революционных шагов» других классов, о «соглашениях» социал-демократии «в отдельных опреде-

ленных случаях» с либеральными и демократическими классами.

В большевистском проекте, как и в принятой Лондонским съездом резолюции, говорится о том, чтобы с.-д. «принуждала их (народнические или трудовые партии, «более или менее близко выражающие интересы и точку зрения широких масс крестьянской и городской мелкой буржуазии) становиться на сторону с.-д. против черносотенцев и к.-д.» и о «вытекающих отсюда совместных действиях», которые должны «служить лишь целям общего натиска». В резолюции съезда, в отличие от проекта большевиков, вставлены еще, по инициативе одного поляка, слова: «в борьбе за доведение революции до конца». Получилось и здесь самое ясное подтверждение идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо такая диктатура и есть «совместное действие» этих классов, «*доведших* или *доводящих* революцию до конца!»

II

Достаточно бросить общий взгляд на историю партийных мнений по вопросу о диктатуре пролетариата и крестьянства, чтобы видеть, до какой степени во вред себе заговорил т. Мартов о крючкотворстве и о движении без цели. В самом деле, первый вывод этой истории — тот, что сами большевики *ни одного разу* не вставляли ни в свои проекты резолюций, ни в свои резолюции выражения или «формулы»: диктатура пролетариата и крестьянства. И тем не менее *ни одному человеку* не приходило до сих пор в голову отрицать, что *все* большевистские проекты и резолюции 1905—1907 годов *всецело* построены на идее диктатуры пролетариата и крестьянства. Отрицать это смешно. Отрицать это, значит именно крючкотворствовать, заслонять пустыми придирками к словам *суть* вопроса. Пролетариат, «*присоединяющий к себе*» массу крестьянства, — говорил Ленин в «Двух тактиках» («За 12 лет», стр. 445)*; пролетариат, «*ведущий за собой*» массу крестьянства, — говорит проект резолюции большевиков в 1906 г.; «совместные действия» пролетариата и

* См. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 81. Ред.

крестьянства «в борьбе за доведение демократической революции до конца», — говорит резолюция Лондонского съезда. Неужели не очевидно, что мысль всех этих формулировок одна и та же? что эта мысль выражает именно диктатуру пролетариата и крестьянства? что «формула» — пролетариат, *опирающийся на* крестьянство, *остается всецело в пределах* той же самой диктатуры пролетариата и крестьянства?

Тов. Мартов из кожи лезет вон, чтобы опровергнуть последнее. Начинается дискуссия по поводу «и». Нет «и», отклонили формулу с «и» — восклицает т. Мартов — не смейте теперь вставлять этого «и» в неподписанных статьях ЦО! Опоздали, опоздали, любезный тов. Мартов: вам надо бы обратиться с такой претензией ко *всем* большевистским органам *всей* революционной эпохи, ибо все эти органы говорили всегда о диктатуре пролетариата и крестьянства и говорили на основании резолюций, *оного* «и» не содержащих. Тов. Мартов проиграл поднятую им принципиальную кампанию по поводу «и», проиграл ее не только потому, что истек срок давности, но и потому, что ее величество логика неуклонно подводит под злощастное «и»: и «присоединение», и «ведение за», и «совместные действия», и «опирающийся на», и «при помощи» (это последнее выражение стоит в резолюции VI польского с.-д. съезда¹⁰⁹).

Но большевики спорили же против «опирающийся на» — продолжает свою принципиальную дискуссию тов. Мартов. Да, спорили, но не потому, чтобы здесь отвергалась диктатура пролетариата и крестьянства, а потому, что по-русски эта «формула» не очень удачна. Опирается обыкновенно более слабый на более сильного. Буквальное повторение польской формулы «пролетариат *при помощи* крестьянства» для большевиков вполне приемлемо, хотя еще лучше было бы, может быть, сказать: «пролетариат, ведущий за собой». Можно спорить по поводу всех этих формул, но делать из *такого* спора «принципиальную дискуссию» есть просто курьез. Отрицать, как пробует тов. Мартов, что «опирающийся на» входит в понятие *совместного* действия — значит давать образец крючкотворства. Говорить, что завоевание власти «пролетариатом, опирающимся на крестьянство», есть завоевание власти *одним* пролетариатом», как говорят цитируемые

тов. Мартовым гг. Дан, Аксельрод и Семенов, — значит смешить читателя. Если мы скажем: Мартов и Потресов, *опирающиеся на Череванина, Прокоповича и К^о*, ликвидировали идею гегемонии пролетариата в революции, поверит ли нам кто-нибудь, что Мартов и Потресов *одни* ликвидировали эту идею, *без Череванина, Прокоповича и К^о*?

Нет, товарищи, дискуссию в ЦО не следует сводить к крючкотворству. Нельзя подобными средствами вернуться от признания основного и несомненного факта, который состоит в том, что большинство РСДРП, поляки и большевики в том числе, решительно стоят: 1) за признание руководящей роли пролетариата, роли вождя в революции, 2) за признание целью борьбы завоевание власти пролетариатом при помощи других революционных классов, 3) за то, что на первое и, пожалуй, даже единственное место в числе этих «помощников» становится крестьянство. Кто хочет дискуссии по существу вопроса, тот должен попытаться оспорить хоть единое из этих трех положений. Тов. Мартов ни единого из них по существу не разбирал. Т. Мартов забыл сказать читателю, что *по каждому* из этих трех положений меньшевики стоят на точке зрения, *отвергаемой партией*, что к числу *отвергнутых партией заблуждений* относится именно меньшевизм и только меньшевизм! Политика меньшевиков в революции была как раз движением без цели и потому движением, *зависимым* от шатаний партии к.-д., — была таковой именно потому, что меньшевики не знали, нужно ли пролетариату стремиться к роли вождя? нужно ли ему стремиться к завоеванию власти? нужно ли ему иметь при этом в виду помощь какого-либо определенного класса? Незнание этого неминуемо и неизбежно осуждает политику социал-демократов на блуждания, на ошибки, на беспринципность, на зависимость от либералов.

Конференция не похоронила «диктатуру пролетариата и крестьянства» и не выдала вексель на ее устранение из партийного обихода, а, наоборот, *подтвердила* ее, сделала *еще шаг* к более полному ее признанию. Лондонский съезд признал: 1) роль пролетариата как «вождя в буржуазно-демократической революции» и 2) «совместные действия» пролетариата и крестьянства, «служащие лишь целям общего натиска», действия, между прочим, и по «доведе-

нию революции до конца». Оставалось только признать целью борьбы в данной революции завоевание власти пролетариатом и крестьянством. Это сделано конференцией в формуле: «завоевание власти пролетариатом, опирающимся на крестьянство».

Говоря это, мы вовсе не отрицаем и не затушевываем разногласий между большевиками и поляками. Польские с.-д. имеют полную возможность излагать эти разногласия и в своих отдельных изданиях на русском языке, и на страницах большевистских газет, и в ЦО. И польские с.-д. начали уже пользоваться этой возможностью. Если тов. Мартов достигнет той цели, которую он преследует, именно, чтобы польские с.-д. вмешались в наш спор, то все и каждый увидят нашу солидарность с ПСД против меньшевиков во всем основном, увидят, что расходимся мы лишь в частности.

III

Что касается Троцкого, которого тов. Мартов заставил участвовать в устроенной им дискуссии третьих лиц, дискуссии всех, кроме диспутанта, то мы решительно не можем здесь входить в полное рассмотрение его взглядов. Это требовало бы особой большой статьи. Задевая ошибочные взгляды Троцкого, приводя обрывки этих взглядов, т. Мартов поселает в читателей целый ряд недоразумений, ибо обрывки цитат не разъясняют, а запутывают дело. Основная ошибка Троцкого — игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической. Из этой основной ошибки вытекают те частные ошибки, которые т. Мартов *повторяет*, приводя пару цитат с сочувствием и одобрением. Чтобы не оставить дела в этом запутанном виде, в котором излагает его тов. Мартов, покажем, по крайней мере, неправильность этих, заслуживших одобрение т. Мартова, рассуждений Троцкого. Коалиция пролетариата и крестьянства «предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо что крестьянство создаст самостоятельную могучую партию». Это, очевидно, неверно ни с общетеоретической точки зрения, ни с точки зрения опыта

русской революции. «Коалиция» классов *вовсе не* предполагает ни существования той или иной могучей партии, ни партийности вообще. Это — смешение вопроса о классах с вопросом о партиях. «Коалиция» указанных классов *вовсе не* предполагает *ни* того, чтобы одна из существующих буржуазных партий овладела крестьянством, *ни* того, чтобы крестьянство создало могучую самостоятельную партию! Теоретически это ясно из того, что, во-первых, крестьянство особенно трудно поддается партийной организации, во-вторых, создание крестьянских партий — особенно трудный и длительный процесс в буржуазной революции, так что «могучая самостоятельная» партия может явиться, например, лишь ко времени окончания революции. Из опыта русской революции тоже ясно, что «коалиция» пролетариата и крестьянства осуществлялась *десятки и сотни раз* в самых различных формах без «всякой могучей самостоятельной партии» крестьянства. Коалиция эта осуществлялась, когда было «совместное действие», скажем, совета рабочих депутатов и совета солдатских депутатов, или железнодорожного стачечного комитета, или крестьянских депутатов и т. д. Все подобные организации были преимущественно *беспартийны*, и, тем не менее, «коалиция» классов безусловно имела место в каждом совместном действии таких организаций. Крестьянская партия при этом намечалась, зарождалась, возникала — в виде «Крестьянского союза» 1905 года или «Трудовой группы» 1906 года — и, *по мере* роста, развития, самоопределения такой партии, коалиция классов принимала различные формы, начиная от неопределенных и неоформленных и кончая вполне определенными и оформленными политическими соглашениями. Например, после разгона первой Думы были выпущены следующие *три* призыва к восстанию: 1) «К армии и флоту»; 2) «Кo всему российскому крестьянству»; 3) «Кo всему народу». Под первым воззванием подписались с.-д. думская фракция и комитет «Трудовой группы». Обнаружилась ли в этом «совместном действии» *коалиция двух классов?* Конечно, да. Отрицать это — значит именно крючкотворствовать или превращать широкое научное понятие «коалиции классов» в узкое юридическое, почти нотариальное, я сказал бы, понятие. Далее, можно ли отрицать, что этот совместный *призыв* к восстанию, подписанный думскими депутатами от

рабочего класса и крестьянства, сопровождался совместными *действиями* в частичных местных восстаниях представителей обоих классов? Можно ли отрицать, что совместный призыв к общему восстанию и совместное участие в местных и частичных восстаниях обязывает сделать вывод о совместном образовании временного революционного правительства? Отрицать это — значило бы крючкотворствовать, сводить понятие «правительства» исключительно к законченному, оформленному явлению, забывать о том, что законченность и оформленность проистекают из незаконченности и неоформленности.

Далее, второй призыв к восстанию подписан *Центральным Комитетом* (меньшевистским!) РСДРП, тоже партии с.р., Всероссийским крестьянским союзом, Всероссийским железнодорожным и Всероссийским учительским союзом, кроме комитета Трудовой группы и социал-демократической фракции, а под третьим призывом к восстанию стоит подпись ППС и Бунда плюс все предыдущие подписи, кроме трех союзов.

Вот вам оформленная политическая коалиция партий и беспартийных организаций! Вот вам «диктатура пролетариата и крестьянства», *провозглашенная* в виде угрозы царизму, в виде призыва ко всему народу, но еще неосуществленная! И в настоящее время едва ли много найдется с.-д., которые бы согласились с меньшевистским «*Социал-Демократом*»¹¹⁰ 1906 года, № 6, где говорилось про эти призывы: «В указанном случае наша партия заключила с другими революционными партиями и группами не политический блок, а боевое соглашение, которое мы всегда считали целесообразным и необходимым» (срав. «*Пролетарий*» № 1, 21 августа 1906 года и № 8, 23 ноября 1906 года*). Боевое соглашение нельзя противопоставлять политическому блоку, ибо оно входит в это последнее понятие. Политический блок осуществляется в различные исторические моменты то «боевым соглашением» в деле восстания, то парламентским соглашением насчет «совместных действий против черносотенцев и против к.-д.» и т. п. Идея диктатуры пролетариата и крестьянства нашла свое практическое выражение в течение всего хода революции в тысяче форм, начиная от подписи

* См. Сочинения, 4 изд., том 11, стр. 126—140 и 274—285. Ред.

манифеста о неплатеже налогов и о взятии обратно вкладов (декабрь 1905 г.) или от подписи призывов к восстанию (июль 1906 г.) и кончая голосованиями во II и в III Думах в 1907 и 1908 годах.

Точно так же неверно второе заявление Троцкого, приводимое т. Мартовым. Неверно, что «весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит в ней однородное большинство» и т. д. Это особенно неверно, когда т. Мартов приводит это как довод против диктатуры пролетариата и крестьянства. Троцкий в этом рассуждении сам допускает «участие представителей демократического населения» в «рабочем правительстве», т. е. допускает правительство из представителей пролетариата и крестьянства. На каких условиях допускать участие пролетариата в правительстве революции, — вопрос особый, и по этому вопросу, очень может быть, большевики не сойдутся не только с Троцким, но и с польскими с.-д. Но вопрос о диктатуре революционных классов никоим образом не сводится к вопросу о «большинстве» в том или ином революционном правительстве, об условиях допустимости участия с.-д. в том или ином правительстве.

Наконец, всего более неверно третье из приводимых т. Мартовым мнений Троцкого, которое кажется т. Мартову «справедливым»: «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». Пролетариат не может ни рассчитывать на несознательность и предрассудки крестьянства, как рассчитывают на них и опираются на них владыки буржуазного режима, ни предполагать сохранение в революционный период хотя бы обычной несознательности и пассивности крестьянства. Факты из истории русской революции показывают, что первая же волна подъема, в конце 1905 года, сразу толкает крестьянство к такой политической организации (Всероссийский крестьянский союз), которая, несомненно, являлась зародышем особой крестьянской партии. В I и во II Думах, несмотря на истребление контрреволюцией первой смены передовых крестьян, крестьянство — на этот раз впервые в общенациональном масштабе, в всероссийских выборах — сразу кладет основание «Трудовой группе», несомненному зачатку особой крестьянской партии. В этих зародышах и

зачатках много неустойчивого, неопределенного, шаткого, это несомненно, но если начало революции создало такие политические группировки, то не подлежит ни малейшему сомнению, что революция, доведенная до такого «конца» или, вернее, до такой высокой степени развития, как революционная диктатура, создаст более оформленную и более сильную революционно-крестьянскую партию. Рассуждать иначе — значило бы предполагать, что у взрослого человека некоторые существенные органы могут остаться младенческими по величине, форме, степени развития.

Во всяком случае, вывод т. Мартова, что конференция согласилась именно с Троцким в вопросе о взаимоотношении между пролетариатом и крестьянством в борьбе за власть, есть поразительное несоответствие с фактами, есть попытка, поистине, «высосать» из слова то, что на конференции вовсе не обсуждалось, не приводилось, не имелось в виду.

IV

Задевая Каутского, т. Мартов опять-таки в немногих словах сосредоточивает такое обилие неверностей, что для ответа ему по существу неминуемо приходится рассказывать читателю чуть ли не все с начала.

Совершенно неверно, что «многие, в том числе и Ленин в предисловии к статье Каутского о «Перспективах»*, решительно отрицали буржуазный характер нашей революции», и точно так же неверно, что Каутский «объявлял русскую революцию не буржуазной». Дело было совсем иначе.

Плеханов обратился с вопросами ко многим представителям международной социал-демократии, причем в 1-ом вопросе спрашивал об *«общем характере»* русской революции, а во 2-ом — о «поведении социал-демократической партии по отношению к буржуазной демократии, которая по-своему борется за политическую свободу». В такой формулировке вопросов заключались уже две ошибки т. Плеханова против марксизма: первая ошибка — смешение «общего характера» революции в смысле *ее общественно-экономического содержания* с вопросом о движущих силах революции. Марксисты не могут смешивать этих вопросов,

* См. Сочинения, 4 изд., том 11, стр. 370—375. Ред.

не могут даже *непосредственно* выводить ответ на второй вопрос из ответа на первый без особого конкретного анализа. Вторая ошибка — смешение вопроса о роли крестьянства в нашей революции с ролью буржуазной демократии вообще. На самом деле и крестьянство и либералы подходят под научное понятие «буржуазной демократии», но отношение пролетариата к этим двум разновидностям «буржуазной демократии» неиабежно должно быть существенно различным.

Каутский сразу заметил ошибки т. Плеханова и *исправил их* своим ответом. В смысле общественно-экономического содержания революции Каутский не только не думал отрицать ее буржуазный характер, а, напротив, решительно признал таковой. Вот относящиеся сюда заявления Каутского в тех самых «Перспективах», которые так глубоко неправильно иалагает т. Мартов:

«Теперешняя революция (в России) может повести в деревне лишь к созданию крепкого крестьянства на основе частной собственности на землю и этим вырыть между пролетариатом и имущей частью сельского населения такую же пропасть, какая существует уже в Западной Европе. Поэтому, нельзя себе представить, чтобы теперешняя русская революция повела уже к введению социалистического способа производства, даже если бы она временно и предоставила социал-демократам кормило правления» (стр. 31 перевода под ред. Н. Ленина).

В предисловии Ленина именно это место имеется в виду, когда говорится (стр. 6, там же): «Нечего и говорить, что основные положения *всех русских с.-д. о несоциалистическом* характере крестьянского движения, о невозможности возникновения социализма из мелкого крестьянского производства и т. д. *целиком* (курсив Н. Ленина в предисловии) разделяет Каутский».

Утверждение т. Мартова, что Ленин решительно отрицал буржуазный характер нашей революции, решительно противоречит истине. Ленин говорит как раз обратное. Каутский решительно признал нашу революцию буржуазной по общему характеру в смысле общественно-экономического содержания революции.

«На первый вопрос» Плеханова, — писал там же Каутский, — «мне кажется, нельзя ответить просто в том или ином смысле. Время буржуазных революций, т. е. револю-

ций, движущей силой которых явилась буржуазия, миновало, миновало и для России... Буржуазия не принадлежит к движущим силам современного революционного движения в России, и постольку это движение не может быть названо буржуазным» (стр. 29). Читатель видит, что Каутский с полнейшей ясностью определяет здесь, о чем идет речь, — с полнейшей ясностью говорит о буржуазной революции *не* в смысле общественно-экономического содержания, а в смысле революции, «движущей силой которой является буржуазия».

Далее. Вторую ошибку Плеханова Каутский поправил тем, что ясно и определенно размежевал «либеральную» и крестьянскую буржуазную демократию. Каутский признал, что «в общности интересов промышленного пролетариата и крестьянства заключается революционная сила русской социал-демократии», что «без крестьян мы не можем теперь одержать в России победы» (стр. 31). Интересно отметить, — по тому неинтересному вопросу об «и», который наполняет принципиальную дискуссию т. Мартова, — что Каутский в этой же статье, т. е. в 1906 году, употребляет *на одной странице* и выражение «опереться» («на какой класс может опереться русский пролетариат?») и выражение: «союз пролетариата с другими классами в революционной борьбе должен, прежде всего, основываться на общности экономических интересов» (стр. 30).

Не обвинит ли т. Мартов К. Каутского в том, что он в 1906 году, предвидя декабрьскую конференцию РСДРП 1908 года, задался целью «сбить с толку читателей», «замазать и заклеить» разногласия между большевиками и польскими с.-д., «крючкотворствовать» и т. п.?

Заметим, что, защищая идею союза пролетариата и крестьянства в буржуазной русской революции, Каутский в сущности не выдвигает никакой «новой» идеи, а всецело идет по стопам Маркса и Энгельса. Маркс писал в 1848 году в «Новой Рейнской Газете»¹¹¹: «Крупная буржуазия — речь идет о немецкой буржуазии после 18 марта 1848 г. — антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, т. е. перед рабочими и демократической буржуазией» (см. третий том изданного Мерингом собрания сочинений Маркса: по-русски вышли пока только два тома). «Немецкая революция 1848 года — писал Маркс

29 июля 1848 года — есть лишь пародия французской революции 1789 г. ...Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян... Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает крестьян...»

Маркс ясно противопоставляет здесь по отношению к *буржуазной* революции контрреволюционную буржуазию в союзе с реакцией рабочему классу плюс демократическая буржуазия, т. е., главным образом, крестьянство. И нельзя думать, что этот взгляд объясняется незаконченностью социалистического мировоззрения Маркса в то время. 44 года спустя, в 1892 году, Энгельс писал в своей статье «Об историческом материализме» («Neue Zeit»*, XI, т. I; по-русски — в сборнике «Исторический материализм»): ...«во всех трех великих буржуазных революциях» (реформация и крестьянская война XVI века в Германии, английская революция XVII века и французская — XVIII) «боевой армией являются крестьяне... Исключительно благодаря вмешательству крестьянства» (поманри — в английской революции) «и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот»¹¹².

Следовательно, особенность русской буржуазной революции состоит только в том, что вместо бывшего на втором месте в XVI, XVII и XVIII веках плебейского элемента городов — в XX веке выступает на первое место пролетариат.

V

Закljučаем. Тов. Мартóв задел крайне важный вопрос, который заслуживает обстоятельнейшей дискуссии на страницах ЦО партии. Но этот вопрос нельзя «задевать», его надо разбирать по существу, опираясь не только на учение Маркса и Энгельса, но и на опыт русской революции в 1905—1907 годах.

Мысль, что революционная диктатура пролетариата и крестьянства есть народническое пленение социал-демократов, вызывает лишь улыбку. В народническом пленении рассуждающие так квази***-*марксисты должны бы

* — «Новое Время». Ред.

** — лже. Ред.

были обвинить в первую голову Каутского, Маркса и Энгельса. Во всех великих буржуазных революциях решающую победу мог одерживать только пролетариат (более или менее развитой) в союзе с крестьянством, и таково же условие победы буржуазной революции в России. Опыт 1905—1907 годов *каждым* крупным поворотом событий давал *практическое* подтверждение этой истины, ибо на деле все решительные выступления, и «боевые» и парламентские, были именно «совместными действиями» пролетариата и крестьянства.

Наша партия твердо стоит на той точке зрения, что роль пролетариата есть *роль вождя* в буржуазно-демократической революции, что для доведения ее до конца необходимы *совместные действия* пролетариата и крестьянства, что без *завоевания политической власти* революционными классами не может быть победы. Отказ от этих истин осуждает социал-демократов неизбежно на шатания, на «движение без цели», на проповедь беспринципных соглашений от случая к случаю, а на деле это и означает кадетское пленение, т. е. зависимость рабочего класса от либерально-монархической, контрреволюционной буржуазии.

«Социал-Демократ» №№ 3 и 4,
9 (22) марта и 21 марта (3 апреля)
1909 г.

Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

В ПРАВЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ¹¹³

Статья об «Организационном вопросе в русской социал-демократии», помещенная в № 79 «Vorwärts'a» (I Beilage, d. 3. IV. 1909)*, вынуждает нас обратиться с решительным протестом в Правление германской социал-демократической рабочей партии. От имени Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии, который поручил нам заботу о заграничных делах, мы просим Правление германской с.-д. партии внимательно отнестись к создавшемуся до-нельзя ненормальному положению. Центральный орган германской социал-демократии упорно игнорирует наше формальное заявление о существовании за границей особого представительства ЦК и не печатает давно посланного ему сообщения об этом учреждении и о его адресе. В то же время «Vorwärts» печатает сообщение «от одного товарища» и излагает в этом сообщении *официальное* партийное событие, именно конференцию РСДРП, причем в этом изложении *официальный текст* резолюций (двух) конференции по организационному вопросу *не приводится*. Не приводя официальных партийных резолюций, письмо, помещенное в «Vorwärts'e», дает совершенно превратное изложение споров и разногласий среди русских социал-демократов; мало того, это письмо содержит прикрытую фракционную полемику против решений конференции. Такой вид полемики в особенности способен отравлять и без того ненормальные отношения между фракциями РСДРП. Такой вид полемики вызывает особенное раздражение и озлобление, затрудняя в то же

* — «Вперед» (I приложение, 3. IV. 1909). Ред.

время выяснение действительного положения дела и разногласий в нашей партии перед немецкими товарищами.

Поэтому Заграничное Бюро ЦК РСДРП просит Правление германской социал-демократической партии рассмотреть вопрос об освещении русских разногласий в «Vorwärts'e» и о помещении в «Vorwärts'e» статей о русских делах, а также о помещении в «Vorwärts'e» официальных сообщений от ЦК РСДРП и официальных текстов партийных резолюций РСДРП.

Заграничное Бюро ЦК РСДРП просит Правление принять решение относительно того, могут ли быть помещаемы в «Vorwärts'e» сообщения о партийной жизни русских с.-д. без приведения официальных сведений от ЦК и официальных текстов партийных резолюций.

По существу дела ЗБ ЦК считает необходимым указать из необъятного количества искажений истины в данной статье хотя бы на три следующие *главные* неправды, ибо перечисление *всех* неправильностей заставило бы написать целую брошюру.

1) В первой резолюции по организационному вопросу, принятой на конференции, констатируется, что в РСДРП есть *два* течения по коренным вопросам организационной политики. Партия осуждает в этой резолюции то течение, которое характеризуется как «ликвидаторское», т. е. фактически направленное к уничтожению теперешней партии РСДРП. За эту резолюцию голосовали не только все большевики и все члены польской социал-демократии, но и два делегата от Бунда из всего числа трех бундовских делегатов.

2) В резолюции по оценке современного момента, предложенной большевиками и принятой партией, указывается с самого начала, что старое крепостническое самодержавие разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Меньшевики, не предлагая своего проекта резолюции, голосовали против данной резолюции, причем они внесли единственную поправку: заменить слово буржуазный словом плутократический.

3) Представители социал-демократии Украины не высказывались и не могли высказываться за меньшевиков, ибо на конференции представителей Украины не было. Что же касается до того, что с меньшевиками была согласна Польская социалистическая партия, то эта

последняя не участвовала и не могла участвовать на конференции, ибо эта партия в РСДРП не входит. Предложение меньшевиков о соединении РСДРП с этой партией отвергнуто конференцией в такой форме, что конференция через такое предложение перешла к очередным делам.

*Написано не ранее 23 марта
(5 апреля) 1909 г.*

Печатается впервые

Печатается по рукописи

КАРИКАТУРА НА БОЛЬШЕВИЗМ

В № 42 «Пролетария» мы дали уже общую оценку «отзовизма» и «ультиматизма»*. По поводу печатаемой выше резолюции петербургских отзовистов, которая служила платформой их во время выборов на декабрьскую конференцию РСДРП (и которая, к сожалению, доставлена была в редакцию «Пролетария» лишь после конференции), нам приходится во многом повторить сказанное там.

Неправильные, немарксистские рассуждения кишмя кишат в этой резолюции, которая почти каждым пунктом подтверждает незрелость мысли авторов или забвение ими азбуки социал-демократии. Пункт 1-ый: ...«первый этап революции закончен»... Что это значит? То ли, что закончен этап общественно-экономического развития? Вероятно, нет. Авторы имеют в виду окончание этапа непосредственно революционной борьбы масс. Так должны мы думать, чтобы не приписать отзовистам совсем нелепой мысли. А раз так, то, следовательно, они признают, что налицо нет условий для непосредственно-революционной борьбы масс. Но, вынужденные признать это, вынужденные положением вещей, отзовисты не умеют *продумать* выводов отсюда, не умеют свести концов с концами... «Россия... идет навстречу новому революционному подъему»... Правильно! Только еще *идет навстречу* подъему, т. е. подъема нет, — так выходит по логике и по грамматике! Оказывается, однако, что этот не наступивший еще подъем есть «характеризующийся резким столкновением» и т. д. Выходит бессмыслица: настоящего отзовисты

* См. настоящий том, стр. 327—330. Ред.

характеризовать не умеют. Будущее, к которому мы «идем навстречу», «характеризуется» — для прикрытия непонимания этого настоящего. Например, «обнищавшая мелкая городская буржуазия» выскакивает бог знает откуда; ссылка на нее не подтверждена даже попыткой анализа; почему будущий подъем «характеризуется» резким столкновением обнищавших мещан, — ниоткуда не видно; почему понадобилось именно теперь добавить обнищавшую мелкую городскую буржуазию — неизвестно; люмпены отличаются ведь *иногда* резкими столкновениями, *иногда* поразительной неустойчивостью и неспособностью к борьбе. Неясность мысли у отзовистов полная, и нас не удивляет, что на конференции РСДРП за добавление вставки об «обнищавшей мелкой городской буржуазии» голосовали вместе с *двумя* отзовистами *только двое бундовцев!* Подтверждение нашего взгляда, что отзовизм есть оппортунизм наизнанку, получилось блестящее.

С кем же будет резкое столкновение? «С правящим блоком крупной буржуазии и помещиков-крепостников». А не с самодержавием? Отзовисты не умеют отличать абсолютизма, лавирующего между указанными двумя классами, от прямого господства этих классов, и у них выходит абсурд, исчезает куда-то борьба с самодержавием.

...«Совершается скрытая работа организации сил...» Скрытой может быть и бывает работа по учету опыта, по перевариванию новых уроков, по накоплению сил, но *организация сил* скрытой быть не может даже при абсолютном господстве нелегальщины. В 1901—1903 годах организация сил шла нелегально, но не скрыто. Отзовисты повторяют обрывки заученных слов и искажают их при этом.

Пункт 2-ой: «Разрешение этого столкновения при наличности сильно развитых в России классовых противоречий примет форму революции»... Классовые противоречия в России менее сильно развиты, чем в Европе, не знающей задачи борьбы с самодержавием. Отзовисты не замечают, как, желая углубить свои взгляды, они сближаются со своим антиподом — оппортунистами.

...«революции, которая приведет к вооруженному восстанию»...

О цели борьбы нам еще ничего ясного не сказано, о современном моменте в развитии самодержавия — тоже, но о

средстве борьбы отзовисты спешат сказать, чтобы заявить себя «революционерами». Это ребячество, дорогие товарищи, ибо вы опять показываете, что *заучили* обрывки хороших слов, *не поняв* их смысла. В 1897, 1901 и 1905 годах революционные с.-д. различно относились к вопросу о восстании: только после 9 января 1905 г. они поставили его на очередь дня, хотя и в 1897 и в 1901 гг. Россия, несомненно, «шла навстречу революционному подъему», шла к «резкому столкновению» и к «революции». Недостаточно заучить лозунги, надо уметь думать о том, когда их уместно выдвигать. Пока «подъем» не наступил, пока «революция» в самом узком и непосредственном значении слова не стала настоящим (а отзовисты говорят о ней *в будущем*: «*примет* форму революции»), — до тех пор выставлять лозунг *одного* из средств борьбы значит изображать из себя карикатуру на революционных с.-д. Резолюция конференции говорит о назревающем революционном кризисе и о цели борьбы (завоевание власти революционными классами), и *большего сейчас* сказать нельзя и говорить не нужно.

Каким образом неведомые «муниципальные реформы» попали сюда, да еще в качестве «радикальных реформ», — аллах ведает. Что это значит — не понимают, видимо, и сами отзовисты.

Пункт 3-ий: «ввиду этого с.-д-тия, как партия последовательно революционная, должна на первом плане поставить *внедумскую* борьбу»...

И находятся же люди («ультиматисты»), настолько близорукие, что наши разногласия с отзовистами кажутся им только практическими разногласиями, только разной оценкой средств и приемов проведения общей тактики! В 1907-ом году, летом, разногласие о бойкоте III Думы могло быть только практическим, ошибка бойкотистов могла быть только ошибкой в выборе средств для проведения общей всем большевикам тактики. В 1909 году смешно и говорить об этом. Ошибка отзовистов и ультиматистов стала принципиальным отступлением от марксизма. Подумайте в самом деле: «*ввиду этого*», т. е. ввиду того, что мы «идем навстречу» подъему и что столкновение «*примет* форму революции», «ввиду этого» на первый план — *внедумскую* борьбу! Ведь это же просто набор слов, прикрывающий чудовищный хаос мыслей, товарищи! Ведь

вы еще ни звука не сказали о Думе в своей резолюции, а уже состряпали заключение: «ввиду этого» — «внедумская борьба»! Ввиду того, что мы не понимаем значения Думы и задач партии во времена нарастания подъема, провозглашаем внедумскую борьбу, — вот к какой бессмыслице сводятся рассуждения отзовистов. Они повторили обрывки непонятых ими большевистских рассуждений такой эпохи, когда внедумская борьба не провозглашалась только, а велась массами, — повторили тогда, когда сами же считают «первый этап революции законченным», т. е. условия непосредственной массовой борьбы временно отсутствующими.

Они *заучили* правильное положение о подчинении думской работы интересам и направлению рабочего движения, идущего вне Думы, и повторяют *обрывки* заученного некстати и в искаженной до неузнаваемости форме.

Вместо того, чтобы подчеркнуть необходимость, наряду с думской работой, отдавать и сейчас максимум сил также выдержанной, длительной и кропотливой внедумской работе организации и агитации среди масс, — отзовисты вместе с социалистами-революционерами поднимают «революционный» визг о «внедумской борьбе», о натиске и т. п.

«Непосредственные активные действия невозможны в данное время» — говорят отзовисты в конце резолюции (п. 1), — а в начале *провозглашают* внедумскую борьбу. Ну, разве это не карикатура на большевизм?

...«И работу для доведения революции до полной победы»... Сначала обрывок мысли о средствах борьбы, потом о цели!.. «и для этой цели организацию пролетариата и широких масс крестьянства»... Это — фраза, товарищи, в такой момент, когда речь идет прежде всего и «на первом плане» об укреплении и воссоздании полуразрушенных партийных организаций.

Пункт 4-ый — один из перлов «отзовизма» — «Партия может пользоваться лишь теми формами организационного и агитационного действия, которые не ватушевывают и не ослабляют революционной борьбы»...

Такова «практическая» постановка вопроса по мнению «практичных» ультиматистов! Отзовисты *вынуждены* в 1909-м году *выискивать* принципиальные оправдания, и

это выискивание неизбежно заводит их в болото. «Лишь те формы действия, которые не затушевывают»... — эти слова ясно метят на думскую работу с.-д. и на использование ими полулегальных и легальных организаций. Выходит, что бывают такие «формы действия», которые затушевывают, и такие, которые не затушевывают. Чтобы избавить людей, не умеющих думать, от работы головой, составим расписание «форм действия» и вычеркнем те, которые «затушевывают», — вот это будет истинно-революционная тактика!

Например, легальная литература, любезные товарищи? Затушевывает эта «форма организационного и агитационного действия» или не затушевывает? Конечно, «затушевывает» при столыпинском режиме! Значит, надо ее устранить, — так выходит у отзовистов, не умеющих указать *условий* использования революционной социал-демократией *самых различных форм* и потому говорящих бессмыслицу. «Партия должна обратить особое внимание на использование и укрепление существующих и учреждение новых нелегальных, полулегальных и, по возможности, легальных организаций, которые могли бы служить ей опорными пунктами», — так гласит резолюция конференции, предложенная и проведенная большевиками. *Эта* резолюция отличается от отзовизма, как небо от земли. «Лишь те формы, которые не затушевывают», — это пустая фраза, один только «визг» вместо революционности. Создание нелегальных партийных «рабочих комитетов» для *использования* и «полулегальных и, по возможности, легальных организаций», это — тактика революционных с.-д., которые считают с тем, какие «формы организационного и агитационного действия» предписываются современным моментом, которые умеют показать *способы* действительно социал-демократической работы в самых различных «формах».

Долой легальную литературу с.-д., это — пустая фраза, невыполнимая и *потому выгодная только оппортунистам*, прекрасно сознающим ее невыполнимость. Размежка партийных социал-демократов, готовых ответить перед партией за свои легальные писания, и беспартийных литераторов-мародеров, это — трудная, но исполнимая задача, дающая действительное направление работы для тех, кто хочет работать с партией. Долой легальную

думскую фракцию, долой легальные организации, это — пустая фраза, *выгодная только оппортунистам*, которые очень рады бы были избавиться от контроля партии. Работать и работать над этим контролем, над «использованием» легальных организаций, над *выпрямлением* всякой ошибки и ошибочной тактики социал-демократов — это партийное дело, которым будем заниматься мы и все те, кто желает исполнять решения конференции.

...Конец 4-го пункта: «решительно борясь против всяких сделок контрреволюционной буржуазии с самодержавием».

Уф! Непременно *некстати* повторят отзовисты обрывки мыслей из большевистской литературы. Надо же, товарищи, разбирать, что к чему. Во время I и II Дум правительство нащупывало еще пути для *сделок*, а кадеты проповедывали народу сделки, как лозунги «борьбы» (лозунги, сбивавшие с толку даже с.-д. меньшевиков). *Тогда* решительная борьба против *сделок* была действительно лозунгом дня, задачей момента, раскрытием обмана. Теперь сделка нащупана и осуществлена у царизма с теми классами, которые отзовистами же названы «блоком», причем никто насчет осуществленной в III Думе сделки не обманывается. Теперь делать центром агитации «решительную борьбу против *всяких сделок*» — значит изображать из себя карикатуру на большевизм.

Пункт 5-ый: «Наша Госуд. дума не может быть рассматриваема как парламент, работающий в рамках политической свободы и при известной свободе классовой борьбы пролетариата, а является лишь сделкой между царизмом и крупной буржуазией...» Тут две ошибки. Нельзя говорить: *не* парламент, а сделка, ибо целый ряд парламентов мира есть не что иное, как сделка буржуазии (достигшей той или иной степени развития) с различными остатками средневековья. Мы должны были бороться и мы боролись против того, чтобы первым парламентом в России был черносотенно-октябристский парламент, но раз это оказалось фактом вопреки нашим усилиям, раз история заставила нас пройти через такой этап, то просто-напросто отмахиваться от неприятной действительности одним восклицанием, одной декламацией есть ребячество. Вторая ошибка: у авторов резолюции выходит, что ежели есть «известная свобода», то это «парламент», а ежели нет, то «подделка». Это — вульгарно-демократический взгляд,

достойный кадет, а не марксиста. При III Думе гораздо меньше свободы, чем при II, но III Дума — *менее* фиктивный парламент, ибо она *правильнее выражает* действительное соотношение господствующих в данный момент классов и государственной власти. Пока власть в руках царя и крепостников помещиков, — никакого иного парламента в буржуазной России быть не может. Кадетам прилично затушевывать эту неприкрашенную правду, но не социал-демократам.

Пункт 6-ой, в виде исключения, правилен. Но это именно такое исключение, которое подтверждает обратное правило, ибо... ибо в этом пункте отзовисты излагают не свои мысли, а мысли антиотзовистов, проводивших резолюции конференции.

Выводы. Пункт (а) ...«Дума, являясь... сделкой... и орудием контрреволюции»... Правильно!.. «лишь укрепляет самодержавие»... Это «лишь» — неверно. Самодержавие отсрочило свою гибель, успев организовать такую Думу, но оно не укрепляется этим, а *разлагается* от этого. Дума есть такое «покрытие», которое стоит иного «раскрытия», ибо она впервые открыто на тысяче вопросов показывает зависимость царизма от контрреволюционных слоев, впервые демонстрирует en grand* имманентный союз Романова и Пуришкевича, царизма и «Союза русского народа», самодержавия и Дубровиных-Илиодоров-Половневых.

Что Дума санкционирует преступления царизма, это несомненно, но это — санкция определенных классов, во имя определенных классовых интересов, и дело социал-демократии как раз выяснение с думской трибуны этих поучительных истин классовой борьбы.

...«8-месячная деятельность III Государственной думы показала, что социал-демократия не может ее использовать»...

Вот в этом гвоздь отзовиизма, ошибку которого только прикрывают, запутывая дело, наши «ультиматисты» своей смешной уверткой: раз потратили силы на создание фракции, нельзя легко отзываться ее!

Вопрос стоит прямо, и увертки тут не помогут: доказала ли 8-месячная деятельность возможность или невозможность использования думской трибуны? Ответ отзовистов

* — в больших размерах. Ред.

неверен. Несмотря на громадные трудности партийной работы *над фракцией*, эта работа безусловно *доказала возможность* использования думской трибуны. Падать духом по поводу трудностей и ошибок есть малодушие, есть замена терпеливой, выдержанной, упорной пролетарской работы интеллигентским «визгом». Другие европейские социалистические партии гораздо большие трудности встречали в начале парламентской деятельности, гораздо больше ошибок при этом делали, но не отмахивались от задачи, а умели преодолевать трудности и выправлять ошибки.

(б) ...«наша фракция... упорно вела оппортунистическую тактику, не могла и не может быть твердой и последовательной представительницей революционного пролетариата»...

Самые великие истины можно опошлять, товарищи отзовисты, самые великие задачи можно превратить во фразу, и вы это делаете. Борьбу с оппортунизмом вы превратили в фразу, играя этим только на руку оппортунистам. Фракция наша делала и делает ошибки, но именно опыт ее работы доказал, что она «могла и может» твердо и последовательно представлять пролетариат, — *могла и может*, когда мы, партия, ее направляем, ей помогаем, даем ей лучшие свои силы в руководители, составляем директивы, проекты речей, разъясняем ей вред и губительность советов мещанской интеллигенции, *всегда и во всем мире*, а не только в России, получающей наиболее легкий доступ во всякие околопарламентские учреждения.

Имейте же, товарищи, мужество признать, что мы еще далеко недостаточно сделали для этого *действительного* направления работ фракции, для помощи ей *делом*. Имейте мужество признать, что мы *можем* вдесятеро больше сделать на этом пути, если мы сумеем укрепить свои организации, сплотить свою партию, связать ее теснее с массами, создать постоянно воздействующие на широкие слои пролетариев партийные органы. Вот на что направлены наши усилия, вот на что должны быть направлены усилия всех тех, кто хочет борьбы с оппортунизмом на деле, а не на словах.

Отзовисты превратили борьбу с оппортунизмом фракции во фразу, ибо они заучили слова, не поняв разницу между

анархистской и социал-демократической критикой оппортунизма. Возьмите анархистов: они все подхватывают каждую ошибку, каждого соц.-дем. парламентария, они все кричат о том, что *даже* Бебель тогда-то сказал речь почти в духе патриотизма, тогда-то занял неверную позицию в вопросе об аграрной программе и т. д. и т. п. И это правда, что даже Бебель делал в своей парламентской карьере ошибки оппортунизма. Но какой же отсюда вывод? Для анархиста — вывод тот, что надо отозвать всех рабочих депутатов. Анархисты ругают с.-д. парламентариев, чтобы рвать с ними, ругают, отказываясь работать над выработкой пролетарской партии, пролетарской политики, пролетарских парламентариев. И на деле анархистов превращает их фразы в вернейших пособников оппортунизма, в оборотную сторону его.

Для соц.-дем. вывод из ошибок иной. Вывод тот, что *даже* Бебель не мог стать Бебелем без длительной партийной работы над созданием действительно социал-демократического представительства. Пусть не говорят нам: «у нас нет во фракции Бебелей». Бебелем нельзя родиться, Бебелем надо сделаться. Бебели не выходят готовыми, как Минерва из головы Юпитера, а создаются партией и рабочим классом. Кто говорит: у нас нет Бебелей, — тот не знает истории немецкой партии, тот не знает, что было время, когда при исключительном законе делал оппортунистические ошибки Август Бебель, и партия исправляла эти ошибки, партия направляла Бебеля*.

(в) «дальнейшее участие в Государственной думе с.-д. фракции... может принести лишь вред пролетариату... ронять достоинство и влияние с.-д.»... Для пояснения того, как в этих безмерных преувеличениях «количество переходит в качество», из безмерного преувеличения *вырастает* (независимо от воли и сознания товарищей отзовистов) анархистская фраза, достаточно сослаться на бюджетные прения 1909 года, на речь Белоусова. Если *такие* выступления считать «приносящими вред» и не доказывающими возможность и необходимость использования думской трибуны, то разногласие выходит за пределы оценки

* На этой поучительной истории и на осуждении ею немецких течений, родственных нашему отзовизму, мы надеемся остановиться в особой статье.

выступления, становится принципиальным разногласием об основных вопросах с.-д. тактики.

...(I) «Начать широкую агитацию... за лозунг: «Долой III Государственную думу»»...

Мы уже говорили в № 39 «Пролетария», что этот лозунг, увлекший на некоторое время некоторых рабочих антиотзовистов, — *неверен**. Либо это кадетский лозунг избирательной реформы при самодержавии, либо это повторение заученного слова из той эпохи, когда либеральные Думы прикрывали контрреволюционный царизм, стараясь помешать народу ясно увидеть своего настоящего врага.

(II) «отозвать... фракцию, что подчеркнет как... характер Думы, так и революционную тактику с.-д.».

Это — перефразировка того положения московских отзовистов, что отзыв фракции подчеркнет, что революция не похоронена. Такой вывод — повторим слова № 39 «Пролетария» — «подчеркивает» только *похороны* тех с.-д., которые способны рассуждать подобным образом. Они *хоронят* этим себя, как социал-демократов, они теряют чутье действительно пролетарски-революционной работы и потому вымучивают из себя «подчеркивание» революционной фразы.

(III) «все свои силы посвятить организации и подготовке... к открытой... борьбе» (и потому отказаться от открытой проповеди с думской трибуны!)... «и пропаганде» и т. д.

О том, что социал-демократии неприлично отказываться от *пропаганды* с думской трибуны, отзовисты забыли.

Они дают нам здесь довод, повторяемый некоторыми ультиматистами: «не расчет-де тратить силы на безнадежную думскую работу, давайте *все силы* употребим проивоздительнее». Это не довод расчета, а софизм, который неминуемо порождает — опять-таки независимо от воли и сознания авторов — анархистские выводы. Ибо анархисты во *всех* странах, указывая на ошибки с.-д. парламентариев, вовут бросить «нерасчетливую возню с буржуазным парламентаризмом» и сосредоточить «все эти силы» на «прямом действии» организации. Но это ведет к дезорганизации и подмене широкой и всесторонней работы выкрикиванием «лозунгов», бессильных в своей оторванности. Это только

* См. настоящий том, стр. 261—276. Ред.

так кажется отзовистам и ультиматистам, будто довод здесь новый и *только* к III Думе приуроченный. Неправда, это общеевропейский, обычный *не* социал-демократический довод.

Итак, отзовизм и ультиматизм есть карикатура на большевизм. Чем же порождена эта карикатура? Конечно, ошибочностью всего большевизма, — спешит заявить меньшевик. Такое заключение, несомненно, очень «выгодно» для меньшевиков. Жаль только, что объективными фактами оно не подтверждается, а опровергается. Эти объективные факты говорят нам, что в развитии не только большевизма, но и *всего* русского марксизма *вообще* был период карикатур на марксизм, и что русский марксизм окреп и вырос в борьбе с этой болезнью роста, болезнью расширения сферы своего влияния. Русский марксизм родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа «Освобождение труда»).

Но течением русской общественной мысли и составной частью рабочего движения марксизм в России стал лишь с половины 90-х годов прошлого века, когда началась «волна» марксистской литературы в России и социал-демократического рабочего движения. И что же? Эта волна принесла *карикатуру на марксизм* в лице струвизма, с одной стороны, рабочедельчества и «экономизма», — с другой. Марксизм вырос и возмужал потому, что не прикрывал расхождения, не дипломатничал (как дипломатничают меньшевики по отношению к Маслову, Череванину, Кусковой, Прокоповичу, Валентинову, Ерманскому и К^о), а вел и провел победоносный *поход* против карикатуры, порожденной печальными условиями русской жизни и переломом в историческом развитии социализма в России. И большевизм вырастет и окрепнет, не прикрывая *начала* искажения его карикатурой, порожденной печальными условиями русской жизни и переломом контрреволюционного периода, а открыто разясняя массам, в какое болото ведут фракцию и партию отзовисты и ультиматисты.

«ЛЕВЕНИЕ» БУРЖУАЗИИ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА

Вопрос о «левении» торгово-промышленной буржуазии давно уже не сходит со страниц нашей легальной печати. Отмечено и признано, что октябристская печать от времени до времени регулярно предается воркотне против «аграрной» (читай: крепостнически-помещичьей) Думы и против соответствующей политики царизма. Отмечено и признано, что целый ряд и местных профессиональных и общенациональных организаций торговцев и промышленников, — начиная от провинциальных биржевых комитетов и кончая «Советом съездов представителей торговли и промышленности», — выражает именно в последние годы и особенно в последнее время недовольство помещичьей политикой. Описано московское «братанье миллионов с наукой», сиречь закрытые от публики совещания крупнейших московских и петербургских тузов: Крестовникова, Гужона, Вольского и др., с кадетскими профессорами и писателями: Мануиловым, Струве, Кизеветтером и К^о. Нечего и говорить, что либеральная печать, вплоть до органов меньшевиков, смакует каждое такое известие и трубит на тысячи ладов о возрождении и обновлении либерализма.

Пресловутое «левение» буржуазии нашло свое выражение в «политических» шагах царского правительства и в думских выступлениях. Излюбленное лицо русского купечества — и в то же время старая бюрократическая крыса — г. Тимирязев назначен министром торговли и промышленности. 13-го марта он выступил в Думе с большой «программой» речью, — подобные речи министров называются во всех черносотенно-буржуазных и просто буржуазных парламентах мира программными речами исключительно «для ради важности». На деле никакой программы

царский министр не изложил, а отделался, как водится, ровно ничего не говорящими любезными кивками по адресу капиталистов, да угрозами по адресу рабочего класса, соединив, конечно, эти угрозы с казенно-лицемерным выражением «сочувствия». 19-го марта это лобызание министра с вождями капитала было повторено в Москве, где Тимирязев и Крестовников обменялись любезными речами в заседании московского биржевого общества. «Россия больна, но при надлежащем уходе болезнь ее не опасна и скоропреходяща», — говорил Крестовников, приветствуя глубокоуважаемого Тимирязева. А Тимирязев, благодаря глубокоуважаемого Крестовникова, выражал от имени правительства благосклонное согласие «ухаживать» за больной посредством испытанных столыпинских средств «переходного времени».

Спрашивается, какими объективными причинами вызывается это «левение» буржуазии и каково его классовое значение? В журнале «Возрождение»¹¹⁴ (№ 1—2) т. Мартов с не особенно обычной для этого писателя прямоот и ясностью отвечает на эти вопросы в статье, озаглавленной: ««Левение» буржуазии». «Жизнь показала, — пишет он, — что если экономическое развитие созрело именно для буржуазного преобразования, а буржуазия не может явиться его движущей силой, то это лишь значит, что общественный переворот не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие данного класса не сделает его движущей силой». И в другом месте: «Те, кто полагал, что ныне действующая конституция выражает собой более или менее органическое объединение дворянства и буржуазии, как одинаково «контрреволюционных факторов», те могут видеть в явлениях, вроде вышеуказанных» (т. е. в «левении» буржуазии), «лишь частные эпизоды, не стоящие в необходимой связи с основным направлением общественного развития... Эти изолированные явления могут иметь симптоматическое значение лишь в глазах тех, для кого а priori* было несомненно, что ход общественного развития неумолимо ведет русскую буржуазию, как класс, к резкому противопоставлению себя режиму... 3 июня».

* — заранее. Ред.

Сопоставьте с этим ваявление «Голоса С.-Д.» № 12: ...«мы солидарны и с предложением кавказцев (т. е. Дана, Аксельрода и Семенова на последней конференции РСДРП) говорить о русской монархии не как о «буржуазной», а как о «плутократической», ибо эта поправка отрицает в корне неверное утверждение большевистской резолюции, будто русский царизм начинает выражать классовые интересы буржуазии».

Перед нами выступает здесь вся политическая теория нашего меньшевизма со всеми ее выводами. Если наша революция буржуазна, то она не может завершиться, пока буржуазия не станет ее движущей силой. «Левение» буржуазии доказывает, что она становится такой движущей силой, и о контрреволюционности ее не может быть и речи. Царизм в России становится плутократическим, а не буржуазным. Само собою понятно, что отсюда вытекает ващита оппортунистической тактики рабочей партии в нашей буржуазной революции, тактики поддержки либералов пролетариатом в противовес тактике, которая указывает пролетариату, присоединяющему к себе крестьянство, руководящую роль в буржуазной революции вопреки шатаниям и изменам либерализма.

Меньшевистская тактика выступает перед нами как фальсификация марксизма, как прикрытие «марксистскими» словечками антимарксистского содержания. В основе этой тактики лежит метод рассуждения не марксистов, а либералов, переодетых марксистами. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить общий взгляд хотя бы на историю и результаты буржуазной революции в Германии. В «Новой Рейнской Газете» Маркс писал о причинах поражения революции 1848-го года: «Крупная буржуазия, антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, т. е. перед рабочими и демократической буржуазией»¹¹⁵. На этой точке зрения стоял Маркс и стоят все немецкие марксисты в оценке 1848-го года и последующей тактики немецкой буржуазии. Контрреволюционность крупной буржуазии не мешала ей «леветь», например, в эпоху конституционного конфликта 60-х годов, но, поскольку не выступал самостоятельно и решительно пролетариат, постольку из этого «левения» не получалась революция, а получалась только робкая

оппозиция, побуждавшая монархию становиться все более буржуазной и не разрушавшая союза буржуазии с юнкерами, т. е. реакционными помещиками.

Так смотрят марксисты. Наоборот, либералы смотрят так, что рабочие своими неумеренными требованиями, своей неразумной революционностью, своими несвоевременными нападками на либерализм помешали успеху дела свободы в Германии, оттолкнув своих возможных союзников в объятия реакции.

Совершенно очевидно, что марксистскими словечками наши меньшевики прикрывают фальсификацию марксизма, прикрывают свой переход *от* марксизма *к* либерализму.

И во Франции после 1789-го года и в Германии после 1848-го года монархия, несомненно, делала «еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию». Так же несомненно, что буржуазия после обеих этих революций становилась контрреволюционной. Значит ли это, что после 1789-го года во Франции и после 1848-го года в Германии исчезала почва для «левения» буржуазии и для следующей буржуазной революции? Конечно, нет. Французская буржуазия, несмотря на свою контрреволюционность, «левела», скажем, в 1830 году, немецкая — в 1863—1864 годах. Поскольку пролетариат не выступал самостоятельно, поскольку он не завоевывал себе хотя бы даже на короткое время политической власти при помощи революционных слоев буржуазии, постольку «левение» буржуазии не приводило к революции (Германия), а приводило только к дальнейшим шагам превращения монархии в буржуазную монархию. Поскольку пролетариат выступал самостоятельно и завоевывал в союзе с революционными слоями буржуазии политическую власть, свержая старую власть (как было во Франции не раз в XIX веке), постольку «левение» буржуазии оказывалось прологом новой буржуазной революции.

И вот эту азбуку истории забыли и извратили наши меньшевики, переходя на точку зрения либералов: не бывать в России буржуазной революции, пока не станет движущей силой буржуазия! Это — полнейшее непонимание исторической диалектики и уроков XIX века. Наоборот: не бывать в России буржуазной революции, пока пролетариат в союзе с революционными элементами

буржуазии (т. е. у нас о крестьянством) не станет самостоятельной движущей силой вопреки колебаниям и изменам шаткой и контрреволюционной буржуазии.

Не при Николае II, любезные гг. меньшевики, а при Александре II русский царизм начинал превращаться в «плутократическую» монархию, «начинал выражать классовые интересы буржуазии». Но он не мог их выразить без самостоятельной классовой *организации* буржуазии. Революция 1905-го года подняла нас на высшую ступень, и старая борьба возобновляется в плоскости более развитых политических отношений. III Дума есть политически оформленный, общенациональный союз политических *организаций* помещиков и крупной буржуазии. Царизм делает попытку решить объективно-необходимые исторические задачи при помощи *организаций* этих двух классов. Удастся ли ему эта попытка?

Нет. Оказывается, что такой задачи не может решить не только плутократический царизм, не знавший организации национального представительства «высших» классов, но и полубуржуазный царизм при помощи черносотенно-буржуазной Думы. Дума помогает ему решить эту задачу. Но этой помощи *оказывается* мало. «Левение» буржуазии вызывается именно тем *объективным* фактом, что, несмотря на столыпинское подновление царизма, обеспечения буржуазной эволюции *не получается*. Подобно тому, как до 1905-го года, в эпоху царизма, не знавшего никаких представительных учреждений, «левение» помещиков и предводителей дворянства было симптомом назревающего кризиса, так и в 1909-ом году, в эпоху царизма, давшего национальное представительство Крестовниковым, «левение» этих тузов есть *симптом* того, что «объективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными», что «основные факторы, вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать» (резолюция конференции о современном моменте).

Меньшевики ограничивают свое рассуждение тем, что революция у нас буржуазна и что буржуазия у нас «левает». Но ограничиваться этим — значит превращать марксизм из «руководства для действия» в мертвую букву, значит фальсифицировать марксизм, переходить фактически на точку зрения либерализма. Возможна буржуазная революция без единой полной победы пролетариата,

и в результате — медленное превращение старой монархии в буржуазную и буржуазно-империалистскую (пример: Германия). Возможна буржуазная революция с рядом самостоятельных выступлений пролетариата, дающих и полные победы и тяжелые поражения, а в результате — буржуазную республику (пример: Франция).

Спрашивается: решен ли русской историей вопрос о том или ином пути? Меньшевики не понимают этого вопроса, боятся ставить его, обходят его, не сознавая, что обходить этот вопрос — значит фактически в своей политике идти в хвосте либеральной буржуазии. Мы думаем, что русская история еще не решила этого вопроса, что решит его борьба классов в течение ближайших лет, что первая кампания нашей буржуазной революции (1905—1907 годы) неопровержимо доказала полную шаткость и контрреволюционность нашей буржуазии, доказала способность нашего пролетариата быть *вождем* победоносной революции, доказала способность демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной.

И здесь мы встречаем опять-таки чисто либеральную точку зрения меньшевиков на наше *трудовицкое* крестьянство. Трудовики полны мелкобуржуазных утопий, их борьба за землю идет во имя нелепых и реакционных лозунгов социализации земли или уравнительного пользования ею — говорят меньшевики; — «следовательно», трудовицкая борьба за землю *ослабляет* борьбу за волю, победа трудовиков была бы реакционной победой деревни над городом, — вот к чему сводятся и рассуждения Мартынова в № 10—11 «Голоса С.-Д.» и рассуждения Мартова в сборнике «Общественное движение в России в начале XX века».

Такая оценка трудовицкого крестьянства — не менее безобразное искажение марксизма, чем вышеприведенные рассуждения о буржуазной революции. Это — худшее доктринерство, если марксист не умеет разобрать *реального* значения революционной борьбы против всего современного помещичьего землевладения под оболочкой народнической *доктрины*, действительно нелепой, мечтательной и реакционной, при оценке ее как социалистической доктрины. Меньшевики проявляют поразительную слепоту и непонимание диалектики марксизма, не видя того, что при

условиях жизни русского крестьянства его буржуазно-демократическая революционность не смогла идеологически выразиться иначе, как в форме «веры» во всеспасающее действие земельного поравнения. «То, что фальшиво в формально-экономическом смысле, может быть истиной во всемирно-историческом смысле»¹¹⁶, — этих слов Энгельса никогда не могли понять наши меньшевики. Разоблачая *фальшь* народнической *доктрины*, они, как педанты, закрывали глаза на *истину* современной борьбы в современной буржуазной революции, выражаемую этими quasi-социалистическими доктринами.

Мы же говорим: решительная борьба с quasi-социалистическими доктринами трудовиков, с.-р., н.-с. и К⁰, и прямое, твердое признание *союза* пролетариата с революционным крестьянством в *буржуазной* революции. Победа этой революции развеет как дым доктрину о всеспасающем действии земельного поравнения, но массы крестьянства в теперешней борьбе выражают этой доктриной именно широту, силу, смелость, увлечение, искренность и непобедимость своего исторического действия, ведущего к очищению России от всех и всяких остатков крепостничества.

Буржуазия левеет, долой трудовицкий утопизм, да здравствует поддержка буржуазии, — рассуждают меньшевики. Буржуазия левеет, — скажем мы, — значит накапливается новый порох в пороховнице русской революции. Если сегодня Крестовниковы говорят: «Россия больна», — то это значит, что завтра выступит социалистический пролетариат, ведущий за собой демократическое крестьянство, и скажет: «мы ее вылечим!».

ОБ ОТНОШЕНИИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ К РЕЛИГИИ

Речь депутата Суркова в Государственной думе при обсуждении сметы синода и прения в нашей думской фракции при обсуждении проекта этой речи, печатаемые нами ниже, подняли чрезвычайно важный и злободневный как раз в настоящее время вопрос. Интерес ко всему, что связано с религией, несомненно, охватил ныне широкие круги «общества» и проник в ряды интеллигенции, близкой к рабочему движению, а также в известные рабочие круги. Социал-демократия безусловно обязана выступить с изложением своего отношения к религии.

Социал-демократия строит все свое миросозерцание на научном социализме, т. е. марксизме. Философской основой марксизма, как неоднократно заявляли и Маркс и Энгельс, является диалектический материализм, вполне воспринявший исторические традиции материализма XVIII века во Франции и Фейербаха (1-ая половина XIX века) в Германии, — материализма безусловно атеистического, решительно враждебного всякой религии. Напомним, что весь «Анти-Дюринг» Энгельса, прочтенный в рукописи Марксом, изобличает материалиста и атеиста Дюринга в невыдержанности его материализма, в оставлении им лазеек религии и религиозной философии. Напомним, что в своем сочинении о Людвиге Фейербахе Энгельс ставит в упрек ему то, что он боролся с религией не ради уничтожения ее, а ради подновления, сочинения новой, «возвышенной» религии и т. п. Религия есть опиум народа, — это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии¹¹⁷. Все современные религии и церкви, все и всячески

религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса.

И в то же время, однако, Энгельс неоднократно осуждал попытки людей, желавших быть «левее» или «революционнее» социал-демократии, внести в программу рабочей партии прямое признание атеизма в смысле объявления войны религии. В 1874-ом году, говоря о знаменитом манифесте беглецов Коммуны, бланкистов, живших в качестве эмигрантов в Лондоне, Энгельс трактует как глупость их шумливое провозглашение войны религии, заявляя, что такое объявление войны есть лучший способ оживить интерес к религии и затруднить действительное отмирание религии. Энгельс ставит в вину бланкистам неумение понять того, что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную практику, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть анархическая фраза¹¹⁸. И в 1877-ом году в «Анти-Дюринге», беспощадно травя малейшие уступки Дюринга-философа идеализму и религии, Энгельс не менее решительно осуждает якобы революционную идею Дюринга о запрещении религии в социалистическом обществе. Объявлять подобную войну религии — значит — говорит Энгельс — «перебисмаркить самого Бисмарка», т. е. повторить глупость бисмарковской борьбы с клерикалами (пресловутая «борьба за культуру», Kulturkampf, т. е. борьба Бисмарка в 1870-х годах против германской партии католиков, партии «центра», путем полицейских преследований католицизма). Такой борьбой Бисмарк только укрепил воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры, ибо выдвинул на первый план религиозные деления вместо делений политических, отвлек внимание некоторых слоев рабочего класса и демократии от насущных задач классовой и революционной борьбы в сторону самого поверхностного и буржуазно-лживого антиклерикализма. Обвиняя, желавшего быть ультра-революционным, Дюринга в желании повторить в иной форме ту же глупость Бисмарка, Энгельс требовал от рабочей партии уменья терпеливо работать

над делом организации и просвещения пролетариата, делом, ведущим к отмиранию религии, а не бросаться в авантюры политической войны с религией¹¹⁹. Эта точка зрения вошла в плоть и кровь германской социал-демократии, высказывавшейся, например, за свободу для иезуитов, за допущение их в Германию, за уничтожение всяких мер полицейской борьбы с той или иной религией. «Объявление религии частным делом» — этот знаменитый пункт Эрфуртской программы (1891 года) закрепил указанную политическую тактику социал-демократии.

Эта тактика успела уже теперь стать рутинной, успела породить новое искажение марксизма в обратную сторону, в сторону оппортунизма. Стали толковать положение Эрфуртской программы в том смысле, что мы, с.-д., наша партия *считает* религию частным делом, что для нас, как с.-д., для нас, как партии, религия есть частное дело. Не вступая в прямую полемику с этим оппортунистическим взглядом, Энгельс в 1890-х годах счел необходимым решительно выступить против него не в полемической, а в позитивной форме. Именно: Энгельс сделал это в форме заявления, нарочно им подчеркнутого, что социал-демократия считает религию частным делом *по отношению к государству*, а отнюдь не по отношению к себе, не по отношению к марксизму, не по отношению к рабочей партии¹²⁰.

Такова внешняя история выступлений Маркса и Энгельса по вопросу о религии. Для людей, неряшливо относящихся к марксизму, для людей, не умеющих или не желающих думать, эта история есть комок бессмысленных противоречий и шатаний марксизма: какая-то, дескать, каша из «последовательного» атеизма и «поблажек» религии, какое-то «беспринципное» колебание между р-р-революционной войной с богом и трусливым желанием «подделаться» к верующим рабочим, боязнь отпугнуть их и т. д. и т. п. В литературе анархических фразеров можно найти не мало выходов против марксизма в этом вкусе.

Но кто сколько-нибудь способен серьезно отнестись к марксизму, вдуматься в его философские основы и в опыт международной социал-демократии, тот легко увидит, что тактика марксизма по отношению к религии глубоко последовательна и продумана Марксом и

Энгельсом, что то, что дилетанты или невежды считают шатаниями, есть прямой и неизбежный вывод из диалектического материализма. Глубоко ошибочно было бы думать, что кажущаяся «умеренность» марксизма по отношению к религии объясняется, так называемыми, «тактическими» соображениями в смысле желания «не отпугнуть» и т. п. Напротив, политическая линия марксизма и в этом вопросе неразрывно связана с его философскими основами.

Марксизм есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идет дальше энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией. Это — азбука *всего* материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо *уметь* бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксист говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах это — корни, главным образом, *социальные*. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим

людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса. Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого корня религии, против господства капитала во всех формах.

Следует ли из этого, что просветительская книжка против религии вредна или излишня? Нет. Из этого следует совсем не это. Из этого следует, что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть подчинена ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплуатируемых масс против эксплуататоров.

Человек, не вдумавшийся в основы диалектического материализма, т. е. философии Маркса и Энгельса, может не понять (или, по крайней мере, сразу не понять) этого положения. Как это так? Подчинить идейную пропаганду, проповедь известных идей, борьбу с тем врагом культуры и прогресса, который держится тысячелетия (т. е. с религией), — классовой борьбе, т. е. борьбе за определенные практические цели в экономической и политической области?

Подобное возражение принадлежит к числу ходячих возражений против марксизма, свидетельствующих о полном непонимании марксовой диалектики. Противоречие, смущающее тех, кто возражает подобным образом, есть живое противоречие живой жизни, т. е. диалектическое, не словесное, не выдуманное противоречие. Отделять абсолютной, непреходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т. е. разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия

классовой борьбы этих слоев — значит рассуждать недиалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная, относительная грань, — значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности. Возьмем пример. Пролетариат данной области и данной отрасли промышленности делится, положим, на передовой слой довольно сознательных социал-демократов, которые являются, разумеется, атеистами, и довольно отсталых, связанных еще с деревней и крестьянством рабочих, которые веруют в бога, ходят в церковь или даже находятся под прямым влиянием местного священника, основывающего, допустим, христианский рабочий союз. Положим, далее, что экономическая борьба в такой местности привела к стачке. Для марксиста обязательно успех стачечного движения поставить на первый план, обязательно решительно противодействовать разделению рабочих в этой борьбе на атеистов и христиан, решительно бороться против такого разделения. Атеистическая проповедь может оказаться при таких условиях и излишней и вредной — не с точки зрения обывательских соображений о неотпугивании отсталых слоев, о потере мандата на выборах и т. п., а с точки зрения действительного прогресса классовой борьбы, которая в обстановке современного капиталистического общества во сто раз лучше приведет христиан-рабочих к социал-демократии и к атеизму, чем голая атеистическая проповедь. Проповедник атеизма в такой момент и при такой обстановке сыграл бы только *наруку* попу и попам, которые ничего так не желают, как замены деления рабочих по участию в стачке делением по вере в бога. Анархист, проповедуя войну о богом во что бы то ни стало, на деле помог бы попам и буржуазии (как и всегда анархисты *на деле* помогают буржуазии). Марксист должен быть материалистом, т. е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т. е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлеченной, чисто-теоретической, всегда себе равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей *на деле* и воспитывающей массы больше всего и лучше всего. Марксист должен уметь учитывать всю конкретную обстановку, всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она

существует), не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой «революционаризм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога, руководится не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетом: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, премудрым правилом: «живи и жить давай другим», и т. д. и т. п.

С указанной точки зрения следует решать все частные вопросы, касающиеся отношения социал-демократии к религии. Например, часто выдвигается вопрос, может ли священник быть членом с.-д. партии, и обыкновенно отвечают на этот вопрос без всяких оговорок положительно, ссылаясь на опыт европейских с.-д. партий. Но этот опыт порожден не только применением доктрины марксизма к рабочему движению, а и особыми историческими условиями Запада, отсутствующими в России (мы скажем ниже об этих условиях), так что безусловный положительный ответ здесь не верен. Нельзя раз навсегда и для всех условий объявить, что священники не могут быть членами социал-демократической партии, но нельзя раз навсегда выставить обратное правило. Если священник идет к нам для совместной политической работы и выполняет добросовестно партийную работу, не выступая против программы партии, то мы можем принять его в ряды с.-д., ибо противоречие духа и основ нашей программы с религиозными убеждениями священника могло бы остаться при таких условиях только его касающимся, личным его противоречием, а экзаменовать своих членов насчет отсутствия противоречия между их взглядами и программой партии политическая организация не может. Но, разумеется, подобный случай мог бы быть редким исключением даже в Европе, а в России он и совсем уже мало вероятен. И, если бы, например, священник вошел в партию с.-д. и стал вести в этой партии, как свою главную и почти единственную работу, активную проповедь религиозных воззрений, то партия безусловно должна бы была исключить его из своей среды. Мы должны не только допускать, но сугубо привлекать всех рабочих, сохраняющих веру в бога, в с.-д. партию, мы безусловно против малейшего оскорбления их религиозных убеждений, но мы привлекаем

их для воспитания в духе нашей программы, а не для активной борьбы с ней. Мы допускаем *внутри* партии свободу мнений, но в известных границах, определяемых свободой группировки: мы не обязаны идти рука об руку с активными проповедниками взглядов, отвергаемых большинством партии.

Другой пример: можно ли при всех условиях одинаково осуждать членов с.-д. партии за заявление: «социализм есть моя религия» и за проповедь взглядов, соответствующих подобному заявлению? Нет. Отступление от марксизма (а следовательно, и от социализма) здесь несомненно, но значение этого отступления, его, так сказать, удельный вес могут быть различны в различной обстановке. Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так, чтобы быть понятнее, чтобы начать изложение, чтобы реальнее оттенить свои взгляды в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы. Другое дело, если писатель начинает проповедывать «богостроительство» или богостроительский социализм (в духе, например, наших Луначарского и К^о). Насколько в первом случае осуждение могло бы быть придиркой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы «педагогического» воздействия, настолько во втором случае партийное осуждение необходимо и обязательно. Положение: «социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — от социализма к религии.

Перейдем теперь к тем условиям, которые породили на Западе оппортунистическое толкование тезиса: «объявление религии частным делом». Конечно, есть тут влияние общих причин, порождающих оппортунизм вообще, как принесение в жертву минутным выгодам коренных интересов рабочего движения. Партия пролетариата требует от государства объявления религии частным делом, отнюдь не считая «частным делом» вопрос борьбы с опиумом народа, борьбы с религиозными суевериями и т. д. Опортунисты извращают дело таким образом, как будто бы *социал-демократическая* партия считала религию частным делом!

Но кроме обычного оппортунистического извращения (совершенно не разъясненного в прениях, которые вела наша думская фракция при обсуждении выступления о

религии) есть особые исторические условия, вызвавшие современное, если можно так выразиться, чрезмерное равнодушие европейских с.-д. к вопросу о религии. Это — условия двойного рода. Во-первых, задача борьбы с религией есть исторически задача революционной буржуазии, и на Западе эту задачу в значительной степени выполнила (или выполняла) буржуазная демократия в эпоху своих революций или своих натисков на феодализм и средневековье. И во Франции и в Германии есть традиция буржуазной войны с религией, начатой задолго до социализма (энциклопедисты, Фейербах). В России, соответственно условиям нашей буржуазно-демократической революции, и эта задача ложится почти всецело на плечи рабочего класса. Мелкобуржуазная (народническая) демократия сделала в этом отношении у нас не слишком много (как думают новоявленные черносотенные кадеты или кадетские черносотенцы из «Вех»¹²¹), а *слишком мало* по сравнению с Европой.

С другой стороны, традиция буржуазной войны с религией успела создать в Европе специфически буржуазное *извращение* этой войны анархизмом, который стоит, как давно уже и многократно разъясняли марксисты, на почве буржуазного мировоззрения при всей «ярости» своих нападок на буржуазию. Анархисты и бланкисты в романских странах, Мост (бывший, между прочим, учеником Дюринга) и К^о в Германии, анархисты в 80-х годах в Австрии довели до *нес plus ultra** революционную фразу в борьбе с религией. Неудивительно, что европейские с.-д. теперь *перегибают палку*, согнутую анархистами. Это понятно и, в известной мере, закономерно, но забывать об особых исторических условиях Запада нам, русским с.-д., не годится.

Во-вторых, на Западе *после* окончания национальных буржуазных революций, *после* введения более или менее полной свободы вероисповедания, вопрос демократической борьбы с религией настолько уже был исторически оттеснен на второй план борьбой буржуазной демократии с социализмом, что буржуазные правительства *сознательно* пробовали отвлечь внимание масс от социализма устройством *quasi***-либерального «похода» на клерикализм.

* — самой крайней степени. Ред.

** — якобы. Ред.

Такой характер носил и Kulturkampf в Германии и борьба с клерикализмом буржуазных республиканцев Франции. Буржуазный антиклерикализм, как средство отвлечения внимания рабочих масс от социализма, — вот что предшествовало на Западе распространению среди с.-д. современного их «равнодушия» к борьбе с религией. И опять-таки это понятно и законно, ибо буржуазному и бисмаркианскому антиклерикализму с.-д. должны были противопоставлять именно *подчинение* борьбы с религией борьбе за социализм.

В России условия совсем иные. Пролетариат есть вождь нашей буржуазно-демократической революции. Его партия должна быть идейным вождем в борьбе со всяким средневековьем, а в том числе и со старой, казенной религией и со всеми попытками обновить ее или обосновать заново или по-иному и т. д. Поэтому, если Энгельс сравнительно мягко поправлял оппортунизм немецких с.-д., подменявших требование рабочей партии, чтобы *государство* объявило религию частным делом, *объявлением* религии частным делом для самих с.-д. и социал-демократической партии, — то понятно, что перенимание русскими оппортунистами этого немецкого извращения заслужило бы *во сто раз* более резкое осуждение Энгельса.

Заявив с думской трибуны, что религия есть опиум народа, наша фракция поступила вполне правильно и создала, таким образом, прецедент, который должен послужить основой для всех выступлений русских с.-д. по вопросу о религии. Следовало ли идти дальше, развивая еще подробнее атеистические выводы? Мы думаем, что нет. Это могло бы грозить преувеличением борьбы с религией со стороны политической партии пролетариата; это могло бы вести к стиранию грани между буржуазной и социалистической борьбой с религией. Первое, что должна была выполнить с.-д. фракция в черносотенной Думе, было с честью выполнено.

Второе — и едва ли не главное для с.-д. — разъяснение классовой роли церкви и духовенства в поддержке черносотенного правительства и буржуазии в ее борьбе с рабочим классом — равным образом выполнено было с честью. Конечно, на эту тему можно еще сказать очень многое, и последующие выступления с.-д. найдут, чем дополнить речь тов. Суркова, но все же речь его была превосходна,

и распространение ее всеми партийными организациями есть прямая обязанность нашей партии.

Третье — следовало со всей обстоятельностью разъяснить *правильный* смысл столь часто искажаемого немецкими оппортунистами положения: «объявление религии частным делом». Этого, к сожалению, тов. Сурков не сделал. Это тем более жаль, что в предыдущей деятельности фракции была уже допущена по этому вопросу своевременно отмеченная *«Пролетарием»* ошибка тов. Белоусова. Прения во фракции показывают, что спор об атеизме васлонил от нее вопрос о правильном изложении пресловутого требования объявления религии частным делом. Мы не будем винить за эту ошибку всей фракции одного тов. Суркова. Мало того. Признаем прямо, что тут есть вина всей партии, недостаточно разъяснявшей этот вопрос, недостаточно подготовившей в сознании с.-д. значение энгельсовского замечания по адресу немецких оппортунистов. Прения во фракции доказывают, что это было именно неясное понимание вопроса, а отнюдь не нежелание считаться с учением Маркса, и мы уверены, что ошибка будет исправлена в последующих выступлениях фракции.

В общем и целом, повторяем, речь тов. Суркова превосходна и должна быть распространяема всеми организациями. Обсуждением этой речи фракция доказала вполне добросовестное исполнение ею своего с.-д. долга. Остается пожелать, чтобы корреспонденции о прениях внутри фракции чаще появлялись в партийной печати для сближения фракции с партией, для ознакомления партии с тяжелой внутренней работой, проделываемой фракцией, для установления идейного единства в деятельности партии и фракции.

КЛАССЫ И ПАРТИИ В ИХ ОТНОШЕНИИ К РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

Прения в Государственной думе по вопросу о смете синода, затем о возвращении прав лицам, покинувшим духовное звание, и, наконец, о старообрядческих общинах дали чрезвычайно поучительный материал для характеристики русских политических партий со стороны их отношения к религии и церкви. Бросим общий взгляд на этот материал, останавливаясь, главным образом, на прениях по смете синода (стенографические отчеты о прениях по другим из указанных выше вопросов нами еще не получены).

Первый вывод, который особенно бросается в глаза при рассмотрении думских прений, состоит в том, что воинствующий клерикализм в России не только имеется налицо, но явно усиливается и организуется все больше. 16-го апреля епископ Митрофан заявил: «первые шаги нашей думской деятельности были направлены именно к тому, чтобы нам, почтенным высоким избранием народным, чтобы здесь в Думе стать выше партийных дроблений и образовать одну группу духовенства, которая все стороны освещала бы со своей этической точки зрения... Что же причиной, что мы не пришли к этому идеальному положению?... Вина в тех, которые разделяют с вами» (т. е. с кадетами и «левыми») «эти скамьи, именно, депутаты духовенства, принадлежащие к оппозиции. Они первые возвысили свой голос и заговорили, что это не больше, как нарощение клерикальной партии, и что это в высшей степени нежелательно. Конечно, говорить о клерикализме русского православного духовенства не приходится — никогда тенденций подобного рода у нас не было, и мы,

желая выделиться в отдельную группу, преследовали чисто моральные, этические цели, а теперь, господа, когда вследствие такого несогласия, внесенного левыми депутатами в нашу братскую среду, последовало разделение и раздробление, теперь вы» (т. е. кадеты) «обвиняете нас в этом».

Епископ Митрофан в своей неграмотной речи выболтал тайну: левые, видите, виноваты в том, что отбили часть думских попов от образования особой «моральной» (это слово, конечно, удобнее для надувания народа, чем «клерикальной») группы!

Почти месяц спустя, 13-го мая, епископ Евлогий прочел в Думе «постановление думского духовенства»: «православное думское духовенство в подавляющем большинстве находит»... что во имя «первенствующего и господствующего положения православной церкви» недопустимы ни свобода проповеди для старообрядцев, ни явочный порядок открытия старообрядческих общин, ни наименование старообрядческих духовных лиц священнослужителями. «Чисто моральная точка зрения» русских попов вполне обнаружила себя, как чистейший клерикализм. «Подавляющее большинство» думского духовенства, от имени которого говорил епископ Евлогий, составили, вероятно, 29 правых и умеренно правых священников третьей Думы, а может быть, и 8 священников октябристов. К оппозиции отошли, должно быть, 4 священника группы прогрессистов и мирнообновленцев и один из польско-литовской группы.

Какова же «чисто моральная, этическая точка зрения подавляющего большинства думского (третьеиюньского, следует добавить) духовенства»? Вот несколько выдержек из речей: «Я только говорю, что инициатива этих (т. е. церковных) преобразований должна исходить изнутри церкви, а не извне, не со стороны государства и, конечно, не со стороны бюджетной комиссии. Ведь церковь есть учреждение божественное и вечное, ее законы непреложны, а идеалы жизни государственной, как известно, подвергаются постоянным изменениям» (епископ Евлогий, 14 апреля). Оратор вспоминает «тревожную историческую параллель»: секуляризацию церковных имуществ при Екатерине II. «Кто может поручиться за то, что бюджетная комиссия, выразившая в настоящем году пожелание подчинить их (церковные средства) государственному

контролю, в следующем году не выскажет пожелания переложить их в общегосударственное казначейство, а затем и совсем передать заведывание их из власти церковной к власти гражданской или государственной?... Церковные правила говорят, что если вверены епископу души христианские, то тем более должны быть вверены церковные имущества... Ныне стоит перед вами (депутатами Думы) ваша духовная мать, святая православная церковь, не только как перед народными представителями, но и как перед своими духовными детьми» (там же).

Перед нами — чистый клерикализм. Церковь выше государства, как вечное и божественное выше временного, земного. Церковь не прощает государству секуляризации церковных имуществ. Церковь требует себе первенствующего и господствующего положения. Для нее депутаты Думы не только — вернее не столько — народные представители, сколько «духовные дети».

Это не чиновники в рясах, как выразился с.-д. Сурков, а крепостники в рясах. Защита феодальных привилегий церкви, открытое отстаивание средневековья — вот суть политики большинства третьедумского духовенства. Епископ Евлогий вовсе не исключение. Гепецкий тоже вопит против «секуляризации», как недопустимой «обиды» (14 апреля). Поп Машкевич громит *октябристский* доклад за стремление «подорвать те исторические и канонические устои, на которых стояла и должна стоять наша церковная жизнь», «сдвинуть жизнь и деятельность русской православной церкви с канонического пути на тот путь, на котором... действительные князья церкви — епископы — должны будут уступить почти все свои права, унаследованные от апостолов, князьям светским»... «Это есть не что иное, как... посягательство на чужую собственность и на права церкви и на ее достоиние». «Докладчик нас ведет к разрушению канонического строя церковной жизни, он хочет подчинить православную церковь, со всеми ее хозяйственными функциями, Государственной думе, такому учреждению, которое состоит из самых разнообразных элементов, и терпимых и нетерпимых вероисповеданий в нашем государстве» (14 апреля).

Русские народники и либералы долго утешали себя или, вернее, обманывали себя «теорией», что в России нет почвы для воинствующего клерикализма, для борьбы

«князей церкви» со светской властью и т. п. В числе прочих народнических и либеральных иллюзий наша революция рассеяла и эту иллюзию. Клерикализм существовал в скрытой форме, пока в целостности и неприкосновенности существовало самодержавие. Всевластие полиции и бюрократии закрывало от глаз «общества» и народа классовую борьбу вообще, борьбу «крепостников в рясе» с «подлой чернью», в частности. Первая же брешь, пробитая революционным пролетариатом и крестьянством в крепостническом самодержавии, сделала тайное явным. Как только политической свободой, свободой организации масс начали пользоваться, захватив ее в конце 1905 г., пролетариат и передовые элементы буржуазной демократии, так потянулись к самостоятельной и открытой организации и реакционные классы. Они не организовывались и не выступали особенно наглядно при нераздельном абсолютизме не потому, что были слабы, а потому, что были сильны, — не потому, что они не способны были к организации и политической борьбе, а потому, что они не видели еще тогда серьезной надобности в самостоятельной классовой организации. Они не верили в возможность массового движения против самодержавия и крепостников в России. Они полагались всецело на то, что для удержания черни достаточен кнут. Первые же раны, нанесенные самодержавию, заставили социальные элементы, поддерживающие самодержавие и нуждающиеся в нем, выйти на свет божий. С массами, которые способны были создать 9-ое января, стачечное движение 1905 г. и октябрьско-декабрьскую революцию, нельзя уже бороться *только* старым кнутом. Надо выступать на поприще самостоятельных политических организаций; надо, чтобы Совет объединенного дворянства организовывал черные сотни и развертывал самую беспылающую демагогию; надо, чтобы «князья церкви — епископы» организовали реакционное духовенство в самостоятельную силу.

Третья Дума и третьедумский период русской контрреволюции характеризуются как раз тем, что эта организация реакционных сил прорвалась наружу, начала развертываться в общенациональном масштабе, потребовала особого черносотенно-буржуазного «парламента». Воинствующий клерикализм показал себя воочию, и российской социал-демократии неоднократно придется теперь

быть наблюдательницей и участницей конфликтов буржуазии клерикальной с буржуазией антиклерикальной. Если общая наша задача состоит в том, чтобы помогать пролетариату сплотиться в особый класс, умеющий отделить себя от буржуазной демократии, то в эту задачу входит, как часть, использование всех средств пропаганды и агитации, в том числе и думской трибуны, для разъяснения массам отличия социалистического антиклерикализма от антиклерикализма буржуазного.

Октябристы и кадеты, выступавшие в III Думе против крайних правых, против клерикалов и правительства, чрезвычайно облегчили нам эту задачу, показав наглядно отношение буржуазии к церкви и религии. Легальная печать кадетов и, так называемых, прогрессистов обращает теперь особенное внимание на вопрос о старообрядцах, на то, что октябристы вместе с кадетами высказались против правительства, на то, что они хоть в малом «встали на путь реформ», обещанных 17-го октября. Нас интересует гораздо больше принципиальная сторона вопроса, т. е. отношение буржуазии вообще, вплоть до претендующих на звание демократов-кадетов, к религии и церкви. Мы не должны позволять, чтобы вопрос сравнительно частный — о столкновении старообрядцев с господствующей церковью, о поведении связанных с старообрядцами и частью зависимых от них даже прямо в финансовом смысле октябристов («Голос Москвы»¹²² издается, как говорят, на средства старообрядцев) — заслонял коренной вопрос об интересах и политике буржуазии, как класса.

Взгляните на речь графа Уварова, октябриста по направлению, вышедшего из фракции октябристов. Говоря после с.-д. Суркова, он сразу отказывается ставить вопрос на ту принципиальную почву, на которую его поставил рабочий депутат. Уваров только нападает на синод и обер-прокурора за нежелание дать Думе сведения о некоторых церковных доходах и о расходовании приходских сумм. Так же ставит вопрос официальный представитель октябристов Каменский (16 апреля), требующий восстановления прихода «в интересах укрепления православия». Эту мысль развивает, так называемый, «левый октябрист» Капустин: «Если мы обратимся к народной жизни, — восклицает он, — к жизни сельского населения, то сейчас, теперь, мы видим печальное явление — колеблется религиозная

жизнь, колеблется величайшая единственная основа нравственного строя населения... Чем заменить понятие греха, чем заменить указание совести? Ведь не может же быть, чтобы это было заменено понятием классовой борьбы и прав того или другого класса. Это — печальное понятие, которое вошло в жизнь нашего обихода. Так вот, с той точки зрения, чтобы религия, как основа нравственности, продолжала существовать, была доступна всему населению, нужно, чтобы проводники этой религии пользовались надлежащим авторитетом»...

Представитель контрреволюционной буржуазии хочет укрепить религию, хочет укрепить влияние религии на массы, чувствуя недостаточность, устарелость, даже вред, приносимый правящим классам «чиновниками в рясах», которые *понижают* авторитет церкви. Октябрист воюет против крайностей клерикализма и полицейской опеки *для усиления* влияния религии на массы, для замены хоть некоторых средств оглушения народа, слишком грубых, слишком устарелых, слишком обветшавших, недостигающих цели, — более тонкими, более усовершенствованными средствами. Полицейская религия уже недостаточна для оглушения масс, давайте нам религию более культурную, обновленную, более ловкую, способную действовать в самоуправляющемся приходе, — вот чего требует капитал от самодержавия.

И кадет Караулов *целиком* стоит на той же самой точке зрения. Этот «либеральный» ренегат (эволюционировавший от «Народной воли» к правым кадетам) вопит против «денационализации церкви, понимая под этим изгнание народных масс, мирян, из церковного строительства». Он находит «ужасным» (буквально так!), что массы «обезвериваются». Он кричит совершенно по-меньшиковски о том, что «огромная самооценность церкви обесценивается... к громадному вреду не только для дела церковного, но и для дела государственного». Он называет «золотыми словами» отвратительное лицемерие изувера Евлогия на тему о том, что «задача церкви вечна, непреложна и, вначит, связывать церковь с политикой невозможно». Он протестует против союза церкви с черной сотней *во имя того*, чтобы церковь «в большей силе и славе, чем теперь, делала свое великое, святое дело в духе христовом — любви и свободы».

Товарищ Белоусов очень хорошо сделал, что посмеялся с думской трибуны над этими «лирическими словами» Караулова. Но такой насмешки далеко еще и далеко не достаточно. Надо было выяснить, — и надо будет при первом удобном случае выяснить с думской трибуны, — что точка зрения кадетов совершенно тождественна с точкой зрения октябристов и выражает не что иное, как стремление «культурного» капитала организовать оглушение народа религиозным дурманом посредством более тонких средств церковного обмана, чем те, которые практиковал живущий в старине рядовой российский «батюшка».

Чтобы держать народ в духовном рабстве, нужен теснейший союз церкви с черной сотней, — говорил устами Пуришкевича дикий помещик и старый держиморда. Ошибаетесь, гг., возражает им устами Караулова контрреволюционный буржуа: вы только окончательно оттолкнете народ от религии такими средствами. Давайте-ка действовать поумнее, похитрее, поискуснее, — уберем прочь слишком глупого и грубого черносотенца, объявим борьбу с «денационализацией церкви», напишем на знамени «золотые слова» епископа Евлогия, что церковь выше политики, — только при таком способе действия мы сумеем одурачить хоть часть отсталых рабочих и, в особенности, мещан и крестьян, мы сумеем помочь обновленной церкви выполнить ее «великое, святое дело» поддержания духовного рабства народных масс.

Наша либеральная печать, вплоть до газеты «Речь», усиленно порицала в последнее время Струве и К^о, как авторов сборника «Вехи». Но официальный оратор партии к.-д. в Государственной думе, Караулов, превосходно разоблачил все гнусное лицемерие этих попреков и этих отречений от Струве и К^о. Что у Караулова и у Милюкова на уме, то у Струве на языке. Либералы порицают Струве *только* за то, что он неосторожно выболтал правду, что он слишком раскрыл карты. Либералы, порицающие «Вехи» и продолжающие поддерживать партию к.-д., обманывают народ самым бессовестным образом, осуждая неосторожно-откровенное *слово* и продолжая *делать* то самое *дело*, которое этому слову соответствует.

О поведении трудовиков в Думе во время прений по разбираемым вопросам приходится сказать немного. Как и всегда, обнаружилась яркая разница между трудови-

ками-крестьянами и трудовиками-интеллигентами к невыгоде для последних с их большей готовностью следовать за к.-д. Крестьянин Рожков, правда, обнаружил своей речью всю свою политическую бессознательность: он тоже повторил пошлость кадетов насчет того, что Союз русского народа помогает не укреплять, а разрушать веру, он не сумел изложить никакой программы. Но зато, когда он бесхитростно стал рассказывать голую, неприкрашенную правду о поборах духовенства, о вымогательствах попов, о том, как требуют за брак кроме денег «бутылку водки, закуски и фунт чаю, а иногда спрашивают такое, что с трибуны я и боюсь говорить» (16 апреля, стр. 2259 стенографического отчета), — черносотенная Дума не вытерпела, раздался дикий вой с правых скамей. «Что это за издевательство? что за безобразие?» — вопили черносотенцы, чувствуя, что простая мужицкая речь о поборах с изложением «таксы» за требы революционизирует массы больше, чем какие угодно теоретические или тактические противорелигиозные и противоцерковные заявления. И шайка зубров, отстаивающих самодержавие в III Думе, запугала своего лакея, председателя Мейендорфа, и заставила его лишиться слова Рожкова (социал-демократы, к которым присоединились некоторые трудовики, к.-д. и пр., подали протест против этого поступка председателя).

Речь трудовика-крестьянина Рожкова, несмотря на чрезвычайную ее элементарность, превосходно показала всю пропасть между лицемерной, рассчитанно-реакционной защитой религии кадетами и примитивной, бессознательной, рутинной религиозностью мужика, в котором условия его жизни порождают — против его воли и помимо его сознания — действительно революционное озлобление против поборов и готовность решительной борьбы с средневековьем. Кадеты — представители контрреволюционной буржуазии, которая хочет обновить и укрепить религию против народа. Рожковы — представители революционной буржуазной демократии, неразвитой, бессознательной, забитой, несамостоятельной, раздробленной, но таящей в себе далеко и далеко еще не исчерпанные запасы революционной энергии в борьбе с помещиками, с попами, с самодержавием.

Интеллигент-трудолик Розанов приближался к кадетам гораздо менее бессознательно, чем Рожков. Розанов сумел

сказать об отделении церкви от государства, как требования «левых», но он не удержался от реакционных, мещанских фраз об «изменении избирательного закона в том направлении, чтобы духовенство было устранено от участия в политической борьбе». Революционность, которая сама собой прорывается у типичного, среднего мужика, когда он начинает говорить правду о своем житье-бытье, исчезает у трудовика-интеллигента, сменяясь расплывчатой, а иногда и прямо гнусной фразой. В сотый и в тысячный раз мы видим подтверждение той истины, что, только идя за пролетариатом, способны русские крестьянские массы свергнуть давящий и губящий их гнет крепостников-землевладельцев, крепостников в рясах, крепостников-самодержавщиков.

Представитель рабочей партии и рабочего класса, с.-д. Сурков, один из всей Думы поднял прения на действительно принципиальную высоту и сказал без обиняков, как относится к церкви и религии пролетариат, как должна относиться к ней вся последовательная и жизнеспособная демократия. «Религия есть опиум народа»... «Ни одного гроша народных денег этим кровавым врагам народа, затемняющим народное сознание», — этот прямой, смелый, открытый боевой клич социалиста прозвучал как вызов черносотенной Думе и отозвался в миллионах пролетариев, которые распространяют его в массах, которые сумеют, когда придет время, претворить его в революционное действие.

**СОВЕЩАНИЕ РАСШИРЕННОЙ
РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ»¹²³**

8—17 (21—30) ИЮНЯ 1909 г.

ИЗВЕЩЕНИЕ О СОВЕЩАНИИ РАСПИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ»

Ниже читатели найдут текст резолюций, принятых на последнем совещании расширенной редакции «Пролетария». Состав совещания был следующий: 4 члена редакции «Пролетария», 3 представителя большевиков, работающих в местных организациях, — Петербургской и областной Московской (центральная Россия) и Уральской, — и 5 членов Центрального Комитета — большевики.

Дебаты, развернувшиеся на совещании, имеют, несомненно, крупное общепартийное значение. Они придали большую определенность и, до известной степени, законченность той политической линии, которую систематически проводит за последнее время руководящий орган большевистской фракции и которая среди известной части товарищей, считающих себя большевиками, вызывает за последнее время не мало нападок. Необходимое объяснение произошло на совещании, на котором оппозиция была представлена двумя товарищами.

Ввиду всего этого, редакция «Пролетария» приложит все усилия, чтобы изготoвить и издать возможно более полные протоколы совещания. В настоящем же извещении мы хотим коснуться лишь тех пунктов, которые при известном толковании могут вызвать — и вызывают уже среди заграничных товарищей — недоразумения. Пространные и достаточно определенные резолюции совещания говорят, в сущности, сами за себя; протоколы совещания дадут достаточно материала для исчерпывающего понимания резолюций в целом. Задача настоящего извещения — дать указания, касающиеся, главным образом, *внутри-фракционного* значения принятых постановлений и резолюций.

Начнем с резолюции «Об отзовизме и ультиматизме».

Что касается части резолюции, направленной непосредственно против отзовизма, то она, по существу, не встретила крупных возражений со стороны представителей оппозиции на совещании. Оба представителя последней признавали, что отзовизм, поскольку он складывается в определенное течение, все больше отходит от социал-демократии, что некоторые представители отзовизма, в частности его признанный вождь, товарищ Ст. ¹²⁴, успели приобрести даже «некоторый налет анархизма». Борьба упорная и систематическая с отзовизмом, как течением, *единогласно* признавалась на совещании необходимой. Иное дело ультиматизм.

Оба представителя оппозиции на совещании называли себя ультиматистами. И оба они, в письменном заявлении, поданном при голосовании резолюции, заявляли, что они — ультиматисты, что резолюция предлагает отмежеваться от ультиматизма, что для них это означало бы отмежеваться от самих себя, под чем они подписаться не могут. Впоследствии, когда еще некоторые резолюции были приняты против голосов оппозиции, два представителя последней письменно заявили, что они считают резолюции совещания незаконными, что, принимая их, совещание провозглашает раскол фракции, что подчиняться им и проводить их в жизнь они не будут. На этом инциденте мы остановимся в дальнейшем изложении подробнее, потому что он формально завершил собой откол одного из представителей оппозиции, т. Максимова, от расширенной редакции «Пролетария». Здесь же мы хотим подойти к нему с другой стороны.

При оценке ультиматизма, как, впрочем, и при оценке того последовательного ультиматизма, имя которому — отзовизм, приходится, к сожалению, иметь дело не столько с писанием, сколько с преданием. Ни ультиматизм, ни отзовизм не получили до сих пор своего выражения в сколько-нибудь цельной «платформе». И приходится брать ультиматизм в его единственно-конкретном выражении — в требовании предъявить думской социал-демократической фракции *ультиматум* быть строго-партийной и подчиняться всем директивам партийных центров, или отказаться от депутатских полномочий. Но утверждать, что такая характеристика ультиматизма *вполне* верна и точна, как

оказывается, нельзя. И вот почему. Т. Марат, один из двух ультиматистов, принимавших участие в совещании, заявил, что эта характеристика к нему не подходит. Он, т. Марат, признает, что деятельность социал-демократической думской фракции за последнее время значительно улучшается и что он и не думает предъявлять ей ультиматум теперь же, немедленно. Он только находит, что партия должна давить на думскую фракцию всеми средствами, вплоть до предъявления ей вышеизложенного ультиматума.

С такими ультиматистами сожительство внутри одной фракции, конечно, возможно. Такой ультиматист должен сводить свой ультиматизм на-нет по мере того, как деятельность думской фракции улучшается. Такой ультиматизм не исключает, а, напротив, подразумевает длительную работу партии с думской фракцией и над фракцией, длительную и упорную работу партии в смысле умелого использования думской деятельности для нужд агитации и организации. Раз в деятельности фракции наметилась ясно тенденция к улучшению, то нужно, следовательно, дальше упорно и настойчиво работать в том же направлении. Ультиматизм *тем самым* потеряет постепенно свой объективный смысл. По отношению к таким ультиматистам-большевикам не может быть речи о расколе. По отношению к ним едва ли уместно и то отмежевание, о котором идет речь в резолюции «Об отзовизме и ультиматизме» и в резолюции «Задачи большевиков в партии». Такой ультиматизм — просто-напросто оттенок в постановке и решении определенного практического вопроса; сколько-нибудь заметного принципиального разногласия здесь нет.

Ультиматизм, от которого революция находит необходимым отмежевать большевизм, как идейное течение в партии, — явление иного рода. Этот ультиматизм — а он, несомненно, в наличности имеется — исключает длительную работу партии и ее центров над думской фракцией, исключает длительную, терпеливую работу партии среди рабочих в смысле умелого использования богатого агитационного материала, даваемого III Думой. Этот ультиматизм исключает *положительную, творческую* работу партии над думской фракцией. Единственное орудие такого ультиматизма — это его *ультиматум*, который партия должна повесить над головой своей думской

фракции, как Дамоклов меч, и который должен заменить собой для РСДРП весь тот опыт действительно революционного использования парламентаризма, который западноевропейская социал-демократия копила ценою упорной, длительной *выучки*. Отмежевать *такой* ультиматизм от отзовизма — невозможно. Общим им духом *авантюризма* они связаны нераздельно. И как от одного, так и от другого одинаково должен отмежеваться большевизм, как революционное течение в российской социал-демократии.

Но что понимаем мы, что понимало совещание под этим «отмежеванием»? Имеются ли хоть какие-нибудь данные утверждать, что совещание провозгласило *раскол большевистской фракции*, как хотят уверить нас некоторые представители оппозиции? Таких данных нет. Совещание выявило своими резолюциями: в большевистской фракции намечаются течения, которые противоречат большевизму с его определенной тактической физиономией. Большевизм представлен у нас большевистской *фракцией* партии. Фракция же не есть партия. Партия может заключать целую гамму оттенков, из которых крайние могут даже резко противоречить друг другу. В германской партии, рядом с ярко-революционным крылом Каутского, мы видим архиревизионистское крыло Бернштейна. Не то — фракция. В партии фракция есть группа *единомышленников*, составившаяся с целью влиять, прежде всего, на партию в определенном направлении, с целью проводить в партии в возможно более чистом виде свои принципы. Для этого необходимо действительное *единомыслие*. Это различие требований, предъявляемых нами к единству *партии* и к единству *фракции*, должен понять всякий, кто хочет уяснить себе истинное положение вопроса о внутренних трениях в большевистской фракции. *Совещание не провозглашало раскола фракции*. В глубокую ошибку впали бы те местные работники, которые поняли бы резолюции совещания, как призыв изгонять из организаций *настроенных отзовистски* рабочих или, тем более, колоть немедленно организации там, где имеются отзовистские элементы. Самым решительным образом предостерегаем мы местных работников от подобных шагов. Отзовизма, как оформившегося, *самостоятельного течения*, среди рабочей массы нет. Попытки отзовистов самоопределиваться,

договорить до конца фатально приводят к синдикализму, к анархизму. Сколько-нибудь последовательные сторонники последних течений сами себя исключают и из фракции и из партии. Относить сюда те, может быть, и обширные *группы рабочих*, которые настроены отзовистски, было бы нелепостью. Отзовизм этого рода есть, главным образом, продукт неосведомленности о деятельности думской фракции. Самое подходящее орудие борьбы с таким отзовизмом — это широкое и полное осведомление рабочих о деятельности фракции, с одной стороны, и предоставление рабочим способов общаться с фракцией и воздействовать на нее, — с другой. Для того, чтобы в значительной степени подорвать отзовистское настроение в Петербурге, достаточно было, например, ряда собеседований товарищей думских депутатов с петербургскими рабочими. Все усилия, таким образом, должны быть направлены к тому, чтобы избежать *организационного раскола* с отзовистами. Сколько-нибудь настойчивая и последовательная *идейная* борьба с отзовизмом и родственным ему синдикализмом скоро сделает всякие разговоры об организационном расколе совершенно праздными, в худшем случае, приведет к единоличным и групповым *отколам* отзовистов от большевистской фракции и от партии.

Именно так обстояло дело, в частности, и в совещании расширенной редакции «Пролетария». Ультиматизм т. Максимова оказался совершенно непримиримым с позицией большевизма, еще раз формулированной совещанием. После того, как были приняты основные принципиальные резолюции, он заявил, что считает их незаконными, несмотря на то, что они были приняты десятью голосами против двух, а некоторые — против одного (Максимова) при одном воздержавшемся (например, резолюция «Об отзовизме и ультиматизме» в целом). Тогда совещание вынесло резолюцию, что оно снимает с себя всякую ответственность за все политические шаги т. Максимова. Дело ясно: раз т. Максимов решительно отвергает все принципиальные резолюции, принимаемые столь подавляющим большинством совещания, то он должен понять, что между ним и совещанием нет того *единомыслия*, которое есть элементарное условие существования *фракции* внутри *партии*. Но т. Максимов на этом не остановился: он решительно заявил, что не только не намерен проводить эти

резолуции в жизнь, но не будет и подчиняться им. Совещание обязано было снять с себя всякую ответственность за политическую деятельность т. Максимова, но при этом оно заявило (см. заявление СИБ. делегата М. Т.¹²⁵ и других), «что речь идет здесь не о расколе фракции, а об отколе т. Максимова от расширенной редакции «Пролетария»»*.

Мы находим также необходимым привлечь все внимание товарищей к резолюциям совещания: «Задачи большевиков в партии» и «Об отношении к думской деятельности в ряду других отраслей партийной работы». Здесь важно верно понять постановку вопроса о «партийной линии» большевиков и об отношении к легальным возможностям вообще, к думской трибуне, в частности.

Очередной нашей задачей является сохранение и укрепление РСДРП. В самом выполнении этой большой задачи есть один крайне важный момент: это борьба с *ликвидаторством* обоих оттенков — с ликвидаторством справа и с ликвидаторством слева. Ликвидаторы справа говорят, что нелегальной РСДРП не надо, что центром тяжести социал-демократической деятельности должны быть исключительно или почти исключительно легальные возможности. Ликвидаторы слева выворачивают дело наизнанку: легальные возможности для них не существуют в партийной деятельности, нелегальность во что бы то ни стало — для них все. И те и другие — ликвидаторы РСДРП, приблизительно в равной мере, ибо без планомерного, целесообразного сочетания легальной и нелегальной работы при теперешнем, навязанном нам историей, положении никакое «сохранение и укрепление РСДРП» — немыслимо. Ликвидаторство справа свирепствует, как известно, особенно сильно в меньшевистской фракции, а отчасти в Бунде. Но за последнее время среди меньшевиков наблюдается

* Т. Маратом также было сделано заявление, что *проводить* резолюции совещания в жизнь он не будет, но *подчиняться им будет*. В особом же заявлении т. Марат оговорил, что, признавая необходимой товарищескую идейную борьбу с отзовизмом, он не признает ни организационной борьбы с последним, ни раскола большевистской фракции. Что касается вообще вопроса об организационном расколе, то, как видно из резолюции совещания «О партийной школе, устраиваемой за границей в N. N.»¹²⁶, раскольничий шаг сделан в данном случае отзовистами и сторонниками богостроительства¹²⁷, потому что школа эта есть, несомненно, попытка создать новый *идейно-организационный центр* новой фракции.

знаменательное явление возврата к партийности, который нельзя не приветствовать: «меньшинство фракции» (меньшевики)¹²⁸ — как гласит резолюция совещания, — «испытав до конца путь ликвидаторства, уже поднимает голос протеста против этого пути и ищет вновь партийной почвы для своей деятельности»*.

Каковы же задачи большевиков по отношению к этой небольшой пока части меньшевиков, ведущей борьбу против ликвидаторства справа? Большевики должны, несомненно, стремиться к сближению с этой частью партийцев — с частью марксистской и партийной. Речь ни в коем случае не идет здесь о ликвидации наших тактических разногласий с меньшевиками. Против меньшевистских отступлений от линии революционной социал-демократии мы ведем и будем впредь вести самую решительную борьбу. Речь ни в коем случае не идет, само собой разумеется, о каком-либо растворении большевистской фракции в партии. В смысле завоеваний партийных позиций большевиками сделано очень много, но много работы в этом направлении еще впереди. Большевистская фракция, как определенное идейное течение в партии, должна существовать попрежнему. Но надо твердо помнить одно: ответственность «за сохранение и укрепление» РСДРП, о которой говорит резолюция совещания, лежит теперь, главным образом, если не исключительно, на большевистской фракции. Всю, или почти всю, наличную *партийную* работу — особенно на местах — несут на себе теперь большевики. И на них, твердых и последовательных защитниках партийности, лежит теперь задача большой важности — привлекать к делу *партийного строительства* все пригодные для него элементы. И в настоящий тяжелый момент было бы с нашей стороны поистине преступлением не протянуть руку партийцам из других фракций, выступающим в защиту марксизма и партийности — против ликвидаторства.

Эту позицию признало огромное большинство совещания и, в том числе, все представители большевиков из местных организаций. Оппозиция колебалась, не решаясь занять

* Под «расколом в редакции» «Голоса Социал-Демократа» революция подразумевает выход т. Плеханова из второй редакции, — выход, по волеизъявлению самого Плеханова, вынужденный не чем иным, как именно ликвидаторскими тенденциями редакции «Голоса Социал-Демократа».

определенной позиции ни за, ни против нас. Но, тем не менее, именно за эту линию т. Максимов упрекал совещание в «предательстве большевизма», в переходе на меньшевистскую точку зрения и т. п. Мы на это отвечали одно: скажите это поскорее открыто в печати, перед лицом всей партии и всей большевистской фракции, тогда мы получим возможность еще раз разоблачить истинный смысл вашей «революционности», истинный характер вашей «охраны» большевизма.

Предлагаем товарищам обратить внимание на резолюцию совещания «Об отношении к думской деятельности и т. д.». Мы указали уже выше на тесную связь вопроса о «легальных возможностях» с ликвидаторством различных оттенков. Борьба с ликвидаторством слева так же обязательна теперь, как и с ликвидаторством справа. Парламентский кретинизм, для которого вся партийная организация должна сводиться к группировке рабочих вокруг «легальных возможностей», в частности, вокруг думской деятельности, так же глубоко противен революционной социал-демократии, как и отзовизм с его непониманием значения легальных возможностей *для партии, в интересах партии*. В резолюциях совещания использование легальных возможностей *для партии* признано делом огромной важности. Но нигде в этих резолюциях легальные возможности и их использование не рассматриваются, как сама себе довлеющая цель. Везде они поставлены в тесную связь с задачами и способами деятельности нелегальной. И эта связь заслуживает в настоящее время особенного внимания. Некоторые *практические* указания на этот счет даны в самой резолюции. Но это — лишь *указания*. Вообще же говоря, речь должна идти сейчас не столько о том, каково именно место «легальных возможностей» в ряду других отраслей *партийной* работы, а о том, *как* использовать наличные «легальные возможности» к наибольшей выгоде для партии. В течение долгих лет подпольной работы в партии накопился огромный опыт по части нелегальной работы. Нельзя того же сказать о другой области — об использовании возможностей легальных. Здесь партией, *в частности большевиками*, делалось недостаточно. На использование этой области следует обратить больше внимания, инициативы и усилий, чем это делалось до сих пор. Использованию легальных возможностей надо *учиться*

и учиться так же настойчиво, как учились и учимся мы приемам нелегальной деятельности. К этой-то упорной работе над использованием легальных возможностей в пользу партии совещание и призывает всех, кому дороги интересы РСДРП.

Неизменным попрежнему остается и должно, конечно, оставаться наше отношение к нелегальной партийной работе. Сохранение и укрепление РСДРП — основная задача, которой все должно быть подчинено. Только достигнув этого укрепления, сможем мы использовать в интересах партии и те же легальные возможности. Самое усиленное внимание должно быть обращено на те рабочие группы, которые формируются в промышленных центрах и в руки которых должно переходить — и постепенно переходит — общее руководство партийной работой. Все наши усилия во всех областях нашей деятельности должны быть направлены к тому, чтобы из этих групп создавались действительно партийные социал-демократические кадры. Только на этой основе сохранение и укрепление РСДРП становится действительно возможным.

Приложение к № 46
газеты «Пролетарий»,
3 (16) июля 1909 г.

Печатается по тексту Приложения

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ
О ЗАДАЧАХ БОЛЬШЕВИКОВ В ПАРТИИ
11 (24) ИЮНЯ

Я считаю излишним в сотый и в тысячный раз отвечать т. Максимова по существу, т. е. повторять, что он создает, откалываясь от нас, фракцию карикатурных большевиков или божественных отзовистов. Все это в «*Пролетарии*» уже сказано, напечатано, разжевано, подчеркнуто. И я говорю только: скажите *печатно* то, что вы говорите здесь в четырех стенах, — тогда и только тогда вместо недостойной перебранки, которая царит здесь четвертый день, получим мы идейную борьбу. Скажите *печатно*, что мы «небольшевики», «неопролетарцы» «в смысле новой «Искры», т. е. в сущности меньшевики, что мы «сделали два шага назад», что мы «разрушаем драгоценнейшее наследие русской революции — большевизм», скажите *печатно* эти вещи, записанные мной из вашей речи, и мы покажем публике еще и еще раз, что вы именно подходите под тип карикатурного большевика. Скажите *печатно*, что мы — опять цитирую ваши слова — «погибнем политической смертью, будучи в плену у Плеханова, в случае нового подъема», что мы «победим в случае длительной реакции», скажите это *печатно*, и мы дадим еще раз полезное для партии разъяснение разницы между большевизмом и «божественным отзовизмом». А раз вы отказываетесь (вопреки нашим прямым вызовам, начиная с августа 1908 года, когда вам формально, на собрании редакции, предлагали выступить с брошюрой, в брошюре изложить свои взгляды), раз вы отказываетесь *открыто*

Первая страница
рукописи В. И. Ленина
«Речь по вопросу о задачах
большевиков в партии»
11 (24) июня. — 1909 г.
Уменьшено

бороться и продолжаете склоку внутри, — то мы *должны* добиться открытого выступления с вашей стороны путем прямого *выделения* вашего из нашей фракции (не из партии, а из фракции), выделения для идейной борьбы, которая многому научит партию.

Впервые напечатано в 1934 г.
в книге «Протоколы совещания
расширенной редакции
«Пролетария»»

Печатается по рукописи

РЕЧЬ И ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ЗАДАЧАХ БОЛЬШЕВИКОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДУМСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мы подходим к концу прений, и я думаю, что не надо их особо закреплять резолюцией, ибо с ней надо быть осторожными. Ведь дело было во взаимном выяснении вопроса. В ответ Власову¹²⁹ об использовании легальных возможностей прочту проект резолюции:

«Большевистский Центр постановляет: бековская фракция для того, чтобы *на деле* осуществить — и именно в революционно-социал-демократическом духе и направлении осуществить — признанные теперь всеми беками цели использования всех «легальных возможностей», всех легальных и полулегальных организаций рабочего класса вообще и использования думской трибуны в особенности, для этого безусловно должна ясно поставить себе целью и во что бы то ни стало добиться выработки кадра опытных, специализировавшихся на своем деле, прочно укрепившихся на своем особом *легальном* посту (профессиональные союзы; клубы; думские комиссии и т. д. и т. д.) большевиков».

Власов указал, что это относится к лидерам. Это — неверно. Дело в том, что в нашей большевистской фракции распространено мнение, что таких специалистов не надо. У нас мало сил: их надо использовать и распределять на легальные функции и поручать им исполнение этих функций от имени фракции. Если мы говорим о создании партийных ячеек, то надо суметь это сделать. Я набросал резолюцию о листовкой агитации:

«Обсудив вопрос о задачах беков по отношению к думской деятельности, Большевистский Центр постановляет: обратить внимание всех местных организаций на важность листовкой агитации (помимо местных и областных печатных

органов), распространяющей в массах сведения о думской работе с.-д. и направляющей эту работу. Тематами таких листков могли бы быть указания на вопросы, подлежащие освещению с думской трибуны, подведение итогов деятельности с.-д. в Думе и группировке партий, конспекты пропагандистских речей по этим вопросам, анализ политического значения особенно важных с.-д. речей в Думе, указания недоговоренностей или неточностей в с.-д. думских речах, наконец, — выдержки из их речей с практическими выводами, важными для пропаганды и агитации, и т. д. и т. д.».

А также набросал в резолютивной форме те пункты по вопросу об отношении к думской деятельности, о которых шла речь на частном собрании¹³⁰:

«II. Отличие революционно-социал-демократического использования Думы от реформистского (или шире: оппортунистического) использования ее может быть охарактеризовано следующими — не претендующими на полноту — указаниями.

С точки зрения внешних, так сказать, отношений думской с.-д. фракции отличие революционно-социал-демократического использования Думы от оппортунистического состоит в следующем: необходимо бороться против естественного во всяком буржуазном обществе (и в России в эпоху реакции особенно) стремления депутатов и окружающей их нередко буржуазной интеллигенции возводить парламентскую деятельность в нечто главное, основное, самодовлеющее. В частности необходимо направлять все усилия к тому, чтобы фракция на деле вела свою работу, как одну из функций, подчиненных интересам рабочего движения в целом, а также, чтобы фракция постоянно была в связи с партией, не обособлялась от нее, а проводила партийные взгляды, директивы партийных съездов и партийных центральных учреждений.

С точки зрения внутреннего содержания деятельности фракции необходимо иметь в виду следующее: цель деятельности парламентской с.-д. фракции принципиально отличается от цели деятельности *всех* остальных политических партий. Пролетарская партия стремится не к сделкам, не к торгу с властью имущими, не к безнадежному штопанью режима крепостнически-буржуазной диктатуры контрреволюции, а к развитию всеми мерами классового

сознания, социалистической ясности мысли, революционной решительности и всесторонней организованности рабочих масс. Этой принципиальной цели должен быть подчинен каждый шаг деятельности фракции. Поэтому на отстаивания задач социалистической революции с думской трибуны должно быть обращено больше внимания. Надо направить усилия к тому, чтобы с думской трибуны чаще слышалась речь, пропагандирующая основные понятия и цели социализма и именно научного социализма. Затем, в обстановке продолжающейся буржуазно-демократической революции, крайне важно, чтобы думская фракция систематически боролась с потоком контрреволюционных нападков на «освободительное движение», боролась с широким течением (как прямых реакционеров, так и либералов — к.-д. в особенности), направленным к осуждению революции, к дискредитированию ее, ее целей, методов и т. д. Фракция с.-д. в Думе должна высоко держать знамя революции, знамя передового класса — вождя буржуазно-демократической революции в России.

Далее, необходимо указать на крайне важную в современный момент задачу думской с.-д. фракции энергичного участия во всех вопросах рабочего законодательства. Фракция должна использовать богатый парламентский опыт западноевропейских социал-демократов, особенно остерегаясь оппортунистического извращения этой функции своей деятельности. Фракция должна не укорачивать своих лозунгов и требований программы-*minimum* нашей партии, а разрабатывать и вносить свои социал-демократические законопроекты (а также поправки к законопроектам правительства и других партий) в целях раскрытия перед массами лицемерия и лживости социал-реформаторства, в целях вовлечения масс в самостоятельную массовую экономическую и политическую борьбу, которая одна только способна дать действительные завоевания рабочим или превратить половинчатые и лицемерные «реформы» на почве данного порядка в опорные пункты поступательного рабочего движения на пути к полной эмансипации пролетариата.

Такую же позицию должна занять с.-д. думская фракция и вся с.-д. партия по отношению к реформизму внутри социал-демократии, как последнему продукту оппортунистических шатаний.

Наконец, отличие революционно-социал-демократического использования Думы от оппортунистического должно состоять в том, что с.-д. фракция и партия обязаны все-сторонне разъяснять массам классовый характер всех буржуазных политических партий, не ограничиваясь нападениями на правительство и на прямых реакционеров, а разоблачая и контрреволюционность либерализма и шатания мелкобуржуазной крестьянской демократии».

*Написано 12—13 (25—26) июля
1909 г.*

*Впервые напечатано в 1934 г.
в книге «Протоколы совещания
расширенной редакции
«Пролетария»»*

*Печатается речь — по тексту книги;
проект резолюции — по рукописи*

РЕЗОЛЮЦИИ СОВЕЩАНИЯ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ»

1

ОБ ОТЗОВИЗМЕ И УЛЬТИМАТИЗМЕ

Выдвинутый революционным крылом нашей партии лозунг бойкота булыгинской и I Гос. дум сыграл в то время большую революционную роль и увлек за собой все наиболее активные и наиболее революционные слои рабочего класса.

Непосредственная революционная борьба широких масс вслед за тем сменилась тяжелой полосой контрреволюции; для соц.-дем. стало необходимым применить свою революционную тактику к этой новой политической обстановке, и, в связи с этим, одной из в высшей степени важных задач стало — использование открытой думской трибуны в целях помощи социал-демократической агитации и организации.

Между тем часть рабочих, принимавших участие в непосредственной революционной борьбе, не смогла при этом быстром повороте событий сразу перейти к применению революционно-социал-демократической тактики в новых условиях контрреволюции и остановилась на простом повторении лозунгов, *бывших* в эпоху открытой гражданской войны революционными, а теперь при голом их повторении могущих задержать процесс сплочения пролетариата в новых условиях борьбы.

С другой стороны, на почве этого тяжелого перелома, в атмосфере упадка революционной борьбы, апатии и растерянности даже в среде части рабочих, в период разгрома рабочих организаций и их недостаточной силы сопротивления разлагающим влияниям, — в среде части рабочего класса созданся индифферентизм к политической борьбе вообще и особенно сильное равнодушие к думской работе социал-демократии.

Среди этих слоев пролетариата при таких условиях могут найти себе временный успех так называемые отзовизм и ультиматизм.

Работа III Думы, открыто издевающейся над нуждами рабочих, усиливает отзовистское настроение среди этих же слоев рабочих, неспособных еще, в силу своего недостаточного социал-демократического воспитания, понять того обстоятельства, что эта же деятельность III Думы дает социал-демократам возможность революционного использования этого представительства эксплуататорских классов для выяснения широким слоям народа истинного характера самодержавия и всех контрреволюционных сил, а также — необходимости революционной борьбы.

Отзовистское настроение среди этой части рабочих питалось сверх того теми чрезвычайно серьезными ошибками, которые были допущены социал-демократической думской фракцией, в особенности в первый год ее деятельности.

Признавая, что это отзовистское настроение имеет отрицательное значение в деле социалистического и революционного воспитания рабочего класса, — большевистская фракция считает необходимым:

а) *по отношению к этим слоям рабочих* — длительную работу с.-д. воспитания и организации, систематическое и настойчивое разъяснение всей политической бесплодности отзовизма и ультиматизма, действительного значения с.-д. парламентаризма и роли думской трибуны для с.-д. в период контрреволюции;

б) *по отношению к думской с.-д. фракции и думской работе вообще* — установление тесной связи между думской фракцией и передовыми рабочими, всесторонняя помощь ей и организованный контроль и давление на нее всей партии, между прочим, и путем открытого разъяснения ее ошибок, фактическое осуществление руководства партией деятельностью фракции, как партийного органа, и вообще проведение большевиками в жизнь решений последней общепартийной конференции на этот счет, ибо только усиление внимания рабочих кругов к деятельности думской с.-д. фракции и их организованное участие в думской деятельности с.-д. способно на деле выпрямить тактику нашей думской фракции;

в) *по отношению к правому крылу партии, увлекающему думскую фракцию на антипартийный путь и отрывающему*

ее тем самым от рабочего авангарда, — систематическую, непримиримую борьбу и разоблачение этой губительной для партии тактики.

* * *

К нашей партии в ходе буржуазно-демократической революции примкнул ряд элементов, привлеченных не чисто пролетарской ее программой, а преимущественно ее яркой и энергичной борьбой за демократию и принявших революционно-демократические лозунги пролетарской партии вне их связи со всей борьбой социалистического пролетариата в ее целом.

Такие, недостаточно проникшиеся пролетарской точкой зрения, элементы оказались и в рядах нашей большевистской фракции. На почве безвременья эти элементы выкаывают все больше свою недостаточную с.-д. выдержанность и, становясь во все более резкое противоречие с основами революционно-социал-демократической тактики, создают за последний год течение, пытающееся оформить теорию отзовизма и ультиматизма, а на деле лишь возводящее в принцип и усугубляющее ложные представления о социал-демократическом парламентаризме и думской с.-д. работе.

Эти попытки создать из отзовистского настроения целую систему отзовистской политики приводят к теории, которая по существу выражает идеологию политического индифферентизма, с одной стороны, и анархических блужданий — с другой. При всей своей революционной фразеологии, теория отзовизма и ультиматизма на деле, в значительной мере, является оборотной стороной конституционных иллюзий, связанных с надеждами на то, что сама Государственная дума может удовлетворить те или другие насущные требования народа, и по существу подменяет пролетарскую идеологию мелкобуржуазными тенденциями.

Не меньший вред, нежели открытый отзовизм, приносит делу с.-д. работы и так называемый ультиматизм (т. е. то течение, которое принципиально отказывается от использования третьедумской трибуны или практическими соображениями пытается оправдать свое уклонение от выполнения этой обязанности, и, стремясь к отзыву думской с.-д. фракции, заменяет длительную работу воспитания и выпрямления думской фракции предъявлением ей

немедленного ультиматума). Политически ультиматизм в настоящее время ничем не отличается от отзовизма и лишь вносит еще большую путаницу и разброд прикрытым характером своего отзовизма. Попытки ультиматизма установить свою непосредственную связь с бойкотизмом, практиковавшимся нашей фракцией в определенный момент революции, извращают лишь действительный смысл и характер, совершенно правильно примененного огромным большинством нашей партии, бойкота булыгинской и I Гос. дум. Своей попыткой из отдельных применений бойкота представительных учреждений в тот или другой момент революции вывести линию бойкота, как отличительный признак тактики большевизма, в том числе и в период контрреволюции, ультиматизм и отзовизм показывают, что эти течения по существу являются оборотной стороной меньшевизма, проповедующего огульное участие во всех представительных учреждениях, независимо от данного этапа развития революции, независимо от отсутствия или наличия революционного подъема.

Все, сделанные до сих пор отзовизмом и ультиматизмом, попытки обосновать принципиально свою теорию неизбежно приводят их к отрицанию основ революционного марксизма. Намечаемая ими тактика неизбежно ведет к полному разрыву с приложенной к современным русским условиям тактикой левого крыла международной социал-демократии, приводя к анархическим уклонам.

Отзовистско-ультиматистская агитация уже стала приносить несомненный вред рабочему движению и социал-демократической работе. При дальнейшем ее продолжении она может стать угрозой единству партии, ибо эта агитация приводила уже к таким уродливым явлениям, как объединение отзовистов и эсеров (в СПб.) для проведения отказа в помощи нашему партийному думскому представительству, а также к некоторым публичным выступлениям перед рабочими совместно с определенными синдикалистами.

Ввиду всего этого расширенная редакция «Пролетария» заявляет, что большевизм, как определенное течение в РСДРП, ничего общего не имеет с отзовизмом и ультиматизмом и что большевистская фракция должна вести самую решительную борьбу с этими уклонами от пути революционного марксизма.

ЗАДАЧИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПАРТИИ

В эпоху решительного торжества контрреволюции, последовавшую за разгоном II Думы, всей партийной деятельности силой вещей была предписана задача: наперекор усилиям реакции и при глубоком упадке классовой пролетарской борьбы сохранить партийную организацию, созданную в годы высшего подъема пролетарской борьбы, — т. е. как организацию, сознательно стоящую на почве ортодоксального марксизма и объединяющую все «национальные» социал-демократические организации в целях проведения единой революционной с.-д. тактики.

В ходе этой двухлетней борьбы за партию и партийность с полной ясностью определились, с одной стороны, отмежка партии от элементов, привнесенных в нее специальными условиями буржуазно-демократической революции, с другой стороны, дальнейшее сплочение революционных социал-демократов. С одной стороны, определились вполне те бывшие попутчики социал-демократии, которые, уходя от партии, перенесли свою деятельность целиком в различные легальные организации (кооперативы, профессиональные союзы, просветительные общества, комиссии при думской фракции) и там не только не проводили партийной политики, но, наоборот, боролись с партией, стремясь оторвать от нее и противопоставить ей эти организации. Возводя легальность в фетиш и узкие формы деятельности, навязанные временной приниженностью и раздробленностью рабочего движения, в принцип, эти элементы — откровенные ликвидаторы партии — с полной для всех очевидностью стали на почву теоретического и тактического ревизионизма. Теснейшая связь между ликвидаторством организационным — борьба с партийными учреждениями — и принципиальной борьбой против марксистской теории и основ программы РСДРП с полной ясностью теперь показана и доказана всей историей навязывания оппортунистической линии нашей думской фракции ее интеллигентскими советчиками, всей борьбой между ликвидаторами и партийцами внутри легальных рабочих организаций и в рабочих группах четырех съездов: народных университетов¹³¹, кооперативного¹³², женского¹³³, фабрично-заводских врачей¹³⁴.

С другой стороны, левое крыло партии, на долю которого выпало руководство партией в этот период решительного торжества контрреволюции, теоретически признало и на деле проводило тактику целесообразного соединения нелегальной и легальной партийной работы. Сюда относится вся партийная работа над думской фракцией и вся партийная работа в легальных и полулегальных пролетарских организациях. Именно эти формы работы выдвинуты своеобразными условиями современного исторического момента в дополнение к основным формам партийной работы, как формы воздействия нелегальной партии на более или менее широкие массы. Именно в этих формах деятельности партия практически, на деле, сталкивается с ликвидаторством и наносит ему чувствительные удары. На этой же почве практически сближались и сближаются партийные социал-демократы различных фракций*. И здесь же, наконец, на тех же вопросах тактики и организации партии в условиях третьедумского периода, большевистская фракция открыто отмежевывается от псевдореволюционных, неустойчивых, немарксистских элементов, выступивших против новых форм партийной деятельности под флагом так называемого «отаовизма».

В настоящее время, намечая основные задачи большевиков, расширенная редакция «Пролетария» констатирует:

1) что в дальнейшей борьбе за партию и за партийность задачей большевистской фракции, которая должна остаться передовым борцом за партийность и революционную социал-демократическую линию в партии, является всесторонняя деятельная поддержка ЦК и Центрального Органа партии. Только общепартийные центральные учреждения могут в настоящий период перегруппировки партийных сил явиться авторитетным и сильным представителем партийной линии, на которой сплотились бы все действительно партийные и действительно социал-демократические элементы;

2) что в меньшевистском лагере партии, при полном пленении официального органа фракции, «Голоса Социал-Демократа», меньшевиками-ликвидаторами, меньшинство

* Единоголосно приняты в ЦК революции о профессиональных союзах, кооперативах и ряд постановлений о думской работе. Подавляющее большинство за партийную линию на последней общероссийской конференции. Опыт ведения Центрального Органа, рабочие группы высказавших съездов и т. п.

фракции, испытав до конца путь ликвидаторства, уже поднимает голос протеста против этого пути и ищет вновь партийной почвы для своей деятельности (письмо «выборских» меньшевиков в С.-Петербурге, раскол меньшевиков в Москве, раскол в редакции «Голоса Социал-Демократа», соответственное разделение в Бунде и т. п.);

3) что при таких обстоятельствах задачей большевиков, которые останутся сплоченным авангардом партии, является не только продолжение борьбы с ликвидаторством и всеми видами ревизионизма, но и сближение с марксистскими и партийными элементами других фракций, как это диктуется общностью целей в борьбе за сохранение и укрепление РСДР Партии.

3

ОБ АГИТАЦИИ ЗА ОТДЕЛЬНЫЙ ОТ ПАРТИИ
БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СЪЕЗД
ИЛИ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ

Принимая во внимание: — что большевистская фракция со времени восстановления партийного единства выделяла и спланивала сторонников своей политической линии всегда на вопросах, ставших уже предметом общепартийной дискуссии, и всегда путем идейной борьбы за свое решение этих вопросов на арене общепартийной — параллельные платформы и дискуссия в партийных ячейках, на общепартийных съездах;

— что лишь такой путь гарантирует и сплочение действительных единомышленников и привлечение к фракции всех элементов, по существу родственных ей;

— что и для осуществления основной нашей цели, для воздействия на партию в интересах окончательного торжества в ней линии революционной социал-демократии, выделение большевиков только на общепартийной арене является единственно правильным и единственно целесообразным;

— что иной путь — путь созыва особых большевистских конференций и съездов неминуемо привел бы к расколу партии сверху донизу и нанес бы непоправимый удар той фракции, которая взяла бы на себя инициативу такого окончательного раскола РСДР Партии;

Принимая все это во внимание, расширенная редакция «Пролетария» постановляет:

1) Предостеречь всех единомышленников против агитации за специально большевистский съезд, как агитации, объективно ведущей к расколу партии и могущей нанести решительный удар той позиции, которая уже завоевана в партии революционной социал-демократией.

2) Ближайшую конференцию большевиков приурочить к очередной партийной конференции, а верховным собранием фракции в целом явится собрание единомышленников на ближайшем партийном съезде.

3) Ввиду стоящих на очереди важных вопросов, волнующих партию и фракцию, большевикам в ЦК поручено настаивать на возможном ускорении созыва общепартийной конференции (срок 2—3 месяца) и, затем, на ускорении созыва партийного съезда.

4

О ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЕ,
УСТРАИВАЕМОЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ В Н. Н.

Расширенная редакция «Пролетария», рассмотрев вопрос о школе в Н. Н., признает, что организация этой школы группой инициаторов (в том числе — один из членов расширенной редакции «Пролетария», т. Максимов) шла с самого начала помимо редакции «Пролетария» и сопровождалась агитацией против нее. Сделанные до сих пор группой инициаторов шаги уже с полной ясностью обнаруживают, что под видом этой школы создается новый центр откалывающейся от большевиков фракции. Инициаторы этой школы, помимо общих центров, вступили в сношения со многими русскими комитетами, организовали самостоятельную кассу и сборы денег, организуют свою агентуру, даже не сообщая об этом ни редакции «Пролетария», ни общепартийному центру.

Признавая, что, при современном недостатке опытных партийных работников, целесообразно поставленная и действительно партийная школа, даже находящаяся за границей, могла бы до известной степени помочь местным организациям в деле выработки годных партийных работников из среды рабочих, и считая необходимым с своей стороны сделать все, что положение нашей организации позволяет для выполнения этой помощи местным организациям, — расширенная редакция на основании всего образа

действия инициаторов школы в Н. Н. констатирует, что эти инициаторы преследуют не общефракционные цели, т. е. не цели большевистской фракции, как идейного течения в партии, а свои особые, групповые идейно-политические цели. Расширенная редакция «Пролетария» констатирует, что в связи с разногласиями, обнаружившимися в нашей фракции по вопросам об отзовизме, ультиматизме, отношении к проповеди богостроительства и вообще о внутрипартийных задачах большевиков, в связи с тем, что инициаторами и организаторами школы в Н. Н. являются исключительно представители отзовизма, ультиматизма и богостроительства, — идейно-политическая физиономия этого нового центра определяется с полной ясностью.

Ввиду всего этого расширенная редакция «Пролетария» заявляет, что большевистская фракция никакой ответственности за эту школу нести не может.

5

ОБ ОТКОЛЕ г. МАКСИМОВА

Признавая, что в связи со всеми вопросами порядка дня с очевидностью обнаружилось отсутствие принципиального и тактического единства между десятью членами расширенной редакции «Пролетария», с одной стороны, и т. Максимовым, с другой стороны; признавая, далее, что со стороны т. Максимова за последнее время были сделаны шаги, направленные также и к нарушению организационного единства большевистской фракции; констатируя, наконец, что т. Максимов дал отрицательный ответ по вопросу о подчинении постановлениям расширенной редакции «Пролетария» и о проведении их в жизнь, — редакция «Пролетария» в расширенном составе снимает с себя отныне всякую ответственность за все политические шаги т. Максимова.

ЛИКВИДАЦИЯ ЛИКВИДАТОРСТВА

В особом приложении к настоящему № «Пролетария» читатели найдут сообщение о совещании большевиков и текст принятых им резолюций*. В настоящей статье мы намерены остановиться на оценке значения этого совещания и происшедшего на нем откола небольшой части большевиков с точки зрения как нашей фракции, так и всей РСДРП в целом.

Два последние года, начиная приблизительно с государственного переворота 3-го июня 1907 г. и до настоящего времени, представляют из себя эпоху крутого перелома, тяжелого кризиса в истории русской революции и в развитии российского рабочего движения и РСДРП. Всероссийская конференция РСДРП в декабре 1908 г. подвела итоги по вопросам о современном политическом положении, о состоянии революционного движения и перспективах его, о задачах партии рабочего класса в переживаемый момент. Резолюции этой конференции — прочное достояние партии, и те меньшевики-оппортунисты, которые желали во что бы то ни стало критиковать их, только обнаружили с особенной наглядностью бессилие своей «критики», неспособной противопоставить ровно ничего осмысленного, цельного, систематического по разрешенным в этих резолюциях вопросам.

Но партийная конференция дала нам не только это. Она сыграла важнейшую роль в жизни партии тем, что наметила *новые идейные группировки* в обеих фракциях: и у меньшевиков и у большевиков. Борьба этих фракций

* См. настоящий том, стр. 391—416. *Ред.*

выполнила собой, можно сказать без преувеличения, всю историю партии как непосредственно перед революцией, так и во время революции. Поэтому новые идейные группировки представляют из себя очень важное в жизни партии явление, которое должны продумать, понять, усвоить все социал-демократы, чтобы уметь сознательно отнестись к новым вопросам нового положения.

Эти новые идейные группировки могут быть кратко охарактеризованы, как появление на обоих крайних флангах партии ликвидаторства и как борьба с ним. У меньшевиков ликвидаторство обнаружилось к декабрю 1908 г. с полной ясностью, борьба же с ним шла тогда почти исключительно со стороны других фракций (большевиков, польских, латышских с.-д., части бундовцев). Меньшевики-партийцы, меньшевики-противники ликвидаторства, едва-едва намечались в то время, как течение, не выступая сколько-нибудь сплоченно и открыто. У большевиков определенно обрисовались и открыто выступили обе части: и подавляющее большинство ортодоксальных большевиков, которые решительно боролись с отзовизмом и провели в своем духе все резолюции конференции, и меньшинство «отзовистов», которые защищали свои взгляды, как отдельная группа, получая неоднократно поддержку от колеблющихся между ними и ортодоксальными большевиками «ультиматистов». Что отзовисты (и ультиматисты, поскольку они скатываются к ним) представляют из себя меньшевиков наизнанку, ликвидаторов нового вида, это неоднократно было уже сказано и показано в «Пролетарии» (см. особенно №№ 39, 42, 44*). Итак: у меньшевиков подавляющее большинство ликвидаторов и едва намечающееся начало протеста и борьбы партийцев с ними; у большевиков полное господство ортодоксальных элементов при открыто выступавшем меньшинстве отзовистов, — таково было внутрипартийное положение, обрисовавшееся на декабрьской Всероссийской конференции РСДРП.

Что же такое это ликвидаторство? в чем причина его появления? почему отзовисты (и богостроители, о которых мы скажем несколько слов ниже) представляют из себя тоже ликвидаторов, меньшевиков наизнанку? одним сло-

* См. настоящий том, стр. 261—276, 327—330 и 353—363. Ред.

вом, каков социальный смысл и каково социальное значение новой идейной группировки внутри нашей партии?

Ликвидаторство в тесном смысле слова, ликвидаторство меньшевиков, состоит идейно в отрицании революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще и, в частности, в отрицании гегемонии пролетариата в нашей буржуазно-демократической революции. Отрицание это принимает, разумеется, различные формы, происходит более или менее сознательно, резко, последовательно. В пример можно привести Череванина и Потресова. Первый дал такую оценку роли пролетариата в революции, что *вся* редакция «Голоса Социал-Демократа» еще до раскола внутри нее (т. е. и Плеханов и Мартов — Дан — Аксельрод — Мартынов) оказалась вынуждена отречься от Череванина, хотя сделала она это в сугубо неприличной форме: именно, она отреклась от последовательного ликвидатора в «Vorwärts'e»*, перед немцами, *не приведя своего заявления в «Голосе Социал-Демократа» для русских читателей!* Потресов в своей статье в «Общественном движении в России в начале XX века» так успешно ликвидировал идею гегемонии пролетариата в русской революции, что Плеханов вышел из коллективной ликвидаторской редакции.

Организационно ликвидаторство есть отрицание необходимости нелегальной социал-демократической партии и связанное с этим отречение от РСДРП, выход из нее, борьба против нее на страницах легальной печати, в легальных рабочих организациях, профессиональных союзах, кооперативах, на съездах, где участвуют рабочие депутаты и т. д. Примерами такого ликвидаторства меньшевиков кипит история любой партийной организации в России в последние два года. Как особенно наглядный пример ликвидаторства был уже указан нами («Пролетарий» № 42, перепечатано в брошюре: «Всероссийская конференция РСДРП в декабре 1908 г.») случай, когда меньшевики-цекисты пытались прямо *сорвать ЦК партии*, прекратить функционирование этого учреждения. Как на признак почти полного распада нелегальных меньшевистских организаций в России, можно указать на то, что «кавказская делегация» последней партийной конференции

* — «Вперед». Ред.

сплошь состояла из заграничников, а редакция «Голоса Социал-Демократа» была утверждена (в начале 1908 г.) ЦК партии, как отдельная литературная группа вне всякой связи с той или иной действующей в России организацией.

Меньшевики не подводят итогов всем этим проявлениям ликвидаторства. Отчасти они скрывают их, отчасти путаются сами, не сознавая значения отдельных фактов, теряясь в мелочах, казусах, личностях, не умея обобщать, не понимая смысла происходящего.

А смысл этот состоит в том, что оппортунистическое крыло рабочей партии в эпоху буржуазной революции неизбежно должно было при кризисах, распаде и развале оказаться либо сплошь ликвидаторским, либо в плену у ликвидаторов. В эпоху буржуазной революции неизбежно присоединение к пролетарской партии мелкобуржуазных *попутчиков* (Mitläufer называется это по-немецки), наименее способных усвоить пролетарскую теорию и тактику, наименее способных удержаться в эпоху развала, наиболее склонных до конца доводить оппортунизм. Наступил распад — масса интеллигентов-меньшевиков, литераторов-меньшевиков фактически ушла в либералы. Отхлынула интеллигенция от партии — следовательно, распались более всего меньшевистские организации. Те меньшевики, которые искренне сочувствовали пролетариату и пролетарской классовой борьбе, пролетарской революционной теории (а такие меньшевики всегда были, оправдывавшие свой оппортунизм в революции желанием учитывать все повороты ситуации, все изгибы запутанного исторического пути), оказались «еще раз в меньшинстве», в меньшинстве среди меньшевиков, без решимости вести борьбу с ликвидаторами, без сил для успешного ведения этой борьбы. Но попутчики-оппортунисты идут все дальше и дальше в либерализм, Плеханову становится невтерпёж от Потресова, «Голосу Социал-Демократа» от Череванина, московским рабочим-меньшевикам от интеллигентов-меньшевиков и так далее. Меньшевики-партийцы, меньшевики-ортодоксальные марксисты начинают откалываться и силою вещей они оказываются, раз они идут к партии, идущими к большевикам. И наша задача — понять это положение, всячески и ведае постараться отделить ликвидаторов от партийцев-меньшевиков, сблизиться с последними не в смысле стирания принципиальных раз-

ногласий, а в смысле сплочения действительно единой рабочей партии, в которой разногласия не должны мешать общей работе, общему натиску, общей борьбе.

Но составляют ли мелкобуржуазные попутчики пролетариата исключительное достояние одной меньшевистской фракции? Нет. Мы уже указывали в № 39 «Пролетария»*, что они имеются и у большевиков, как об этом свидетельствует весь способ аргументации последовательных отзовистов, весь характер их попыток обосновать «новую» тактику. Ни одна сколько-нибудь значительная часть массовой рабочей партии не могла, по самой сути дела, избежать того, чтобы в эпоху буржуазной революции включить то или иное число «попутчиков» различных оттенков. Это явление неизбежно даже в наиболее развитых капиталистических странах после полного завершения буржуазной революции, ибо пролетариат всегда соприкасается с самыми разнообразными слоями мелкой буржуазии, всегда рекрутируется снова и снова из этих слоев. В этом явлении нет ничего ненормального и ничего страшного, *если только* пролетарская партия умеет переваривать инородные элементы, подчинять их себе, а не подчиняться им, умеет во-время сознать, что те или иные элементы — действительно инородные элементы и что от них необходимо при известных условиях ясно и открыто отмежеваться. Различие между обеими фракциями РСДРП в этом отношении сводится именно к тому, что меньшевики оказались в плену у ликвидаторов (т. е. у «попутчиков») — об этом свидетельствуют из рядов самих меньшевиков и московские их сторонники в России и Плеханов своим отделением от Потресова и от «Голоса Социал-Демократа» за границей, а у большевиков ликвидаторские элементы отзовизма и богостроительства оказались с самого начала в небольшом меньшинстве, оказались с самого начала обезвреженными, а затем и отодвинутыми.

Что отзовизм есть меньшевизм наизнанку, что он неизбежно ведет тоже к ликвидаторству, только несколько иного вида, в этом не может быть сомнения. Речь идет, конечно, не о лицах и не об отдельных группах, а об объективной тенденции этого направления, раз оно перестает быть только настроением и пытается сложиться в особое

* См. настоящий том, стр. 261—276. Ред.

направление. Большевики с полной определенностью заявляли до революции, во-первых, что они хотят не создать особое направление в социализме, а применить к новым условиям нашей революции основные принципы всей международной революционной, ортодоксально-марксистской социал-демократии; во-вторых, что они сумеют выполнить свой долг и на самой тяжелой, медленной, серой будничной работе, если после борьбы, после исчерпания всех наличных революционных возможностей история заставит нас тащиться путями «самодержавной конституции». Эти заявления найдет всякий сколько-нибудь внимательный читатель в литературе социал-демократов 1905-го года. Эти заявления имеют громадное значение, как обязательство всей фракции, как сознательный выбор пути. Чтобы выполнить это обязательство перед пролетариатом, надо было неуклонно переваривать, воспитывать тех, кого привлекали к с.-д-тии дни свободы (— сложился даже тип «социал-демократов дней свободы» —), кого увлекала, главным образом, решительность, революционность, «яркость» лозунгов, у кого не хватало выдержки, чтобы бороться не только в дни революционных праздников, но и в контрреволюционные будни. Часть этих элементов постепенно втянулась в пролетарскую работу и усвоила себе марксистское мировоззрение. Другая часть только заучила, а не усвоила, несколько лозунгов, повторяя старые слова и не умея применить старые принципы революционной соц.-демократической тактики к изменившимся условиям. Судьба той и другой части наглядно иллюстрируется эволюцией тех, кто хотел бойкотировать III Думу. В июне 1907 года таковых было большинство большевистской фракции. Но «*Пролетарий*» неуклонно вел антибойкотистскую линию. Жизнь давала проверку этой линии, и через год «отзовисты» оказались в меньшинстве среди большевиков (14 голосов против 18 летом 1908 г.) в Московской организации — твердыне былого «бойкотизма». Еще через год, после всестороннего и многократного разъяснения ошибочности отзовизма, большевистская фракция — и в этом значении недавнего совещания большевиков — окончательно ликвидировала отзовизм и скатывающийся к нему ультиматизм, окончательно ликвидировала эту своеобразную форму ликвидаторства.

Пусть не упрекают нас поэтому за «новый раскол». Мы объясняем подробно в сообщении о нашем совещании наши задачи и наше отношение к делу. Мы исчерпали все возможности и все средства убеждения несогласных товарищей, мы работали над этим больше 1½ года. Но, как фракция, т. е. союз единомышленников в партии, мы не можем работать без единства в основных вопросах. Откол от фракции не то, что откол от партии. Отколовшиеся от нашей фракции несколько не теряют возможности работать в партии. Либо они останутся «дикими», т. е. вне фракций, и общая обстановка партийной работы должна будет втянуть их. Либо они попытаются создать новую фракцию — это их законное право, если они хотят отстаивать и развивать свой особый оттенок взглядов и тактики — и тогда *вся партия* очень быстро увидит воочию проявление на деле тех *тенденций*, идейное значение которых мы старались оценить выше.

Большевикам приходится вести партию. Чтобы вести, надо знать путь, надо перестать колебаться, перестать тратить время на убеждение колеблющихся, на борьбу внутри фракции с несогласными. Отзовизм и скатывающийся к нему ультиматизм несовместимы с той работой, которой требуют теперь от революционных с.-д. данные обстоятельства. Мы научились во время революции «говорить по-французски», т. е. вносить в движение максимум толкающих вперед лозунгов, поднимать энергию и размах непосредственной массовой борьбы. Мы должны теперь, во время востоя, реакции, распада, научиться «говорить по-немецки», т. е. действовать медленно (иначе нельзя, пока не будет нового подъема), систематически, упорно, двигаясь шаг за шагом, завоеывая вершок за вершком. Кому скучна эта работа, кто не понимает необходимости сохранения и развития революционных основ с.-д. тактики *и на этом пути, на этом повороте пути*, тот всеу приемлет имя марксиста.

Наша партия не может идти вперед без решительной ликвидации ликвидаторства. А к ликвидаторству относятся не только прямое ликвидаторство меньшевиков и их оппортунистическая тактика. Сюда относится и меньшевизм наизнанку. Сюда относится отзовизм и ультиматизм, противодействующие выполнению партией очередной задачи, составляющей своеобразную особенность момента,

задачу использования думской трибуны и создания опорных пунктов из всех и всяческих полулегальных и легальных организаций рабочего класса. Сюда относится богостроительство и защита богостроительских тенденций, в корне порывающих с основами марксизма. Сюда относится непонимание партийных задач большевиков, — задач, которые в 1906—1907 годах состояли в *свержении* меньшевистского ЦК, *не опиравшегося* на большинство партии (не только поляки и латыши, даже бундовцы не поддерживали тогда чисто меньшевистского ЦК), — задач, которые теперь состоят в терпеливом воспитании партийных элементов, в сплочении их, в создании действительно единой и прочной пролетарской партии. Большевики очищали почву для партийности своей непримиримой борьбой против антипартийных элементов в 1903—1905 и в 1906—1907 годах. Большевики должны теперь *построить партию*, построить из фракции партию, построить партию при помощи тех позиций, которые завоеваны фракционной борьбой.

Таковы задачи нашей фракции в связи с переживаемым политическим моментом и общим положением всей РСДРП. Эти задачи еще раз и с особенной детальностью повторены и развиты в резолюциях недавнего большевистского совещания. Ряды перестроены для новой борьбы. Изменившиеся условия учтены. Путь выбран. Вперед по этому пути — и революционная социал-демократическая рабочая партия России станет быстро складываться в силу, которую не поколеблет никакая реакция и которая встанет во главе всех борющихся классов народа в следующей кампании нашей революции*.

«Пролетарий» № 46,
11 (24) июля 1909 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

* Недавно вышли в свет № 15 «Голоса Социал-Демократа» и № 2 «Откликов Бунда»¹⁸⁵. В заданиях этих нагромоздена вновь куча отборных образчиков ликвидаторства, которые потребуют разбора и оценки в отдельной статье в ближайшем № «Пролетария».

ПОЕЗДКА ЦАРЯ В ЕВРОПУ И НЕКОТОРЫХ ДЕПУТАТОВ ЧЕРНОСОТЕННОЙ ДУМЫ В АНГЛИЮ

Полвека тому назад за Россией прочно укреплена была слава международного жандарма. Наше самодержавие в течение прошлого века сделало не мало для поддержки всяческой реакции в Европе и даже для прямого военного подавления революционных движений в соседних странах. Достаточно вспомнить хотя бы венгерский поход Николая I и неоднократные расправы с Польшей, чтобы понять, почему вожди международного социалистического пролетариата, начиная с 40-х годов, неоднократно указывали европейским рабочим и европейской демократии на царизм, как на главный оплот реакции во всем цивилизованном мире.

Революционное движение в России, начиная с последней трети XIX века, понемногу изменило это положение дела. Чем сильнее колебался царизм под ударами растущей революции в его собственной стране, тем слабее становился он в качестве врага свободы в Европе. Но в Европе вполне сложилась к этому времени международная реакция буржуазных правительств, видевших восстания пролетариата, сознавших неизбежность борьбы не на живот, а на смерть между трудом и капиталом и готовых приветствовать каких угодно авантюристов и разбойников на троне ради совместной борьбы против пролетариата. И когда в начале XX века японская война и революция 1905 года нанесли сильнейшие удары царизму, международная буржуазия бросилась на помощь ему, поддержала его миллиардными займами, приложила все усилия для локализации революционного пожара, для восстановления «порядка» в России. Услуга за услугу. Царизм помогал

не раз контрреволюционным буржуазным правительствам Европы во времена их борьбы с демократией. Теперь буржуазия Европы, ставшая контрреволюционной по отношению к пролетариату, помогла царизму в его борьбе с революцией.

Союзники празднуют победу. Николай Кровавый едет в Европу приветствовать монархов и президента французской республики. Монархи и президент неистовствуют и готовятся чествовать вождя черносотенной контрреволюции в России. Но победа далась этим благородным рыцарям черносотенной и буржуазной реакции не благодаря уничтожению их врага, а благодаря раздроблению его сил, благодаря одновременному созреванию пролетариата в разных странах. Победа далась объединенным врагам рабочего класса ценою отсрочки решительной битвы, ценою расширения и углубления того источника, который — может быть, более медленно, чем мы бы того желали, но неуклонно — умножает число пролетариев, увеличивает их сплоченность, закаляет их в борьбе, приучает к операциям против объединенного врага. Этот источник — капитализм, разбудивший некогда патриархальную «вотчину» дворян Романовых и будящий теперь одно за другим азиатские государства.

Союзники празднуют победу. А каждое празднество Николая Кровавого и вождей буржуазных европейских правительств провожает, точно эхо, голос революционных рабочих масс. Мы задавили революцию, — восклицают Николай и Вильгельм, Эдуард и Фальер, протягивая друг другу руки под охраной густой сети солдат или длинного ряда военных судов. Мы свергнем вас всех вместе, — отвечает, как эхо, революция устами вождей сознательного пролетариата всех стран.

Николай Кровавый едет из России. Его провожают слова социал-демократического депутата черносотенной Думы, который провозглашает республиканские убеждения всех сознательных рабочих России и напоминает о неминуемом крахе монархии. Николай едет в Швецию. Его чествуют во дворце. Его приветствуют солдаты и шпионы. Его встречает речь вождя шведских рабочих масс, соц.-демократа Брантинга, который протестует против опозорения его страны визитом палача. Николай едет в Англию, во Францию, в Италию. Его готовятся чество-

вать короли и придворные, министры и полицейские. Его готовятся встретить рабочие массы: митингом протеста в Англии, демонстрацией народного негодования во Франции, всеобщей забастовкой в день омрачения страны его приездом в Италию. Социалистические депутаты всех этих трех стран — Торн в Англии, Жорес во Франции, Моргари в Италии — последовали уже призыву Международного социалистического бюро и заявили перед всем миром о той ненависти, о том презрении, с которыми относится рабочий класс к Николаю-Погромщику, к Николаю-Вешателю, к Николаю, давящему теперь персидский народ и наводняющему теперь русскими шпионами и провокаторами Францию.

Буржуазная, «солидная», пресса всех этих стран неистовствует от бешенства, не зная, какое еще подыскать ругательство против выступлений социалистов, как еще поддерживать своих министров и президентов, которые обрывали социалистов за их речи. Но это бешенство не помогает, ибо нельзя заткнуть рта парламентским представителям пролетариата, нельзя помешать митингам в действительно конституционных странах, нельзя скрыть ни от себя, ни от других, что русский царь не смеет показаться ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Риме.

Торжественное празднество вождей международной реакции, празднество по поводу подавления революции в России и Персии *сорвано* единодушным и мужественным протестом социалистического пролетариата всех европейских стран.

И на фоне этого протеста социалистов от Петербурга до Парижа и от Стокгольма до Рима, протеста против царского самодержавия, протеста во имя революции и ее лозунгов, с особенной наглядностью вырисовывается презренное лакейство перед царизмом наших российских либералов. Несколько депутатов черносотенной Думы, начиная от умеренно-правых и кончая кадетами, с председателем Думы во главе, гостят в Англии. Они гордятся тем, что представляют большинство Думы, ее истинный центр — без крайних правых и крайних левых. Они корчат из себя представителей «конституционной» России, они восхваляют «обновленный» строй и обожаемого монарха, «даровавшего народу» Думу. Они топорщатся и надуваются, как крыловская лягушка, изображая себя

победителями черносотенной реакции, которая-де хочет отмены «конституции» в России. Вождь «конституционно-демократической» (не шутите!) партии, г. Милюков провозгласил в своей речи за завтраком у лорда-мэра: «пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству» (телеграмма СПб. агентства от 19 июня старого стиля). Орган октябристской партии «Голос Москвы» в передовой статье от 21 июня, носящей хлестаковское заглавие «Европа и обновленная Россия», горячо приветствует выступление лидера кадетов и заявляет, что его «умеренно-конституционная» речь «может быть, знаменует поворотный момент в кадетской политике, отказ от неудачной тактики делания оппозиции ради оппозиции».

Полицейская «Россия» (от 23-го июня) посвящает передовицу речи Милюкова и, воспроизведя «знаменитую» фразу об оппозиции Его Величества, заявляет: «г. Милюков взял на себя в Англии известное обязательство за русскую оппозицию и если он выполнит это обязательство, он окажет такую услугу родине, за которую ему простится не мало прежних прегрешений». Дослужились, гг. кадеты: «Вехи» вообще и Струве, в частности, одобрен Антонием волинским, «владыкой» черносотенных изуверов; вождь партии Милюков одобрен полицейски-продажной газеткой. Дослужились!

Нам остается только напомнить, что октябристскую природу кадетов мы разоблачали еще с 1906-го года, когда трескучие думские «победы» кружили головы многим и многим корыстно-наивным и бескорыстно-наивным людям.

Нам остается напомнить, что *суть* обнаружившейся теперь особенно наглядно игры царизма в III Думе мы разоблачили *более 20-ти месяцев* тому назад, говоря в №№ 19—20 «Пролетария» (ноябрь 1907-го года) об итоге выборов в III Думу. В III Думе — говорили мы и говорила резолюция Всероссийской конференции РСДРП в ноябре 1907-го года — возможны *два* большинства: черносотенно-октябристское и кадетско-октябристское и *оба* эти большинства — контрреволюционны. «Такое положение в Думе — гласит тогдашняя резолюция СПб. соц.-дем. организации (№ 19 «Пролетария») и резолюция III Всероссийской конференции РСДРП (№ 20 «Проле-

тария») — чрезвычайно благоприятствует двойной политической игре и со стороны правительства и со стороны кадетов»*.

Эта характеристика положения подтвердилась теперь *полностью*, обнаружив недалекость тех, кто готов был провозглашать паки и паки «поддержку» кадетов социал-демократами.

Кадеты воюют с октябристами не как принципиальные противники, а как *конкуренты*. Нужно «завоевывать» избирателя — мы провозглашаем себя партией «народной свободы». Нужно доказать свою «солидность» — мы двигаем в III Думе Маклаковых, мы заявляем перед Европой через Милюкова, что мы «оппозиция Его Величества». А верному слуге черносотенного царизма, Столыпину, только того и надо. Пусть черносотенная царская шайка *на деле* хозяйничает в стране во-всю, пусть она и только она решает все действительно важные вопросы политики. А октябристско-кадетское большинство «нам» нужно для игры, для «представительства» в Европе, для облегчения добывания займов, для «исправления» крайностей черной сотни, для надувания простачков «реформами»,... исправляемыми Государственным советом.

Его Величество знает *свою* оппозицию. Оппозиция кадетов знает *своего* Столыпина и *своего* Николая. И наши либералы и наши министры без труда переняли нехитрую науку европейского парламентского лицемерия и надувательства. И те и другие успешно учатся приемам европейской буржуазной реакции.

И тем и другим объявляет неуклонную революционную войну социалистический пролетариат России, сплывающийся все теснее с социалистическим пролетариатом всего мира.

* См. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 121 и 126. Ред.

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА М. ЛЯДОВА В РЕДАКЦИЮ «ПРОЛЕТАРИЯ»¹³⁶

Охотно даем место открытому выступлению т. Лядова и ваметим ему лишь следующее:

Блюсти традиции большевизма — ортодоксально-марксистского течения в РСДРП — дело, конечно, прекрасное, т. Лядов. Но соблюдать эту традицию значит, между прочим, оберегать большевизм от карикатуры на него. А ведь именно карикатурой на большевизм — как мы пространно доказали в ряде статей и как теперь официально признала большевистская фракция — являются потуги отзовизма и богостроительства.

Что касается «революционной этики», к которой апеллирует т. Лядов, то на этот счет мы можем его спокойно предоставить самому себе, а вот свою «принципиальную позицию» т. Лядову и его единомышленникам давно бы следовало наложить открыто перед всей партией, а то до сих пор приходилось верить им на слово, что у них есть что-нибудь кроме отзовизма и богостроительства.

В заключение выскажем уверенность, что т. Лядов, много лет поработавший в рядах революционной социал-демократии, не так долго останется в новой фракции богостроителей-отзовистов, или — как их для краткости называют — «божественных отзовистов», и вернется во фракцию большевиков.

ПИСЬМО ОРГАНИЗАТОРАМ КАПРИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ

18 августа 1909 г.

Уважаемые товарищи!

Получил на-днях Ваше приглашение. Программы школы, о которой (программе) Вы пишете, что она прилагается, не получил.

Мое отношение к школе на острове Капри выражено в резолюции расширенной редакции *«Пролетария»* (приложение к № 46 и № 46 *«Пролетария»**). Если Вы не видели *«Пролетария»* и приложений к нему, а также особого письма о школе, разосланного членам партии большевикам в виде печатного листка, то редакция с удовольствием пошлет Вам все эти материалы. По существу дела я должен ответить Вам, что, разумеется, мой взгляд на каприйскую школу, как на предприятие *новой* фракции в нашей партии, — фракции, которой я не сочувствую, — что этот взгляд несколько не вызывает отказа читать лекции товарищам, присланным из России местными организациями. Каких бы взглядов эти товарищи ни держались, я всегда охотно соглашусь прочесть им ряд лекций по вопросам, интересующим социал-демократию. На Капри читать лекции я, конечно, не поеду, но в Париже прочту их охотно. Приехать в Париж девяти посланным из России товарищам (я беру цифру, о которой сообщал известный Вам тов. Лева), — это предприятие даже в финансовом отношении стоило бы меньше, чем поездка трех лекторов (мне известно Ваше обращение к Лева и Иннокентию¹³⁷) из Парижа на Капри. А помимо финансовых соображений есть еще целый ряд других, несравненно более

* См. настоящий том, стр. 415—416 и 417—424. Ред.

важных и несомненно вполне для Вас понятных соображений в пользу Парижа, как места действительно партийной школы за границей. Во всяком случае могу поручиться, что редакция «Пролетария» сделала бы все, от нее зависящее, для организации желаемых Вами лекций в Париже.

С с.-д. приветом *Н. Ленин*

P. S.* Вы забыли сообщить официальный адрес школы.

Напечатано в 1909 г.
в листке «К вопросу о партийной
школе»

Печатается по рукописи

* — Postscriptum — приписка. Ред.

ПРОЕКТ ПИСЬМА БОЛЬШЕВИСТСКОГО ЦЕНТРА СОВЕТУ ШКОЛЫ НА КАПРИ¹³⁸

Исполнительная комиссия Большевистского Центра чрезвычайно обрадована сообщением «Совета партийной школы на Капри» от 16. VIII. 1909, что он ничего не имеет против «идейного контроля» со стороны БЦ.

Но, чтобы решить, может ли БЦ взять на себя этот контроль и осуществить его, может ли он оказать литературную и финансовую поддержку школе, о чем пишет Совет, — для этого необходимо знать подробно дела школы. А БЦ *ничего подробного* о ней не знает.

Если Совет школы мог *обсуждать* (как он пишет) отношение школы к БЦ, зная взгляды БЦ из печатных резолюций и «Пролетария», зная состав БЦ от его бывших членов, — то БЦ не в состоянии *обсудить* вопрос об отношении БЦ к просьбе Совета школы, ибо БЦ не знает, (1) что такое Совет школы, (2) что такое Исполнительная комиссия школы, (3) какова программа школы (ее обещала прислать, но не прислала Исполнительная комиссия школы), (4) каков данный состав лекторов школы и (5) учеников в школе, (6) каковы данные средства школы, (7) какова предполагаемая продолжительность курсов, (8) насколько связаны ученики школы с данным ее местонахождением, т. е. островом Капри, (9) могли ли бы ученики школы приехать в Париж (о чем писали им от себя лично трое членов БЦ), на какой срок и т. д.

Не имея таких сведений, БЦ может пока сказать лишь одно: *всем членам* действующих в России с.-д. организаций, а равно *всем делегированным* этими организациями товарищам БЦ готов оказать *всяческую литературскую и лекторскую помощь* в деле усвоения с.-д. мирозерцания,

не отказываясь и от финансовой помощи в пределах возможного и по обсуждении этого вопроса в связи с помощью местным организациям.

БЦ препровождает при сем официально Совету школы 1) комплект «Пролетария» № 39—46; 2) письмо БЦ о школе (печатное); 3) резолюции БЦ.

С с.-д. приветом

*Исполнительная комиссия
расширенной редакции «Пролетария»*

*Написано между 5 и 17
(18 и 30) августа 1909 г.*

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXV*

Печатается по рукописи

**ПИСЬМО УЧЕНИКАМ
КАПРИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ:
ТОВАРИЩАМ ЮЛИЮ, ВАНЕ, САВЕЛИЮ, ИВАНУ,
ВЛАДИМИРУ, СТАНИСЛАВУ И ФОМЕ**

30 августа нов. ст. 1909 г.

Уважаемые товарищи! Получив от Вас программу школы и два письма, в последнем из которых Вы задаете мне вопрос о мотивах объявления школы новой фракцией, я считаю долгом еще раз объяснить Вам свой взгляд. «Фракционная подкладка школы чистейшая фикция», пишете Вы. «Гегемония над школой немыслима, ибо большинство Совета, это — мы».

Я утверждаю, что это — явный самообман с Вашей стороны. Совсем не в том дело, чтобы Вас обвиняли в «непосредственном фракционерстве»; совсем не в том дело, у кого большинство в Совете. Дело в том, что школа устроена 1) по почину новой фракции; — 2) исключительно на средства новой фракции; — 3) в таком месте, где есть *только* лекторы новой фракции; — 4) в таком месте, где *не могут быть*, за самыми редкими исключениями, лекторы других фракций.

Все эти условия не зависят от Вашей воли. Изменить их Вы не можете. А эти условия уже *предопределяют* характер школы, предопределяют настолько, что никакие добрые намерения с Вашей стороны и никакие решения Вашего Совета решительно не в состоянии изменить что-либо существенное.

Во всякой школе самое важное — идейно-политическое направление лекций. Чем определяется это направление? Всецело и исключительно *составом лекторов*. Вы прекрасно понимаете, товарищи, что всякий «контроль», всякое «руководство», всякие «программы», «уставы» и проч., все это — явук пустой по отношению к составу лекторов. Никакой контроль, никакие программы и т. д.

абсолютно не в состоянии изменить того направления занятий, которое определяется составом лекторов. И никогда и нигде в мире ни единая уважающая себя организация, фракция или группа *не возьмется* разделить ответственность за школу, направление которой уже предопределено составом лекторов, если это направление враждебное.

Посмотрите же теперь на состав лекторов, предопределивший характер и направление школы. Вы, товарищи, подписались в Вашем письме ко мне, но Ваше письмо в ЦК (копия с этого письма получена мной вместе с программой школы) от имени учеников и лекторов школы не содержит подписей лекторов. Поэтому я не могу знать состава лекторов со всею точностью. Но и то, что мне известно, достаточно для суждения о составе лекторов.

Нам писали из России местные организации Центрально-промышленного района, что самым энергичным, если не единственным агитатором за каприйскую школу был тов. Станислав, которого и выбрали уже в лекторы некоторые социал-демократические кружки, прослушавшие его реферат. Этот тов. Станислав — самый решительный отзовист и «критик» марксизма в философии. Достаточно напомнить (1) как он разнес Каутского в своей известной философской книжке; (2) как он выделился на партийной конференции декабря 1908 г. в особую фракцию отзовистов вместе с петербургским отзовистом Вс.; (3) как редактированную им статью «Рабочего» отзовиста в № 5 «Рабочего Знамени» *само это «Рабочее Знамя»* признало проникнутой взглядами *анархизма*.

Посмотрите далее на тех лекторов, которых Вы видите сейчас перед собой на Капри. Большевиков среди них нет. Зато все сторонники новой фракции (фракции защитников отзовизма и богостроительства) представлены почти полностью. Я едва ли во многом ошибусь, если скажу, что Вы видите среди каприйских лекторов гг. Максимова, Луначарского, Лядова, Алексинского. Это — как раз та группа товарищей, которые с весны 1908-го года образовали оппозицию «Пролетарию», вели против него агитацию в России и за границей, выделялись в особую фракцию (или поддерживали ее) на партийной конференции в декабре 1908 г. и, наконец, окончательно выделились в особую фракцию.

Отрицать, что вся эта группа товарищей ведет агитацию против «Пролетария», поддерживая и защищая отзовистов, значило бы насмеяться над известными всем в партии фактами. Отрицать, что остров Капри получил уже известность даже в общей русской литературе как литературский центр богостроительства, значило бы издеваться над фактами. Вся русская печать давно уже указала на то, что Луначарский с острова Капри повел проповедь богостроительства. Ему помогал в России Базаров. Однородные философские взгляды защищал в десятке русских легальных книг и статей, в десятке заграничных рефератов Богданов. Я был на о. Капри в апреле 1908 г. и объявил всем этим 3-м товарищам о безусловном расхождении с ними по философии (причем, я предложил им тогда употребить общие средства и силы на *большевистскую историю революции*, в противовес меньшевистски-ликвидаторской истории революции, но каприйцы отвергли мое предложение, пожелав заняться не общеполитическим делом, а пропагандой своих особых философских взглядов). Из группы каприйских ваших лекторов большинство — литераторы, и *ни один* из этих литераторов *ни разу* не напал в печати на богостроительскую пропаганду Луначарского и Базарова!

Если несмотря на все это, вы пишете мне, товарищи, что считать школу связанной с богостроительством и отзовизмом есть «недоразумение», и притом «сплошное» с моей стороны, ибо «таковые цели здесь в школе не только не ставились, о них не могло быть и речи», — то мне остается только подивиться вашей крайней наивности. Повторяю: *действительный* характер и направление школы определяются не добрыми пожеланиями местных организаций, не решениями «Совета» учащихся, не «программами» и т. п., а *составом лекторов*. И, если состав лекторов всецело определяется и определен кругом членов новой фракции, то отрицать фракционный характер школы — прямо смешно.

Чтобы покончить с вопросом о составе лекторов, я приведу Вам еще один факт, рассказанный мне товарищем Иннокентием и показывающий, до какой степени очевидно для *всех* в партии то, что вы пытаетесь отрицать, именно: особый фракционный характер каприйской школы. Незадолго до последнего собрания расширенной редакции

«Пролетария» т. Максимов в Париже обратился к Троцкому, приглашая его в лекторы каприйской школы. Троцкий рассказал об этом т. Иннокентию и заявил ему: если это партийное дело, я с удовольствием приму участие; если это особое предприятие каприйских литераторов, Максимова, Луначарского и К^о, то я участвовать не буду. Иннокентий ответил: подождите решений редакции «Пролетария», я вам пришлю эти решения. Таким образом, и нефракционный Троцкий сразу понял (как поймет это всякий сколько-нибудь опытный партийный работник), что устраивать школу на о. Капри значит *прятать школу от партии*, значит заранее связывать школу с одной особой и именно с новой фракцией.

Теперь перейду к вопросу о Париже. Я писал вам, что если вас интересуют действительно лекции мои и моих единомышленников, то Вы должны приехать в Париж. Вы отвечаете мне: «поездка в Париж, принимая во внимание расходы, будет совсем несообразна».

Посмотрим же, кто из нас говорит действительно нечто несообразное.

Вы приехали на о. Капри через Вену. Если Вы возвращаетесь тем же путем, то Вам придется из северной Италии повернуть в Париж, а оттуда прямо проехать в Вену. Это удорожит поездку, наверное, не больше как на 60 франков с человека (сужу по тому, что из Женевы, где я долго жил, билет стоит в Париж 30 франков). Ваше письмо подписано 8 именами, причем 1 объявил, что «воздерживается от дальнейшей переписки», т. е., очевидно, не имеет даже и желанья слушать мои беседы. Остается 7 товарищей. Расход = $7 \times 60 = 420$ франков.

Лекторов вы приглашали из Парижа четырех (Леву, меня, Григория и Иннокентия). Расход на поездку из Парижа на Капри и обратно — около 140 фр. Итого $4 \times 140 = 560$ фр.

Заехать в Париж 8-ми ученикам *дешевле*, чем отправить 4-х лекторов на Капри.

Но финансовый вопрос, как я уже писал вам в прошлом письме*, далеко не самый важный. Подумайте, приедем ли ученикам или здешним лекторам легче выбрать место? Вы приехали за границу специально для занятий в школе.

* См. настоящий том, стр. 431—432. *Ред.*

Значит, у Вас не может быть препятствий к приезду туда, где есть большое число лекторов, где возможна действительно партийная постановка дела.

А лекторы *не могут* из партийного центра ехать на о. Капри. Буду говорить о себе. Я не могу бросить редакции «Пролетария», — я не могу бросить редакции ЦО — я не могу бросить основанной в Париже комиссии содействия думской социал-демократической фракции — я должен выступать в клубе «Пролетария» в рабочих кварталах Парижа, где живут сотни и тысячи русских рабочих, и т. д. Поездка партийных литераторов из Парижа на о. Капри — абсолютно невозможная вещь.

Но ведь для школы, как для партийного дела, важны не только большевистские лекторы. Париж — самый большой эмигрантский центр, где читаются постоянно публичные рефераты *всех* фракций, происходят дискуссии, ведутся разнообразные кружки, имеются 2—3 недурных русских библиотеки, имеются десятки долго действовавших в партии с.-д. организаторов и т. д. В Париже выходят 3 с.-д. русские газеты. Одним словом, для всякого, кто хоть капельку знаком с заграницей, ясно, как ясен ясный божий день: тот, кто едет учиться социал-демократизму в Париж, едет учиться действительно социал-демократизму. Тот, кто едет учиться на Капри, едет учиться *особой* фракционной «науке».

Тот, кто устраивает школу в Париже, устраивает действительно партийную школу. Тот, кто устраивает школу на о. Капри, тот *прячет школу от партии*.

Школа на Капри есть школа, *нарочно спрятанная от партии*.

Никакой контроль, никакое «идейное руководство» по отношению к *каприйской* школе *абсолютно* невозможны ни со стороны ЦК, к которому вы обращаетесь сегодня, ни со стороны редакции «Пролетария», к которой вы обращались вчера. Говорить тут о контроле и об идейном руководстве — пустые слова. Никому не придет в голову нелепая мысль посылать на Капри партийных «инспекторов» над школой; никогда *не может* быть осуществлена посылка действительно партийных лекторов на Капри (за самыми ничтожными исключениями). Если этого не знали местные российские организации, то это *прекрасно* знали устроители школы. Именно поэтому они и устроили

школу на Капри, чтобы *прикрыть* ее фракционный характер, чтобы спрятать школу от партии.

Возьмите нефракционных русских с.-д., выдающихся по знакомству с движением рабочего класса за границей: Парвуса и Розу Люксембург (Германия), Ш. Раппопорта (Франция), Ротштейна (Англия). Возьмите нефракционных литераторов с.-д., вроде Рязанова, — вы увидите сразу (если не захотите закрыть глаза, чтобы не видеть), что в Париже прочесть лекции они в большинстве случаев, при некоторых усилиях со стороны партии, смогут, а на Капри абсолютно не в состоянии будут приехать. Те деньги, которые выброшены устроителями школы для отправки учеников и лекторов в самый отдаленный заграничный пункт (Капри), были бы *уже достаточны* для организации чтений хотя бы некоторых из этих лекторов в Париже.

Возьмите, далее, новые группировки среди с.-д., группировки, с которыми так важно ознакомиться русским товарищам (борьба партийных и ликвидаторских элементов в Бунде; борьба большевистской части латышей с меньшевистской; P.S.D. с левицей P.P.S.; раскол в меньшевизме, выступление Плеханова с «Дневником», разоблачающим ликвидаторство Потресова и официальных меньшевиков; попытки создания «революционного меньшевизма» и т. д.). На Капри *нельзя* как следует ознакомиться с этими партийно-важными явлениями. В Париже есть полная возможность из первых рук узнать положение дела, не понаслышке только.

Возьмите, наконец, программу занятий каприйской школы. Из четырех отделов один (III) озаглавлен: «философия пролетарской борьбы». В международной социал-демократии есть десятки и сотни (если не тысячи) программ пропагандистских занятий подобного же типа. Но вы *нигде* не найдете «философии пролетарской борьбы». Есть философский материализм Маркса и Энгельса, но нигде нет «философии пролетарской борьбы». И никто из европейских с.-д. не поймет, что это значит. Поймут это только те, кто знаком с сочинениями философов: Станислава (А. Вольского), Богданова, Луначарского, Базарова. Прежде чем «философию пролетарской борьбы» преподавать, надо такую философию выдумать. А выдумкой этой *особой* философии, которая тем чаще божится словом

«пролетарская», чем дальше она от пролетарского мирозерцания, занималась и занимается только указанная группа членов новой фракции.

Заканчиваю: если вы, товарищи, будете настаивать на своем нежелании приехать в Париж (уверая в то же время в своем желании слушать мои лекции), то вы окончательно докажете этим, что узко-кружковой политикой новой богостроительски-отзовистской фракции заражены не только лекторы, но и некоторые ученики каприйской школы.

С с.-д. приветом *Н. Ленин*

*Впервые напечатано в 1926 г.
в журнале «Пролетарская
Революция» № 2 (19)*

Печатается по рукописи

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Статья *«На прямую дорогу»* напечатана передовой в № 26 газеты «Пролетарий».

«Пролетарий» — нелегальная газета, основанная большевиками после IV (Объединительного) съезда партии; издавалась с 21 августа (3 сентября) 1906 года по 28 ноября (11 декабря) 1909 года под редакцией Ленина. «Пролетарий» выходил как орган Московского и Петербургского комитетов РСДРП, в некоторое время и Московского окружного, Пермского, Курского и Казанского комитетов; фактически газета являлась Центральным Органом большевиков. Вышло 50 номеров: первые 20 — в Финляндии, остальные за границей — в Женеве и Париже. В газете опубликовано свыше 100 статей и заметок Ленина.

В годы столыпинской реакции газета «Пролетарий» сыграла выдающуюся роль в сохранении и укреплении большевистских организаций.

На пленуме Центрального Комитета РСДРП в январе 1910 года примиренцам, скрытым агентам и пособникам Троцкого, удалось провести решение о закрытии газеты «Пролетарий». — 1.

- ² *Государственный переворот 3 (16) июня 1907 года* — реакционный переворот, выразившийся в разгоне правительством II Государственной думы и изменении избирательного закона о выборах в Думу. Новый избирательный закон намного увеличивал представительство в Думе помещиков и торгово-промышленной буржуазии и в несколько раз сокращал и без того небольшое число представителей крестьян и рабочих. Закон лишал избирательных прав большую часть населения Азиатской России, вдвое сокращал представительство населения Польши и Кавказа. Избранная на основании этого закона и собравшаяся в ноябре 1907 года III Дума по своему составу была черносотенно-кадетской.

Третьеиюньский государственный переворот положил начало периоду столыпинской реакции, известному под названием «третьеиюньского режима». — 3.

- 3 *Центральный Орган РСДРП* — нелегальная газета «Социал-Демократ»; издавалась с февраля 1908 года по январь 1917 года. Вышло 58 номеров. Первый номер вышел в России, в дальнейшем издание было перенесено за границу, сначала в Париж, затем — в Женеву. Редакция ЦО была составлена, согласно решению ЦК РСДРП, из представителей большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов. В газете «Социал-Демократ» напечатано более восьмидесяти статей и заметок В. И. Ленина. Внутри редакции «Социал-Демократа» В. И. Ленин вел борьбу за последовательную большевистскую линию. Часть редакции (Каменев и Зиновьев) примиренчески относилась к ликвидаторам, пыталась сорвать проведение ленинской линии. Члены редакции меньшевики Мартов и Дан, саботируя работу в редакции Центрального Органа, в то же время открыто защищали ликвидаторство в «Голосе Социал-Демократа». Непримируемая борьба Ленина против ликвидаторов привела к уходу Мартова и Дана в июне 1911 года из состава редакции «Социал-Демократа». С декабря 1911 года «Социал-Демократ» редактировался В. И. Лениным. В газете был напечатан ряд статей И. В. Сталина. — 3.
- 4 *«Рабочее Знамя»* — нелегальная большевистская газета, орган Областного бюро Центрального промышленного района, Московского и Московского окружных комитетов РСДРП; выходила в Москве с марта по декабрь 1908 года. Вышло 7 номеров. — 6.
- 5 *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии в 1878 году. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература, социал-демократы подвергались репрессиям. Под напором массового рабочего движения закон был отменен в 1890 году. — 7.
- 6 *«Речь»* — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с февраля 1906 года. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. — 8.
- 7 *Стокгольмский съезд* — четвертый (Объединительный) съезд РСДРП происходил 10—25 апреля (23 апреля—8 мая) 1906 года в Стокгольме. На съезде присутствовали с решающим голосом 112 делегатов, представлявших 57 местных организаций партии, и 22 делегата с совещательным голосом. Кроме того, участвовали представители национальных социал-демократических партий Польши и Литвы, Латвии и Бунда. Многие большевистские организации были разгромлены правительством после декабрьского вооруженного восстания 1905 года и не смогли послать делегатов. Большинство на съезде, хотя и незначительное, принадлежало меньшевикам.

Ленин выступал на съезде по аграрному вопросу, о текущем моменте, о тактике по отношению к выборам в Государственную думу, о вооруженном восстании и другим вопросам.

Преобладание меньшевиков на съезде определило характер решений съезда: по ряду вопросов съезд вынес меньшевистские резолюции (аграрная программа, об отношении к Государственной думе и др.).

Съезд принял в ленинской формулировке первый параграф устава о членстве партии. Съезд принял в состав РСДРП национальные социал-демократические организации: социал-демократическую партию Польши и Литвы, Латышскую социал-демократическую рабочую партию и предрешил вопрос о вхождении Бунда в РСДРП.

В состав ЦК, избранного на съезде, вошли 3 большевика и 7 меньшевиков, в редакцию ЦО — только меньшевики.

Анализ работ съезда дан В. И. Лениным в работе «Доклад об Объединительном съезде РСДРП» (см. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 289—350) и И. В. Сталиным в работе «Современный момент и Объединительный съезд рабочей партии» и в «Предисловии автора к первому тому» Сочинений (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 1, 1946, стр. 250—276; XI—XV). — 8.

- 8 *«Трудовицкая политика»* — политика «Трудовой группы» — группы мелкобуржуазных демократов, образованной в апреле 1906 года крестьянскими депутатами I Государственной думы. К началу работы Думы группа объединяла 107 депутатов. Во II Думе трудовики имели 104 депутата, в III — 14 и в IV — 10 депутатов. Трудовики выдвигали требования отмены всех сословных и национальных ограничений, демократизации всеобщего и городского самоуправления, осуществления всеобщего избирательного права для выборов в Государственную думу. Аграрная программа трудовиков исходила из народнических принципов уравнительности землепользования: образование общенародного фонда из казенных, удельных, кабинетских, монастырских земель, а также частновладельческих, если размер владения превышал установленную трудовую норму; за отчуждаемые частновладельческие земли предусматривалось вознаграждение. Проведение земельной реформы возлагалось на местные крестьянские комитеты. — 8.

- 9 *Гурко, В. И.* — товарищ министра внутренних дел. — 12.
- 10 Ленин цитирует слова из послесловия К. Маркса ко второму изданию первого тома «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 20). — 19.
- 11 *Бем-Баверк, Е.* — австрийский буржуазный экономист. — 20.
- 12 *«Революционный синдикализм»* — мелкобуржуазное полуанархическое течение, появившееся в рабочем движении ряда стран Западной Европы в конце XIX века.

Синдикалисты отрицали необходимость политической борьбы рабочего класса, руководящую роль партии и диктатуру пролетариата. Они считали, что профсоюзы (синдикаты), путем организации всеобщей стачки рабочих, без революции могут свергнуть капитализм и взять в свои руки управление производством. — 24.

- 13 *«Голос Социал-Демократа»* — газета, заграничный орган меньшевиков-ликвидаторов; выходила с февраля 1908 года по декабрь 1911 года сначала в Женеве, затем в Париже. — 26.
- 14 *«Die Neue Zeit»* («Новое Время») — журнал германской социал-демократии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. В 1885—1895 годах в *«Die Neue Zeit»* были опубликованы некоторые статьи Ф. Энгельса. Он часто давал указания редакции журнала и резко критиковал ее за отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал систематически печатал статьи ревизионистов. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) занимал центристскую kautскианскую позицию, поддерживал социал-шовинистов. — 31.
- 15 *Думбадзе, И. А.* — генерал царской армии, черносотенец; будучи главноначальствующим города Ялты, отличился особой жестокостью и насилиями над мирным населением.
«Рижский музей» — застенки рижского сыскного отделения полиции, в котором при допросе арестованных применялись жестокие пытки. Когда действия полиции были разоблачены в печати, царское правительство, пытаясь опровергнуть факты пыток, заявило, что имевшиеся в отделении орудия пытки собраны «с музейной целью». В связи с этим рижский застенок был прозван «рижским музеем». — 31.
- 16 *Закон 11 (24) декабря 1905 года* — избирательный закон по выборам в I Государственную думу. По этому закону избиратели разбивались на 4 курии: землевладельческую (помещики), городскую (буржуазия), крестьянскую и рабочую. Один голос помещика приравнивался к 3 голосам представителей городской буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Закон обеспечивал громадное преобладание в Думе кучки помещиков и капиталистов. — 31.
- 17 Имеется в виду «Введение» Ф. Энгельса к брошюре К. Маркса «Классовая борьба во Франции» (см. К. Маркс. «Классовая борьба во Франции», 1940, стр. 9—13). — 32.
- 18 *Стрельцов, Р. Е.* — социал-демократ, ревизионист. — 32.
- 19 *«Frankfurter Zeitung»* («Франкфуртская Газета») — немецкая буржуазная газета; издавалась во Франкфурте-на-Майне с 1856 года. — 33.

- 20 «*Партия мирного обновления*» — буржуазно-помещичья, контрреволюционная организация; образовалась в 1906 году, объединив левых октябристов и правых кадетов. Ленин называл «партию мирного обновления» «партией мирного ограбления». — 33.
- 21 Имеются в виду переговоры кадетов с Треповым (товарищ министра внутренних дел) о возможности создания кадетского министерства. — 33.
- 22 Настоящая статья была написана В. И. Лениным для ознакомления польских социал-демократов с равногласиями внутри РСДРП и напечатана в № 2 журнала «*Przegląd Socjaldemokratyczny*» в апреле 1908 года.
- «*Przegląd Socjaldemokratyczny*» («Социал-демократическое Обозрение») — журнал; издавался польскими социал-демократами при ближайшем участии Р. Люксембург в Кракове с 1902 по 1904 год и с 1908 по 1910 год. — 35.
- 23 «*Столичная Почта*» — левокадетская ежедневная газета; выходила в Петербурге с октября 1906 года по февраль 1908 года. — 35.
- 24 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Международные обзоры. III. От мая до октября» (Сочинения, т. VIII, 1931, стр. 258—262). — 36.
- 25 III съезд РСДРП состоялся в Лондоне 12—27 апреля (25 апреля—10 мая) 1905 года. Съезд был подготовлен и созван большевиками под руководством Ленина. Это был первый большевистский съезд.

Порядок дня III съезда РСДРП, разработанный Лениным, был следующий: I. Доклад Организационного комитета. II. Вопросы тактические: 1) вооруженное восстание; 2) отношение к политике правительства накануне и в момент переворота (этот пункт был посвящен двум вопросам: а) отношение к политике правительства накануне переворота; б) о временном революционном правительстве); 3) отношение к крестьянскому движению. III. Вопросы организационные: 4) отношения рабочих и интеллигентов в партийных организациях; 5) устав партии. IV. Отношение к другим партиям и течениям: 6) отношение к отколовшейся части РСДРП; 7) отношение к национальным социал-демократическим организациям; 8) отношение к либералам; 9) практические соглашения с социалистами-революционерами. V. Внутренние вопросы партийной жизни: 10) пропаганда и агитация. VI. Отчеты делегатов: 11) отчет ЦК; 12) отчеты делегатов местных комитетов. VII. Выборы: 13) выборы; 14) порядок оглашения революций и протоколов съезда и вступления должностных лиц в должность.

По всем основным вопросам III съезда Ленин написал еще до съезда проекты революций и обосновал их в своих статьях,

напечатанных в газете «Вперед». Ленин выступал на съезде по вопросу о вооруженном восстании, об участии социал-демократии во временном революционном правительстве, об отношении к крестьянскому движению, об уставе партии и по ряду других вопросов. В протоколах съезда записано 138 выступлений и предложений Ленина.

Съезд изменил устав партии: а) принял § 1 устава в ленинской формулировке; б) точно определил права ЦК и его отношения с местными комитетами; в) изменил организационное построение центральных органов партии: вместо трех центров (ЦК, ЦО и Совета партии) съезд создал единственный полноправный партийный центр — Центральный Комитет.

О работе и значении III съезда партии см. статью Ленина «Третий съезд» (Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 409—415), книгу «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 1—119), а также «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 60—73. — 40.

- 26 V съезд РСДРП состоялся в Лондоне 30 апреля—19 мая (13 мая—1 июня) 1907 года. На съезде присутствовало 336 делегатов с решающим и совещательным голосом. Из них: большевиков — 105, меньшевиков — 97, бундовцев — 57, польских социал-демократов — 44, латышских социал-демократов — 29, «внефракционных» — 4. Большевики вели за собой поляков и латышей и имели устойчивое большинство на съезде. В числе делегатов были Ленин, Сталик, Шаумян, Дубровинский, Ворошилов, Ярославский.

Съезд обсудил вопросы: 1) Отчет Центрального Комитета. 2) Отчет думской фракции и ее организация. 3) Отношение к буржуазным партиям. 4) Государственная дума. 5) «Рабочий съезд» и беспартийные рабочие организации. 6) Профессиональные союзы и партия. 7) Партизанские выступления. 8) Безработица, экономический кризис и локауты. 9) Организационные вопросы. 10) Международный конгресс в Штутгарте (1 мая, милитаризм). 11) Работа в армии. 12) Разное. Одним из основных вопросов съезда был вопрос об отношении к буржуазным партиям, с докладом по которому выступил Ленин. По всем принципиальным вопросам съезд принял большевистские резолюции. На съезде был избран Центральный Комитет в составе 5 большевиков, 4 меньшевиков, 2 польских и 1 латышского социал-демократов. Кандидатами в члены ЦК избраны 10 большевиков, 7 меньшевиков, 3 польских и 2 латышских с.-д.

Съезд означал крупную победу большевизма над оппортунистическим крылом партии — меньшевиками. О V съезде РСДРП см. статью В. И. Ленина «Отношение к буржуазным партиям» (Сочинения, 4 изд., том 12, стр. 438—456) и работу И. В. Сталина «Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии (*Записки делегата*)» (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 2, 1946, стр. 46—77). — 40.

- 27 См. Ф. Энгельс. «Развитие социализма от утопии к науке», 1940, стр. 24 и 27. — 43.

- 28 *ППС (Польская социалистическая партия)* — мелкобуржуазная националистическая партия, основанная в 1893 году. Положив в основу программы борьбу за независимую Польшу, ППС вела сепаратистскую, националистическую пропаганду среди польских рабочих и стремилась отвлечь их от совместной борьбы с русскими рабочими против самодержавия и капитализма. Под влиянием революции в России ППС в 1906 году раскололась на две фракции: «левицу» ППС и «правую» ППС («фракция»). «Левизна», не отвергая полностью национализма, отказалась от ряда националистических требований и террористических методов борьбы. В тактических вопросах она была близка к русским меньшевикам-ликвидаторам и вместе с ними вела борьбу против большевиков. В годы первой мировой войны часть «левицы» встала на интернационалистскую позицию и сблизилась с польской с.-д. партией; в декабре 1918 года они образовали коммунистическую партию Польши.
- «Правизна», возглавлявшаяся Пилсудским, продолжила политику национал-шовинизма; впоследствии из нее возродилась ППС. С образованием польского буржуазного государства в 1918 году ППС, став правительственной партией, проводила антисоветскую политику и поддерживала порабощение народов Западной Украины и Западной Белоруссии. Во время второй мировой войны реакционно-шовинистическая часть ППС встала на путь сотрудничества с фашистами, другая часть вместе с польской рабочей партией и польскими патриотами вела борьбу за освобождение Польши от фашистского порабощения и установление дружественных связей с СССР. — 45.
- 29 *Дубасов, Ф. В.* — московский генерал-губернатор, подавивший декабрьское вооруженное восстание 1905 года. — 49.
- 30 «*Выборгский манифест*» или «Выборгское воззвание» — обращение членов I Государственной думы «Народу от народных представителей», принятое 9—10 (22—23) июля 1906 года на совещании в Выборге, куда съехалось около 200 депутатов, главным образом кадетов, после разгона I Думы. Воззвание призывало народ оказать правительству «пассивное сопротивление» — не платить податей и не давать рекрутов до тех пор, пока царь не назначит новых выборов в Думу. В сентябре 1906 года съезд кадетской партии открыто признал применение «пассивного сопротивления» «фактически неосуществимым». — 49.
- 31 «*Союз освобождения*» — либерально-монархическая организация, основанная П. Струве за границей в 1904 году. «Освобожденцы» были сторонниками конституционной монархии, стремились войти в сделку с царским правительством, прикрывая свою борьбу против революции фальшивым «демократизмом». Позднее «освобожденцы» составили ядро партии кадетов. — 50.
- 32 Работа «*Аграрный вопрос в России к концу XIX века*» написана В. И. Лениным в 1908 году для энциклопедического словаря, издаваемого товариществом братьев Гранат, но по цензурным

условиям не была опубликована. Впервые эта работа была издана в Москве отдельной брошюрой в 1918 году книгоиздательством «Жизнь и Знание».

При написании этой работы Ленин использовал цифровые статистические данные и таблицы по аграрному вопросу из своих произведений «Развитие капитализма в России» и «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» (см. Сочинения, 4 изд., том 3 и том 13, стр. 195—396). — 53.

33 Имеется в виду книга «Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России». СПб., издание Центрального статистического комитета министерства внутренних дел, 1907. — 55.

34 Имеется в виду статья Н. А. Рубакина «Наша правящая бюрократия в цифрах», напечатанная в газете «Сын Отечества» № 54, 20 апреля (3 мая) 1905 г. — 58.

35 Разряды крестьян, перечисляемые здесь В. И. Лениным, существовали в царской России как остатки крепостнических и полукрепостнических отношений.

Чиншевики — крестьяне, пользовавшиеся чиншевым правом — правом вечнонаследственного владения землей, облагавшиеся почти неизменным оброком — чиншем. Чиншевые отношения были распространены главным образом в Польше, Литве, Белоруссии и причерноморских частях Украины.

Резеши — мелкие земельные собственники в Молдавии и Бессарабии.

Тептяри — ново-башкиры — переселенцы с Урала и Поволжья, осевшие на территории Башкирии. — 60.

36 Имеется в виду «Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. I. Саратовский уезд». Саратов, издание Саратовского губернского земства, 1883. — 60.

37 Имеется в виду книга: «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens». Auf Kosten der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften herausgegeben von K. E. Baer und Helmersen, St. Petersburg, 1845 («Очерки по изучению русского государства и прилегающих к нему стран Азии». Изданы на средства Императорской Академии Наук под редакцией К. Е. Бера и Гельмерсена, С.-Петербург, 1845). — 64.

38 Полное название книги — «Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих, в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях». Составил С. А. Короленко. СПб., 1892 (Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев, вып. V). — 67.

- 39 *Скопщина* — так называлась в ряде районов царской России натуральная кабальная аренда, когда арендатор уплачивал землевладельцу «с копны» половину, а иногда и более, урожая и сверх того отдавал ему часть своего труда в виде разнообразных «отработков». — 70.
- 40 Имеются в виду следующие книги:
- 1) В. Орлов. «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии», М., издание Московского губернского земства, 1879 (Сборник статистических сведений по Московской губернии, т. 4, вып. 1);
 - 2) В. Триогов. «Община и подать. (Собрание исследований)», СПб., 1882;
 - 3) Johannes Keussler. «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland», Teil 1—3, 1876—1887 (Иоганн Кейслер. «К истории и критике крестьянского общинного землевладения в России», часть 1—3, 1876—1887);
 - 4) В. В. «Крестьянская община» (см. «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики», т. I, М., 1892).
- В. В.* — псевдоним В. П. Воронцова, одного из идеологов либерального народничества 80—90-х годов XIX века. — 74.
- 41 «*Северный Вестник*» — литературно-научный и политический журнал либерального направления; выходил в Петербурге с 1885 по 1898 год. В первые годы издания в журнале печатались статьи народников: Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова, В. П. Воронцова, С. Н. Кривенко и др. С 1891 года журнал фактически стал органом русских символистов и декадентов и проповедывал идеализм и мистицизм. — 75.
- 42 Имеется в виду работа Н. Карышева «Крестьянские внаемные аренды» (см. «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики», т. II, Дрпт, 1892). — 79.
- 43 *Ник.* — он — псевдоним Н. Ф. Даниельсона, одного из идеологов либерального народничества 80—90-х годов XIX века. — 80.
- 44 Имеется в виду «Сборник оценочных сведений по крестьянскому землевладению в Землянском, Задонском, Коротоякском и Нижнедевицком уездах». Приложение к томам III, IV, V и VI «Сборника статистических сведений по Воронежской губернии», Воронеж, издание Воронежского губернского земства, 1889. — 89.
- 45 Очерк Д. Н. Жбанкова «Бабыя сторона» напечатан в книге «Материалы для статистики Костромской губернии», вып. 8, Кострома, издание Костромского губернского статистического комитета, 1891. — 91.

- 46 «*Вестник Европы*» — ежемесячный журнал; выходил в Петербурге с 1866 года до лета 1918 года. Журнал проводил взгляды русской либеральной буржуазии; с начала 90-х годов вел систематическую борьбу против марксизма. — 95.
- 47 Эти данные приведены в книге «Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии», т. 8, вып. 1, Самара, издание Самарского губернского земства, 1892. — 99.
- 48 Имеется в виду статья М. С. Уварова «О влиянии отхожего промысла на санитарное положение России», напечатанная в журнале «Вестник Общественной Гигиены, Судебной и Практической Медицины» в июле 1896 года. — 101.
- 49 Ленин приводит цифровые данные из статьи Н. Ф. Руднева «Промыслы крестьян в Европейской России», напечатанной в 1894 году в №№ 6 и 11 «Сборника Саратовского земства». — 101.
- 50 Имеется в виду книга Н. И. Тезякова «Сельскохозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губернии», Херсон, издание Херсонской губернской земской управы, 1896. — 103.
- 51 Ленин приводит данные из книги Н. А. Благовещенского «Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. Т. I. Крестьянское хозяйство», М., 1893. — 112.
- 52 См. К. Маркс. «Нищета философии», 1941, стр. 131—141. — 116.
- 53 См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 2, 1936, стр. 8—9. — 119.
- 54 «*Революционная Мысль*» — орган группы эсеров; выходил за границей с апреля 1908 года по декабрь 1909 года. Вышло шесть номеров. — 127.
- 55 «*Знамя Труда*» — центральный орган партии эсеров; выходил с июля 1907 года по апрель 1914 года. — 127.
- 56 «*Плевенские порядки*» — жестокий политический режим, введенный в России в 1902 году министром внутренних дел В. К. Плеве в целях борьбы с революционным движением. — 132.
- 57 Автореферат «*Аграрная программа социал-демократии в русской революции*» является кратким изложением книги «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» (см. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 195—396). Реферат был написан В. И. Лениным для ознакомления польских социал-демократов с разногласиями в РСДРП по аграрному вопросу и опубликован в № 6 журнала «*Przegląd Socjal-demokratyczny*» («Социал-демократическое Обновление») в августе 1908 года. — 135.

- 58 *Джон* — меньшевик П. П. Маслов. — 139.
- 59 *Вандея* — французская провинция, где в эпоху французской буржуазной революции конца XVIII века вспыхнуло контрреволюционное восстание отсталого реакционного крестьянства против революционного Конвента. Восстание проходило под религиозными лозунгами и руководилось контрреволюционным духовенством и помещиками. — 139.
- 60 *Костров* — лидер кавказских меньшевиков Н. Н. Жордания. — 139.
- 61 «*Образование*» — ежемесячный литературный, популярно-научный и общественно-политический журнал; выходил в Петербурге с 1892 по 1909 год. В 1902—1908 годах в журнале печатались статьи марксистов. — 140.
- 62 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIX, ч. II, 1947, стр. 167—168. — 141.
- 63 См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 2, 1936, стр. 8—9. — 142.
- 64 «*Заря*» — марксистский научно-политический журнал; издавался в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Вышло 4 номера — три книги.
В «Заре» напечатаны статьи Ленина: «Случайные заметки», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса» (под заглавием «Г. «критики» в аграрном вопросе)», «Внутреннее обозрение» и «Аграрная программа русской социал-демократии». — 146.
- 65 «*Жизнь*» — ежемесячный журнал; издавался в Петербурге с 1897 по 1901 год; в 1902 году выходил за границей. С 1899 года журнал являлся органом «легальных марксистов». — 146.
- 66 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIX, ч. II, 1947, стр. 375—377, 373—374, 370 и 371. — 147.
- 67 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIX, ч. II, 1947, стр. 359—365. — 148.
- 68 См. К. Маркс. «Нищета философии», 1941, стр. 131—141. — 148.
- 69 См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 1, 1936, стр. 138. — 148.
- 70 Ленин цитирует письмо К. Маркса Л. Кугельману от 12 апреля 1871 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 263). — 155.
- 71 «*Пшеглонд*» — «Przegląd Socjaldemokratyczny» («Социал-демократическое Обозрение») — журнал польских социал-демократов. — 155.

- 72 *Ляхов, В. П.* — полковник царской армии, командовал русскими войсками, подавлявшими национально-революционное движение в Персии в 1908 году. — 160.
- 73 *«L'Humanité»* («Человечество») — ежедневная газета, основанная Ж. Жоресом в 1904 году как орган Французской социалистической партии. Вскоре после раскола социалистической партии на конгрессе в декабре 1920 года и образования коммунистической партии Франции газета стала ее органом. «Юманите» выходит в Париже и в настоящее время как Центральный Орган коммунистической партии. — 163.
- 74 Настоящая заметка была напечатана в газете «Пролетарий» в качестве послесловия к очерку «Как Петр Маслов исправляет черновые наброски Карла Маркса» (см. «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 272—279). — 166.
- 75 См. статьи В. И. Ленина «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 59—65 и 66—77). — 169.
- 76 Статья «*Мирная демонстрация английских и немецких рабочих*» была написана В. И. Лениным по поводу рабочего собрания, происходившего в Берлине 7 (20) сентября 1908 года в знак протеста против растущей опасности войны. Статья предназначалась для № 36 газеты «Пролетарий», но не была опубликована. — 187.
- 77 «*Vorwärts*» («Вперед») — центральный орган германской социал-демократии; газета начала выходить с 1876 года под редакцией В. Либкнехта и др. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в газете «*Vorwärts*» систематически печатались статьи оппортунистов, господствовавших в германской социал-демократии и во II Интернационале. — 189.
- 78 Имеется в виду решение Петербургского комитета РСДРП, опубликованное в отделе «Из партии» газеты «Пролетарий» № 36, 3 (16) октября 1908 года. Петербургский комитет приказывал социал-демократические группы студенчества публично отмежеваться от обращения коалиционного студенческого совета и подчинить студенческое движение задачам социал-демократии в общенародной борьбе с царизмом. — 195.
- 79 *Берлинский трактат* — договор, утвержденный 13 июля (н. ст.) 1878 года конгрессом представителей правительств России, Англии, Австро-Венгрии, Германии, Франции, Италии и Турции после русско-турецкой войны 1877—1878 годов. — 201.
- 80 «*Новое Время*» — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 года по октябрь 1917 года. Вначале умеренно-либераль-

ная, с 1876 года она превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. Газета вела борьбу не только против революционного, но и против либерально-буржуазного движения. С 1905 года стала одним из органов черносотенцев. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. — 203.

- 81 *Международное социалистическое бюро (МСБ)* — исполнительный орган II Интернационала; создано по решению Парижского конгресса 1900 года. С 1905 года Ленин входил в состав МСБ представителем РСДРП. — 209.
- 82 Имеется в виду бюллетень, издававшийся в Берлине группой меньшевиков под названием «Russisches Bulletin» («Русский Бюллетень»). Бюллетень выходил с 1907 по 1916 год. — 209.
- 83 *Заграничное Бюро Центрального Комитета (ЗБЦК)* создано пленумом ЦК РСДРП в августе 1908 года в качестве общепартийного представительства за границей, подчиненного Русскому Бюро ЦК.
- Вскоре после январского пленума ЦК 1910 года в составе ЗБЦК сложилось ликвидаторское большинство, и ЗБЦК стало центром собрания антипартийных сил. Ликвидаторская тактика ЗБЦК вынудила большевиков отозвать в мае 1911 года из его состава своего представителя (Александрова — Н. А. Семашко). Позднее были отозваны представители польской и латышской социал-демократии.
- В январе 1912 года ЗБЦК самоликвидировалось. — 210.
- 84 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 396—399 и 414—416; Сочинения, т. XXVIII, 1940, стр. 319—321. — 214.
- 85 *Сионисты-социалисты* («Сионистско-социалистическая рабочая партия») — мелкобуржуазная еврейская националистическая организация, образовалась в 1904 году. Сионисты-социалисты стремились изолировать еврейских рабочих от революционной борьбы международного пролетариата и проповедывали соглашение с буржуазией для борьбы за создание еврейского государства. — 220.
- 86 *Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП)* — мелкобуржуазная националистическая организация, образовалась в 1906 году. В основе программы СЕРП было требование национальной автономии евреев — создания экстерриториальных еврейских парламентов (сеймов), полномочных решать вопросы политического устройства евреев в России. СЕРП была близка к эсерам и вместе с ними вела борьбу против РСДРП. — 220.
- 87 *Скворцов, А. И.* — буржуазный экономист, автор ряда работ по сельскому хозяйству. Взгляды Скворцова Ленин неоднократно критиковал в своих произведениях (см. Сочинения, 4 изд., том 1, стр. 181, 453—455 и том 3, стр. 32). — 224.

- 88 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIX, ч. II, 1947, стр. 324. — 225.
- 89 Настоящая статья написана в ответ на статью П. Маслова, напечатанную в сентябре 1908 года в № 7 журнала польских социал-демократов «Przegląd Socjaldemokratyczny» («Социал-демократическое Обновление») под заголовком «По вопросу аграрной программы. (Ответ Ленину)». Маслов выступал против большевистской программы, изложенной Лениным в автореферате «Аграрная программа социал-демократии в русской революции» (см. настоящий том, стр. 135—158), и ващищал аграрную программу меньшевиков. — 232.
- 90 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Законопроект о феодальных поборах» (Сочинения, т. VI, 1930, стр. 335—340) и «Манифест против Криге» (Сочинения, т. V, 1929, стр. 99—102). — 238.
- 91 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 369—370. — 248.
- 92 В 1878 году турецкий султан Абдул-Гамид распустил парламент. Только в 1908 году, после буржуазной революции, в Турции была восстановлена конституция и созван парламент. — 249.
- 93 *Отзовистами* называли часть большевиков (Богданов, Покровский, Луначарский, Бубнов и др.), выступивших с требованием отъезда социал-демократических депутатов из III Государственной думы и прекращения работы в легальных организациях. Отзовизм явился прямым продолжением бойкотизма — оппортунистического течения внутри большевизма в 1907 году, возглавлявшегося Богдановым и Каменевым. В 1908 году отзовисты образовали особую группу и повели борьбу против Ленина. Отзовисты решительно отказывались от участия в Думе, в рабочих профессиональных союзах, кооперативах и других массовых легальных и полуполигальных организациях и стремились замкнуться в рамках нелегальной организации. Прикрываясь «революционной» фразой, отзовисты на деле проводили линию ликвидаторов: они пытались лишить партию возможности использовать легальные формы борьбы, оторвать ее от беспартийных масс и поставить под удар реакции. Ленин называл отзовистов «ликвидаторами нового вида», «меньшевиками наизнанку».
- Разновидностью отзовизма являлся ультиматизм. Ультиматисты отличались от отзовистов лишь по форме. Они предлагали предварительно предъявить с.-д. думской фракции ультиматум, и в случае его невыполнения отозвать с.-д. депутатов из Думы.
- Ультиматизм фактически являлся прикрытым, маскировавшимся отзовизмом. Ленин называл ультиматистов «стыдливymi отзовистами».

Весной 1909 года отзовисты, ультиматисты и богостроители создали инициативную группу по организации антипартийной школы на острове Капри (Богданов, Алексинский, Луначарский и др.). Фактически эта группа являлась центром антипартийной фракции отзовистов, ультиматистов и богостроителей.

Совещание расширенной редакции «Пролетария» в июне 1909 года приняло решение, что «большевизм, как определенное течение в РСДРП, ничего общего не имеет с отзовизмом и ультиматизмом», и призвало большевиков вести самую решительную борьбу с этими уклонами от революционного марксизма. Вдохновитель отзовистов Богданов (Максимов) был исключен из рядов большевиков. — 261.

- 94 *Буланжизм* — реакционно-шонинистическое движение во Франции последней четверти XIX века, названное по имени возглавлявшего его генерала Буланже.

Критикой политики правящей партии умеренных республиканцев и мнимой борьбой против монархистов Буланже пытался завоевать авторитет среди мелкой буржуазии и пролетариата и использовать их недовольство правительством в карьеристских целях. Тайно Буланже имел связь с монархистами и получал от них субсидии.

Буланжистское движение не получило поддержки масс и вскоре распалось. — 269.

- 95 «*Сведущие люди*» или «сведущие лица» — выступали в роли советников социал-демократической фракции III Государственной думы. В большинстве это были ликвидаторы — Е. Смирнов, А. Потресов, С. Прокопович и др.

Пользуясь тем, что руководящие деятели большевистской партии находились в подполье и не могли легально принимать участия в работе думской фракции, «сведущие лица» пытались направить ее деятельность по пути меньшевизма.

На совещании расширенной редакции «Пролетария» в июне 1909 года Ленин предложил легализовать несколько большевиков для оказания помощи думской фракции. Совещание постановило создать комиссию содействия думской фракции и избрало в ее состав В. И. Ленина. — 272.

- 96 «*Россия*» — ежедневная полицейски-черносотенная газета; выходила в Петербурге с 1905 по 1914 год; с 1906 года — официальный орган министерства внутренних дел. — 274.

- 97 *Угрюм-Бурчеев* — тип тупого и ограниченного сановника, выведенный в произведении М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». — 279.

- 98 *Совет объединенного дворянства* — контрреволюционная помещичья организация; образовалась в мае 1906 года.

Совет оказывал большое влияние на политику правительства. В период III Государственной думы значительное число членов Совета входило в Государственный совет и руководящие центры черносотенных организаций. — 280.

- 99 *Джордж, Генри* — американский буржуазный экономист и публицист. Критика взглядов Джорджа дана К. Марксом в письме к Ф. Зорге 20 июня 1881 года и Ф. Энгельсом в предисловии к американскому изданию книги «Положение рабочего класса в Англии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 349—351; Сочинения, т. XVI, ч. I, 1937, стр. 284—292). — 285.
- 100 Проект речи Белоусова по аграрному вопросу был написан Лениным. Статистические сопоставления и цифровые данные, приведенные Белоусовым, взяты из неопубликованных в то время работ Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» (см. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 195—396) и «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (см. настоящий том, стр. 53—125). — 288.
- 101 *Пятая (общероссийская) конференция РСДРП* состоялась в Париже 21—27 декабря 1908 года (3—9 января 1909 года). На конференции были представлены крупнейшие партийные организации: петербургская, уральская, кавказская, московская и центрально-промышленная областная, а также Польская социал-демократическая партия и Бунд. На конференции присутствовало 16 делегатов с решающим голосом, в том числе 5 большевиков, 3 меньшевика, 5 польских социал-демократов и 3 бундовца. Представителем от ЦК РСДРП был Ленин.
- Конференция обсудила вопросы: 1) отчеты ЦК РСДРП, ЦК Польской социал-демократической партии, ЦК Бунда, петербургской организации, московской и центрально-промышленной областной, уральской и кавказской организаций РСДРП; 2) современное политическое положение и задачи партии; 3) о думской социал-демократической фракции; 4) организационные вопросы в связи с изменившимися политическими условиями; 5) объединение на местах с национальными организациями; 6) заграничные дела; и другие.
- На конференции Ленин выступал с докладом «О современном моменте и задачах партии» и с речами о думской фракции, по организационному и другим вопросам. На конференции большевики вели борьбу против двух видов оппортунизма в партии: «против ликвидаторов, прямых противников партии, и против отзовистов, скрытых недругов партии». По предложению Ленина конференция осудила ликвидаторство и призвала все партийные организации к решительной борьбе с попытками ликвидировать партию. О конференции см. статью В. И. Ленина «На дорогу» (настоящий том, стр. 316—326). — 291.
- 102 Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 301.
- 103 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIX, ч. II, 1947, стр. 343—377. — 306.
- 104 *Эрфуртская программа* — программа германской социал-демократии, принятая на съезде в Эрфурте в октябре 1891 года. — 306.

- 105 Имеется в виду заявление Плеханова о выходе из редакции ликвидаторского органа — газеты «Голос Социал-Демократа». Оно было напечатано в подготовлявшемся к выходу № 10—11 этого органа. После дополнительных переговоров с Плехановым его заявление было изъято из верстки газеты, а упоминание о нем в оглавлении — выклеено. Однако конфликт не был ликвидирован окончательно. В мае 1909 года в № 14 газеты «Голос Социал-Демократа» было опубликовано письмо Плеханова, в котором он извещал читателей о своем формальном выходе из редакции. — 329.
- 106 *«Вперед»* — нелегальная большевистская еженедельная газета; издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 (4 января 1905) года по 5 (18) мая 1905 года. Вышло 18 номеров. Организатором, идейным вдохновителем и руководителем газеты был В. И. Ленин. В состав редакции входили В. В. Воровский, М. С. Ольминский и А. В. Луначарский.
III съезд РСДРП в специальной резолюции отметил выдающуюся роль газеты «Вперед» в борьбе с меньшевизмом за восстановление партийности, в постановке и освещении вопросов, выдвинутых начавшейся революцией, и выразил благодарность редакции газеты. — 331.
- 107 *«Партийные Известия»* — газета, орган Объединенного ЦК РСДРП; выходила нелегально в Петербурге накануне IV (Объединительного) съезда партии. Вышло два номера: 7 (20) февраля и 20 марта (2 апреля) 1906 года. Редакция «Партийных Известий» была создана на равных началах из редакторов большевистской газеты «Пролетарий» и меньшевистской газеты — новая «Искра». В состав редакции от большевиков входили Ленин, Луначарский и другие. После IV съезда партии издание «Партийных Известий» было прекращено. — 334.
- 108 *«Народная Дума»* — ежедневная меньшевистская газета; выходила в Петербурге в марте — апреле 1907 года. — 337.
- 109 Имеется в виду резолюция о политическом положении в стране и задачах партии, принятая VI съездом социал-демократии Польши и Литвы, происходившим в Праге (предместье Варшавы) в декабре 1908 года.
Съезд дал отпор ликвидаторским тенденциям и подтвердил, что основной задачей социал-демократии является борьба за завоевание политической власти пролетариатом при помощи революционного крестьянства. — 339.
- 110 *«Социал-Демократ»* — газета, нелегальный орган Центрального Комитета РСДРП; выходила в Петербурге с 17 (30) сентября по 18 ноября (1 декабря) 1906 года. Вышло 7 номеров. Редакция газеты находилась в руках меньшевиков. — 343.
- 111 *«Новая Рейнская Газета»* («Neue Rheinische Zeitung») издавалась в Кельне с 1 июня 1848 года по 19 мая 1849 года. Руководителями газеты были К. Маркс и Ф. Энгельс, главным

редактором — К. Маркс. После выхода в свет № 301 газета, под ударами реакции, прекратила свое существование.

Здесь Ленин приводит цитаты из статей К. Маркса и Ф. Энгельса «Берлинские дебаты о революции» и «Законопроект о феодальных поборах», опубликованных в «Новой Рейнской Газете» 14 июня и 30 июля 1848 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, 1930, стр. 163 и 339—340). — 347.

- 112 См. Ф. Энгельс. «Развитие социализма от утопии к науке», 1940, стр. 24. — 348.
- 113 Рукопись ваголовка не имеет. Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 350.
- 114 «Возрождение» — журнал меньшевиков-ликвидаторов; выходил с декабря 1908 года по июль 1910 года в Москве. — 365.
- 115 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, 1930, стр. 163. — 366.
- 116 Ленин цитирует слова Ф. Энгельса из «Предисловия к первому немецкому изданию» работы К. Маркса «Нищета философии» (см. К. Маркс. «Нищета философии», 1941, стр. 9). — 370.
- 117 См. К. Маркс. «К критике гегелевской философии права. Введение» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, 1938, стр. 385). — 371.
- 118 См. Ф. Энгельс. «Эмигрантская литература. II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 224—230). — 372.
- 119 См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1945, стр. 299—301. — 373.
- 120 Имеется в виду «Введение» Ф. Энгельса к брошюре К. Маркса «Гражданская война во Франции» (см. К. Маркс. «Гражданская война во Франции», 1940, стр. 13). — 373.
- 121 «Вехи» — кадетский сборник, выпел в Москве в 1909 году со статьями Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве, М. Гершензона и других представителей контрреволюционной либеральной буржуазии. В своих статьях о русской интеллигенции «веховцы» пытались опорочить революционно-демократические традиции лучших представителей русского народа, в том числе Белинского и Чернышевского; оплеывали революционное движение 1905 года и благодарили царское правительство за то, что оно «своими штыками и тюрьмами» спасло буржуазию «от ярости народной». Сборник призывал интеллигенцию на службу самодержавию. Ленин сравнивал программу сборника «Вехи» и в философии и в публицистике с программой черносотенной газеты «Московские Ведомости», называя сборник «энциклопедией либерального ренегатства», «сплошным потоком реакционных помоев, вылитых на демократию». — 379.

122 *«Голос Москвы»* — ежедневная газета, орган октябристов — контрреволюционной партии крупной промышленной буржуазии и крупных помещиков; выходила в Москве с 1906 по 1915 год. — 386.

123 *Совещание расширенной редакции «Пролетария»* состоялось в Париже 8—17 (21—30) июня 1909 года. В совещании приняли участие 9 членов Большевицкого Центра (избран большевистской фракцией V (Лондонского) съезда РСДРП в 1907 году) во главе с Лениным, представители петербургской, московской областной и уральской организаций.

Совещание было созвано для обсуждения поведения отзовистов и ультиматистов.

Совещание обсудило вопросы: 1) об отзовизме и ультиматизме; 2) о богостроительских тенденциях в социал-демократической среде; 3) об отношении к думской деятельности в ряду других отраслей партийной работы; 4) задачи большевиков в партии; 5) о партийной школе, устраиваемой за границей (на Капри); 6) об агитации за отдельный от партии большевистский съезд или большевистскую конференцию; 7) об отколе т. Максимова; и другие вопросы.

Совещание проходило под руководством Ленина. Ленин выступал с речами по всем основным вопросам повестки дня. Отзовизм и ультиматизм на совещании представляли и отстаивали А. Богданов (Максимов) и В. Шанцер (Марат). Двуручническую позицию занимали Каменев, Зиновьев, Рыков, Томский.

Совещание осудило отзовизм и ультиматизм, как «ликвидаторство слева»; вдохновитель отзовизма и ультиматизма — Богданов был исключен из рядов большевиков. Совещание также осудило богостроительство и постановило вести решительную борьбу с ним, разоблачая его антимарксистский характер.

Заглавия к речам В. И. Ленина, напечатанным в настоящем томе, даны Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 391.

124 *Ст.* — *Станислав Вольский* — А. В. Соколов — лидер московских отзовистов. — 394.

125 *М. Т.* — М. П. Томский. — 398.

126 *«Партийная школа, устраиваемая за границей в Н. Н.»* — антипартийная школа, созданная Богдановым (Максимов), Алексинским и Луначарским на острове Капри (Италия) в 1909 году при участии М. Горького. Школа являлась фракционным центром отзовистов, ультиматистов и богостроителей, объединившихся для борьбы против большевизма.

Прикрываясь флагом партийности, богдановцы добились от некоторых местных социал-демократических организаций присылки в школу 13 слушателей.

Школа существовала около 4 месяцев (август — декабрь). В ноябре 1909 года часть учеников, во главе с рабочим Н. Е. Вилоновым, после того как для них стал ясен фракционный характер школы, решительно отмежевались от богдановцев.

Они послали в редакцию «Пролетария» протест против антипартийного поведения лекторов, за что были исключены из школы. По приглашению Ленина они приехали в Париж, где прослушали цикл лекций, в том числе были лекции Ленина «Современный момент и наши задачи» и «Аграрная политика Столыпина». Оставшаяся на Капри часть слушателей вместе с лекторами образовала в декабре 1909 года антипартийную группу «Вперед».

Совещание расширенной редакции «Пролетария» осудило каприйскую школу как «новый центр откалывающейся от большевиков фракции». — 398.

- 127 *Богостроительство* — враждебное марксизму литературное и религиозно-философское течение; возникло в период столыпинской реакции среди части партийных интеллигентов, отошедших от марксизма после поражения революции 1905—1907 годов.

Богостроители (Луначарский, Базаров и др.) проповедывали создание новой, «социалистической» религии, пытались примирить марксизм с религией. К ним одно время примыкал и М. Горький. Совещание расширенной редакции «Пролетария» осудило богостроительство и в особой резолюции заявило, что большевистская фракция ничего общего не имеет «с подобным извращением научного социализма».

Реакционная сущность богостроительства вскрыта Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (см. Сочинения, 4 изд., том 14) и в письмах к Горькому за февраль — апрель 1908 года и ноябрь — декабрь 1913 года. — 398.

- 128 Имеются в виду меньшевини-партийцы — небольшая группа меньшевиков во главе с Плехановым, отделившаяся от меньшевиков-ликвидаторов и выступившая против ликвидаторства.

В декабре 1908 года Плеханов вышел из редакции газеты ликвидаторов «Голос Социал-Демократа» и в августе 1909 года возобновил издание своего «Дневника Социал-Демократа». Оставаясь на позициях меньшевизма, Плеханов и его группа выступили в защиту сохранения нелегальной организации, нелегальной работы партии и стали добиваться соглашения с большевиками.

Ленин призывал большевиков всячески способствовать отделению меньшевинов-партийцев от ликвидаторов, сблизиться с ними на основе борьбы за идейность и партийность, создавать единый блок партийных элементов, в котором «разногласия не должны мешать общей работе, общему натиску, общей борьбе» за партию против ликвидаторов. Ленин принял предложение Плеханова и пошел на временный блок с ним. Вместе с большевиками плехановцы участвовали в местных комитетах, в большевистских газетах «Звезда» и «Рабочая Газета». Плеханов принимал также участие в ЦО РСДРП — газете «Социал-Демонрат».

И. В. Сталин, находившийся в сольвычегодской ссылке, целиком поддерживал блок Ленина с Плехановым, считая его выгодным для партии и губительным для ее врагов.

Ленинская тактика единого фронта с плехановцами, в которую шла часть рабочих, помогла большевикам шире распространить свое влияние в легальных рабочих организациях и вытеснить из них ликвидаторов.

В конце 1911 года Плеханов разорвал блок с большевиками. Под видом борьбы с «фракционностью» и расколом в РСДРП он пытался примирить большевиков с оппортунистами. Вместе с троцкистами, бундовцами и ликвидаторами плехановцы выступили против Пражской конференции РСДРП и начали клеветническую кампанию против большевиков. — 399.

129 *Власов* — А. И. Рыков. — 404.

130 *Частное собрание* — собрание большевиков-ленинцев, созванное Лениным накануне совещания расширенной редакции «Пролетария». На этом собрании Ленин сделал подробную информацию о положении дел в большевистской фракции, о борьбе с отзовистами, ультиматистами и богостроителями. Положения, выдвинутые Лениным в информации, явились основой резолюций совещания расширенной редакции «Пролетария». — 405.

131 *Первый Всероссийский съезд деятелей обществ народных университетов* происходил в Петербурге 3—6 (16—19) января 1908 года. Основным вопросом съезда был вопрос о деятельности народных университетов. Рабочая группа съезда, возглавляемая большевиками, внесла резолюцию с требованием введения в правления народных университетов особого представительства от рабочих организаций, признания права их определять программы занятий, наметать желаемых лекторов по общественным наукам, а также признания права преподавания на родном языке каждой национальности.

Съезд незначительным большинством голосов (110 против 105) отклонил эту резолюцию, признав ее выходящей за рамки съезда, после чего представители рабочих покинули съезд. — 412.

132 *Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений* происходил 16—21 апреля (29 апреля — 4 мая) 1908 года в Москве. На съезде присутствовали 521 делегат, в числе которых было более 45 социал-демократов (большевиков и меньшевиков).

Вопреки сопротивлению меньшевиков, большевики на съезде образовали с.-д. фракцию и возглавили борьбу представителей от профессиональных организаций и рабочей кооперации против буржуазных кооператоров, составлявших большинство съезда.

На съезде были заслушаны доклады: о международном кооперативном движении, о роли и задачах кооперативного движения, о правовом положении потребительских обществ в России и др., но обсуждение их было запрещено президиумом съезда.

После того как полицией было запрещено на съезде касаться вопросов о классовой борьбе, о профсоюзах, о положении служащих, о помощи рабочим во время стачек и локаутов, о кооперативной пропаганде, о печати и т. п., съезд был закрыт. — 412.

- 133 *Первый Всероссийский женский съезд* происходил 10—16 (23—29) декабря 1908 года в Петербурге. Среди делегатов съезда было много работниц. Под давлением работниц съезд принял резолюции о борьбе с алкоголизмом, о положении женщины-крестьянки, об охране труда женщин и детей, о промысловой кооперации, о равноправии евреев. По основному вопросу о политическом и гражданском положении женщины в современном обществе работницы внесли резолюцию, требовавшую введения всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права без различия пола, вероисповедания и национальности. Президиум съезда отказался огласить эту резолюцию и заменил ее резолюцией, составленной в либерально-буржуазном духе. В знак протеста работницы ушли со съезда. — 412.
- 134 *Первый Всероссийский съезд фабрично-заводских врачей и представителей фабрично-заводской промышленности* состоялся 1—6 (14—19) апреля 1909 года в Москве. В числе делегатов съезда было 52 рабочих, избранных профессиональными союзами, главным образом крупных промышленных центров. Выступления рабочих делегатов, среди которых преобладали большевики, имели большое политическое значение и нашли отклик во всей стране. Особенно оживленные прения на съезде вызвали два вопроса: об организации санитарного надзора (была принята предложенная большевиками революция) и о выборах фабричной инспекции рабочими. Съезд не закончил своих работ: он был закрыт полицией. — 412.
- 135 «Отклики Бунда» — неперiodический орган Заграничного комитета Бунда; выходил в Женеве с марта 1909 года по февраль 1911 года. Вышло пять номеров. — 424.
- 136 Настоящая заметка была напечатана в качестве примечания к письму М. Н. Лядова в редакцию газеты «Пролетарий», выразившему несогласие с решениями совещания расширенной редакции «Пролетария». — 430.
- 137 *Лева* — М. К. Владимиров; *Иннокентий* — И. Ф. Дубровинский. — 431.
- 138 Настоящий проект письма был написан В. И. Лениным в ответ на обращение Совета отзовистско-ультиматистской школы на острове Капри к Большевицскому Центру (расширенной редакции «Пролетария») с просьбой об оказании помощи школе литературными силами и денежными средствами. Рукопись заголовка не имеет. Заглавие дано Институтом Маркса — Энгельса — Ленина. — 433.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Март 1908 года — август 1909 года)

1908

- Март, 19*
(апрель, 1). Статья Ленина «На прямую дорогу» опубликована передовой в № 26 газеты «Пролетарий».
- Март, 26*
(апрель, 8). Статья Ленина «О «природе» русской революции» опубликована передовой в № 27 газеты «Пролетарий».
- Апрель,*
не позднее
3 (16). Ленин закончил статью «Марксизм и ревизионизм» для сборника «Карл Маркс (1818—1883)».
- Между 6 и 18 апреля (19 апреля и 1 мая).* Ленин по просьбе А. М. Горького посещает его на острове Капри, где заявляет Богданову и Луначарскому о своем расхождении с ними по вопросам философии.
- Апрель, 16 (29).* Статьи Ленина «По торной дорожке!» и «Блок кадетов с октябристами?» напечатаны в № 29 газеты «Пролетарий».
- Апрель, 24*
(май, 7). Ленин в Женеве выступает с рефератом на тему «Оценка русской революции и ее вероятное будущее».
- Апрель.* Статья Ленина «К оценке русской революции» опубликована в польском журнале «Przegląd Socjaldemokratyczny» № 2.
- Май, 1 (14).* Ленин в Париже выступает с рефератом о характере русской революции на собрании, организованном бюро Парижской социал-демократической группы.
- Начало мая.* Ленин участвует в заседании бюро Парижской социал-демократической группы, где было вынесено решение об оказании содействия социал-демократам, арестованным в Швейцарии по делу тифлисской экспроприации.

- Май, 10 (23).* В № 30 газеты «Пролетарий» опубликованы статьи Ленина «Кадеты второго призыва» (передовая) и «К оценке русской революции» (перепечатана из польского журнала «Przegląd Socjal-demokratyczny» № 2).
- Май.* Ленин работает в Британском музее в Лондоне над книгой «Материализм и эмпириокритицизм».
- Май — первая половина июня.* Ленин пишет «Десять вопросов референту» в качестве тезисов для выступления И. Ф. Дубровинского (Иннокентия) на реферате А. Богданова в Женеве.
- Июнь, 18 (июль, 1).* Ленин закончил работу «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» для энциклопедического словаря, издававшегося товариществом братьев Гранат. Работа по цензурным условиям в то время не была опубликована и вышла отдельной брошюрой лишь в 1918 году.
- Ленин пишет В. В. Воровскому в Одессу письмо по поводу обострения философских разногласий и назревания раскола с группой Богданова.
- Июнь.* По предложению Ленина в газете «Пролетарий» открывается дискуссия по вопросу об отзовизме.
- Июль, 2 (15).* Статья Ленина «О некоторых чертах современного распада» опубликована передовой в № 32 газеты «Пролетарий».
- Июль, 5 (18).* Ленин закончил автореферат «Аграрная программа социал-демократии в русской революции» (напечатан в польском журнале «Przegląd Socjal-demokratyczny» № 6, август 1908 г.).
- Июль, 23 (август, 5).* В № 33 газеты «Пролетарий» опубликованы статьи Ленина «Горючий материал в мировой политике» (передовая), «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии» и очерк «Как Петр Маслов исправляет черновые наброски Карла Маркса».
- Август, 11—13 (24—26).* Ленин в Женеве участвует на пленуме Центрального Комитета РСДРП; выступает с разоблачением попытки меньшевиков ликвидировать ЦК путем замены его информационным бюро. Ленин избирается от большевиков в редакцию Центрального Органа партии.

- Август.* Ленин на заседании редакции газеты «Пролетарий» предлагает Богданову открыто выступить в печати с изложением своих взглядов.
- Сентябрь, 11 (24).* Статья Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции» опубликована передовой в № 35 газеты «Пролетарий».
- Между 25 сентября и 2 октября (8 и 15 октября).* Статья Ленина «Марксизм и ревизионизм» опубликована в сборнике «Карл Маркс (1818—1883)», вышедшем в Петербурге.
- Сентябрь, 27 (октябрь, 10).* Ленин принимает участие в работе конференции журналистов-социалистов в Брюсселе.
Ленин в Брюсселе в «Народном доме» присутствует на международном митинге, посвященном борьбе пролетариата за сохранение мира.
- Сентябрь, 28 (октябрь, 11).* Ленин принимает участие в заседании Международного социалистического бюро в Брюсселе; выступает с критикой резолюции Каутского о допущении в Интернационал английской Рабочей партии (лейбористов) и высказывается против принятия сионистов-социалистов в русскую подсекцию Интернационала.
- Сентябрь, 29 (октябрь, 12).* Ленин в Брюсселе присутствует на заседании Международной конференции социалистов — членов парламентских фракций.
- Сентябрь.* Ленин пишет предисловие к книге «Материализм и эмпириокритицизм».
- Октябрь, до 3 (16).* Ленин написал статью «Мирная демонстрация английских и немецких рабочих» для № 36 газеты «Пролетарий».
- Октябрь, 3 (16).* Статья Ленина «Студенческое движение и современное политическое положение» опубликована передовой в № 36 газеты «Пролетарий».
- Октябрь, 14 (27).* Ленин в письме А. И. Елизаровой сообщает об окончании работы над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» и просит дать надежный адрес для посылки рукописи.
- Октябрь, 16 (29).* В № 37 газеты «Пролетарий» опубликованы статьи Ленина «События на Балканах и в Персии», «Заседание Международного социалистического бюро» и «П. Маслов в истерике».

- Октябрь, 28 (ноябрь, 10).* Ленин отвергает предложение меньшевиков о сотрудничестве в предполагавшемся к изданию меньшевистском сборнике.
- Октябрь — ноябрь.* Статья Ленина «Несколько замечаний по поводу «Ответа» П. Маслова» опубликована в польском журнале «Przegląd Socjaldemokratyczny» № 8—9.
- Октябрь — декабрь.* Ленин руководит подготовкой к Пятой (общероссийской) конференции РСДРП.
- Ноябрь, 1 (14).* Статья Ленина «Об оценке текущего момента» опубликована в № 38 газеты «Пролетарий».
- Ноябрь, до 4 (17).* Ленин посылает по конспиративному адресу для легального издания в Москве рукопись книги «Материализм и эмпириокритицизм».
- Ноябрь, 13 (26).* Статьи Ленина «Как Плеханов и К^о ващищают ревизионизм» и «По поводу двух писем» опубликованы в № 39 газеты «Пролетарий».
- Между 29 ноября и 1 декабря (12 и 14 декабря).* Ленин и Крупская переезжают из Женевы в Париж, куда переносится издание газеты «Пролетарий».
- Декабрь, 1 (14).* Статья Ленина «Аграрные прения в III Думе» опубликована в № 40 газеты «Пролетарий».
- Декабрь, 21 (3 января 1909 года).* Ленин принимает участие в заседании пленума ЦК РСДРП в Париже.
- Декабрь, 21—27 (3—9 января 1909 года).* Ленин участвует в работах Пятой (общероссийской) конференции РСДРП в Париже, выступает с докладом «О современном моменте и задачах партии», вносит проект резолюции по этому вопросу и поправки к проектам резолюций по другим вопросам.
- Декабрь, 27—29 (9—11 января 1909 года).* Ленин участвует в работах пленума ЦК РСДРП, где утверждаются резолюции Пятой (общероссийской) конференции РСДРП.
- Декабрь.* Ленин в Париже читает реферат о современном положении в России.

1909

- Начало года.* Ленин читает лекции по философии в кружке большевиков в Париже.
- Январь, 7 (20).* Статья Ленина «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам» опубликована в № 41 газеты «Пролетарий».
- Январь, 22 (февраль, 4).* Ленин в Париже выступает с докладом о политическом положении в России.
- Январь, 28 (февраль, 10).* Статья Ленина «На дорогу» опубликована передовой в № 2 газеты «Социал-Демократ».
- Февраль, 1 (14).* Ленин на заседании редакции газеты «Пролетарий» требует открытого выступления редакции против богостроительства, проповедуемого Луначарским.
- Февраль, 12 (25).* В № 42 газеты «Пролетарий» опубликовано примечание Ленина к статье «К очередным вопросам», направленное против отзовизма.
- Февраль, 17—23 (март, 2—8).* Ленин отдыхает в Ницце.
- Март, 5 (18).* Ленин в Париже на собрании эмигрантов выступает с речью о Парижской Коммуне 1871 года.
- Март, 9 и 21 (март, 22 и апрель, 3).* В №№ 3 и 4 газеты «Социал-Демократ» опубликована статья Ленина «Цель борьбы пролетариата в нашей революции».
- Март, 10 или 11 (23 или 24).* Ленин посылает в Москву для своей книги «Материализм и эмпириокритицизм» «Добавление к § 1-му главы IV. С какой стороны подходил Н. Г. Чернышевский к критике кантианства?».
- Не ранее 23 марта (5 апреля).* Ленин от имени ЦК РСДРП пишет протест в Правление германской социал-демократической рабочей партии против извращения газетой «Vorwärts» существа равногласий среди русских социал-демократов.
- Апрель, 4 (17).* Статья Ленина «Карикатура на большевизм» опубликована в Приложении к № 44 газеты «Пролетарий».
- Апрель, 8 (21).* Статья Ленина «Левение» буржуазии и задачи пролетариата» опубликована в № 44 газеты «Пролетарий».

- Между 29 апреля и 4 мая (12 и 17 мая).* В Москве выходит книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические замечания об одной реакционной философии».
- Конец апреля — первая половина июня.* Ленин проводит подготовку совещания расширенной редакции «Пролетария».
- Май, 8 (21).* Ленин в Париже выступает с докладом в клубе редакции газеты «Пролетарий» на тему «Религия и рабочая партия».
- Май, 13 (26).* Статья Лекина «Об отношении рабочей партии к религии» опубликована передовой в № 45 газеты «Пролетарий».
- Июнь, 4 (17).* Статья Ленина «Классы и партии в их отношении к религии и церкви» опубликована в № 6 газеты «Социал-Демократ».
- Июнь, не позднее 7 (20).* Ленин проводит частное совещание членов редакции газеты «Пролетарий» с представителями от местных социал-демократических организаций, на котором выступает с сообщением о положении дел в партии.
- Июнь, 8—17 (21—30).* Ленин руководит совещанием расширенной редакции «Пролетария», выступает в прениях, вносит поправки к резолюциям, а по отдельным вопросам — проекты резолюций.
По основным вопросам совещание приняло ленинские резолюции.
- Июль, 3 (16).* Написанное Лениным «Извещение о совещании расширенной редакции «Пролетария» опубликовано в Приложении к № 46 газеты «Пролетарий».
- Июль, 11 (24).* В № 46 газеты «Пролетарий» опубликованы статьи Ленина «Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию» (передовая) и «Ликвидация ликвидаторства».
- Июль.* Ленин в беседе с секретарем русской части ЦК дает указание о борьбе с провокаторами, проникающими в ряды партийных организаций.
- Конец июля — август.* Ленин отдыхает с семьей (Н. К. Крупской, ее матерью и М. И. Ульяновой) в деревне Бонбон (департамент Сены и Луары) под Парижем.
- Август, 5 (18).* Ленин в письме организаторам каприйской школы отказывается читать лекции в школе и приглашает учеников школы приехать в Париж для прослушивания лекций лекторов-большевиков.

- Ленин в письме хозяйственной комиссии Большевицкого Центра возражает против помощи Троцкому в издании его венской «Правды».
- Середина августа.* Ленин направляет в Заграничное Бюро ЦК полученный им секретный циркуляр Международного социалистического бюро об организации митингов и собраний протеста против империалистической захватнической политики испанского правительства в Марокко.
- Август, 17 (30).* Ленин в ответном письме слушателям каприйской школы разъясняет антипартийный характер этой школы, подтверждает свой отказ от чтения лекций в ней и приглашает их приехать в Париж.
- Август.* Ленин принимает участие в работе комиссии содействия социал-демократической фракции III Государственной думы.
- Лето.* Ленин посещает Поля Лафарга и беседует с ним о своей книге «Материализм и эмпириокритицизм».
-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	VII
<i>1908 г.</i>	
НА ПРЯМУЮ ДОРОГУ	1—7
О «ПРИРОДЕ» РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	8—14
МАРКСИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ	15—25
ПО ТОРНОЙ ДОРОЖКЕ!	26—32
БЛОК КАДЕТОВ С ОКТЯБРИСТАМИ?	33—34
К ОЦЕНКЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	35—47
КАДЕТЫ ВТОРОГО ПРИЗЫВА	48—52
АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ К КОНЦУ XIX ВЕКА	53—125
I	55
II	65
III	74
IV	86
V	97
VI	105
VII	112
О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ СОВРЕМЕННОГО РАСПАДА	126—134
АГРАРНАЯ ПРОГРАММА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. <i>Автореферат</i>	135—158
ГОРЮЧИЙ МАТЕРИАЛ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ	159—165

ОТ РЕДАКЦИИ	166—167
ВОИНСТВУЮЩИЙ МИЛИТАРИЗМ И АНТИМИЛИТАРИСТСКАЯ ТАКТИКА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ	168—178
I	168
II	170
III	173
ЛЕВ ТОЛСТОЙ, КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	179—186
МИРНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ	187—190
СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛИТИ- ЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	191—197
СОБЫТИЯ НА БАЛКАНАХ И В ПЕРСИИ	198—208
ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО	209—223
П. МАСЛОВ В ИСТЕРИКЕ	224—231
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ «ОТВЕТА» П. МАСЛОВА ОБ ОЦЕНКЕ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА	232—242 243—255
КАК ПЛЕХАНОВ И К^о ЗАЩИЩАЮТ РЕВИЗИОНИЗМ	256—260
ПО ПОВОДУ ДВУХ ПИСЕМ	261—276
АГРАРНЫЕ ПРЕНИЯ В III ДУМЕ	277—290
ПЯТАЯ (ОБЩЕРОССИЙСКАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП 21—27 декабря 1908 г. (3—9 января 1909 г.)	291—301
1. ПРОЕКТ РЕВОЛЮЦИИ О СОВРЕМЕННОМ МОМЕНТЕ И ЗАДАЧАХ ПАРТИИ	293
2. ДИРЕКТИВЫ ДЛЯ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИОН- НОМУ ВОПРОСУ	297
3. ПРАКТИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ПО ВОПРОСУ О БЮД- ЖЕТНЫХ ГОЛОСОВАНИЯХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕ- СКОЙ ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ	298
Первый вариант.....	298
Второй вариант.....	298

4. ДОБАВЛЕНИЕ К РЕЗОЛЮЦИИ «О ДУМСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ»	300
5. ЗАЯВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ. <i>Фактическое заявление</i>	301

1909 г.

КАК СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ПОДВОДЯТ ИТОГИ РЕВОЛЮЦИИ И КАК РЕВОЛЮЦИЯ ПОДВЕЛА ИТОГИ СОЦИАЛИСТАМ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ	302—315
НА ДОРОГУ	316—326
ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «К ОЧЕРЕДНЫМ ВОПРОСАМ»	327—330
ЦЕЛЬ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	331—349
I	331
II	338
III	341
IV	345
V	348
В ПРАВЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ	350—352
КАРИКАТУРА НА БОЛЬШЕВИЗМ	353—363
«ЛЕВЕНИЕ» БУРЖУАЗИИ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА.....	364—370
ОБ ОТНОШЕНИИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ К РЕЛИГИИ.....	371—381
КЛАССЫ И ПАРТИИ В ИХ ОТНОШЕНИИ К РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ	382—390
СОВЕЩАНИЕ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ» 8—17 (21—30) июня 1909 г.	391—416
ИЗВЕЩЕНИЕ О СОВЕЩАНИИ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ».....	393
РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ БОЛЬШЕВИКОВ В ПАРТИИ 11 (24) ИЮНЯ	402
РЕЧЬ И ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ЗАДАЧАХ БОЛЬШЕВИКОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДУМСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	404

РЕЗОЛЮЦИИ СОВЕЩАНИЯ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ»	408
1. Об отзовизме и ультиматизме	408
2. Задачи большевиков в партии	412
3. Об агитации за отдельный от партии большевистский съезд или большевистскую конференцию.....	414
4. О партийной школе, устраиваемой за границей в N.N.....	415
5. Об отколе т. Максимова.....	416
ЛИКВИДАЦИЯ ЛИКВИДАТОРСТВА	417—424
ПОЕЗДКА ЦАРЯ В ЕВРОПУ И НЕКОТОРЫХ ДЕПУТАТОВ ЧЕРНОСОТЕННОЙ ДУМЫ В АНГЛИЮ	425—429
ПО ПОВОДУ ПИСЬМА М. ЛЯДОВА В РЕДАКЦИЮ «ПРОЛЕТАРИЯ»	430
ПИСЬМО ОРГАНИЗАТОРАМ КАПРИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ	431—432
ПРОЕКТ ПИСЬМА БОЛЬШЕВИСТСКОГО ЦЕНТРА СОВЕТУ ШКОЛЫ НА КАПРИ	433—434
ПИСЬМО УЧЕНИКАМ КАПРИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ: ТОВАРИЩАМ ЮЛИЮ, ВАНЕ, САВЕЛИЮ, ИВАНУ, ВЛАДИМИРУ, СТАНИСЛАВУ И ФОМЕ	435—441
<i>Примечания</i>	443—466
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	467—475

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Первая страница газеты «Пролетарий» № 27, (8 апреля) 26 марта 1908 г., со статьями В. И. Ленина «О «природе» русской революции» и «К дебатам о расширении бюджетных прав Думы».....	9
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». — 1908 г.	181
Первая страница Центрального Органа РСДРП — газеты «Социал-Демократ» № 2, 28 января (10 февраля) 1909 г., со статьей В. И. Ленина «На дорогу».....	317
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Речь по вопросу о задачах большевиков в партии» 11 (24) июня. — 1909 г.	402—403

Подписано к печати 28/IX 1947 г.
Объем 30^{1/2} печ. л. + 1 вклейка
(1^{1/2} печ. л.).
Цена 6 р. 50 коп.

★

Напечатано с матриц типографии
ОГИЗа «Печатный Двор»

М-108